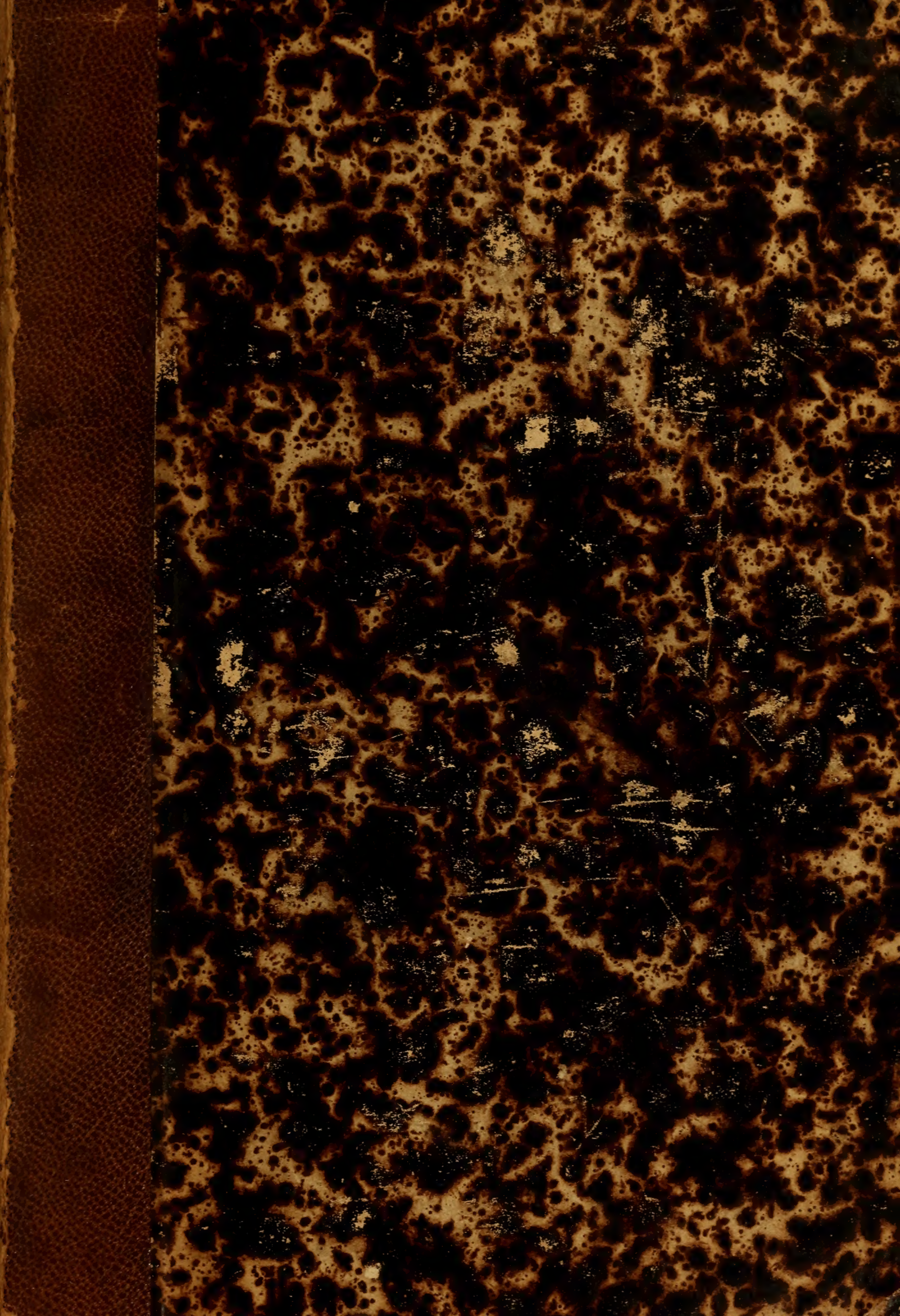


A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

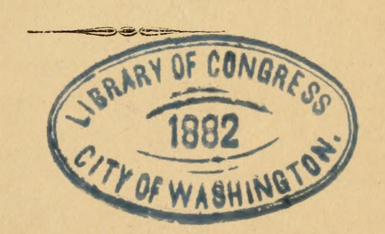
СОЧИНЕНІЯ

ФОНЪ-ВИЗИНА.

Denis Ivanovich

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

Александра Смирдина.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

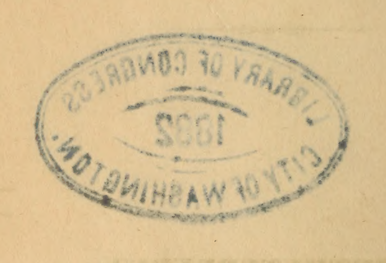
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Апрѣля 1851 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ*.

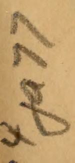


БРИГАДИРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

—

Бригадиръ.

Бригадирша.

Иванушка, сынъ ихъ.

Совѣтникъ.

Совѣтница, жена его.

Софья, дочь совѣтника.

Добролюбовъ, любовникъ Софьи.

Слуга совѣтника.

Дѣйствіе въ домѣ совѣтника.

БРИГАДИРЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ компату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбурѣ.

СОВѢТНИКЪ (*смотря въ календарь*). Такъ, ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

СЫНЪ. Hélas!

БРИГАДИРЪ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой Совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи Бригадиру и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

СОВѢТНИЦА. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

БРИГАДИРША. Ахъ, мать моя! да какая цере-

монія межъ нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочетъ онъ выдать за нашего Ивanушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? А чтобъ лучше на Него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*). Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что̀ знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка, не грѣши ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она

годится быть Коллегіи Президентомъ, — вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

БРИГАДИРЪ. Премудра! вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и Бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ Ея Высокородія.

СЫНЪ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ — голова головы лучше!

СОВѢТНИКЪ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

СЫНЪ. Къ какимъ дѣламъ? Что̀ читать?

БРИГАДИРЪ. Читать? Артикулъ и Уставъ Военный; не худо прочесть также Инструкцію Межевую молодому человѣку.

СОВѢТНИКЪ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

БРИГАДИРША. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки; лучше: плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь

уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

СОВѢТНИЦА. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

СЫНЪ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

СОФЬЯ (*въ сторону*). Для того-то ты и дуракъ.

СЫНЪ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

СОФЬЯ. То, что̀ я о васъ думаю

СЫНЪ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

СОВѢТНИКЪ. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чемъ-то, съ ума сходитъ.

БРИГАДИРЪ. О! это пройдетъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

БРИГАДИРША. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

СОВѢТНИКЪ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

СОВѢТНИЦА. (*вздыхаетъ*). Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне; мы всѣ равны.

СОВѢТНИКЪ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то̀ въ военной службѣ, что̀ я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства расшроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

СОВѢТНИЦА. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

СОВѢТНИКЪ. Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Сѵнода развестись намъ не возможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

СЫНЪ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои,

во Франціи. Онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зять! Какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя. У Него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, мы и деньги считать лѣнимся, — деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я Бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, Который все знаетъ, не извѣстна будто наша Табель о Рангахъ? Стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ диспютировать? Выбрали такую серіозную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ни чего такого, что̀ бы...

Совѣтникъ. Что̀ бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца, или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтницѣ*) Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что̀ у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ. C'est plus intéressant.

Совѣтница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*). Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна! Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ (*въ сторону*). Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что̀ ты это говоришь, сватъ? (*Въ сторону*) Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ,— такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай. жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей-ей будетъ худо!

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чертъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ.

Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? Ученье свѣтъ, неученье тма.

Совѣтникъ. Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось: и то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали Грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ Грамматики, любо дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ Грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, сватъ, Грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать — и не слыхивалъ о Грамматикѣ.

БРИГАДИРША. Конечно, Грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, — а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

СОВѢТНИЦА. Чертъ меня возьми, ежели Грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

СЫНЪ. J'en suis d'accord; на что Грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu ma reine, можно сказать, не заглядывая въ Грамматику.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Слуга.

СЛУГА. Господинъ Добролюбовъ пріѣхать изволилъ.

СОФЬЯ (*въ сторону*). Боже мой! Онъ пріѣхалъ; а я невѣста другому.

СОВѢТНИКЪ. Пойдемъ же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

БРИГАДИРЪ. (*къ Совѣтницѣ*). Не изволите ли и вы проходиться?

СОВѢТНИЦА. Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

СЫНЪ. De tout mon coeur, я съ вами наединѣ быть радъ.

СОВѢТНИКЪ. (*къ Бригадиршѣ*). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

БРИГАДИРША. Изволь, изволь, мой батюшка.

СОВѢТНИЦА (*Софьѣ*). А ты по крайней мѣрѣ сдѣлай компанію своей свекрови.

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Совѣтница и Сынъ.

СЫНЪ. (*садится очень близко Совѣтницы*). Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнаго Совѣтника надобно.

СОВѢТНИЦА. Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подъячими.

СЫНЪ. Онъ, я вижу, походитъ на моего батюшку, который въ свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

СОВѢТНИЦА. Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего: вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!

СЫНЪ. Чертъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

СОВѢТНИЦА. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако очень рѣдко.

СЫНЪ. Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите жъ, сударыня, что̀ вы думаете о моей матери.

СОВѢТНИЦА. Какъ, радость! въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совѣстно.

Сынъ. Пожалуй, говори что изволишь. Я индиферанъ во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница. Не правда ли, что она свѣтъ знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ. Dieu! какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимюлаціи; (*вздохнувъ*) итакъ вы знаете, что я пренесчастливый человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чертъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница. Я сама стражду, душа моя, отъ моего урода. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь въ деревнѣ и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣди наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами. А жены ихъ, ха, ха, ха, ха! жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это — дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полшлафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ: прямыя свиньи....

Сынъ. Pardieu! Поэтому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли вы живете съ такою тварью?

СОВѢТНИЦА. Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ. Онъ увидѣлъ, что ему въ Коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня мучить въ деревню.

СЫНЪ. Которую, конечно, нажилъ до указа.

СОВѢТНИЦА. При всемъ томъ онъ скупъ какъ кремень....

СЫНЪ. Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

СОВѢТНИЦА. Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа: не пропускаетъ ни обѣдни, ни заутрени и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что Онъ за всенощную проститъ ему то, что днемъ наворовано.

СЫНЪ. Напротивъ того, мой отецъ кромѣ зари никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чертъ есть; однако, женяся на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

СОВѢТНИЦА. Перемѣнимъ рѣчь, je vous en prie: мои уши терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

СЫНЪ. Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

СОВѢТНИЦА. Ахъ, душа моя, умираю съ скуки. И если бы поутру не сидѣла я часовъ

трехъ у туалета, то могу сказать: умереть бы все равно для меня было. Я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то и дѣло надѣваю на голову.

Сынъ. По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чертъ ли видитъ то, что̀ скрыто; а наружное всякъ видитъ.

Совѣтница. Такъ, душа моя; я сама съ тобою однихъ сентиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что̀ въ головѣ, того, чертъ меня возьми, примѣтить не могу.

Сынъ. Pardieu, конечно этого и никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница. Послѣ туалета лучшее мое препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сынъ. Вы знаете загадывать, grand Dieu! Я самъ могу назваться пророкомъ. Хотите ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница. Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезычайно.

Сынъ (*придвинувъ столикъ съ картами*). Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ я вамъ.

Совѣтница. Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ. (*подумавъ*). Загадалъ.

СОВѢТНИЦА (*раскладываетъ карты*). Ахъ, что я вижу! Свадьба! (*вздыхаетъ*) Король женится.

СЫНЪ. Боже мой! Онъ женится! Что̀ мнѣ этого несноснѣе!

СОВѢТНИЦА. А дама его не любитъ....

СЫНЪ. Чертъ меня возьми, ежели и я люблю. Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, Madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу?

СОВѢТНИЦА. (*вздыхая и жеманясь*). Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

СЫНЪ. Она постоянна!... О, верхъ моего несчастія! Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то ту же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. Ah, Madame! ежели бъ вы были жена моя, я бы вѣкъ не развелся съ вами.

СОВѢТНИЦА. Ахъ, жизнь моя! Чего не можетъ быть, на что о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

СЫНЪ. Позволь теперь, Madame, отгадать мнѣ что-нибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

СОВѢТНИЦА. Очень хорошо: король трефовый и керовая дама.

СЫНЪ (*разложивъ карты*). Король смертно влюбленъ въ даму.

СОВѢТНИЦА. Ахъ, что я слышу! Я въ восхищеніи. Я внѣ себя съ радости!

СЫНЪ (*посмотрѣвъ на нее съ нѣжностію*). И дама къ нему не безъ склонности.

СОВѢТНИЦА. Ахъ, душа моя, не безъ склонности! Скажи лучше, влюблена до безумія.

СЫНЪ. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобъ свѣдать, кто это керовая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно, это....

СОВѢТНИЦА. Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

СЫНЪ (*съ торопливостію*). Такъ это вы....

СОВѢТНИЦА (*притворясь, будто послѣднее слово дорого ей стоитъ*). Я, я сама.

СЫНЪ (*вздохнувъ*). А кто этотъ преблагополучный трефовый король, который возмогъ пронзить сердце керовой дамы?

СОВѢТНИЦА. Ты хочешь, чтобъ я все вдругъ тебѣ сказала.

СЫНЪ (*вставъ*). Такъ, madame, такъ, я этого хочу; и ежели не я тотъ преблагополучный трефовый король, такъ пламень мой къ вамъ худо награжденъ.

СОВѢТНИЦА. Какъ, и ты ко мнѣ пылаешь?

СЫНЪ (*кинувшись на колѣни*). Ты керовая дама!

СОВѢТНИЦА (*поднимая его*). Ты трефовый король!

Сынъ (*въ восхищеніи*). О, счастье! о, bonheur!

Совѣтница. Можетъ-быть, ты, душа моя, и не вѣдаешь того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова и что онъ самъ въ нее влюбленъ смертно.

Сынъ. Ст! ст! они идутъ. Ежели это правда, oh! que nous sommes heureux! Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они со временемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же. Добролюбовъ и Софья.

Софья. Вы изволили здѣсь остаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобъ вамъ однѣмъ не было скучно.

Добролюбовъ. А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница. Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали въ карты.

Сынъ. Мнѣ кажется, mademoiselle, что вы какъ нарочно пришли сюда свѣдать о вашей свадьбѣ.

Софья. Что это значитъ?

Совѣтница. Мы загадывали о тебѣ; и если вѣрить картамъ, которыя, впрочемъ, никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья. Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ. Вы это знаете: на что жъ вы рискуете?

Софья. Тутъ никакого риска нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отъ роду того не хотѣла, чего отецъ твой хочетъ.

Сынъ. На что такія изъясненія? (*Къ совѣтницѣ*). Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ; не хотите ли вы сойтиться съ компаніею?

Совѣтница. Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы. Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Сынъ (*даетъ ей знаки, чтобъ она Софью и Добролюбова оставила*). Да развѣ вы никогда отсюда выйти не намѣрены?...

Совѣтница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Они насъ оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья. Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ нимало не ревнуетъ.

Добролюбовъ. А мнѣ кажется, что и мачихѣ

твоей не противно бъ было, еслибы твоя свадьба чѣмъ-нибудь разорвалась.

СОФЬЯ. Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень некстати къ нимъ взошли.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

СОФЬЯ. Въ разсужденіи ея кокетства очень простительно, и она лучшаго себѣ любовника найти конечно не можетъ; однако я жалѣю о батюшкѣ.

ДОБРОЛЮБОВЪ. О, пожалуй о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностью глядитъ на Бригадиршу.

СОФЬЯ. Нѣтъ, этого я не думаю. Батюшка мой конечно и для того мачихѣ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Однако онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

СОФЬЯ. Ежели-жъ это правда, то кромѣ Бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единаго.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Правда, только разница состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна того, чтобъ всякій пожелалъ нашего счастія. Ты знаешь, что ежели-бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то-бы я давно уже былъ тобою благополученъ.

Софья. Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнью моею. Я все предпринять готова, лишь-бы только быть твоей женою. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ. Можетъ-быть, и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходитъ къ концу. Оно давно-бъ уже и кончилось, только большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ-поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья. Мы давно заговорились. Намъ надобно идти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Совѣтникъ и Софья.

СОВѢТНИКЪ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

СОФЬЯ. О чемъ изволите, батюшка?

СОВѢТНИКЪ. Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

СОФЬЯ. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

СОВѢТНИКЪ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ, вотъ какъ въ старину бывало.

СОФЬЯ. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

СОВѢТНИКЪ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватый. Бывало....

СОФЬЯ. А правому, батюшка, для чего-жъ быть виноватымъ?

СОВѢТНИКЪ. Для того, что всѣ грѣшны чело-

вѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья. Позвольте мнѣ, батюшка, усомниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый: такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой; а нашъ братъ, судья, для общей пользы, маперовъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. Чего-жъ наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ. Того, чтобы ты мой указъ, идти замужъ, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. Я вамъ должна повиноваться; только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, который набитъ однѣми французскими глупостями, который не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ. Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою тво-

ею, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала Священнаго Писанія.

Софья. По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ. Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Совѣтникъ. Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. Я не думаю, чтобъ будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ, я ни чрезъ то, ни чрезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастію моему, ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

Совѣтникъ. Это все-таки оттого-же, что ты дѣвочка молодая и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямаго пути къ своему спасенію.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія

СОВѢТНИКЪ. А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою: она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; чти ея первую по Бозѣ; угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и ангелы на небесахъ возрадуются.

СОФЬЯ. Какъ, батюшка, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

СОВѢТНИКЪ. Конечно такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимоѳеевна не написана?

СОФЬЯ. Батюшка! Я не знаю, есть ли въ ней она.

СОВѢТНИКЪ. А я вѣрую, что есть. Поди жъ ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

СОФЬЯ. Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія?

СОВѢТНИКЪ. Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Совѣтникъ (*одинъ*).

Она не дура, однако со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями и всѣми моими чувствы. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворитъ со мною Игнатій Андреевичъ, который столько же хранитъ свою супругу, сколько я свою, хотя впрочемъ и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безссорно: вотъ до чего доводитъ къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына, для того только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ, однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Совѣтникъ и Бригадирша.

Совѣтникъ. Охъ!

Бригадирша. О чемъ ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Совѣтникъ. О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша. Ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло?

Совѣтникъ. Охъ, моя матушка! Тѣло мое еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилось оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чѣмъ ты, батюшка, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ. Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша. Да какъ это грѣшатъ окомъ?

Совѣтникъ. Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ..

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обоими. Неужели это грѣшно?

Совѣтникъ. Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око мое меня соблазняетъ и мнѣ исткнуть его необходимо должно для душевнаго спасенія,

БРИГАДИРША. Такъ ты и въ правду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

СОВѢТНИКЪ. Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ сопротивляется, такъ, конечно, и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ однѣ взялися исполнять Писаніе; да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

БРИГАДИРША. Да какой грѣхъ?

СОВѢТНИКЪ. Грѣхъ, ему же вси смертные поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ.... (*съ нѣжностью*) Согрѣшимъ и покаемся.

БРИГАДИРША. Какъ не согрѣшить, батюшка? Единъ Богъ безъ грѣха.

СОВѢТНИКЪ. Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

БРИГАДИРША. Я исповѣдуюся, батюшка, всегда въ Великій Постъ на первой. Да скажи мнѣ, пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

СОВѢТНИКЪ. До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ же, и чтобъ ни что не могло разрушити совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

БРИГАДИРША. А что это, батюшка, совокуп-

леніе? Я церковнаго-то языка столько же мало смыслю, какъ французскаго. Вѣдь кого какъ Господь миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и французскую, и нѣмецкую, и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по-русски-то худо смыслю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

СОВѢТНИКЪ. Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

БРИГАДИРША. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

СОВѢТНИКЪ. Могу ли я просить...

БРИГАДИРША. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ (*Здѣсь входитъ сынъ, а они его не видятъ*).

СОВѢТНИКЪ. Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. (*Становится на колѣни*) Я люблю тебя, моя матушка!... (*Въ самое то время, увидѣвъ Совѣтникъ

сына, вскочилъ; а сынъ хохочетъ и апплодируетъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Сынъ.

СЫНЪ. Bravissimo! bravissimo!

БРИГАДИРША. Что ты, Иванушка, такъ прыгаешь? Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артамону Власьичу: онъ, не знаю, чего-то у меня просить хотѣлъ.

СЫНЪ. Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ déclaration en forme.

СОВѢТНИКЪ. Не осуждай, не осужденъ будеши (*оторопѣвъ, выходитъ*).

БРИГАДИРША. Иванушка! Вытолкуй ты мнѣ лучше, что ты теперь сказалъ.

СЫНЪ. Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь ли хотя это?

БРИГАДИРША. Онъ амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на умѣ!

СЫНЪ. Чертъ меня возьми, ежели это не правда.

БРИГАДИРША. Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь чертомъ не шутятъ. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

СЫНЪ. Матушка, я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что онъ становился на колѣни?

БРИГАДИРША. Я почему знаю, Иванушка! Не

ужели это для амуру? Ахъ, онъ проклятый сынъ! да что онъ это вздумалъ?

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Совѣтница.

СЫНЪ. Madame! я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены. J'ai pensé crever de rire. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ! Ха, ха, хм, ха!

СОВѢТНИЦА. Не въ правду ли? (*Во время рѣчи бригадиршиной отводитъ сына и нѣчто шепчетъ ему*).

БРИГАДИРША (*въ сердцахъ.*) Ахъ, онъ собака! Да что онъ и въ правду затѣялъ! Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? Я теперь же все разскажу Игнатію Андреичу. Пускай-ка онъ ему лобъ раскроитъ по-свойски. Что онъ это вздумалъ? Вѣдь я Бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ! Не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду... (*Сынъ и Совѣтница ухватила ее за полы*).

СЫНЪ. Матушка, постой, постой...

СОВѢТНИЦА. Постой, сударыня.

СЫНЪ. Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

БРИГАДИРША. Какая шутка! Вѣдь я слышала, какъ ты божился.

СОВѢТНИЦА. Онъ, сударыня, конечно шутилъ.

СЫНЪ. Чертъ меня возьми, ежели это была не шутка!

БРИГАДИРША. Какъ, ты и теперь такъ же божишься, батюшка! Что за дьявольщина! Да чему же вѣрить?

СОВѢТНИЦА. Какъ, сударыня, вы не можете шутки отдѣлить отъ серіознаго?

БРИГАДИРША. Да, нельзя, мать моя: вѣдь онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

СОВѢТНИЦА. Да онъ конечно въ шутку и побожился.

СЫНЪ. Конечно въ шутку. Я знавалъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей, et même fort honnêtes gens, которые божбу ни во что ставятъ.

БРИГАДИРША. Такъ ты и заправду, Иванушка, шутилъ!

СЫНЪ. Хотите ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

БРИГАДИРША. Да ты, можетъ быть, опять шутить станешь! То-то... ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

СОВѢТНИЦА. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели бъ это была правда, я сама капабельна взбѣситься.

БРИГАДИРША. Ну, слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. Ты было все дѣло испортилъ. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь бы онъ взбѣсился, и ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ. Madame, ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно; а инако худо подражалъ бы я Французамъ.

Совѣтница. Мы должны, душа моя, о томъ молчать и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, если бъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ. О, vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпѣливость похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница. Вотъ прямыя правила жизни, душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ, и въ Россіи: оно обмануть не можетъ.

Сынъ. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я

вижу, такое же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! Какъ судьбина милосерда; она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава: мы созданы другъ для друга.

Совѣтница. Безъ сомнѣнія, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ. Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты Русская.

Совѣтница. Это ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сынъ. Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница. Что жъ мнѣ дѣлать?

Сынъ. Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамо остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ Французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница. Вѣрно, душа моя! Только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ. А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно; а я а то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по крайней мѣрѣ хотя сколько нибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница. Не то на умѣ у отца твоего. Я

очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю, и Парижу. Словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Сынъ. Какъ! онъ мой риваль?

Совѣтница. Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ. Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница. Какъ, душа моя, ты и съ отцемъ подраться хочешь?

Сынъ. Et pourquoi non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да.... въ книгѣ les sottises du tems, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль.... а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что̀ хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ.

Совѣтница. Твой отецъ очень смѣшонъ... такіе дураки... ахъ, какъ онъ легокъ на поминѣ-то... вотъ онъ и идетъ!

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Бригадиръ.

Бригадиръ. Я ужъ началъ здѣсь хозяйничать. Пришелъ васъ звать къ столу. Да что̀ ты, матушка, разговорилась съ моимъ повѣсою? А ты что̀ здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Сынъ. Батюшка, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ. Да я не хочу.

СОВѢТНИЦА. Да вамъ, сударь, какое до того дѣло?

БРИГАДИРЪ. Мнѣ не хочется, матушка, чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ. Я лучше бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

СОВѢТНИЦА. Говорите, что вамъ угодно.

БРИГАДИРЪ. Мнѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ: онъ вамъ наскучитъ.

СОВѢТНИЦА. Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

БРИГАДИРЪ. Да я безъ тебя скучаю (*Взглянувъ на сына*) Поди ты, вонъ, повѣса!

СОВѢТНИЦА (*къ сыну*). Когда время итти къ столу, такъ пойдемъ. (*Подаетъ ему руку; онъ ведетъ ее, жеманяся, а Бригадиръ, идучи за нимъ, говоритъ*:

БРИГАДИРЪ. Добро, Иванъ! будетъ то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадиръ и Сынъ.

БРИГАДИРЪ. Слушай, Иванъ, я рѣдко съ молоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

СЫНЪ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

БРИГАДИРЪ. Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

СЫНЪ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ французской.

БРИГАДИРЪ. Однако ты все таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

СЫНЪ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

БРИГАДИРЪ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакой оселъ!

СЫНЪ. Этакой оселъ! (*Въ сторону*) Il ne me flatte pas.... Я вамъ еще сказываю, батюшка,

je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

БРИГАДИРЪ. Дурачина! дурачина! Что̀ ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

СЫНЪ. Je m'en moque.

БРИГАДИРЪ. Что это за манмокъ?

СЫНЪ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ, я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ....

БРИГАДИРЪ. О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

СЫНЪ. Батюшка, вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фронтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

БРИГАДИРЪ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

*

СЫНЪ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

БРИГАДИРЪ. Этакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

СЫНЪ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

БРИГАДИРЪ. Дуралей! я твой отецъ.

СЫНЪ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

БРИГАДИРЪ. Это къ чему? Конечно, всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

СЫНЪ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

БРИГАДИРЪ. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

СЫНЪ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ; то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцемъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакой скосырь выѣхалъ!

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бригадиръ.

Бригадирша. Что за шушъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего нибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша. (*запыхаясь*). Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша. (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямъ не пропало ль что нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него? А безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать : ахъ, батюшка, нѣтъ, мой батюшка! чтò ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой!—Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (*зѣваетъ*). Quelles espèces!

Бригадиръ. Вотъ, говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я?

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Совѣтница.

Совѣтница. Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно ль, чтобъ я стерпѣла здѣсьтакое barbarie?

Бригадиръ. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница. Какъ, вы хотите почить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадиръ. Да вѣдь, матушка, у него не только-что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра, или не будутъ.

БРИГАДИРША. Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

СЫНЪ (*къ Совѣтницѣ*). C'est l'homme le plus bourru, que je connais.

СОВѢТНИЦА. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня безпокоитъ?

БРИГАДИРЪ. А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ безпокоитъ.

СОВѢТНИЦА. Нимало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

БРИГАДИРЪ. Не вижу; да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

СОВѢТНИЦА. Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

БРИГАДИРША. Только ль, матушка, что въ Парижѣ? Онъ былъ еще во Франціи. Шутка ль это!

БРИГАДИРЪ. Жена, не полно ль тебѣ врать?

БРИГАДИРША. Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ.

БРИГАДИРЪ. Говори, да не ври.

СОВѢТНИЦА (*къ Бригадиру*). Вы, конечно, не слыхали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ.

БРИГАДИРЪ. Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

СОВѢТНИЦА. Скажите лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, Monsieur, попрошу теперь, чтобъ вы о своемъ вояжѣ что нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ. De tout mon coeur, Madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, остановитъ....

Совѣтница. Онъ для меня этого, конечно, не сдѣлаетъ.

Бригадиръ. Для васъ, а ни для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ. Съ чего жъ начать? par où commencer?

Совѣтница. Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился, и чѣмъ вы, Monsieur, понравились Парижу.

Сынъ. Парижъ понравился мнѣ, во-первыхъ, тѣмъ, что всякій отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ. Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница. Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ. Я виноватъ, матушка, и для васъ, а ни для кого болѣе, молчать буду.

Совѣтница (*къ сыну*). Продолжайте, Monsieur, contniuez.

Сынъ. Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ ра-

дость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что̀ они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Не должны ли вы прійти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (*плача*). Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Что жъ вы ничего не говорите?

Бригадиръ. Я, матушка, боюсь васъ прогнѣвать, а безъ того бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница. Continuez, душа моя.

Сынъ. Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть не Русскіе.

Совѣтница. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебѣ изрядную идею. Не правда ли, что во Франціи живутъ по большей части Французы?

Сынъ (*съ восторгомъ*). Vous avez le don de déviner.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка! неужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы, всѣ Русскіе?

Сынъ. Не такіе какъ вы; а не какъ я.

Бригадирша. Для чего же? Вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. N'importe! Всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ,

не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русскій.

СОВѢТНИЦА. Скажи мнѣ, жизнь моя, можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они Русскіе?

СЫНЪ. Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено; однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion.

БРИГАДИРЪ (*къ Совѣтницѣ*). Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

СЫНЪ (*къ Совѣтницѣ*). Cela m'excède, je me retire (*выходитъ*).

БРИГАДИРША (*къ Совѣтницѣ*). Что̀ онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ ли, Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойти посмотрѣть-было.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтница.

СОВѢТНИЦА. Вотъ что вы сдѣлали! вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

БРИГАДИРЪ. А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

СОВѢТНИЦА. Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

БРИГАДИРЪ. Надъ тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтобъ меня ту минуту аркибузировали, въ которую помышлю я о тебѣ худо.

СОВѢТНИЦА. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

БРИГАДИРЪ. Не за что, матушка.

СОВѢТНИЦА. Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей.

БРИГАДИРЪ. Теперь для васъ ему спускаю; однако, рано или поздно, я изъ него французскій духъ вышибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скученъ.

СОВѢТНИЦА. Вы ошиблись. Перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

БРИГАДИРЪ. Какими?

СОВѢТНИЦА. Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ разсказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

БРИГАДИРЪ. Я бы хотѣлъ такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако таить нечего: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ разскажу, какъ мы Турокъ наповалъ положили; я не жалѣлъ бусурманской

крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не такъ опасно, какъ теперь.

СОВѢТНИЦА. Какъ теперь? Что̀ это такое?

БРИГАДИРЪ. Это то, о чемъ я, матушка, съ тобой давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякій разъ; и ежели тебѣ угодно, то я его завтра же за это безъ живота сдѣлаю.

СОВѢТНИЦА. За что, сударь, хотите вы его такъ изувѣчить?

БРИГАДИРЪ. За то, что, можетъ быть, безъ него я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

СОВѢТНИЦА. Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

БРИГАДИРЪ. Я чиновъ не люблю, я хочу одно изъ двухъ: да, или нѣтъ.

СОВѢТНИЦА. Да чего вы хотите? Что̀ вы такъ перемѣнились?

БРИГАДИРЪ. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи!

СОВѢТНИЦА. Что это за тревога?

БРИГАДИРЪ Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первый ихъ выстрѣлъ прострѣлилъ уже навылетъ мое сердце, и прежде нежели они меня ухлопаютъ, сдаюсь я твоимъ военноплѣннымъ.

СОВѢТНИЦА. Я, сударь, дискуру твоего вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

БРИГАДИРЪ. Постой, матушка! Я тебѣ вытолкую все гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же. Совѣтникъ и Добролюбовъ.

СОВѢТНИКЪ (*къ Добролюбову*). Такъ дѣло твое уже рѣшено?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Рѣшено, сударь.

БРИГАДИРЪ. О, чертъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить.

СОВѢТНИЦА. Что жъ вы, сударь?

БРИГАДИРЪ. Матушка, это не такое дѣло, о которомъ бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ. (*Выходя*) Я съ досады тресну!

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Совѣтникъ, Добролюбовъ, Совѣтница.

СОВѢТНИКЪ. Да ты какъ рано о дѣлѣ своемъ свѣдалъ?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Сейчасъ.

СОВѢТНИЦА. Какъ, вы вашъ процессъ выиграли?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

СОВѢТНИКЪ. Двѣ тысячи душъ! О, Создатель мой, Господи! и при твоихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ!

СОВѢТНИЦА. Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Нѣтъ, сударыня.

СОВѢТНИЦА. Жаль: это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

СОВѢТНИКЪ. Однако, ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, онѣ всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ а достоинства безъ нихъ—какія къ черту достоинства! Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

СОВѢТНИКЪ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой... Какъ же ты до-

шелъ до того, что накопецъ дѣло твое рѣшено стало?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Мы счастливы тѣмъ, что всякій, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти накопецъ прямо къ высшему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

СОВѢТНИКЪ. Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты могъ идти далѣе; ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣе-то съ нимъ пошелъ?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Я бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не сталъ бы трудить судебное мѣсто.

СОВѢТНИКЪ. Такъ хорошее ли это дѣло? А въ мое время всякій и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣй не совались. У насъ была пословица: «до Бога высоко, до Царя далеко.»

СОВѢТНИЦА. (*къ Добролюбову*). Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя этаблировать, время жениться.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

СОВѢТНИКЪ. Другъ мой сердечный, ты былъ

недостаточенъ, да къ тому же и мои обстоятельства не таковы, чтобъ....

Совѣтница. Я, съ моей стороны, никогда въ нашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ. Однако я уже льститься могу...

Совѣтникъ. Теперь мнѣ ни того, ни другаго сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше, да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить неловко. Я всегда интересныя дѣла рѣшалъ по утрамъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

═

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья. А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ перемѣнить его намѣренія.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Однако я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любитъ богатство; а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

СОФЬЯ. Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтобъ судьба твоя съ моей соединилась; я однако и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Мое состояніе до тѣхъ поръ несчастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ оно. Тебѣ извѣстно мое сердце...

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же. Бригадирша.

ДОБРОЛЮБОВЪ. (*видя что Бригадирша слезы отираетъ*). О чемъ вы плакали, сударыня?

БРИГАДИРША. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

СОФЬЯ. Что такое, сударыня?

БРИГАДИРША. Закажу и другу, и ворогу идти замужъ.

СОФЬЯ. Какъ, сударыня? Можете ли вы го-

ворить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

БРИГАДИРША. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

БРИГАДИРША. И вѣдомо.

СОФЬЯ. Какъ же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, сударыня, что нибудь одно.

БРИГАДИРША. Ты изволь говорить; а мнѣ что?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Что же вамъ угодно?

БРИГАДИРША. Ничего. Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

СОФЬЯ. Да о чемъ же?

БРИГАДИРЪ. (*плача*) О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напалъ на меня ни за что, ни про что. Ругалъ, ругалъ, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Конечно видимъ, сударыня.

СОФЬЯ. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

БРИГАДИРША. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутаго нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго ль до бѣды: раскроитъ черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

БРИГАДИРША. До лихаго часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. То онъ силенъ, матушка. Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились,—не взвидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а онъ, мой батюшки, хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бригадирша. Недѣль чрезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было, чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по про-

званью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Какъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай ни вынеси за что̀. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что̀ возмущаетъ человѣство.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть капитаншѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же. Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница (*сыну*). Не угодно ли сыграть партію въ карты?

Сынъ. Съ великою охотою, avec plaisir.

Совѣтница. Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. (*Къ Добролюбову*). Не изволите ли вы здѣсь партію въ кадриль?

Добролюбовъ. Если вамъ угодно. (*Между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты*).

Сынъ (*разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ. Къ Совѣтницѣ*). Madame. (*Къ Бригадиршѣ*). Madame.

Бригадиръ. Это на что, Иванушка? Да коли

играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшка, нынѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ. Это для мѣстъ.

Бригадирша. И! мнѣ и такъ, по милости хозяйской, мѣсто будетъ.

Сынъ. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мнѣ, батюшка, въ одной карточкѣ?

Советница. Играете ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя, я и слыхомъ не слыхала, что это.

Совѣтница. (*къ Софьѣ*). Такъ возьмите вы.

Сынъ. Mademoiselle. (*Подаетъ карты и всѣ садятся, между тѣмъ какъ сынъ сдаетъ карты*).

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же. Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба, здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ. А ты не изволишь ли со мною игорку въ шахматы, въ большую?

Бригадиръ. Давай, бери. (*Садятся въ другомъ концѣ. Между тѣмъ Совѣтникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и одинъ другому говоритъ*): я такъ, (*а тотъ ему*) а я такъ.

Совѣтница. Въ кёрахъ волю.

Сынъ. Passe (*и всѣ пасуютъ*).

Совѣтница. Они и они.

Бригадирша. Что за околесница—они и они? кто это они?

Совѣтникъ. (*услышавъ ея вопросъ*). Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешь, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка, ужъ чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куда мудренъ народъ! (*Заглянувъ къ сыну въ карты*) Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей!

Сынъ. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre.

Совѣтница. И впрямъ, сударыня, вы бы могли это держать только на умѣ.... Реквзъ!

Бригадиръ (*вслушавшись въ рѣчь Совѣтницы*). На умѣ? Было бы на чемъ! ..... Шахъ!

Совѣтникъ. Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ. Не шути, сватушка.

Сынъ. (*показавъ карты*). Санпрандеръ шесть матедоровъ.

Бригадирша. Что̀, мой батюшка, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры; а бывало, такъ всѣ въ дураки игрывали.

Совѣтникъ. Такъ, матушка моя, мало ли что бывало, и чего нѣтъ,—чего не бывало, и что есть.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка. Бывало, и

я въ людяхъ; а нынѣ,—что ужъ и говорить,— старость пришла, ужъ и памяти нѣтъ.

БРИГАДИРЪ. А ума не бывало.

СЫНЪ. (*поетъ французскую пѣсню; Совѣтница пристаетъ къ нему. Къ Совѣтницѣ*) Madame, мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какой нибудь эръ.

БРИГАДИРША. Что пропѣть? И, мой батюшка, голосу нѣтъ; духъ занимаетъ.... Да что̀ это у васъ за игра идетъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ, или въ дураки; а всего веселѣй, бывало, въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого пигусъ, тотъ и вышелъ; а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешь?

СОВѢТНИКЪ. (*смѣется съ нѣжностію*). Ха, ха, ха! Я самъ игрывалъ, бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

ДОБРОЛЮБОВЪ. Медіаторъ.

БРИГАДИРША. Такъ, мой батюшка! (*Схватила однѣ карты и подбѣжала къ Совѣтнику*) Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: съ той стороны не проси вотъ этого, а съ этой этого; а потомъ (*держа въ одной рукѣ карты, однимъ пальцемъ шмыгаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ остановляеть игру въ шахматы и смотритъ на нее съ нѣжностью*) тотъ и выглядываетъ карточку; а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дранье; тамъ розно: краля по щекѣ, холопъ за ухо волокъ.

БРИГАДИРЪ. Жена, давай-ко со мнѳю въ хрюшки! (*Встаетъ Къ Совѣтнику*) Воля твоя, мы этакъ вѣкъ не кончимъ.

СЫНЪ. Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала?

БРИГАДИРША. Здѣсь, Иванушка.

СЫНЪ. (*вскоча*). Il est impossible de jouer. (*Всѣ встаютъ*)

БРИГАДИРША. Да я вамъ что̀, мой батюшка, помѣшала? Вѣдь у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

БРИГАДИРЪ. Слушай, жена: ты куда ни придешь, вездѣ напроказишь.

БРИГАДИРША. Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала? Ты бы зналъ выступалъ своей игрой. Вѣдь я къ нему подошла (*указывая на Совѣтника*), а не къ тебѣ.

БРИГАДИРЪ. У кого нѣтъ ума, тотъ, подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

БРИГАДИРША. Вотъ такъ; я же виновата стала.

СЫНЪ. Матушка, да развѣ я виноватъ? (*указывая на Добролюбова*) ou ce Monsieur (*указывая на женщинъ*) ou ces Dames?

СОВѢТНИКЪ. Полно, зятюшка: тебѣ бы и грѣшно было упрекать родшую.

СОВѢТНИЦА. А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

БРИГАДИРЪ. Я, сватъ, тебя люблю; а съ женою моей пожалуй ты не мири меня. Развѣ ты,

сватъ, не вѣдаешь пословицы; «свои собаки грызутся, чужая не приставай».

сынъ. Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда ли (*къ Добролюбоеу*), Monsieur?

добролюбовъ. Я знаю много и русскихъ очень справедливыхъ; не правда ли, сударыня (*къ Софьѣ*)?

софья. Правда.

сынъ. (*къ Софьѣ*). А какія жъ?

софья. Напримѣръ, сударь: «ври дуракъ что̀ хочешь, со вранья пошлинъ не берутъ».

бригадирша. Такъ, матушка, ай люблю! Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ее, такъ дуракъ-отъ выйдешь ты.

сынъ. Par quelle raison?

совѣтница. По какому резону?

бригадиръ. По такому, матушка, что онъ вретъ безпошлинно.

бригадирша. Слава Богу, милость Божія, что на вранье-то пошлинъ нѣтъ. Вѣдь куда бы какое всѣмъ намъ было разоренье!

бригадиръ. А особливо тебѣ: ты бы часовъ въ пять, шесть пошла по міру.

совѣтникъ. Не гнѣвайся, матушка, на своего супруга: на него сегодня худой стихъ нашелъ.

бригадирша. И, мой батюшка, мнѣ ль сердиться, когда онъ гнѣвается; мое дѣло убираться теперь далѣй (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бигадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Сынъ и Софья.

БРИГАДИРЪ. Дѣло и сдѣлала.

СОВѢТНИЦА (*къ Софьѣ*). Подижъ, сударыня, къ своей свекрови. Вѣдь ей не одной сидѣть тамъ.

СОФЬЯ. Иду, сударыря (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ и Сынъ.

СОВѢТНИКЪ. Воля твоя, братецъ, ты весьма худо поступаешь съ своею супругою.

БРИГАДИРЪ. А она весьма худо со мной.

СОВѢТНИЦА. Чѣмъ же, сударь?

БРИГАДИРША. Тѣмъ матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась долго, грѣха много не кстати.

СОВѢТНИКЪ. Какъ не стати? что жъ ты и заправду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтнее здоровье и долгіе вѣки. Съ умомъ ли ты! кому ты желаешь смерти?

СЫНЪ. Желать смерти никому не надобно, mon cher pere, ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ. Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако все больше ей хочу добра, нежели ты намъ обоимъ.

Сынъ. Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ. Говори ее тогда, когда спрашиваютъ.

Совѣтница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ?

Бригадирша. Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ. Батюшка, я негодница; Je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, Monsieur, (*къ Добролюбову*) конечно сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ. А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ. Такъ, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже.

Совѣтникъ. Э! Господа Бога не боишься ты, сватушка, за что ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ назваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

БРИГАДИРЪ. Какихъ?

СОВѢТНИКЪ. Она смирна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица (*вздыхая*) и вѣрна яко горлица.

БРИГАДИРЪ. Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ бы кто... какъ сова.

СОВѢТНИКЪ. Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

БРИГАДИРЪ. Денную дуру къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

СОВѢТНИКЪ. Однако она все тебѣ вѣрна пребываетъ.

СОВѢТНИЦА. Въ самомъ дѣлѣ много въ ней добродѣтели, если она васъ любитъ.

БРИГАДИРЪ. Да кого же ей любить то, ежели не меня? Мнѣ дурно самому о себѣ хвастать; а право, я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то есть, она по мнѣ стала бригадиршей, а не я по женѣ бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надобно: такъ какъ же ей другаго-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ бы ея добродѣтель; а особливо когда бы поискалъ въ ней кто нибудь также изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ.

СОВѢТНИКЪ. Нѣтъ, братецъ, не говори того; супруга твоя воистинну не такова. Да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ; а хотя бы достойный и предостойный человѣкъ поискалъ въ ней, право бы ничего не нашелъ. Вѣдь это, мой другъ, не городъ,—штурмомъ не возьмешь.

Бригадиръ. Ты говоришь это, а я знаю, каковъ я.

Сынъ. Что жъ вы, батюшка? Ха, ха, ха, ха! неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ. Иванъ! мнѣ кажется, нѣтъ ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница. Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ того, что онъ думаетъ? Вы ужасть какъ бизарны! (*Къ Сыну и Добролюбоеу*) Messieurs! я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискуры и васъ прошу сдѣлать то же.

Сынъ. Я иду за вами. Adieu, Messieurs!

Добролюбовъ. Я волѣ вашей повинуюсь.

—

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Бригадиръ и Совѣтникъ.

Совѣтникъ. И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ. Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ. Я того не примѣчаю.

Бригадиръ. Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ. А что же?

Бригадиръ. Ничего, сватъ; однако я моей

женѣ не совѣтовалъ бы за чужаго дѣтину такъ горячо при мнѣ вступаться.

СОВѢТНИКЪ. Ты думаешь, братецъ, что и я спустилъ бы женѣ моей, ежелибъ усмотрѣлъ я что нибудь у нея благое на умѣ... Слава Богу, у меня глаза-то есть: я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрятъ, да не видятъ.

БРИГАДИРЪ. Я, съ моей стороны, спокоенъ: жена моя другаго не полюбитъ.

СОВѢТНИКЪ. Цѣломудріе ся извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестьми.

БРИГАДИРЪ. Однако такого дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

СОВѢТНИКЪ. Да за что же ты бранишься?

БРИГАДИРЪ. Кого? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что этакого скота еще не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

СОВѢТНИКЪ. Да за что же ты бранишься?

БРИГАДИРЪ. Будто я бранюсь, когда говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою?

СОВѢТНИКЪ. Будто ты и не бранишься? (*съ сердцемъ*). Почему же тотъ дуракъ, который бы плѣнился Акулиной Тимоѳеевной?

БРИГАДИРЪ. Потому что она дура.

СОВѢТНИКЪ. А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

БРИГАДИРЪ. Для чего не напечатать! Я слы-

халъ сватъ, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей.

Совѣтникъ. Возможно ли тому статься, чтобъ въ книгахъ врали? Да вѣдаешь ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ православнымъ. Видно, вѣра-то у насъ пошатнулась; еретиковъ стало больше.

Бригадиръ. А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не отъ того, чтобъ больше стало еретиковъ, а развѣ отъ того, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ. А я говорю о твоей супругѣ и всегда скажу, что нѣтъ ея разумнѣе.

Бригадиръ. Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ. Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ много вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ. Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, что ты не видишь.

Совѣтникъ. А что бы такое?

Бригадиръ. То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ. Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моей женою. Для счастья мужей дай, Го-

споди Боже, чтобъ всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ. Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ. Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ. А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ. Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жены могли отъ насъ полюбить чужаго мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятнадцать и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъ же жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безчастенъ.

Бригадиръ. Разумѣю.

Совѣтникъ. Жена, какая бы ни была, да только ежели у добраго мужа, то ей и на умъ не вспадетъ полюбить другаго.

Бригадиръ. Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-маіоръ, — до имени нужды нѣтъ, — мужикъ не觉 дуракъ и на взглядъ дѣтина добръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше....

Совѣтникъ. Этому статься нельзя, братецъ.

Бригадиръ. Однако я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ. Только все не такъ крупенъ, ты какъ сказываешь. Правда, что и въ нашей

Коллегіи былъ одинъ канцеляристъ, чуть не впятеро меня толще....

БРИГАДИРЪ. Этому статься нельзя, братецъ.

СОВѢТНИКЪ. Конечно такъ. Когда я былъ въ Коллегіи, тогда отъ президента до сторожа, всѣ были люди дородные.

БРИГАДИРЪ. Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чемъ бишь я тебѣ хотѣлъ сказывать?

СОВѢТНИКЪ. Право, не знаю.

БРИГАДИРЪ. И я не вѣдаю... о чемъ бишь... да, о секундъ-маіорѣ. Онъ былъ мужикъ предорогой; цѣлый полкъ зналъ, что жена его любила нашего полковника, подполковника, преміеръ-маіора, или, лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ и оберъ-офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачій сынъ, и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она кромѣ его кого нибудь полюбить могла.

СОВѢТНИКЪ. Что жъ мы такъ долго одни заговорились?

БРИГАДИРЪ. О дѣлѣ я говорить нескучливъ; однако пойдемъ туда, гдѣ всѣ. (*Выходя*) Впрямь, ежели не переставать разсказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

СОВѢТНИКЪ. Пойдемъ же, пойдемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

═

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадирша и сынъ.

БРИГАДИРЪ. Не упрямся, Иванушка. Для чего тебѣ не жениться?

СЫНЪ. Матушка, довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ.

БРИГАДИРША. А что жъ бы такое, другъ мой? развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что деньженокъ у насъ немного: однако жъ онѣ не переводятся.

СЫНЪ. Мало иль ничего, c'est la même chose, для меня все равно.

БРИГАДИРША. Какъ все равно, батюшка! Случится иногда и въ десяти копѣйкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь. Ужъ куда, право, нынѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копѣекъ за пометъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

СЫНЪ. Матушка, я хочу быть лучше голоденъ, нежли сытъ за гривну.

БРИГАДИРША. Куда больно, Иванушка! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко

завтра, такъ ты не бойсь и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

СЫНЪ. Въ случаѣ голода, осмѣливаюся думать, что и природный Французъ унизилъ бы себя кушать наши сухари.... Матушка, когда вы говорите о чемъ нибудь русскомъ, тогда желалъ бы я отъ васъ быть на сто миль французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

БРИГАДИРША. Какъ же, Иванушка? Вѣдь мы ужъ на словѣ положили?

СЫНЪ. Да я нѣтъ.

БРИГАДИРША. Да что намъ до этого? Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся.

СЫНЪ. Какъ, ma mére, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

БРИГАДИРША. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

СЫНЪ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

БРИГАДИРША. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

СЫНЪ. Dieu m'en préserve!

БРИГАДИРША. Буди съ вами милость Божія и мое благословеніе.

СЫНЪ. Trés obligé.

БРИГАДИРША. Или я глуха стала, или ты.

СЫНЪ. Ni l'un, ni l'autre.

БРИГАДИРША. Что это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говоришь?

СЫНЪ. Виноватъ; я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по-русски.

БРИГАДИРША. Иванушка, другъ мой, или ты выучи меня по французскому, или самъ разучись. Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить (*отходитъ*).

СЫНЪ. Какъ изволишь.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сынъ и Совѣтница.

СОВѢТНИЦА. Знаешь ли что, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

СЫНЪ. Madame, возможно ли скрыть пожаръ, и такой сильный, car je brûle—moi.

СОВѢТНИЦА. Я боюсь того, чтобъ, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой не пришли его тушить.

СЫНЪ. Такъ, vous avez raison: это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

СОВѢТНИЦА. А особливо мужъ мой. Ему ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ быть замѣшану mal à propos въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ, и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

СЫНЪ. Vous avez raison. И какая бы ему тутъ была нужда?

СОВѢТНИЦА. Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

СЫНЪ. Тѣмъ лучше: par conséquent! ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

СОВѢТНИЦА. Конечно, онъ самъ себѣ контрадируетъ.

СЫНЪ. Madame, ты не была въ Парижѣ, а знаешь всѣ французскія слова (*Садятся оба).* Avouez, (*съ веселымъ видомъ*) не имѣла ли ты коннесансу съ какимъ Французомъ?

СОВѢТНИЦА (*застыдясь*). Нѣтъ, душа моя. Мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

СЫНЪ. Et pourquoi? Тамъ развѣ мало Французовъ?

СОВѢТНИЦА. Я никого не знала, (*съ презрѣніемъ*) кромѣ учителей.

СЫНЪ. Да знаешь ли ты, каковы наши французскіе учители? Даромъ что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, одна-

ко для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь ли ты, что я,—я, котораго ты видишь, —я до отъѣзда моего въ Парижъ, былъ здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера.

Совѣтница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего часа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ французскимъ кучерамъ.

Сынъ. Я совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ Французамъ и за холодность мою къ Русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели бъ malheureusement я попался къ Русскому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница. Счастіе твое и мое, душа моя, что ты попался къ французскому кучеру.

Сынъ. Однако оставимъ кучера и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница. Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую.

Сынъ. Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнаго.

Совѣтница. Говори же.

Сынъ. Намъ надобно взять свои мѣры; prendre nos mesures. (*Входитъ съ одного конца Бригадиръ, съ другаго Совѣтникъ; а они, не видя ихъ, продолжаютъ*).

Совѣтница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сынъ. На все? (*Кидается на колѣни*) Idole de mon âme!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба! это что? На яву, или во снѣ?

Совѣтникъ. Съ нами Богъ! Ужъ не обмороченъ ли я?

Сынъ (*вскоча и оторопѣвъ*). Serviteur très-humble.

Бригадиръ. Теперь я съ тобой, Иванъ, по-русски поговорить хочу.

Совѣтница (*къ Совѣтнику*). Ты, мой батюшка, внѣ себя. Что тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (*съ яростію*). Что мнѣ сдѣлалось, проклятая! А развѣ не ты, говоря съ этимъ повѣсою, на все соглашалась?

Сынъ. Да вы за что меня браните? Пусть изволитъ меня бранить батюшка.

Бригадиръ. Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Совѣтница. Какъ! вы его за то бить хотите, что онъ изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ. Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, видѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ. О, Создатель мой, Господи! При-

ходило ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзское дѣло!

БРИГАДИРЪ. Я, братецъ, тебѣ, помнишь, говорилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что и вышло! Мы съ тобою породнились, да не съ той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя то же (*въ сторону*), да и я не меньше.

СЫНЪ (*къ Совѣтнику*). Не все ли равно, Monsieur: вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно...

СОВѢТНИКЪ. О, злодѣйка! ты лишила меня чести—моего послѣдняго сокровища.

БРИГАДИРЪ (*осердясь*). Ежели у тебя, сватъ, только сокровища и осталось, то не слишкомъ же ты богатъ: не за чѣмъ и гнаться.

СОВѢТНИКЪ. Разсуди жъ ты самъ, разумный человѣкъ, и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ въ какія руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

БРИГАДИРША. Сокровище! что за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли? Дай-то Господи.

БРИГАДИРЪ. Кладъ не кладъ, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

БРИГАДИРША. Что̀ такое?

БРИГАДИРЪ (*указывая на Совѣтника*). Вотъ онъ въ прибыляхъ.

Совѣтникъ (*Бригадирш̀ѣ*). Проклятая жена моя, не убояся Бога, не устыдясь добрыхъ людей, полюбила сына твоего, а моего нареченнаго зятя!

Бригадирша. Ха, ха, ха! какая околесница, мой батюшка! У Иванушки есть невѣста; такъ какъ ему полюбить ее? Это не водится.

Сынъ. Конечно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle, честнымъ людямъ сердиться невозможно. Между людьми, знающими свѣтъ, этому смѣются.

Бригадиръ. Кабы кто нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не сталъ отъ него ждать дальнихъ разговоровъ: отсочилъ бы ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ. Нѣтъ, государь мой; я знаю, что̀ съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезчестилъ; а сколько мнѣ безчестья положено по указамъ, объ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша. Какъ, намъ платить безчестье? Напомни Бога, за что?

Совѣтникъ. За то, моя матушка, что мнѣ всего дороже, честь... Я всѣ денежки, опредѣленныя мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни полушки.

Бригадиръ. Слушай, братъ: коли впрямъ дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя. Вѣдь они обезчестили тебя за одно.

БРИГАДИРША. И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

СОВѢТНИЦА (*къ мужу*). Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

СОВѢТНИКЪ. Загради уста свои, проклятая!

СОФЬЯ. Батюшка! послѣ такого поступка, который сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь мою за него не выйду.

СОВѢТНИКЪ. Я на это согласенъ.

ДОБРОЛЮБОВЪ (*Софьѣ*). Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

БРИГАДИРЪ. И я не хочу того, чтобъ сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тещу; а съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ (*указываетъ палкою*).

СОВѢТНИКЪ. Такъ, государь мой, ты палкою, а я монетою.

СЫНЪ. Батюшка, вы не слушайте его: онъ не достоинъ имѣть ее женою.

СОВѢТНИЦА. Измѣнникъ! варваръ! тиранъ!

СОВѢТНИКЪ (*оторопѣвъ*). Что, что такое?

СЫНЪ (*къ Совѣтнику*). Развѣ не я видѣлъ, какъ вы становились на колѣни передъ матушкою?

БРИГАДИРЪ. Кто на колѣни? Ба! передъ кѣмъ?

СЫНЪ. Онъ передъ моей матушкою.

БРИГАДИРЪ. Слышишь ли, другъ мой. А что это?

СОВѢТНИКЪ. Не смѣю воззрѣти на небо.

БРИГАДИРЪ (*къ Бригадиршѣ*). Онъ за тобою

волочился; а ты мнѣ этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша. Батюшка мой, Игнатій Андреевичъ, какъ передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

Бригадиръ. Братъ, съ Иваномъ-то я раздѣлаюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходитъ, только не въ безчестьѣ, а въ увѣчьѣ.

Совѣтникъ (*струсл*). Ваше Высокородіе! и Господь кающагося пріемлетъ. Прости меня, согрѣшихъ предъ тобою.

Сынъ. Mon père! Изъ благопристойности...

Бригадиръ. Не учи ты меня, Иванъ; не забудь того, что я тебя бить сбираюсь.

Совѣтница. Что жъ ты и въ правду затѣялъ? (*Приступя къ нему*) Развѣ не ты объявилъ мнѣ здѣсь на этомъ мѣстѣ любовь свою?

Совѣтникъ. Какъ? Что̀ такое, государь, мой...

Бригадиръ (*тише*). Чего изволишь?

Совѣтникъ. О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ. Обо мнѣ.

Совѣтникъ. Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой за тѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадеръ. Коли такъ, то я назадъ поѣду.

Совѣтникъ. Не мѣшкавъ ни часа.

Бригадиръ. Ни минуты. Видно, что я къ честнымъ и заслуженнымъ людямъ въ руки попался. Иванъ, вели скорѣй подать коляску.

Жена! сей минуты выѣдемъ вонъ изъ такого дома, гдѣ я, и честный человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ.

БРИГАДИРША. Батюшка мой, дай мнѣ хоть прибрать кое-что.

БРИГАДИРЪ. Въ чемъ стоишь, въ томъ со двора долой!

СОВѢТНИКЪ. А что̀ останется, то мое.

СЫНЪ (*къ Совѣтницѣ кинувшись*). Прости, la moitié de mon âme.

СОВѢТНИЦА (*кинувшись къ сыну*). Adieu, полдуши моей!

(*Бригадиръ и Совѣтникъ кидаются разнимать ихъ.*)

БРИГАДИРЪ. Куда, собака?

СОВѢТНИКЪ. Куда, проклятая? О, Господи!

БРИГАДИРЪ (*передразнивая его*). О, Господи! Нѣтъ, братъ, я вижу по этому, что у кого чаще всѣхъ Господь на языкѣ, у того чертъ на сердцѣ... Вонъ всѣ мои!

СОВѢТНИКЪ (*въ слѣдъ за Бригадиршей, всплеснувъ руками*). Прости, Акулина Тимоѳеевна!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Совѣтникъ, Совѣтница, Софья, Добролюбовъ.

СОВѢТНИКЪ. О, Господи! наказуешь насъ по дѣламъ нашимъ. А ты, Софьюшка, за что̀ ты лишилась жениха своего?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Если ваша воля согласится съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя за преблагополучнаго человѣка.

СОВѢТНИКЪ. Какъ! ты, получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешь своего намѣренія?

ДОБРОЛЮБОВЪ. Меня ни что на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить его.

СОВѢТНИКЪ. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

СОФЬЯ. Если ваше и матушкино желаніе не препятствуютъ тому, то я съ радостію хочу быть его женою.

СОВѢТНИЦА. Я вашему счастію никогда не препятствовала.

СОВѢТНИКЪ. Ежели такъ, то будьте вы женихъ и невѣста.

ДОБРОЛЮБОВЪ (*Софьѣ*). Желаніе наше совершается: сколь много я благополученъ!

СОФЬЯ. Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть счастлива.

СОВѢТНИКЪ. Будьте вы благополучны; а я, за всѣ мои грѣхи, довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геенна.

СОВѢТНИЦА. Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ.

СОВѢТНИКЪ (*къ партеру*). Говорятъ, что съ совѣстью жить худо: а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

—

Простакова.

Г-жа Простакова, жена его.

Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.

Еремѣевна, мама Митрофанова.

Правдинъ.

Стародумъ.

Софья, племянница Стародума.

Милонъ.

Г. Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.

Кутейкинъ, семинаристъ.

Цыфиркинъ, отставной сержантъ.

Вральманъ, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова,

Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

НЕДОРОСЛЬ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

═

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку (*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

ТРИШКА. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

ТРИШКА. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

ТРИШКА. Да первый портной, можетъ быть, шилъ хуже моего.

МИТРОФАНЪ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

МИТРОФАНЪ. Да вотъ и батюшка!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанъ Тришка сшить изволилъ?

ПРОСТАКОВЪ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

ПРОСТАКОВЪ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

ПРОСТАКОВЪ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что̀ узко.

ПРОСТАКОВЪ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи . . . .

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

СКОТИНИНЪ. Кого? за что̀? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за чтожъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да вотъ, братецъ, на твои

глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). Выйди вонъ, скотъ. (*Еремѣевнѣ*) Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть.

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка, вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

ЕРЕМѢЕВЪ. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

МИТРОФАНЪ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

МИТРОФАНЪ. Да то ты, матушка, то батющка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ же это?

МИТРОФАНЪ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

ПРОСТАКОВЪ (*въ сторону*). Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

МИТРОФАНЪ (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

МИТРОФАНЪ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ — одно мое утѣшеніе.

СКОТИНИНЪ. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

ПРОСТАКОВЪ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

СКОТИНИНЪ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ.

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо . . . .

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ.

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ. . . .

Г-жа Простакова (*показывая будто креститъ сердце*). Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ

свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

ПРОСТАКОВЪ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

СКОТИНИНЪ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, — такъ и концы въ воду.

ПРОСТАКОВЪ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что̀ у крестьянъ ни было, мы отобрали: ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

СКОТИНИНЪ. Изволь, сестрица, поучу васъ, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

СКОТИНИНЪ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

ПРОСТАКОВЪ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

СКОТИНИНЪ. И не деревеньки, а то, что̀ въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. До чего братецъ?

СКОТИНИНЪ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околодкѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на задвія ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

ПРОСТАКОВЪ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю и онъ до свиней съизмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

СКОТИНИНЪ. Это подлинно диковинка. Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

ПРОСТАКОВЪ. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Софья.

(*Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ.*)

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Софьѣ*). Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

СОФЬЯ. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*испугавшись, съ злобою*). Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

СОФЬЯ. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

СКОТИНИНЪ. Сестра, ну да коли не умиралъ?

ПРОСТАКОВЪ. Избави Боже, коли не умиралъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*къ мужу*). Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто-таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (*къ Софьѣ*). Письмецо-то мнѣ пожалуй (*почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

СОФЬЯ. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего истиннѣе быть не можетъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому (*къ мужу*). Читай.

ПРОСТАКОВА (*долго смотря*). Мудрено.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

СКОТИНИНЪ. Я? я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

СОФЬЯ. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ,

я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро прійдетъ: ему велю...

ПРОСТАКОВЪ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, батюшка, братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ, Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно—лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, потà его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-тка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Простаковъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Простаковъ. Какой уроженецъ, государь мой? гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Простаковъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ (*къ Правдину*). Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ. къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я нико-

гда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Скотининъ. Если вы приказываете (*читаетъ*).

«Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ «моими ближними; а дальность лишила меня «удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь «въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Си-«бири. Я могу служить примѣромъ, что тру-«дами и честностью состояніе свое сдѣлать «можно. Сими средствами, съ помощію сча-«стія, нажилъ я десять тысячъ рублей до-«ходу...»

Скотининъ и оба **Простаковы.** Десять тысячъ!

Скотининъ. (*читаетъ*). «Которымъ тебя, моя «любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣд-«ницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!
Простаковъ. Софью наслѣдницею!
Скотининъ. Ее наслѣдницею!
(*Вмѣстѣ*).

Г-жа Простакова. (*бросясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ. *(протянувъ руку)*. Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скотининъ. Какъ, что за вопросъ! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать.

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*Софьѣ*). Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню: мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить (*увела Софью*).

Скотининъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

—

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга (*къ Простакову, запыхавшись*). Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну, разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ, ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

ПРАВДИНЪ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно (*Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ.*)

СКОТИНИНЪ. Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

═

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Правдинъ, Милонъ.

МИЛОНЪ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

ПРАВДИНЪ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а притомъ изъ собственнаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими

полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего Намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ Намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ Намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безчестнаго, а жену презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что̀ задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго ль здѣсь останешься?

МИЛОНЪ. Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

ПРАВДИНЪ. Что такъ скоро? Отдохни.

МИЛОНЪ. Не могу: мнѣ велѣно солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

ПРАВДИНЪ. Что̀ причиною.

МИЛОНЪ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ, и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что, по смерти ея матери, какая-то дальняя родня

увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя!

ПРАВДИНЪ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры.

МИЛОНЪ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

ПРАВДИНЪ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

МИЛОНЪ (*въ восторгѣ*). А! вотъ она сама.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Софья.

СОФЬЯ. Милонъ! тебя ли я вижу?

ПРАВДИНЪ. Какое счастіе!

МИЛОНЪ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

СОФЬЯ. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники . . .

ПРАВДИНЪ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что̀ столько ей прискорбно ... Ты узнаешъ отъ меня какія грубости...

МИЛОНЪ. Недостойные люди!

СОФЬЯ. Сегодня однако̀ жъ въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

МИЛОНЪ. (*съ нетерпѣніемъ*). И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія? ...

СОФЬЯ Нѣтъ ...

МИЛОНЪ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что ...

СОФЬЯ. Нѣтъ,

МИЛОНЪ. А! теперь я вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ; но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ ...

СОФЬЯ. (*усмѣхаясь*). Боже мой! Еслибъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!

МИЛОНЪ. (*съ негодованіемъ*). Я воображаю всѣ его достоинства.

СОФЬЯ. Всѣ и вообразить не можешь. Онъ

хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣе не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ далѣе не пойдетъ, сударыня! Онъ доучиваетъ Часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! Любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ, что̀ ты ей отвѣчала? (*Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ*).

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (*къ Правдину*) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ, Услышавъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ—Скотининъ! а я ему: я! Что вы братцы, и за

правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

ПРАВДИНЪ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

СКОТИНИНЪ. Я никуда не шелъ; а брожу задумавшись. У меня такой обычай, какъ что̀ заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

ПРАВДИНЪ. Что̀ жъ бы васъ такъ теперь занимало?

СКОТИНИНЪ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-на-скоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ѣздилъ я ни по-што, привезъ ничего.

ПРАВДИНЪ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами какъ мячикомъ.

СКОТИНИНЪ (*озлобясь*). Какъ мячикомъ? Оборони Богъ; да я и самъ зашвырну ее такъ, то цѣлою деревней въ недѣлю не отыщутъ.

СОФЬЯ. Ахъ, какъ вы разсердились!

МИЛОНЪ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подъѣхала съ отводомъ: «Что де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя братецъ хорошая свинья.» Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. (*Софьѣ*) Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что̀ значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (*вскричалъ*). Какая дерзость!

Скотининъ (*къ Софьѣ*). Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ (*къ Милону*). Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу — эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ

затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду светелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (*Скотинину*). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ, племянику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ черта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

—

Явленіе четвертое.

Тѣ же, Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. Ну еще слово молви, старая хрычевка, ужъ я тѣ отдѣлаю! Я опять на-

жалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремѣевна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ, гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ (*Еремѣевнѣ*). Да дядюшка что̀ за невидальщина? Что̀ на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить. (*Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ*).

Милонъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы тѣ, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремѣевна (*задрожала*). Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка, бѣлены объѣлся? Да я знать не знаю, за что̀ ты на меня вскинуться изволилъ.

СКОТИНИНЪ. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ; виноватъ Богу и Государю. Смотри, не клепли жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

ЕРЕМѢЕВНА. Избави Богъ напраслины?

СКОТИНИНЪ. Хочешь ли ты жениться?

МИТРОТФАНЪ (*разнѣжась*). Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

СКОТИНИНЪ (*бросаясь на Митрофана*). Ахъ ты чушка проклятая!...

ПРАВДИНЪ (*не допуская Скотинина*). Господинъ Скотининъ, рукамъ воли не давай.

МИТРОФАНЪ. Мамушка, заслони меня.

ЕРЕМѢЕВНА (*заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки*). Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я тѣ бѣльмы-то выцарапаю.

СКОТИНИНЪ (*задрожавъ и грозя, отходитъ*). Я васъ доѣду!

ЕРЕМѢЕВНА (*задрожавъ, въ слѣдъ*). У меня и свои зацѣпы востры!

МИТРОФАНЪ (*въ слѣдъ Скотинину*). Убирайся, дядюшка; проваливай.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Простаковы.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*мужу, идучи*). Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

ПРОСТАКОВЪ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ, да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*къ Милону*). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

МИЛОНЪ. За что̀, сударыня?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никого угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

МИЛОНЪ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

ПРАВДИНЪ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ того-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

ПРАВДИНЪ (*въ сторону*). Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

МИТРОФАНЪ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Софьѣ*). Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный, да коли-де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

ПРАВДИНЪ. А кого онъ не возлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ (*къ Софьѣ*). Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ *да*, когда душа его чувствовала *нѣтъ*.

Софья. За то и счастіе свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя, не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? *(Софья отходитъ.)*

Г-жа Простакова (*Простакову*). Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(къ гостямъ)*. Одна моя забота, одна моя отрада—Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ.)*

Г-жа Простакова (*не видя ихъ, продолжаетъ*). Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается!

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ, Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ, Цыфиркинъ.

Митрофанъ (*въ сторону*). Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной.

КУТЕЙКИНЪ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

ЦЫФИРКИНЪ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

МИЛОНЪ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

ЦЫФИРКИНЪ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую.

МИЛОНЪ. Чѣмъ же ты питаешься?

ЦЫФИРКИНЪ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику Арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

ЦЫФИРКИНЪ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

ПРАВДИНЪ (*Кутейкину*). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

КУТЕЙКИНЪ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Рето-

рики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ Консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ, «изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны «премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи.» На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то-де «семинариста отъ всякаго ученія уволить: пи-«сано бо есть — не мечите бисера предъ «свиніями, да не попрутъ его ногами.»

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

ЕРЕМѢЕВНА. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

КУТЕЙКИНЪ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

ПРАВДИНЪ (*въ сторону*). Кутейкинъ еще и умничаетъ!

КУТЕЙКИНЪ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтырѣ именно напечатано: — «И злакъ на службу человѣкомъ».

ПРАВДИНЪ. Ну, а еще гдѣ?

КУТЕЙКИНЪ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той то же.

ПРАВДИНЪ (*Г-жѣ Простаковой*). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

МИЛОНЪ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои...?

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что, что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*), Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

МИТРОФАНЪ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну,—такъ поминай какъ звали!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*внѣ себя*). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

ЕРЕМѢЕВНА. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*въ злобѣ*). Ну...

ЕРЕМѢЕВНА. Дитя не потаилъ: уже давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

ЕРЕМѢЕВНА. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да... да... что... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

ЕРЕМѢЕВНА. Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во что бы Богъ не поставилъ: притупились бы эти (*указывая на ногти*); я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

ЕРЕМѢЕВНА (*заплакавъ*). Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

КУТЕЙКИНЪ. Намъ во свояси повелите? } *Вмѣстѣ.*

ЦЫФИРКИНЪ. Намъ куда походъ, ваше благородіе! } *Вмѣстѣ.*

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ сюда. *(Къ Митрофану).* Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже мыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ *(КъЕремѣевнѣ).* Съ братцемъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ что ма̀ма и что мать родная (*отходитъ съ Митрофаномъ*).

КУТЕЙКИНЪ. Житье твое, Еремѣевна, яко тма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку....

ЦЫФИРКИНЪ. А та́мъ другую,—вотъ-тѣ и умноженье.

ЕРЕМѢЕВНА (*въ слезахъ*). Нелегкая меня не приберетъ. Сорокълѣтъслужу, а милость все та же.

КУТЕЙКИНЪ. А велика ль благостыня?

ЕРЕМѢЕВНА. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день. (*Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки*).

ЦЫФИРКИНЪ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

ПРАВДИНЪ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе....

СТАРОДУМЪ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

ПРАВДИНЪ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ....

СТАРОДУМЪ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, — перестаетъ искренность.

ПРАВДИНЪ. Ваше обхожденіе...

СТАРОДУМЪ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еше заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго....

ПРАВДИНЪ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ....

СТАРОДУМЪ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

ПРАВДИНЪ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ привилахъ...

СТАРОДУМЪ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ иа пряжки, на пуговицы.

ПРАВДИНЪ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

СТАРОДУМЪ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*) Невѣжда безъ души—звѣрь: самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

ПРАВДИНЪ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ....

СТАРОДУМЪ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

ПВАВДИНЪ. Рѣдкіє правило ваше наблюдать умѣютъ.

СТАРОДУМЪ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

ПРАВДИНЪ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете....

СТАРОДУМЪ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода.» Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь,» сказалъ мнѣ, «а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со

мною разстаться.» Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

ПРАВДИНЪ. Сущая истина.

СТАРОДУМЪ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце и я тотчасъ взялъ отставку.

ПРАВДИНЪ. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало.

СТАРОДУМЪ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ заслугъ пожаловану.

ПРАВДИНЪ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

СТАРОДУМЪ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

ПРАВДИНЪ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

СТАРОДУМЪ. Взявъ остставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

ПРАВДИНЪ. Куда же?

СТАРОДУМЪ. Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

ПРАВДИНЪ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

СТАРОДУМЪ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

ПРАВДИНЪ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

СТАРОДУМЪ. А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на погахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

ПРАВДИНЪ. Такъ по этому тутъ самолюбіе....

СТАРОДУМЪ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

ПРАВДИНЪ. Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству....

СТАРОДУМЪ. О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны, а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

ПРАВДИНЪ. Васъ, конечно, у Двора не узнали?

СТАРОДУМЪ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили же меня однимъ изъ двухъ маперовъ.

ПРАВДИНЪ. Какихъ?

СТАРОДУМЪ. Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

ПРАВДИНЪ. И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

СТАРОДУМЪ. (*беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пять сотъ рублей. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой

пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пять сотъ рублей цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Софья.

Софья. (*къ Правдину*). Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ. (*въ сторону*). Вотъ черты лица ея матери! Вотъ моя Софья!

Софья. (*смотря на Стародума*). Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (*обнявъ ее*). Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

СОФЬЯ (*бросаясь въ его объятія*). Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

СТАРОДУМЪ. Любезная Софья, я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случилось вырвать добычу изъ рукъ порока.

ПРАВДИНЪ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

СОФЬЯ. Дядюшка, ваши ко мнѣ милости...

СТАРОДУМЪ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

СОФЬЯ. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

СТАРОДУМЪ (*къ Правдину*). Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей,

лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

ПРАВДИНЪ. Вы могли бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

СТАРОДУМЪ. А на что?

ПРАВДИНЪ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

СТАРОДУМЪ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

СОФЬЯ. Дядюшка, какую правду вы говорите!

СТАРОДУМЪ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужествѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

СОФЬЯ. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

ПРАВДИНЪ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

СТАРОДУМЪ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцевъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцевой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ—все болванъ.

ПРАВДИНЪ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

СТАРОДУМЪ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

ПРАВДИНЪ. Заключеніе ваше неоспоримо.

СТАРОДУМЪ. Ба, это что за шумъ!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же. Г–жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(*Милонъ разнимаетъ Г-жу Простакову съ Скотининымъ.*)

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи . . .

МИЛОНЪ. Не пущу, сударыня, не прогнѣвайся!

СКОТИНИНЪ. (*въ запальчивости, оправляя парикъ*). Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь.

МИЛОНЪ. (*Г-жѣ Простаковой*). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, батюшка, сердце взяло, дай додраться!

МИЛОНЪ. (*Скотинину*). Развѣ она вамъ не сестра?

СКОТИНИНЪ. Что грѣха таить, одного помету: да вишь какъ развизжалась.

СТАРОДУМЪ (*не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину*). Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Кого-то, надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

СТАРОДУМЪ. Не прогнѣвайся, сударыня: я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

СКОТИНИНЪ (*держась за шею*). Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

МИЛОНЪ. Да не ушибла ль она васъ?

СКОТИНИНЪ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину . . .

ПРАВДИНЪ. И больно?

СКОТИНИНЪ. Загривокъ немного пронозила. (*Въ слѣдующую рѣчь Г-жи Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ ними Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Пронозила! . . . Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера: а кабы не онъ, то бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не спущу родному. (*Стародуму*) Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому невѣдомо кто.

СКОТИНИНЪ (*указывая на Софью*). Пріѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. (*оробѣвъ и струся*). Какъ, это ты? ты, батюшка, гость нашъ безцѣн-

ный? Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца роднаго, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ какъ порохъ въ глазу. Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ? Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

СТАРОДУМЪ (*въ сторону*). Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Еремѣевна.

ЕРЕМѢЕВНА. Что изволишь?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь! Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ? Палашка гдѣ?

ЕРЕМѢЕВНА. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ, какъ-будто она благородная!

ЕРЕМѢЕВНА. Такой жаръ рознялъ, матушка, безъ умолку бредитъ . . .

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Бредитъ, бестія, какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки;

что второй вашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей я вашъ не родитель; по милости же Божіей я вамъ и не знакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же. Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(*Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна взяла мѣсто къ сторонѣ и, сложа руки, стала какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ*).

Стародумъ. (*обнимая неохотно Г-жу Простакову*). Милость совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтиться.

(*Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоя-*

щій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ).

СТАРОДУМЪ. Это къ кому я попался?

СКОТИНИНЪ. Это я, сестринъ братъ.

СТАРОДУМЪ. (*увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ.*) А это кто еще?

ПРОСТАКОВЪ (*обнимая*). Я женинъ мужъ. } *Вмѣстѣ.*

МИТРОФАНЪ (*ловя руку*). А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

МИЛОНЪ (*Правдину*). Теперь я не представлюсь.

ПРАВДИНЪ (*Милону*). Я найду случай представить тебя послѣ.

СТАРОДУМЪ (*не давая руки Митрофану*). Этотъ ловитъ цаловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Говори, Митрофанушка: какъ де, сударь, мнѣ твоей ручки не цаловать: ты мой второй отецъ.

МИТРОФАНЪ. Какъ не цаловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... (*Къ матери*) Который бишь?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Второй.

МИТРОФАНЪ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

СТАРОДУМЪ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ быть, свое счастье прорекаетъ: авось-

либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (*Къ Стародуму*) Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Стародумъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто моло-

дой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее выдамъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ! уморилъ! МИЛОНЪ. Что я слышу! (*Софья кажется пораженною*). СКОТИНИНЪ. Вотъ-те разъ (*Простаковъ всплеснулъ руками*). МИТРОФАНЪ. Вотъ тебѣ на! (*Еремѣевна печально кивнула головою. Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія*).	*Всѣ вмѣстѣ.*

СТАРОДУМЪ (*примѣтя всѣхъ смятеніе*). Что это значитъ? (*Къ Софьѣ*) Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, ктобъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ*).

СОФЬЯ. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

МИЛОНЪ (*въ сторону*). Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова (*съ веселымъ видомъ*). Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лищь только жениховъ пропускать ненадобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой . . .

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой . . .

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ . . .

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ Архангельской. } *Вмѣстѣ.*

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да за свадебку. } *Вмѣстѣ.*

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны, я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты — здѣсь содомо. Чрезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало (*отходитъ*).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванью Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащи-

4*

ли; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

СТАРОДУМЪ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ни чему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ свѣтъ, и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что нибудь переиметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.

ПРАВДИНЪ. Вы однако жъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (*къ Стародуму*). Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Мигнула Еремѣевнѣ, чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и, чтобъ другіе не

сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы что̀ онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*). Вотъ и учители! Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однако жъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодаренъ! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (*къ Правдину*). Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душею. (*Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво.*)

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ. (*Кромѣ учителей, всѣ отходятъ: Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую.*)

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвиршѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, ка-

ково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

ЦЫФИРКИНЪ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. (*Вздохнувъ*). Охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

КУТЕЙКИНЪ. О, горе мнѣ грѣшнему!

ЦЫФИРКИНЪ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

КУТЕЙКИНЪ. И въ тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

ЦЫФИРКИНЪ. За неволю призадумаешься: далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣетъ.

КУТЕЙКИНЪ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Почесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

ЦЫФИРКИНЪ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а Нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

КУТЕЙКИНЪ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, бусурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

ЦЫФИРКИНЪ (*съ жаромъ*). Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

КУТЕЙКИНЪ. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы вѣю грѣшничу путемъ накостылять.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Г–жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Пріидетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что̀ писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и взбранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

МИТРОФАНЪ. Задавай же зады, поворачивайся.

ЦЫФИРКИНЪ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

ЦЫФИРКИНЪ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

МИТРОФАНЪ (*пишетъ*). Трое.

ЦЫФИРКИНЪ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

МИТРОФАНЪ (*триста*). Триста.

ЦЫФИРКИНЪ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

МИТРОФАНЪ (*вычисляя, шепчетъ*). Единожды три—три; единожды нуль—нуль; единожды нуль—нуль.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Что, что до дѣлежа?

МИТРОФАНЪ. Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

МИТРОФАНЪ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

ЦЫФИРКИНЪ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

МИТРОФАНЪ. Десять.

ЦЫФИРКИНЪ. Теперь, правда не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

МИТРОФАНЪ (*пишетъ*). Ну, ну, десять.

ЦЫФИРКИНЪ. Сколько жъ бы на годъ?

МИТРОФАНЪ (*вычисляя, шепчетъ*). Нуль, да нуль — нуль; одинъ да одинъ... (*Задумался*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что̀, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошехонько.

КУТЕЙКИНЪ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

МИТРОФАНЪ. Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

КУТЕЙКИНЪ. (*открываетъ Часословъ. Митрофанъ беретъ указку*). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь . . .

МИТРОФАНЪ. Азъ же есмь червь . . . .

КУТЕЙКИНЪ. Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

МИТРОФАНЪ. Азъ есмь скотъ.

КУТЕЙКИНЪ (*учебнымъ голосомъ*). А не человѣкъ.

МИТРОФАНЪ (*также*). А не человѣкъ.

КУТЕЙКИНЪ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И упи...

—

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фпжу! Умарить хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься надъ сфаей утропой, котора тефять мѣсесовъ таскала,— такъ скасать, асмое тифа фъ сфетѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ, перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ (*затворяя Часословъ*). Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка мая! Што тепѣ надопно? Сынокъ, каковъ есть, да талъ Богъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасась, Аристотелисъ, да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небрежно поужиналъ.

Вральманъ. Разсутишь мать мая, напилъ прюхо лишне, — пѣда; а фить калоушька-то у

нефо караздо слапѣ прюха; папить ее лишнѣ, захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ, скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то боюсь.

Вральманъ. Чефо баяться, мая матушка? Расумнай шеловѣкъ никахта ефо не сатерётъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными людьми не сфясывайся, такъ и будетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли дѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ когожъ ты ее выберешь?

Вралляманъ. Не крушинься; мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать себѣ кампаніи.

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россійска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хоспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаесса! Какъ путто пы россійски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать пезъ россійской краматъ!

Кутейкинъ (*въ сторону*). Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до Арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркинъ (*въ сторону*). Я тѣ ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потребно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ паизустъ; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большаго свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я савсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пывало, о праспикѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты къ господамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ козелъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ (*въ сторону*). Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! (*Въ слухъ*) Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ: та и сматру польшой сфетъ съ коселъ.

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣс. Умный человѣкъ знаетъ куда взлѣсть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ нипудь всмаститца людей пасматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! (*Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается*).

Вральманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ,

какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! фротъ! (*Митрофанъ убѣгаетъ*).

Г-жа Простакова. (*усмѣхаясь, радостно.*), Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однако жъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. Поти, моя матушка! Салстна птиса! Са нимъ тфой гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ (*насмѣхаясь*) Эка образина!

Кутейкинъ (*насмѣхаясь*). Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (*ударивъ по плечу.* А ты что брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкинъ (*ударивъ по плечу*). Филинъ проклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ (*тихо*) Пропалъ я. (*Вслухъ*) Што фы истефаетесь, репята, что ли, пато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь; да ты жъ еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ (*оправляясь отъ робости*). Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушеной персоной? Я накраулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы тѣ и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошалуюсь. (*Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ.*)

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро. **Кутейкинъ**. Зубы грѣшника сокрушу. (*Вральманъ бѣжитъ.*)	*Вмѣстѣ.*

Цыфиркинъ. Ага! подняль трусъ ноги.

Вральманъ. Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ (*въ дверяхъ*). Что фсяли, бестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Задѣлъ пребеззаконный! Много ль тамъ васъ бусурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

ВРАЛЬМАНЪ. Съ атнимъ не слатили! Эхъ, пратъ, фсяли! ЦЫФИРКИНЪ. Одинъ десятерыхъ уберу. КУТЕЙКИНЪ. Во утріе изобію вся грѣшныя земли. } *Всѣ вдругъ кричатъ.*

Конецъ третьяго дѣйствія.

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОФЬЯ (*одна, глядя на часы*). Дядюшка скоро долженъ выйти. (*Садясь.*) Я его здѣсь подожду. (*Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько*). Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (*Прочитавъ опять нѣсколько*). Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. (*Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ (*Оба сѣли*). Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ: оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостію подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ ка-

кою искренностію я говорить буду. Поближе. (*Софья подвигаетъ стулъ свой*).

СОФЬЯ. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

СТАРОДУМЪ (*съ важнымъ чистосердечіемъ*). Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшаетъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твои разумъ и сердце.

СОФЬЯ. Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

СТАРОДУМЪ. Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ

завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

СОФЬЯ. Возможно ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

СТАРОДУМЪ. Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!

СОФЬЯ. Да скажите жъ мнѣ, пожалуйте, виноваты ли они? Всякій ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

СТАРОДУМЪ. Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что бъ совѣсть угрызала.

СОФЬЯ. Кто жъ остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

СТАРОДУМЪ. Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, осте-

регаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій прочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство....

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой разсчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой то же. По моему разсчету не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ; а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо! Какъ наруж-

ность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у Двора ищетъ и значитъ....

Стародумъ. А того не знаютъ, что у Двора всякая тварь что нибудь да значитъ и чего нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у Двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямаго удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось: вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнью рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это непонятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣжъ умъ, которымъ такъ величаются?

СТАРОДУМЪ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцевъ, худыхъ граж-данъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Онъ неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько поду-маетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умна-го человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

СОФЬЯ. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чув-ствую и достоинство честнаго человѣка и его должность.

СТАРОДУМЪ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, вы-говоря его, человѣкъ ничего уже не смы-слитъ, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ

священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ— подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!

Софья. Возможно ль такъ себя унизить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротилъ съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосер-

дечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа, и жены?

СОФЬЯ. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

СТАРОДУМЪ. И не дивлюсь: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я

еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что̀ видимъ.

Софья. Боже мой! отъ чего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Отъ того, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большаго чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что̀ почтеннѣе быть можетъ? Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что̀ вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ. (*съ нѣжнѣйшею горячностью*). И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. (*Бросаясь цѣловать его руки.*) Гдѣ она?...

Стародумъ (*цѣлуя самъ ея руки*). Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то̀, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка, истинное мое счастье то̀, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Каммердинеръ.

(*Каммердинеръ подаетъ письмо Стародуму*).

Стародумъ. Откуда?

КАММЕРДИНЕРЪ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. (*Отходитъ*).

СТАРОДУМЪ (*распечатавъ и смотря на подпись*). Графъ Честанъ. А! (*начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ*). Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

СОФЬЯ (*отходя*). Тотчасъ, дядюшка.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СТАРОДУМЪ (*одинъ*). Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе? Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стародумъ и Софья.

СОФЬЯ (*подавая очки*). Нашла, дядюшка.

СТАРОДУМЪ (*читаетъ*). «Я теперь только «узналъ... ведетъ въ Москву свою команду... «онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно «буду радъ, если онъ увидится съ вами... «Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его.»

(*Въ сторону*). Конечно, безъ того ее не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ.» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ, похвальныхъ свойствъ, представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давича примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что̀ нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ (*въ сторону*). Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодаго человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей... (*Стародумъ оглядывается на Софью*).

Софья (*тихо Стародуму и въ большой робости*). И матушка любила его какъ сына.

Стародумъ (*Софьѣ*). Мнѣ это очень пріятно. (*Милону*). Я слышалъ, что вы были въ Арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ, будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что̀ всего болѣе — онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ; свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощ-

ному, въ моихъ глазахъ — герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ...

СТАРОДУМЪ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

МИЛОНЪ. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

СТАРОДУМЪ (*къ Софьѣ, съ радостью*). Какъ, сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

СОФЬЯ. И я люблю его сердечно.

СТАРОДУМЪ. Вы оба другъ друга достойны. (*Въ восхищеніи соединяя ихъ руки*). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

МИЛОНЪ (*обнимая Стародума*). Мое счастіе несравненно!
СОФЬЯ (*цалуя руки Стародумовы*). Кто можетъ быть счастливѣе меня?
} (*Вмѣстѣ*)

ПРАВДИНЪ. Какъ искренно я радъ!

СТАРОДУМЪ. Мое удовольствіе неизреченно.

МИЛОНЪ (*цалуя руку Софьи*). Вотъ минута нашего благополучія!

СОФЬЯ. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

СКОТИНИНЪ. И я здѣсь.

СТАРОДУМЪ. Зачѣмъ пожаловалъ?

СКОТИНИНЪ. За своей нуждой.

СТАРОДУМЪ. А чѣмъ я могу служить?

СКОТИНИНЪ. Двумя словами.

СТАРОДУМЪ. Какими это?

СКОТИНИНЪ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

СТАРОДУМЪ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

СКОТИНИНЪ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

СТАРОДУМЪ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣднiй. Родъ Скотининыхъ великiй и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдiи не отыщешь.

Правдинъ (*смѣючись*). Этакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ (*смѣючись*). То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнiя о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другаго рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Ужъ я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба, да этотъ что тутъ равняется? (*тихо Стародуму*). А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ (*тихо Скотинину*). Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (*тѣмъ же тономъ*). Да гдѣ къ черту!

Стародумъ (*тѣмъ же тономъ*), Тяжело.

Скотининъ (*громко, указывая на Милона*). Кто жъ изъ васъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ (*смѣется*). Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ (*Стародуму*), Ба, да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ,—досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ,—тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе: меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиньи.

—

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой!

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своей нуждой.

Г-жа Простакова. А я такъ за своей. (*Стародуму*). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изво-

лишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

СТАРОДУМЪ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
ПРОСТАКОВЪ. Всему, мой отецъ.
МИТРОФАНЪ. Всему, чему изволишь.
} *Вмѣстѣ*.

ПРАВДИНЪ (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

МИТРОФАНЪ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

ПРАВДИНЪ (*взявъ книгу*). Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

МИТРОФАНЪ. Много. Существительное, да прилагательное...

ПРАВДИНЪ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное, или прилагательное?

МИТРОФАНЪ. Дверь! котора дверь?

ПРАВДИНЪ. Котора дверь? Вотъ эта.

МИТРОФАНЪ. Эта? Прилагательная.

ПРАВДИНЪ. Почему жъ?

МИТРОФАНЪ. Потому что она приложена къ

своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

ПРАВДИНЪ. Такъ по этому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

МИТРОФАНЪ. И вѣдомо.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Что, каково, мой батюшка?

ПРОСТАКОВЪ. Каково, мой отецъ?

ПРАВДИНЪ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

МИЛОНЪ. Я думаю, не меньше и въ Исторіи.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИНИНЪ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что̀ берется!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

ПРАВДИНЪ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ Исторіи?

МИТРОФАНЪ. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

ПРАВДИНЪ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

СКОТИНИНЪ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

МИТРОФАНЪ. Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ не-

торіи не разсказываетъ; онъ, что̀ я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да и не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еографія.

Митрофанъ. Да что̀ такое? Господи Боже мой! пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, мой батюшка! да извощики-то на что̀ жъ? Это ихъ дѣло. Это таки наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда,—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то̀ вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

СТАРОДУМЪ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

СТАРОДУМЪ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

СКОТИНИНЪ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалилеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

ПРАВДИНЪ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться — какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако я думаю въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. (*Правдину*). Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ

и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (*Вставая*) Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ Намѣстника.

Стародумъ (*встаетъ и вcѣ встаютъ*). Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра поутру ѣдете?

Стародумъ. Часовъ въ семь. (*Правдинъ отходитъ*).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду дѣлать къ тому распоряженіе. (*Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами*).

—

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка.

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я.

Стародумъ. Узналъ обоихъ; нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкѣ?

СТАРОДУМЪ. Не бывать.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Женихъ ли ей Митрофанушка?

СТАРОДУМЪ. Не женихъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. А что бъ помѣшало?
СКОТИНИНЪ. За чѣмъ дѣло стало? } *Вмѣстѣ.*

СТАРОДУМЪ (*сведя обоихъ*). Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена (*Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, злодѣй!

СКОТИНИНЪ. Да онъ рехнулся.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*съ нетерпѣніемъ*) Когда они выѣдутъ?

СКОТИНИНЪ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Въ семь часовъ.

СКОТИНИНЪ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро (*отходитъ*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ*). Въ семь часовъ!... Мы встанемъ поранѣ.... Что̀ захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ. (*Всѣ подбѣгаютъ*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*къ мужу*). Завтра въ шесть часовъ, чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

ПРОСТАКОВЪ. Слышу, мать моя.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*къ Еремѣевнѣ*). Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

ЕРЕМѢЕВНА. Не промигну, моя матушка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*сыну*). Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софьиной предспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

МИТРОФАНЪ. Все будетъ сдѣлано.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Подите жъ съ Богомъ. (*Всѣ отходятъ*). А я ужъ знаю, что̀ дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

═

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

ПРАВДИНЪ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

СТАРОДУМЪ. И такъ ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

ПРАВДИНЪ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

СТАРОДУМЪ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

ПРАВДИНЪ. Я въ этомъ согласенъ съ вами: да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

СТАРОДУМЪ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

ПРАВДИНЪ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

СТАРОДУМЪ. Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

ПРАВДИНЪ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что̀ такое льстецъ.

СТАРОДУМЪ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ еперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него что ему надобно. Онъ

ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

ПРАВДИНЪ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

СТАРОДУМЪ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлою выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ.

ПРАВДИНЪ. Справедливо. Великій государь даетъ....

СТАРОДУМЪ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

ПРАВДИНЪ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

СТАРОДУМЪ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пят-

надцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему Исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ (*отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ*

къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу). Не смѣй никто подойти ко мнѣ.

СОФЬЯ (*бросаясь къ Стародуму*). Ахъ, дядюшка, защити меня!

СТАРОДУМЪ. Другъ мой, что такое? ПРАВДИНЪ. Какое злодѣяніе? СОФЬЯ. Сердце мое трепещетъ! ЕРЕМѢЕВНА. Пропала моя головушка!	*Вмѣстѣ.*

МИЛОНЪ. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

СОФЬЯ. Вотъ мой избавитель!

СТАРОДУМЪ. Другъ мой!

ПРАВДИНЪ (*Еремѣевнѣ*). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

ЕРЕМѢЕВНА. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*за кулисами*). Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! (*указывая на Милона*). Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?
Митрофанъ. За людей приниматься.
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу.
Вмѣстѣ.

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаковъ. Хороши мы!
Митрофанъ. Все къ черту!
Вмѣстѣ.

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее предъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова (*бросаясь на колѣни*). Батюшки! виновата.

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ. Безъ вины виноватъ.
Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка!
Вмѣстѣ, бросаясь на колѣни.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, я собачья дочь, что̀ я надѣлала!

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

СКОТИНИНЪ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*стоя на колѣняхъ*). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. (*Къ Софьѣ*). Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

СКОТИНИНЪ. Сестра, о своемъ ли ты умѣ?

ПРАВДИНЪ. Молчи, Скотининъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что̀ тебѣ въ головѣ моей?

СОФЬЯ (*Стародуму*). Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*поднявъ руки, къ Стародуму*). Батюшка! прости и ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

СТАРОДУМЪ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чертомъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

ПРАВДИНЪ (*Стародуму*). Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ Правительствомъ.... и ужъ спасти ее нельзя.

СТАРОДУМЪ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю. (*Всѣ вскочили съ колѣнъ*).

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Простилъ! Ахъ, батюшка!.... Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу по одиначкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Ввѣкъ не прощу этой насмѣшки.

ПРАВДИНЪ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

ПРАВДИНЪ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

СКОТИНИНЪ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

ПРАВДИНЪ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. (*Г-жѣ Простаковой*) Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что̀ жъ данъ намъ указъ отъ о вольности дворянства?

СТАРОДУМЪ. Мастерица толковать указы!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (*Порывается идти.*)

ПРАВДИНЪ (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову*) Именемъ Правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ Правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

ПРОСТАКОВЪ. А! До чего мы дожили!

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Какъ, новая бѣда! За что̀? за что̀, батюшка? что я въ своемъ домѣ госпожа...

ПРАВДИНЪ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

ПРОСТАКОВЪ (*отходитъ, всплеснувъ руками*). Отъ кого это? матушка.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

СКОТИНИНЪ (*въ сторону*). Ба! ба! ба! Да этакъ и до меня доберутся. Да этакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

ПРАВДИНЪ (*Скотинину*). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

СКОТИНИНЪ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу,

самъ ты разсуди: люди предо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

СКОТИНИНЪ (*Стародуму*). Я шелъ-было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

СТАРОДУМЪ (*указывая на Милона*). Вотъ онъ.

СКОТИНИНЪ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и...

ПРАВДИНЪ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

СТОТИНИНЪ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей.

ПРАВДИНЪ. Побольше любили, или бъ по крайней мѣрѣ...

СКЕТИНИНЪ. Ну...

ПРАВДИНЪ. Хоть не трогали.

СКОТИНИНЪ (*отходя*). Хоть не трогали.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня! Чтò тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

ПРАВДИНЪ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дни. (*Въ сторону*) Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказитъ можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ...

Правдинъ. Учителямъ? (*Еремѣевнѣ*) Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А Нѣмца-то, мой батюшка?...

Правдинъ. Всѣхъ позови. (*Еремѣевна отходитъ*).

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ (*видя въ тоскѣ Г-жу Простакову*). Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же. Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

ЕРЕМѢЕВНА (*введя учителей; къ Правдину*). Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

ВРАЛЬМАНЪ (*Правдину*). Фаше фысоко-иплахоротіе, исфолили къ сепѣ прасить?

КУТЕЙКИНЪ (*Правдину*). Званъ быхъ, и пріидохъ.

ЦЫФИРКИНЪ (*Правдину*). Что приказу будетъ, ваше благородіе?

СТАРОДУМЪ (*съ приходу Вральмана, въ него взглядывается*). Ба! это ты, Вральманъ?

ВРАЛЬМАНЪ (*узнавъ Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, милостифый хосподинъ. (*Цълуя полу Стародумову*) Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

ПРАВДИНЪ. Какъ, онъ вамъ знакомъ?

СТАРОДУМЪ. Какъ не знакомъ: онъ три года былъ у меня кучеромъ. (*Всѣ показываютъ удивленіе*).

ПРАВДИНЪ. Изрядный учитель!

СТАРОДУМЪ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

ВРАЛЬМАНЪ. Та што дѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣдній. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кушеръ нихтѣ не пата. Пришло мнѣ липо съ голодъ мерсть, липо ушитель...

ПРАВДИНЪ *(къ учителямъ)*. По волѣ Правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

ЦЫФИРКИНЪ. Лучше не надо!

КУТЕЙКИНЪ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

ПРАВДИНЪ. А что тебѣ надобно?

КУТЕЙКИНЪ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло немалъ. За полгода за ученье, за обувь, что̀ истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по пустому, за...

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ненасытная душа, Кутейкинъ! За что̀ это?

ПРАВДИНЪ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

КУТЕЙКИНЪ. Это его дѣло, не мое.

ПРАВДИНЪ (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*.) Тебѣ много ль заплатить?

ЦЫФИРКИНЪ. Мнѣ? Ничего.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

ЦЫФИРКИНЪ. Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года,—мы и квиты.

ПРАВДИНЪ. А за ученье?

ЦЫФИРКИНЪ. Ничего.

СТАРОДУМЪ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я Государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; попустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! (*Стародумъ и Милонъ вынимаетъ изъ кошельковъ деньги.*)

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

Стародумъ (*Цыфиркину*). Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ, не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (*давая ему деньги*). Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. (*Правдинъ даетъ также ему деньги*).

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И! ваше благородіе. Я солдатъ.

Правдинъ (*Цыфиркину*). Пойди жъ, мой другъ, съ Богомъ. (*Цыфиркинъ отходитъ.*)

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сю-

да завтра, да потрудись расчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ (*выбѣгая*). Съ самою! Отъ всего отступаюсь.

Вральманъ (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, казалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

—

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Каммердинеръ.

Каммердинеръ (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сеня?

Стародумъ. Поди садись на козлы (*Вральманъ отходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ (*Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастія, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! и ты меня бросаешь! А, неблагодарный! (*Упала въ обморокъ.*)

Софья (*подбѣжавъ къ ней*). Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ (*Софьѣ*). Помоги ей, помоги. (*Софья и Еремѣевна ей помогаютъ.*)

Правдинъ (*Митрофану*). Негодница! тебѣ ли грубить матери? къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ Да она, какъ-будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ.

Стародумъ (*Еремѣевнѣ*). Что она теперь? Что?

Еремѣевна (*посмотрѣвъ пристально на Г-жу Простакову и всплеснувъ руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (*Митрофану*). Съ тобой, дружокъ, знаю что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ (*махнувъ рукою*). По мнѣ, куда велятъ.

Г-жа Простакова (*очнувшись, въ отчаяніи*). Погибла я совсѣмъ! Отняли у меня власть!

Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (*указывая на Г-жу Простакову*). Вотъ злонравія достойные плоды!

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

—

Князь Слабоумовъ.

Княгиня, жена его.

Князь Василій, сынъ ихъ.

Г. Сеумъ, дворянскій предводитель.

Г. Нельстецовъ, штабъ-офицеръ.

Графиня Самодурова.

Пеликанъ, Французъ, гувернеръ.

Слуга Князя Слабоумова.

Дѣвка Княгини Слабоумовой.

Няни Князя Василья.

Дѣйствіе въ деревнѣ Слабоумовыхъ.

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

═

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Князь Слабоумовъ и Княгиня.

КНЯГИНЯ (*взглянувъ на часы*). Лишь только восемь било. Что ты, Князь, такъ рано всталъ?

КНЯЗЬ. Въ деревнѣ не худо вставать поранѣе.

КНЯГИНЯ. Да не Князю. Ваше Сіятельство должны жить по-княжески; хозяйничать намъ нужды нѣтъ: за нами, слава Богу, три тысячи душъ, такъ съ нашъ вѣкъ станетъ; да я и сама не такъ воспитана, чтобъ быть доброю хозяйкой.

КНЯЗЬ. Правда, Княгиня; я и самъ изъ роду отца твоего не знаю никого, кто бы разумѣлъ хозяйство. Родъ Вертушкиныхъ дворянскій, я не спорю; однако ни одного Вертушкина хозяина нѣтъ.

КНЯГИНЯ. Конечно; я хотя не урожденная княжна, однако изъ хорошей дворянской фамиліи и думаю, что мой родъ не дѣлаетъ безчестія роду князей Слабоумовыхъ.

Князь. Княгиня, другъ мой, я сегодня всталъ рано для того, что у меня съ ума нейдетъ воспитаніе нашего Князь Василья. Всѣ мнѣ говорятъ, что къ нему надобенъ теперь гувернеръ; гдѣ его здѣсь въ деревнѣ сыщешь?

Княгиня. Мнѣ кажется, не худо объ этомъ посовѣтоваться съ нашимъ Предводителемъ. Онъ хотя съ дамами не очень ловокъ, однако я для Князь Василья сама съ нимъ говорить стану; боюсь того только, чтобы онъ въ наставники сыну нашему не далъ такого же хомяка, каковъ самъ. Я до смерти не люблю серіозныхъ рожъ.

Князь. Сомнѣваюсь, чтобъ г. Сеумъ способенъ былъ выбрать наставника сыну Князя Слабоумова и Княгини его, урожденной г-жи Вертушкиной.

Княгиня. Какъ бы то ни было, я уже за нимъ послала. Думаю, что нашъ г. Сеумъ не поспѣсивится посѣтить Князя Слабоумова. Да вотъ онъ уже и пріѣхалъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Сеумъ.

Сеумъ. Вы изволили присылать за мною и я, считая, что вы, можетъ быть, по званію моему имѣете до меня какое дѣло, не умедлилъ къ вамъ пріѣхать.

Княгиня. Милости прошу садиться и побесѣдовать съ нами о весьма важномъ дѣлѣ.

Сеумъ (*садясь*). Что вамъ угодно?

Князь. Мы имѣемъ сына десяти лѣтъ: хотимъ дать ему гувернера. Вы нашъ Предводитель; сдѣлайте милость, подайте намъ совѣтъ.

Сеумъ. Дѣло, конечно, важное, когда касается оно до воспитанія и слѣдственно до благосостоянія молодаго дворянина; однако дѣло не такое, за коимъ бы я долженъ былъ къ вамъ самъ пріѣхать.

Князь. Чувствую, что мой долгъ былъ къ вамъ пріѣхать самому; но моя Княгиня безразсудно и не спросясь меня послала за вами; извините княгинино нетерпѣніе.

Сеумъ. Я его за обиду себѣ и не считаю, напротивъ того, я доволенъ, что кстати вы ко мнѣ въ семъ случаѣ прибѣгли. По званію моему знаю я всѣхъ нашихъ дворянъ. На сихъ дняхъ познакомился я съ купившимъ недавно въ нашемъ уѣздѣ маленькую деревеньку штабъ-офицеромъ, г. Нельстецовымъ. Мы въ первое знакомство наше подружились и я нашелъ въ немъ человѣка умнаго, честныхъ правилъ и заслуженнаго. Онъ смолоду хорошо учился, путешествовалъ; потомъ служилъ въ войнѣ съ великою похвалою; а какъ онъ врагъ праздности, то открылся мнѣ, что охотно взялъ бы на свои руки благороднаго младенца, чтобъ быть ему наставникомъ и учить его то-

му, чему самъ смолоду выучился. Ежели бы онъ согласился воспитывать вашего сына, довольны ли бъ вы были?

КНЯЗЬ (*помолчаетъ немного*). Княгиня, говори!

КНЯГИНЯ. Гувернера русскаго! Это что-то мнѣ не нравится.

КНЯЗЬ. Да знаетъ ли онъ по-французски?

СЕУМЪ. Лучше многихъ тѣхъ Французовъ, коихъ бы вы съ радостію къ себѣ принять согласились.

КНЯЗЬ. Какого онъ характера?

СЕУМЪ. Его зовутъ Нельстецовъ и онъ сего названія совершенно достоинъ.

КНЯГИНЯ (*про себя*). Вѣрно, какой нибудь грубіянъ.

СЕУМЪ. Неужели тотъ грубитъ, кто не льститъ?

КНЯГИНЯ. Почти такъ.

СЕУМЪ. Позвольте васъ увѣрить, что отъ той особы, которую въ наставники сыну вашему я представляю, не услышите вы ни грубости, ни лести.

КНЯЗЬ. Мы съ нашей стороны не оставимъ ничего, чтобъ показать ему нашу учтивость и всегда называть его будемъ : ваше высокоблагородіе.

СЕУМЪ. То есть, вы требуете, чтобъ онъ поминутно звалъ васъ: ваше сіятельство.

КНЯГИНЯ. Мнѣ кажется, всякому должно отдавать ему принадлежащее.

Сеумъ. Но вы соглашаетесь называть его высокоблагородіемъ изъ другаго подвига.

Князь. Изъ какого?

Сеумъ. Изъ того, чтобъ всѣ знали, что у сына вашего наставникъ штабъ-офицеръ.

Княгиня. Развѣ это много? Сынъ мой Князь, такъ мнѣ кажется, штабъ-офицеръ не унизится, принявъ на себя его воспитаніе.

Сеумъ. Г. Нельстецовъ, конечно, за особливую честь не почтетъ быть при сынѣ вашемъ наставникомъ; а ежели онъ и согласится принять на себя это званіе, то, конечно, для того только, чтобъ быть полезнымъ своему брату, дворянину.

Княгиня. Я думаю однако, что порода есть достоинство.

Сеумъ. Самое меньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. Родиться княземъ не мудрено и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ-то: ревностію быть полезнымъ отечеству. (*Оборотясь къ Князю*) Ваше сіятельство! чѣмъ вы отечеству служили?

Князь. Гвардіи сержантомъ и отставленъ капитаномъ.

Сеумъ. Не сами ль вы доказываете собою тщету княжескаго титла? Я объзакладъ бьюсь, что сынъ вашъ, если воспитается г. Нельстецовымъ, будетъ имѣть совсѣмъ другой образъ мыслей и будетъ достоинъ тѣхъ почестей, къ коимъ отворяетъ ему путь порода.

КНЯЗЬ. Я служилъ несчастливо: не могъ добиться до штабъ-офицерства и принужденъ теперь таскаться парою.

КНЯГИНЯ (*про себя*). Это-то меня и терзаетъ! Когда г. Нельстецовъ добился до штабъ-офицерства, то, я думаю, онъ научитъ и сына моего достигнуть до того же.

СЕУМЪ. Въ этомъ не имѣйте никакого сомнѣнія: онъ научитъ сына вашего получать чины, служа отечеству, а не выкланивая ихъ въ переднихъ знатныхъ господъ.

КНЯГИНЯ. Дѣвка! позови сюда Князь Василья.

ДѢВКА. Не изволитъ идти.

КНЯЗЬ. Проси его отъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же. Молодой Князь и Няни.

НЯНЯ. Войдите, Князь батюшка!

ДРУГАЯ НЯНЯ. Пожалуйте сюда, ваше сіятельство!

ТРЕТЬЯ НЯНЯ (*стоя возлѣ Княгини*) Пожалуйте мнѣ ручку, ваше сіятельство!

МОЛОДОЙ КНЯЗЬ (*подбѣгаетъ къ ней и даетъ руку*). На, цалуй!

КНЯГИНЯ. Князь Василій, другъ мой, обойми меня.

МОЛОДОЙ КНЯЗЬ (*протянувъ къ ней руку*). На, матушка! (*Сеумъ жметъ плечами. Молодой*

Князь подбѣгаетъ къ Сеуму и протянувъ къ нему руку) На!

СЕУМЪ. Я, мой другъ, лапку твою цаловать не намѣренъ; подай ее Князю, батюшкѣ вашему.

КНЯЗЬ. И я не хочу.

МОЛОДОЙ КНЯЗЬ. А для чего? Вѣдь ты, батюшка, вчера цаловалъ же.

КНЯЗЬ. Стыдно при постороннемъ человѣкѣ.

КНЯГИНЯ. Стыдно любить сына!

СЕУМЪ. Стыдно баловать сына.

КНЯГИНЯ. Вы, сударь, вините, что мы воспитываемъ сына, кажется, какъ надобно.

СЕУМЪ. Я вижу только, что вы голову его набиваете однимъ сіятельствомъ.

КНЯГИНЯ. Да вѣдь надобно жъ ему знать, кто онъ.

СЕУМЪ. Онъ ребенокъ.

КНЯГИНЯ. Да какого рода?

СЕУМЪ. Слабоумова.

КНЯГИНЯ. Я надѣюсь, что въ немъ много есть отцовскаго.

СЕУМЪ. То есть, слабоумовскаго.

КНЯГИНЯ. А материнскаго? (*Молодой Князь вертится).*

СЕУМЪ. Вотъ это вашего рода, вертушкинскаго.

КНЯГИНЯ. Не правда ли, что Князь Василій очень любезенъ?

СЕУМЪ. Не знаю, любезенъ ли; но вижу, что онъ очень вами любимъ.

Князь. Я любопытенъ познакомиться съ г. Нельстецовымъ; когда бы это быть могло?

Сеумъ. Хоть теперь.

Княгиня. Вы насъ очень тѣмъ одолжите.

Сеумъ *(отходя)*. Я тотчасъ за нимъ съѣзжу.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь и Княгиня.

Князь. Я думаю, что г. Предводитель привезетъ къ намъ скоро г. Нельстецова.

Княгиня. Я тутъ ничего добраго не воображаю и взбѣсилась бы съ досады отдать Князь Василья на руки русскому пентюху, каковъ, вѣрно, Нельстецовъ.

Князь. Въ нашей волѣ будетъ принять ли Нельстецова, или не принять.

Княгиня. Князь, другъ мой, пойдемъ къ себѣ въ покои, чтобы ожидаемые гости подождали насъ съ полчаса и увидѣли, что они пріѣхали къ Вашему Сіятельству.

Князь. Бога ради этого мнѣ не совѣтуй, если не хочешь овдовѣть скоро.

Княгиня. Какъ это, за что?

Князь. Г. Нельстецовъ, какъ я вижу, человѣкъ заслуженый и конечно, будучи штабъ-офицеромъ, не захочетъ дожидаться у капитана въ передней: онъ взбѣсится и меня изрубитъ.

Княгиня. При лицѣ Предводителя онъ этого сдѣлать не посмѣетъ.

Князь. Вѣдь ты видишь, матушка, что нынѣ одна порода не весьма уважается и кто ее ставитъ въ великую цѣну, тѣхъ дураками считаютъ: такъ станетъ ли Нельстецовъ удерживать себя для Предводителя, когда самъ Сеумъ мнѣ говоритъ: дуракамъ-де и въ алтарѣ не спускаютъ.

Княгиня. Я ласкаюсь надеждою, что мы и безъ Нельстецова обойдемся. Я сегодня получила письмо отъ Графини Самодуровой? Она рекомендуетъ мнѣ гувернера Француза, г. Пеликана; его мы и возьмемъ.

Князь. Однако прежде посмотримъ и Нельстецова.

Княгиня. Пожалуй, я и на это согласна.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Докладываю Вашему Сіятельству, что г. Предводитель не знаю съ кѣмъ-то пріѣхалъ.

Князь. Пойду къ нимъ на встрѣчу; а ты, Княгиня, прими ихъ здѣсь.

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Князь, Княгиня, Сеумъ и Нельстецовъ.

КНЯЗЬ. Княгиня, вотъ г. Нельстецовъ! (*къ Нельстецову*). Это жена моя.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ (*подходя къ рукѣ Княгининой*). Рекомендую себя въ милость Вашего Сіятельства, какъ сосѣдъ и здѣшній дворянинъ.

КНЯЗЬ. Милости прошу садиться. (*Всѣ садятся. Къ Нельстецову*). Почтенный нашъ Предводитель, безъ сомнѣнія, предварилъ васъ о нашемъ желаніи, — такъ какъ и мы отъ него слышали о вашемъ расположеніи имѣть подъ надзоромъ вашимъ молодаго благороднаго человѣка.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Я отъ него обо всемъ увѣдомленъ; но прежде я долженъ отъ васъ самихъ слышать, какое воспитаніе вы дать намѣрены сыну вашему: чему учить хотите и къ какой службѣ его готовить?

КНЯЗЬ. Я обо всемъ этомъ отъ васъ хотѣлъ бы слышать.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Я бы думалъ образовать душу его, какъ надлежитъ дворянина.

Княгиня. Княжеской породы.

Нельстецовъ. Я не понимаю, какую разницу находите вы между дворянскою и княжескою породою.

Княгиня. Я нахожу, сударь, ту разницу, что князь болѣе дворянина рачить долженъ, чтобы ему никто не манкировалъ.

Князь. Князь долженъ быть на пунктѣ своей чести деликатнѣе дворянина *).

Княгиня. А я думала, что природа и порода—все одно.

Сеумъ. Вы слышите, сударыня, что породный князь можетъ быть природный дуракъ.

Княгиня. И такъ, г. Нельстецову не угодно, чтобъ сынъ нашъ зналъ, что онъ Князь, и не хочетъ удостоить его титломъ сіятельства.

Нельстецовъ. Я не беру на себя грѣха, не огнѣвайтесь, такому мальчишкѣ, каковъ вашъ сынъ, вертѣть голову возмечтаніемъ о его княжествѣ, сіятельствѣ и прочемъ дурачествѣ; но весьма стараться буду поселить въ его голову и сердце, что онъ, будучи благородно рожденный, долженъ имѣть и благородную душу.

Княгиня. И это не худо. (*Къ Князю*). Что жъ ты, Князь, такъ задумался?

Князь. Думаю о томъ, что̀ слышу, да ничего самъ придумать не могу; а признаюсь, что обѣдать пора, и потому прошу васъ, г. Пред-

*) Въ семъ мѣстѣ въ оригиналѣ не достаетъ одного листа.
Изд.

водитель (*къ Нельстецову*) и васъ, государь мой, у меня откушать.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Какъ вамъ угодно.

СЛУГА. Столъ готовъ.

КНЯЗЬ. Пойдемъ же.

(*Сеумъ повелъ Княгиню, а Князь пошелъ за Нельстецовымъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯГИНЯ (*одна*). Слава Богу, что изъ-за стола встали. Я пришла сюда отдохнуть отъ бесѣды гг. Предводителя и Нельстецова; развяжи насъ Богъ съ такими ругателями! Во время стола получила я письмецо отъ Графини Самодуровой, я его и прочесть не успѣла; теперь прочту на досугѣ. (*Читаетъ*):

«Любезная Княгиня!

«Если вамъ угодно, вы можете взять теперь «г. Пеликана въ гувернеры къ Князь Василью. «Сей Французъ наполненъ достоинствами: «рветъ зубы мастерски и вырѣзываетъ мозо-«ли...»

КНЯГИНЯ (*про себя*). Ахъ, какое счастіе! Онъ же еще и мозольный операторъ, а мнѣ въ этомъ такая нужда!

«Цѣну возьметъ умѣренную, и васъ, Кня-«гиня, такъ какъ и Князя, звать будетъ: votre «altesse!»

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Княгиня и Князь.

Княгиня. А, мой любезный Князь! Графиня Самодурова дѣлаетъ намъ великое благодѣяніе: она сыскала Князь Василью гувернера, который и зубы рветъ и мозоли вырѣзываетъ; а что̀ всего важнѣе, онъ давать намъ будетъ титла: votre altesse!

Князь. На что этого лучше.

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же, Скумъ и Нельстецовъ.

Князь (*къ Нельстецову*). Чему жъ вы сына моего учить хотѣли?

Нельстецовъ. Прежде всего правиламъ Вѣры, въ которой онъ родился.

Княгиня. А танцовать?

Нельстецовъ. Вы шутить изволите.

Князь. А какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстецовъ. Начну съ латинскаго.

Княгиня. Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстецовъ. А развѣ латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь. Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-латыни.

Нельстецовъ. Для того, что этотъ языкъ есть коренной многимъ языкамъ.

Княгиня. Вотъ еще на!

Князь (*къ Княгинѣ*). Не забудь же отправить поскорѣе съ отвѣтомъ къ Графинѣ Самодуровой.

Княгиня. Сейчасъ иду. (*Къ гостямъ*). Мы теперь же къ вамъ прійдемъ. Извините насъ, что мы должны отправить человѣка къ почтенной нашей сосѣдкѣ.

Сеумъ. Какъ изволите.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сеумъ и Нельстецовъ.

Сеумъ. Такъ ли вы нашли княжескій домъ, какъ я вамъ описывалъ?

Нельстецовъ. Точко такъ. Но мнѣ кажется, я уже имъ въ тягость быть начинаю.

Сеумъ. Да и мнѣ, кажется, не очень рады. (*Вошедшему слугѣ*). Другъ мой, вели подавать мою карету. (*Къ Нельстецову*). Мы сейчасъ можемъ ѣхать.

Нельстецовъ. Очень хорошо.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Князь и Княгиня.

КНЯГИНЯ (*идучи*). Я пригласила сюда самую Графиню и съ Пеликаномъ; авось-либо у Князь Василья будетъ гувернеръ по сердцу нашему.

КНЯЗЬ (*гостямъ*). Вотъ мы здѣсь, милостивые государи. Мы поспѣшили сюда, чтобъ насладиться вашею бесѣдою.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Много чести.

КНЯГИНЯ (*Сеуму*). Я хотѣла васъ спросить; почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ?

СЕУМЪ. Вы далеко видите, сударыня; лѣтъ черезъ десятокъ неизвѣстно еще, будетъ ли кого и будетъ ли кому отправлять.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. А я въ прибавокъ скажу, что и того еще предвидѣть нельзя, что лѣтъ чрезъ десятокъ будетъ и съ самою Франціею, ежели господа Французы колобродить не скоро перестанутъ.

СЕУМЪ. Вотъ до чего дошло то государство, которому цѣлая Европа столько лѣтъ во всемъ подражать хотѣла! Читая въ газетахъ описаніе гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ Французы, заводя равенство состояній?

КНЯЗЬ. Я этого не понимаю.

СЕУМЪ (*къ Нельстецову*). Мнѣ не случалось

съ вами объ этомъ говорить; а, право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вашъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ дѣлали. Необходимо надобно, чтобъ одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала; слѣдственно равенства состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыслъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели Французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленіе власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоить будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали; ибо всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена на жертву другой. Вотъ что я думаю о нынѣшнемъ законодательствѣ французскомъ.

СЕУМЪ. Но когда не могутъ быть законы, кои бы всякаго честнаго человѣка дѣлали благополучнымъ, то что же остается дѣлать законодателю?

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Остается расчислить такъ, чтобъ

число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется.

Сеумъ. Такъ законодателю надобно быть великому исчислителю.

Нельстецовъ. Но сіе политическое расчисленіе требуетъ ума гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескьё.

Сеумъ. Для чего же?

Нельстецовъ. Для того, что въ Математикѣ отъ одной извѣстности идутъ къ другой, такъ сказать, машинально, и математикъ имѣетъ предъ собою всѣ откровенія предшественниковъ своихъ; ему надобно имѣть только терпѣніе и умѣть ими пользоваться; но политика прежнія откровенія не поведутъ вѣрною дорогою. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти; словомъ, умъ политическій есть и долженъ быть несравненно больше и гораздо рѣже встрѣчается, нежели математическій.

Сеумъ. О, сколь блаженна та страна, гдѣ таковой рѣдкій законодательный умъ сидитъ на престолѣ!

Нельстецовъ. И сколь счастливы тѣ, кои таковую страну отечествомъ имѣютъ! (*къ Князю*). Вы, Князь, о чемъ задумались?

Князь. Что вы оба ни говорили, я ничего не понимаю.

СЕУМЪ. Да слышали ль вы, что во Франціи уже князей нѣтъ?

КНЯГИНЯ. Это почти невѣроятно; я что-то и сама слышала, да не могу вѣрить.

СЕУМЪ. Неужели вы не имѣете понятія о французскихъ замѣшательствахъ?

КНЯЗЬ. Я вѣрю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всѣми.

НЕЛЬСТЕЦОВЪ. Вашъ сынъ, пріѣхавъ во Францію, не будетъ уже князь.

КНЯГИНЯ. Такъ я его не пошлю туда ни изъ чего.

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Слуга.

СЛУГА. Графиня Самодурова, не знаю съ кѣмъ-то, пріѣхать изволила.

КНЯГИНЯ. Выйду на встрѣчу благодѣтельницѣ дому нашего.

—

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Графиня съ Пеликаномъ.

(*Княгиня въ дверяхъ встрѣчается съ Графинею и другъ другу кричатъ*):

Ваше Сіятельство!

(*Князь подходитъ къ Графининой рукѣ*).

ГРАФИНЯ. Представляю вамъ г. Пеликана.

Пеликанъ (*ужимаясь*). Votre altesse!..

Графиня (*Княгинѣ*). Вотъ гувернеръ сыну вашему, любезная Княгиня!

Пеликанъ (*ужимаясь*). Votre altesse!..

Сеумъ (*подошедъ къ Пеликану и смотря на него пристально*). Эта рожа мнѣ знакома.

Пеликанъ (*узнавъ Сеума, бѣжитъ вонъ, крича изо всей силы*). Не хошу сдѣсъ, не хошу!

Графиня. Что̀ съ нимъ сдѣлалось?

Сеумъ Я вамъ развяжу эту загадку. Сей пустоголовый Французъ былъ во Франціи въ какой нибудь богадѣльпѣ подлекаремъ; умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли,—но больше ничего. Онъ пріѣхалъ въ Россію, и я въ другомъ намѣстничествѣ, гдѣ у меня есть деревня, увидѣвъ его въ учителяхъ у дѣтей благородныхъ, за долгъ счелъ доложить о томъ намѣстнику, который, считая такихъ побродягъ зловредными отечеству, выгналъ его вонъ по моему представленію и для того онъ, увидя меня, отсюда выбѣжалъ, видно, боясь, чтобъ я его въ другой разъ не погналъ по шеѣ. Какъ бы то ни было, я завтра же, увидя намѣстника, постараюсь выпроводить его изъ нашего уѣзда въ двадцать четыре часа.

Княгинѣ. Г. Предводитель, умѣрьте вашу строгость для нашей просьбы.

Сеумъ. Вы, Княгиня, вольны слѣдовать или не слѣдовать моему совѣту въ препорученіи сына вашего тому, кого я представлялъ; но я,

Дворянскій Предводитель, никакъ не потерплю, чтобъ въ уѣздѣ нашемъ внѣдрилась негодница, пріѣхавшая развращать сердца и головы благородныхъ юношей.

Княгиня (*про себя*). Думала ль я, чтобъ мы, призвавъ Предводителя для сысканія сыну нашему наставника, лишились чрезъ него достойнаго гувернера, который, вступя въ комнату, началъ тѣмъ, что отдалъ намъ должное, именовавъ меня и мужа моего: votre altesse.

Графиня (*Княгинѣ*). Да зачѣмъ у васъ г. Предводитель?

Княгиня. Ахъ, Ваше Сіятельство! мы призвали его для совѣта.

Графиня. Вотъ таково-то жить чужимъ умомъ! Я, будучи Самодурова, отъ роду ни у кого ни въ чемъ совѣта не спрашиваю; а живу, какъ хочу, и дѣлаю что изволю; могу сказать, что я своимъ устьемъ въ море впала. Я на вашемъ мѣстѣ отблагодарила бы его за совѣтъ, да тѣмъ бы дѣло и кончилось.

Нельстецовъ. Я пріѣхалъ сюда по приглашенію г. Предводителя, усердствующаго пользѣ благороднаго общества; но теперь ни за что въ свѣтѣ не соглашусь быть наставникомъ у молодаго человѣка, имѣющаго родителей, зараженныхъ однимъ мечтаніемъ породы.

Сеумъ (*къ Князю и Княгинѣ*). Слуга покорный! Впредъ меня къ себѣ не ждите.

Князь. Воля ваша.

Княгиня. Графиня, пойдемъ въ ваши комнаты. (*Князь повелъ Графиню, за которою уходитъ и Князь*).

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Сеумъ и Нельстецовъ.

Нельстецовъ. Странные люди! Скажите, что руководствуетъ ихъ мыслями и дѣлами?

Сеумъ. Что руководствуетъ? Глупая спѣсь.

КОРІОНЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

НАЙДЕННАЯ ВЪ БУМАГАХЪ ПОКОЙНАГО ОЗЕРОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

—

Коріонъ.

Менандръ, другъ его.

Зеновія, любовница Коріона.

Андрей, слуга Коріоновъ.

Крестьянинъ.

Дѣйствіе въ подмосковной деревнѣ Коріоновой.

КОРІОНЪ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

═

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АНДРЕЙ.

Уединенну жизнь какъ мнѣ ни выхваляли,
Я вижу, что о томъ пустое мнѣ болтали.
Возможно ли Москву съ деревнею сравнять?
Тамъ нѣтъ полей и рощъ, а есть гдѣ погулять.
Вовѣки не могу я къ жизни сей привыкнуть,
Пріятности ея не въ силахъ я проникнуть.
Свирѣлей нѣжный гласъ не милъ моимъ ушамъ;
Въ Москвѣ я живучи, привыкъ къ колоколамъ.
Ужъ три дни какъ я здѣсь, въ угодность го-
сподину,
Скучаю, рвусь, бѣшусь, кляну мою судьбину;
Не вѣдаю, зачѣмъ пріѣхалъ онъ сюда.
Никакъ пришла ему взбѣситься череда.
Не знаю, для какой пріятной здѣсь награды
Оставилъ онъ Москву, гдѣ балы, маскарады
Имѣютъ полну власть изъ ночи дѣлать день,
Изъ солнечныхъ лучей ночную дѣлать тѣнь.
Что сдѣлалося съ нимъ? что сдѣлалось со мною?
Неужли мы навѣкъ разстанемся съ Москвою?

Тому, кто тамъ, какъ онъ, безпечно жизнь ведетъ,
Казалось бы, на умъ деревня не пойдетъ:
Онъ молодъ, и богатъ, и счастливъ въ нѣжномъ полѣ:
Чего жъ ему еще желать осталось болѣ?
Но, нѣтъ! онъ прежде самъ веселу жизнь любилъ....
Теперь сталъ весь не тотъ: печаленъ и унылъ.
Жестокая тоска его тревожить стала;
Она одна сюда по почтѣ насъ примчала.
Въ деревню отъ роду пріѣхалъ въ первый разъ!
За цѣлыя сто лѣтъ считаю всякій часъ.
Пойду теперь, пойду, спрошу я господина:
Какая бы его тоски была причина?
Пойду, пойду къ нему... да что жъ я оробѣлъ?
(Воротясь).
Онъ мнѣ къ себѣ входить безъ спросу не велѣлъ;
Однакожъ я пойду... Иль онъ лишенъ разсудка?...
Нѣтъ, нѣтъ! Останусь здѣсь; теперь не кстати шутка:
Съ сердитыми шутить, я знаю, каково. (*Помолчавъ*)
Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никого.
За службу вѣрную, за службу для покою,
По мелости своей, меня онъ взялъ съ собою.
Что десять дѣлали, я дѣлаю одинъ.
Худая жизнь слугѣ, коль бѣшенъ господинъ.
Собачья жизнь моя!... терпѣнія не стало!...

Да что за чудо мнѣ въ глаза теперь попало?
Какое странное и глупое лицо!

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Съ Москвы-ста барину прислали письмецо.

АНДРЕЙ.

Подай! Не знаю я, что̀ бъ это за причина?
Скажи мнѣ, ради ль вы пріѣзду господина?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какъ вашей милости не радимъ-ста намъ быть?
(Хочетъ идти)

АНДРЕЙ.

Постой, мнѣ нужда есть съ тобой поговорить.
Скажи мнѣ, здѣсь не все ль живутъ одни медвѣди
И есть ли, кромѣ ихъ, другіе вамъ сосѣди?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Оборони-ста Богъ! Здѣсь мало ли людей?
Да что же-ста!... Не какъ-ста милости твоей
Пришла здѣсь вотчина боярска не по праву?

АНДРЕЙ.

По правдѣ, я нашелъ худую здѣсь забаву.
Я долженъ или здѣсь съ ума сходить одинъ,
Иль видѣть какъ грустить и рвется господинъ.
Такъ время проводить несносно человѣку.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да также-ста и здѣсь, отъ насъ неподалеку,
Тому ужъ года три, боярыня живетъ.
Все плачетъ да грустит, не взмилилъ ей и
свѣтъ
И, Господи, спаси отъ этакой кручины!
А отъ чего? никто не вѣдаетъ причины.

АНДРЕЙ.

Ты чудо мнѣ сказалъ! Да вотъ и Коріонъ.
Я вижу барина; поди отсюда вонъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Коріонъ *(читая письма)* и Андрей.

АНДРЕЙ.

Не прогнѣвлю ли я васъ смѣлостью такою,
Прося, чтобъ молвили два слова вы съ слугою?
О чемъ грустите вы, дозвольте доложить?
И долго ль будетъ намъ въ такой пустынѣ жить?
Коль здѣсь останемся еще на долго время,
Я вижу, мнѣ не снесть такое скуки бремя.
Оставилъ въ городѣ, въ злой грусти, я одну
Любезную мою и вѣрную жену.
Хоть приращенія мой лобъ не ожидаетъ,
Однако сатана женъ вѣрныхъ искушаетъ.
Такою хитростью пресильнаго врага
Нечаянно носить случается рога....
Дождусь ли я отъ васъ пріятнаго отвѣта?
Молчанье для меня не добрая примѣта!

КОРІОНЪ.

Чернилъ, перо!

АНДРЕЙ.

Къ чему жъ?

КОРІОНЪ.

То дѣлай, что велятъ!

АНДРЕЙ.

Его слова меня, мои его вздурятъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коріонъ *(сидя)*.

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тому всѣ мысли обращаю,
Въ лютѣйшей горести... отраду ощущаю.
Для твердыхъ душъ оковъ судьбою не дано:
Коль бѣдству зримъ конецъ, не страшно намъ оно!

(Написавъ нѣсколько строкъ).

О ты, чьей горести я злобный былъ содѣтель,
Которой обожать я долженъ добродѣтель,
Которой за любовь измѣной заплатилъ,
Которой счастіе въ напасти превратилъ,—
Коль ты еще жива, тронись моей тоскою,
Какъ нынѣ тронутъ я твоею сталъ судьбою.
Зиновія! тебѣ, кончая жизнь мою,
Я все мое теперь богатство отдаю.
Менандръ, мой другъ, тебѣ вручитъ его, конечно.

А мнѣ противенъ вѣкъ, я съ нимъ разстанусь
вѣчно;
Отрады для меня нигдѣ не можетъ быть.

—

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

Корiонъ и Андрей.

АНДРЕЙ (*въ сторону*).

Въ такой тоскѣ весь свѣтъ не трудно позабыть!
Что̀ я держу въ рукахъ, и то позабываю,
Послѣдуя ему, послѣднiй умъ теряю.
(*Кладетъ письмо на столъ*).
Письмо, которое забылъ отдать я вамъ. (*Въ
сторону.*)
Однако онъ теперь писать изволитъ самъ.
Конечно, онъ въ Москву послать кого намѣ-
ренъ,
Да только не меня, я твердо въ томъ увѣренъ.
(*Взявъ перо, чинитъ*).

КОРIОНЪ.

Что хочешь дѣлать ты?

АНДРЕЙ.

Писать письмо къ женѣ,
И къ братьямъ, и къ друзьямъ, и всей моей
роднѣ.
Мнѣ должно имъ сказать, куда я преселился,
Изъ бездны ль вышелъ бѣдъ, иль въ бездну
провалился.
Друзья не вѣдаютъ, куда ихъ скрылся другъ,

Жена не вѣдаетъ, гдѣ кроется супругъ.
Скажите, для чего бъ не пользоваться вѣкомъ,
И въ свѣтѣ живучи, быть мертвымъ человѣкомъ?
Въ деревню должно тѣмъ навѣкъ переѣзжать,
Кто хочетъ жителямъ деревни подражать,
У коихъ, если кто моей повѣритъ справкѣ,
Подобно какъ они—и разумы въ отставкѣ.
Размножился у насъ такихъ невѣжей родъ,
Тутъ нельзя разобрать съ крестьянами господъ;
Иной изъ нихъ, служа и тѣлеси и духу,
Во здравіе свое до смерти гнетъ сивуху;
Иной и день и ночь, проливъ струями потъ,
Гоняясь за скотомъ, и самъ бываетъ скотъ;
И лучшіе изъ нихъ равняются со пнями,
Кто много хвастаетъ своими деревнями,
Считая то за верхъ блаженства своего,
Чтобъ ночь проспать, а днемъ не дѣлать ничего.

КОРІОНЪ.

Будь веселъ; завтра ты увидишься съ Москвою.

АНДРЕЙ.

Какъ! мнѣ? Воскреснуть мнѣ назначено судьбою?

КОРІОНЪ.

Иль не мило тебѣ со мной въ деревнѣ жить?

АНДРЕЙ.

Веселымъ господамъ охотнѣе служить.
Я знаю, что Москва свои имѣетъ нравы,
Гдѣ сердце веселятъ различныя забавы:
Какое множество въ Москвѣ прекрасныхъ лицъ!

Тамъ всякой найдетъ рай въ собраніи дѣвицъ.
Не вы ли прежде тамъ въ весельѣ восхищались?
Не вы ли прелестьми московскими прельщались?
Я самъ въ Москвѣ, я самъ въ окошко видѣлъ
рай,
А здѣсь въ окно одинъ лишь вижу я сарай....
Вы только лишь теперь меня и воскресили,
Сказавши мнѣ, что тѣ минуты наступили,
Въ которы выѣдетъ со мною господинъ.

КОРІОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я буду здѣсь, поѣдешь ты одинъ.

АНДРЕЙ.

Неужель должно мнѣ безъ васъ Москву увидѣть?
Съ чего вы вздумали весь свѣтъ возненавидѣть?
Какой вы вкусъ нашли жить въ скукѣ одному?
Могу ль я вѣдать, что причиною тому?
Неужель къ тѣмъ сердцамъ, которы вамъ вру-
чились,
Безвременно еще наслѣдники явились?
Неужель вѣчный жаръ красавицы какой,
Погаснувъ самъ, пожралъ съ собою вашъ покой?
Иль та, которая, взявъ въ плѣнъ свой, васъ
сковала,
Оковы разорвавъ, въ деревню васъ прогнала?
Но какъ бы то ни есть, я чѣмъ виновенъ въ
томъ?
За что былъ долженъ я остаться здѣсь скотомъ?

КОРІОНЪ.

Теперь тебя съ письмомъ къ Менандру отпра-
вляю.

АНДРЕЙ.

А я вамъ отъ него письмо теперь вручаю:
Мнѣ можно было то по надписи узнать.

КОРІОНЪ.

Но кто бъ изъ васъ ему осмѣлился сказать,
Что я въ деревнѣ здѣсь?....

(Распечатавъ письма, читаетъ одно, оставя приложенныя на столъ).

Онъ быть ко мнѣ намѣренъ.
Да мнѣ его пріѣздъ не нуженъ. Я увѣренъ,
Что можешь ты его въ Москвѣ еще застать...

АНДРЕЙ.

Оставя васъ грустить, и рваться, и вздыхать?
По крайней мѣрѣ вы задумчивымъ не будьте,
И этого еще прочесть не позабудьте.

(Кладетъ ему достальныя).

КОРІОНЪ *(прочитавъ.)*

Изрядно. Я теперь полковникъ.....

АНДРЕЙ.

Вамъ данъ чинъ?
Теперь-то къ радости довольно мнѣ причинъ!
Неправду ль я сказалъ?... Хоть нѣтъ отъ васъ отвѣту,
Однако я велю закладывать карету.
Иль долгу своего не можете понять?
Не должно ль намъ въ Москву какъ можно поспѣшать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда въ Петербургъ отправиться извольте.
Вамъ счастья своего не долго будетъ ждать,
Коль станете во всемъ вы знатнымъ угождать.

Извѣстны вамъ самимъ большихъ господъ законы,
Что жалуютъ они нижайшіе поклоны;
Умножьте вы число особою своей
Стоящихъ съ трепетомъ въ передней ихъ людей;
И если за чины не велѣно дарить,
Такъ милость сдѣлали и васъ не обошли,
Что, живши въ отпуску, вы чинъ себѣ нашли...
Да что жъ?..... никакъ и та вамъ милость непріятна?
Клянусь, что ваша мнѣ холодность непонятна!

КОРІОНЪ.

Андрей, возьми письмо.

АНДРЕЙ.

Не знаю, что зачать,
И что на это вамъ мнѣ должно отвѣчать?
Смущеніе, тоска, печальны разговоры,
А болѣе всего отчаянные взоры
Смущаютъ и меня, усерднаго слугу;
И, если доложить о томъ я вамъ могу,
Скажите, для чего, когда васъ грусть терзаетъ,
Вы пишете къ тому, кто важно разсуждаетъ?
Неужель вамъ Менандръ одинъ остался другъ?
Въ Москвѣ у васъ друзей бывало по стувдругъ.

КОРІОНЪ.

Тѣхъ временныхъ друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они дѣлятъ, дѣлятъ они забавы;
Хоть, кажется, они усердіемъ горятъ,

Однакожъ ихъ сердца иное говорятъ;
И дружба такова проходитъ скоротечно.
Менандръ, одинъ Менандръ мнѣ будетъ дру-
гомъ вѣчно!

АНДРЕЙ.

По крайней мѣрѣ я хочу оставить васъ
Въ хорошемъ обществѣ. Я самъ почти сейчасъ
Услышалъ, что живетъ красавица въ сосѣдствѣ,
Въ отчаяньѣ, въ тоскѣ, и горести, и бѣдствѣ,
Я слышалъ, что она всечасно слезы льетъ;
Подобно какъ и вамъ, противенъ ей сталъ свѣтъ.
Не должно ли подать вамъ помощи ей руку? —
Вотъ способъ прогонять свою тоску и скуку.
Прекрасной госпожи плачь въ радость премѣня,
Оставьте вы тогда служанку для меня.

КОРІОНЪ.

Какой прескучный вздоръ!

АНДРЕЙ.

На вздоръ ли то походитъ,
Когда случай сюда красавицу приводитъ?
Коль вздоромъ кажется вамъ этотъ разговоръ,
Такъ посему и все у васъ на свѣтѣ вздоръ!
Да если бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно,
За этотъ взяться вздоръ и вамъ еще не поздно...
Послушайте того, кто хочетъ вамъ добра,
Которое для васъ получше серебра.
Богатства вы теперь имѣете довольно;
Но весело ли съ нимъ тому, чье сердце вольно?
И если для того, чтобы спокойно жить,
На сердце должно вамъ оковы наложить,

Мнѣ кажется, что тѣ пречудныя оковы
Въ сосѣдствѣ здѣсь давно для васъ уже готовы.
Когда угодно вамъ, пойду и полечу....

КОРIОНЪ.

Останься! Никого я видѣть не хочу.
(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНIЕ ШЕСТОЕ.

АНДРЕЙ (*одинъ.*)

Его уже ничто на разумъ не приводитъ.
И больше отчасу съ ума мой баринъ сходитъ!
Когда жъ судьба велитъ ему съ ума сойти,
То трудно будетъ здѣсь умнѣй его найти,
Но въ самомъ дѣлѣ, все, что онъ ни начинаетъ,
Меня и самого чрезмѣрно огорчаетъ.....
Хоть много я теперь расхвастался умомъ,
Однако дѣлать я не знаю что съ письмомъ.....
Отчаянье его отъѣздъ мой усугубитъ;
Оставшись здѣсь одинъ, онъ самъ себя погу-
битъ.

—

ЯВЛЕНIЕ ОСЬМОЕ.

Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да та кто барыня зоветъ тебя къ себѣ,
О коей прежъ сего я сказывалъ тебѣ.
Передъ себя она, меня признавши, баетъ,
Что будто-ста она и вашу милость знаетъ.

АНДРЕЙ.

Теперь не до того, мой другъ: ты долженъ
знать,
Что велѣно тебѣ сейчасъ въ Москву скакать.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Помилуй-ста! Не дай въ конецъ мнѣ разориться!

АНДРЕЙ.

Не плачь, поѣздка та не можетъ долго длиться:
Къ Менандру долженъ ты отвезть письмо туда.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Теперь-ста не за мной осталась череда.
Обидно, батюшка!

АНДРЕЙ.

Ужъ ты, братъ, мнѣ и скучишь!
Одной поѣздкою себя ты не измучишь.
Какая тягость то?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да мы разорены!

АНДРЕЙ.

Скажи мнѣ, отъ чего вы въ то приведены?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Платя-ста барину оброкъ въ указны сроки,
Бываютъ-ста еще другіе съ насъ оброки,
Отъ коихъ уже мы погибли-ста въ конецъ.
Нерѣдко ѣздитъ къ намъ изъ города гонецъ
И въ городъ старосту съ собою онъ таскаетъ,
Котораго-ста міръ, сложившись, выкупаетъ.
Слухъ есть, что сдѣланъ въ вновь въ Приказѣ
приговоръ,

Чтобъ чаще былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.
Не мало и того сбирается въ народѣ,
Чѣмъ кланяемся мы почасту воеводѣ.
Къ тому же сборщики-драгуны ѣздятъ къ намъ
И безъ пощады бьютъ кнутами по спинамъ,
Коль денегъ-ста когда даемъ мы имъ немного.

АНДРЕЙ.

О! о! Мнѣ кажется, ужъ это слишкомъ строго.
Какую бѣдную крестьяне жизнь ведутъ,
Коль грабятъ ихъ и тѣ, которымъ преданъ судъ!
Однако долженъ ты, что̀ велѣно, исполнить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй-ста хоть впредь изволь словцо замолвить.
А мы готовы вамъ и сами отслужить.

АНДРЕЙ.

Изрядно. Перестань о томъ теперь тужить.
Поди скорѣе ты къ отъѣзду убираться.

—

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Коріонъ и Андрей.

КОРІОНЪ.

Готовъ ли ѣхать ты?

АНДРЕЙ.

Готовъ я здѣсь остаться.

КОРІОНЪ.

Какъ?...... Что это?.....

АНДРЕЙ.

Такъ.... я.... раздумалъ ѣхать самъ.
Зачѣмъ же ѣхать мнѣ, коль васъ не будетъ
тамъ?

КОРІОНЪ.

Что̀ значитъ это все?

АНДРЕЙ.

Что я о васъ жалѣю,
И одного я васъ оставить здѣсь не смѣю.
Безъ вашей жизни мнѣ что̀ будетъ и въ моей?
Вы скоро съ жизнію поссоритесь своей!
И для того боюсь отселѣ удалиться,
Хотя бъ я долженъ былъ отъ скуки здѣсь
взбѣситься.

КОРІОНЪ.

Кто сказывалъ тебѣ?......

АНДРЕЙ.

Никто, никто; а такъ.......
Мнѣ показалось то, затѣмъ что я дуракъ!
И легче всѣхъ могу во всемъ я ошибиться!
Однако нѣтъ вреда во всемъ остерегаться.
Я жизнію шутить ни чьею не могу
И съ жизнію своей я вашу берегу.

КОРІОНЪ.

Еще тебѣ сей свѣтъ, я вижу, не противенъ?

АНДРЕЙ.

Кому такой вопросъ покажется не дивенъ?
Мое намѣренье, коль Богъ благословитъ,
Не въ важности какой, въ бездѣлкѣ состоитъ,—
И ежели мнѣ въ томъ не помѣшаютъ черти,

Такъ весело прожить желаю я до смерти.
На свѣтѣ семъ никто два раза не живетъ,—
Вотъ мнѣніе мое и вотъ вамъ мой отвѣтъ.
То правда, что у всѣхъ бываютъ разны вкусы;
Хоть много храбрыхъ есть, однако есть и трусы.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и прадѣдъ мой, и дѣдъ,
Которымъ, какъ и мнѣ, любезенъ былъ сей свѣтъ.
И если отъ меня мои родятся дѣтки,
Такъ будутъ таковы жъ, какъ ихъ отецъ и предки;
И временной сей свѣтъ полюбятъ и они,
Хотя и не всегда бываютъ красны дни.

КОРIОНЪ.

Ты скучишь. Не тебѣ ль скорѣе ѣхать должно?

АНДРЕЙ.

Что жъ дѣлать мнѣ? Никакъ быть этому не можно!

КОРIОНЪ.

Ужъ больше отъ тебя терпѣть моихъ нѣтъ силъ!
Довольно ты меня, мнѣ кажется, бѣсилъ.
И я съ тобой мое терпѣніе теряю.

АНДРЕЙ.

Ужель я вамъ моимъ усердьемъ досаждаю?
Себѣ ли въ пользу я остаться здѣсь хочу?

КОРIОНЪ.

Ты будешь ли молчать?

АНДРЕЙ.

Извольте, я молчу.

КОРIОНЪ (*въ сторону*).

Сегодня цѣлый день онъ предо мною бредитъ.

ЯВЛЕНIЕ ДЕВЯТОЕ.

Корiонъ, Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ (*къ Андрею.*)

Готовъ-ста, батюшка!

КОРIОНЪ.

Куда?

АНДРЕЙ.

Въ Москву онъ ѣдетъ.

КОРIОНЪ.

Бездѣльникъ! Такъ ты съ нимъ письмо хотѣлъ послать?
И всѣ мои слова ты сталъ пренебрегать?
Такъ ты теперь ужъ самъ быть хочешь господиномъ?

АНДРЕЙ.

Не льстился я вовѣкъ такимъ великимъ чиномъ:
Я знаю то всегда, что долженъ быть слугой;
Однако, иногда, совѣтъ бываетъ мой...
Извольте бить меня, замучьте, притаскайте,
Лишь только отъ себя меня не отпускайте.

КОРIОНЪ (*Крестьянину*).

Изрядно; ты въ Москву не медля поѣзжай.

(*Андрею.*)

А ты по крайней мѣрѣ то хотя теперь узнай,
Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такова
И что тебѣ давно отпускная готова. (*Уходитъ*).

АНДРЕЙ.

Хоть онъ отпускную изволитъ обѣщать,
Однако вѣкъ ему меня не отпущать.
Хоть много на меня изволитъ онъ сердиться,
Однако безъ меня не можетъ обойтиться.
Подобно безъ него и мнѣ не можно жить:
Я самъ привыкъ ему съ усердiемъ служить.
Счастливы господа усердными слугами,
А слуги добрыми счастливы господами!

═

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Менандръ и Андрей.

АНДРЕЙ.

Насилу могъ того дождаться я часа,
Въ который васъ сюда прислали небеса!
А если бъ вы еще помедлили подолѣ,
То бъ должно было мнѣ взбѣситься по неволѣ.
Спросите у него, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ,
И отъ чего ему противенъ сталъ сей свѣтъ?

Недавно къ вамъ съ письмомъ крестьянинъ
отправлялся;
Я думаю, что онъ на встрѣчу вамъ попался.

МЕНАНДРЪ.

Письма отсюда я еще не получалъ,
Но здѣсь вблизи я самъ двухъ женщинъ обо-
гналъ,
Которыхъ разсмотрѣть не можно было точно...
Не знаешь ли ты кто?

АНДРЕЙ.

Я самъ пойду нарочно
Узнать, зачѣмъ онѣ изволятъ ѣхать къ намъ:
Въ такомъ случаѣ я проворенъ очень самъ.

МЕНАНДРЪ.

Неужель Коріонъ еще того не знаетъ,
Что я...

АНДРЕЙ.

Отъ васъ-то онъ теперь и убѣгаетъ,
И болѣе узнать не можно вамъ его:
Онъ сталъ совсѣмъ не тотъ.

МЕНАНДРЪ.

Скажи мнѣ, отъ чего
Онъ началъ такъ грустить, печалиться и
рваться?

АНДРЕЙ.

Причины я и самъ не могъ тому добраться;
И сколько мыслями своими ни брожу,
Однако я нигдѣ ее не нахожу.

МЕНАНДРЪ.

Какая бъ быть могла поѣздки сей причина?

АНДРЕЙ.

Слуга не вѣдаетъ: спросите господина,
Который, весь свой вѣкъ намѣрясь промолчать,
Мнѣ кажется, и вамъ не будетъ отвѣчать.
Досаденъ иногда и жалокъ онъ бываетъ;
Что̀ сдѣлать самъ велитъ, то тотчасъ забы-
ваетъ;
Такая на него была еще пора,
Что вздумалъ и меня гнать въ шею со двора;
А обошедшися со мною такъ сурово,
Чрезъ полчаса забылъ сдержать свое въ томъ
слово.
И если не былъ онъ сперва кому знакомъ,
Такъ тотъ его сочтетъ, конечно, дуракомъ,
Хоть дерзко я сказалъ, да вы не разсердитесь:
Я знаю, что тому вы сами удивитесь,
Увидя, какъ себѣ онъ голову вскружилъ ..
Когда бъ онъ боленъ былъ, я бъ менѣе тужилъ:
Тогда бъ помочь ему нашлось какое средство;
А это злѣе всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ бѣдство,
Чтобъ чувствовать тоску и слезы проливать,
И самому причинъ тоски своей не знать...
Да вотъ онъ самъ идетъ. Побудьте съ нимъ
подолѣ;
Заставьте вы его открыться поневолѣ;
Старайтесь отъ него тоску узнать всю вдругъ.
Я васъ оставлю здѣсь однихъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коріонъ и Менандръ.

МЕНАНДРЪ.

Любезный другъ,
Съ какою радостью тебя я обнимаю!
Повѣрь, что счастіе своимъ твое считаю.
Хотя старался то въ письмѣ изобразить,
Однако я письмомъ не могъ доволенъ быть
И самъ пріѣхалъ я съ тобою повидаться.

КОРІОНЪ.

Дозволь мнѣ искренно, мой другъ, тебѣ при-
знаться,
Что если бъ ты пріѣздъ дня на два отложилъ,
То бъ тѣмъ меня еще ты больше одолжилъ.
Недавно я и самъ письмо послалъ отселѣ,
Въ которомъ я просилъ тебя о важномъ дѣлѣ.
Ахъ, если бъ на себя ты трудъ хотѣлъ принять!
И обстоятельства...

МЕНАНДРЪ.

Я не могу понять,
Зачѣмъ ты здѣсь живешь? Что сдѣлалось съ
тобою?
Спѣши скорѣй отсель ты выѣхать со мною.
Не должно ли тебѣ за чинъ благодарить?

КОРІОНЪ.

За чинъ?.. Но онъ меня не можетъ веселить.
Отъ дружбы я твоей того не сокрываю,
Что къ прежней жизни я весъ вкусъ уже теряю.
Противенъ городъ мнѣ, и Дворъ, и весь сей
свѣтъ:

Они наполнены премножествомъ суетъ.
Я отвращенье къ нимъ жестокое имѣю;
Доволенъ буду я судьбиною моею,
Когда останусь здѣсь въ спокойствіи весь вѣкъ,
И буду отъ суетъ свободный человѣкъ.

МЕНАНДРЪ.

Я долженъ твоему намѣренью дивиться,
Прилично ли тебѣ отъ свѣта удалиться,
Когда уже нашелъ ты счастіе свое...
Не безразсудно ли намѣренье сіе?
Всѣ тѣ, которые его предпринимаютъ,
Нерѣдко со стыдомъ его уничтожаютъ:
Оставя свѣтъ, сперва скучаютъ мыслью сей,
За скукой идетъ грусть, раскаянье за ней;
И послѣ въ свѣтъ вступить желанья вновь родятся,
А возвратясь, они смѣшными становятся.
Скорѣе всѣхъ того свѣтъ можетъ позабыть,
Который въ немъ ничѣмъ не могъ доволенъ быть;
Довѣренность его и счастье пропадаетъ:
Онъ свѣтъ, а свѣтъ его оставить принимаетъ,
Тогда онъ отстаетъ отъ мѣста своего,
Гдѣ могутъ обойтись легко и безъ него.
Потомъ занять его опять хоть мысль приходитъ,
Но мѣсто прежнее онъ занятымъ находитъ.
Скажи мнѣ, чтобъ покой снискать душѣ своей,
Оставить должно ль свѣтъ и бѣгать отъ людей?
Разумный человѣкъ, которому природа
Велѣла въ обществѣ для пользы быть народа,

Оставить должности не хочетъ никогда,
И гдѣ велитъ долгъ жить, онъ тамъ живетъ
всегда;
Хоть при Дворѣ жить вѣкъ судьба его приводитъ,
Уединенье онъ среди Двора находитъ.
И если иногда онъ такъ захочетъ жить,
На тотъ часъ можетъ онъ всю пышность отло-
жить,
Не помышлять о томъ, что важно и полезно,
И видѣть только то, что есть ему любезно;
Но ты мнѣ искренно скажи, любезный другъ:
Какая темна мысль тебя объяла вдругъ?
И ежели о томъ спросить тебя я смѣю,
Печаль,..

КОРІОНЪ.

Я никакой печали не имѣю,
И мнѣ еще къ тому причинъ ни малыхъ нѣтъ.

МЕНАНДРЪ.

Такъ для чего жъ тебѣ противенъ нынѣ свѣтъ?
Хоть нравы у людей и стали поврежденны,
Однако мы нашъ вѣкъ жить съ ними принуж-
денны;
Мы должны завсегда покорны быть судьбѣ.
Послѣдовать сему совѣтую тебѣ,
И убѣгать людей причины я не вижу.

КОРІОНЪ.

Я ихъ, любезный другъ, и самъ не ненавижу.
Современникамъ я могу ли быть злодѣй?
Могу ль я быть въ числѣ превратныхъ тѣхъ
людей,

Которые безъ винъ, безъ права, безъ причины
Злословятъ весь сей свѣтъ до самой ихъ кон-
чины?
Хулитель таковой съ излишествомъ суровъ:
Развратны люди есть, но всякій ли таковъ?
Я много разъ и самъ бывалъ тому свидѣтель,
Что многими еще хранится добродѣтель.
Имѣлъ причину я людей не презирать,
И узы общества усердно почитать;
И никогда не зналъ такихъ веселій злобныхъ,
Чтобъ огорчать, язвить и гнать себѣ подоб-
ныхъ.

МЕНАНДРЪ.

Къ чему же убѣгать ты свѣта принужденъ?

КОРІОНЪ.

Но что̀ бъ ты сдѣлалъ самъ? Я къ скукѣ осу-
жденъ;
Тоскою пораженъ, страдаю и крушуся,
И уже самъ себѣ я въ тягость становлюся.
Хочу отъ свѣта скрыть на вѣки я того,
Который въ немъ лишенъ спокойствія всего.
Не будь встревоженъ ты, мой другъ, моимъ
отвѣтомъ:
Скучаетъ мною свѣтъ, а я скучаю свѣтомъ.
Пришло то время, чтобъ я тѣхъ забавъ бѣжалъ,
Которы я любилъ, которы обожалъ.
Ихъ жизни нашея считалъ я красотою,
И ихъ же я теперь считаю суетою.
Онѣ стремятся насъ спокойствія лишать,
Но онаго опять не могутъ возвращать.
Теченіе суетъ на колесо похоже,

Которое глазамъ всегда представитъ то же.
Обманомъ, хитростью и лестью полонъ свѣтъ;
Убѣжища отъ нихъ нигдѣ намъ больше нѣтъ!
Мнѣ самымъ опытомъ то все извѣстно стало,
И въ свѣтѣ ко всему желаніе пропало.
Я въ пышной суетѣ всю жизнь мою провелъ:
Все видѣлъ, все вкусилъ, узналъ, пересмо-
трѣлъ,
Уже ничто меня на свѣтѣ не прельщаетъ,
Ничто опять меня въ него не возвращаетъ;
Ничѣмъ отъ мыслей сихъ не буду отведенъ
И здѣсь останусь жить, отъ свѣта удаленъ.

МЕНАНДРЪ.

Питая грусть, тоску, отчаянье презлое,
Ты хочешь оправдать намѣренье такое.
Но все ли ты вкусилъ блаженство жизни сей?
Достигнуть ихъ и знать во власти есть твоей;
Старайся ихъ вкусить и ими наслаждаться.
Къ чему тебѣ грустить, къ чему тебѣ тер-
заться?
И не въ отчаяньѣ ль ты мнѣ теперь сказалъ,
Что ты на свѣтѣ всѣ веселія узналъ?
Но только то одно блаженство составляетъ,
Во что̀ насъ молодость слѣпая привлекаетъ?
Иль кромѣ тѣхъ страстей, что свойство юныхъ
лѣтъ,
Другаго счастія на свѣтѣ смертнымъ нѣтъ?
Но если будемъ мы разсудка слушать болѣ,
Другое мы найдемъ своимъ желаньямъ поле;
Не будутъ наши въ томъ старанія вотще.
Повѣрь, любезный другъ, мы не жили еще.

Какъ скоро обществу служить намъ время
стало,
Съ тѣхъ поръ и жизни мы должны считать на-
чало.
Кто къ общей пользѣ самъ старанье приложилъ
И къ славѣ своего отечества служилъ,
Тотъ въ жизнь свою вкусилъ веселiе прямое.
Веселье для него не можетъ быть иное,
Какъ то, о коемъ онъ старался весь свой вѣкъ, —
Чтобъ жить и умереть какъ честный человѣкъ.
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвращаешь?

КОРIОНЪ.

Ты съ здравымъ разумомъ согласно мнѣ вѣ-
щаешь;
Но чувства побѣдить уже не можетъ онъ,
Разсудокъ чувствiю не дѣлаетъ препонъ.
Ступай ты тѣмъ путемъ, по коемъ за тобою
Идти было и мнѣ назначено судьбою,
Но, ахъ! мнѣ больше жить уже надежды нѣтъ!
Ты тщетно мнѣ даешь, любезный другъ, совѣтъ;
Ты тщетно нову жизнь представить мнѣ же-
лаешь;
И счастье новое ты мнѣ изображаешь:
Нѣтъ больше для меня веселья и забавъ,
И сталъ совсѣмъ не тотъ, какъ прежде былъ,
мой нравъ.

МЕНАНДРЪ.

Какъ много мысль твоя отъ истины далека!
Погрѣшность такова безславитъ человѣка;
Но если бъ свѣта ты и долженъ былъ бѣжать;
Такъ нужно ль для того и жизнь свою скончать?

Кто знаетъ разсуждать, тотъ самъ собой до-
воленъ,
Жить можетъ отъ суетъ собою самъ уволенъ
И, отвращенiе имѣя къ жизни сей,
Не скучитъ никогда онъ долею своей.
А чтобы всякiй быть доволенъ могъ судьбою,
То надобно умѣть довольнымъ быть собою.
Желанiе сiе имѣя человѣкъ,
Въ уединеньѣ жить не можетъ весь свой вѣкъ:
Онъ долженъ раздѣлить свой вкусъ попере-
мѣнно,
То жить ли въ обществѣ, то жить уединенно.
И ежели ты здѣсь побольше поживешь,
Желанье видѣть свѣтъ ты самъ въ себѣ най-
дешь.
Премѣна такова бываетъ часто нравамъ;
Отдохновенiе быть должно и забавамъ;
Онѣ становятся нерѣдко въ тягость намъ.
Примѣромъ быть сему теперь ты можешь самъ:
Ты долженъ всѣхъ забавъ на нѣсколько ли-
шиться,
Чтобъ къ нимъ желанiе опять могло родиться;
И только отъ того несчастливымъ ты сталъ,
Что ты уже и самъ быть счастливымъ усталъ.
Ты хочешь повторить слова мои, конечно,
Что нельзя побудить намъ чувствiе сердечно?
Но я такую мысль совѣтую забыть.
Какимъ захочемъ мы, такимъ и можемъ быть.
Разсудокъ чувствiе свободно одолѣетъ.
Надъ сердцемъ человѣкъ власть полную
имѣетъ.

Прошу тебя, мой другъ, скажи мнѣ, отъ чего
Не хочешь слушать словъ ты друга своего,
Котораго къ тебѣ усердье непремѣнно?
Скажи мнѣ наконецъ, скажи мнѣ откровенно,
Чего не достаетъ къ спокойству твоему
И чѣмъ могу служить я другу своему?
Я раздѣлю мое имѣніе съ тобою.

КОРІОНЪ.

Я искренностію обязанъ таковою;
Но ты узнаешь самъ, что я не расточилъ
Того, что̀ я себѣ въ наслѣдство получилъ.

МЕНАНДРЪ.

Ты болѣе меня въ смущеніе приводишь.
Какую же грустить причину ты находишь?

КОРІОНЪ.

Чтобъ отогнать скорѣй печальны мысли прочь,
Уединеніе въ томъ можетъ мнѣ помочь.
Прошу тебя, мой другъ, сокройся ты отселѣ
И помоги ты въ томъ начатомъ мною дѣлѣ,
О чемъ ты изъ письма узнаешь моего:
Спокойство состоитъ въ томъ друга твоего.

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

МЕНАНДРЪ *(одинъ).*

Мнѣ подозрительно спокойствіе такое.
Конечно, принялъ онъ намѣреніе злое
Въ отчаяньѣ, тоскѣ, вздыхая и стеня,
Онъ тайны не открылъ и скрылся отъ меня.

Я самъ въ смущеніи жестокомъ здѣсь оставленъ!

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Менандръ и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я къ вашей милости съ письмомъ въ Москву отправленъ,
Однако здѣсь, вблизи, по счастью моему,
Сказали мужики на первомъ мнѣ яму,
Что ты-ста мимо ихъ къ намъ ѣхать торопился,
Такъ для того и я назадъ-ста воротился.

МЕНАНДРЪ.

Подай скорѣй письмо. Поди отсюда вонъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МЕНАНДРЪ *(одинъ)*.

Узнаю, отъ чего несчастливъ Коріонъ. *(Читаетъ)*.
«Ты жизни былъ моей, любезный другъ, свидѣтель.
«Ты зналъ Зиновіи любовь и добродѣтель.
«Ты знаешь, наконецъ, предъ ней мою вину,
«За что я самъ себя въ раскаяньѣ кляну:
«Я къ смерти подалъ ей невѣрностью причину.
«Но если рокъ ея остановилъ кончину
«И если ты найдешь еще въ живыхъ ее,
«Вручи ты ей, мой другъ, богатство все мое;

«Увѣрь ее, что я въ раскаяньѣ страдаю,
«Что я съ любовію къ ней душу искупаю.
«Приходитъ время мнѣ оковы разорвать...
«Какъ станешь ты, мой другъ, письмо сіе читать,
«Уже тогда мой духъ отъ тѣла отлучится!
«*Коріонъ*».
Онъ самъ себѣ, увы, убійцей становится!
Ударъ сей долженъ быть скорѣе отвращенъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

КОРІОНЪ (*выходитъ съ смущеннымъ видомъ.*)

МЕНАНДРЪ (*обнявъ его*).

Возьми ты сей залогъ, чѣмъ духъ мой возмущать...
Жестокій! все твое притворство мнѣ открылось.

КОРІОНЪ.

Когда же отъ тебя ничто не утаилось,
Жалѣй меня, мой другъ. О, какъ сталъ бѣденъ я!
Уже несносна мнѣ несчастна жизнь моя...
Хоть то я отъ тебя скрывалъ и притворялся,
Однако внутренно я болѣе терзался.
Весь свѣтъ, къ которому привязанъ я судьбой,
Возненавидѣлъ я... Гнушаюсь самъ собой,
Отчаянье во мнѣ столь сильно вкоренилось,
Что больше въ свѣтѣ жить желанье истребилось.

Разсудокъ, чувствіе и сердце мнѣ мое
Велятъ скорѣй скончать несчастно бытіе!
Не должно ль намъ желать скорѣй своей кончины,
Когда даны судьбой намъ слабости едины,
Когда и жизнь сама намъ скукой можетъ быть?
Не должно ль намъ хотѣть скорѣй его забыть?
Мнѣ кажутся, что тѣ безмѣрно малодушны,
Которые во всемъ судьбѣ своей послушны,
Которые оковъ не смѣютъ разорвать:
Несчастный долженъ знать, какъ должно умирать.

МЕНАНДРЪ.

Тебя твоя тоска въ безуміе ввергаетъ,
Которая мой духъ мятетъ и ужасаетъ;
Иль созданъ ты на свѣтъ лишь только для себя,
И общество еще не требуетъ тебя?
Богатство, время, жизнь, что ты своимъ считаешь,
Тебѣ не надлежатъ: ты мыслью погрѣшаешь;
Ты долженъ посвятить отечеству свой вѣкъ,
Коль хочешь навсегда быть честный человѣкъ.
Иль никуда тебя твой долгъ не призываетъ?
Молчаніе твое сильнѣй меня терзаетъ.

КОРІОНЪ.

Поняти не могу я долгу своего!
Я въ обществѣ совсѣмъ не значу ничего.
Когда часть слабая захочетъ отдѣлиться,
Такъ можетъ ли чрезъ то вредъ цѣлому случиться?
Не буду никакой подверженъ я винѣ;

Что было до меня, то будетъ и по мнѣ.
И многихъ таковыхъ намѣреніе, строго
Окончить жизнь свою — свѣтъ трогаетъ немного!

МЕНАНДРЪ.

Жестокій! продолжай столь ложно разсуждать
И истины въ своихъ погрѣшностяхъ искать!
Но если въ свѣтъ тебя ничто не привлекаетъ,
Неужели твой духъ и дружбу презираетъ?

КОРІОНЪ.

О, гнѣвная судьба, къ чему я приведенъ!..
Отъ свѣта я всего желаю быть забвенъ!

МЕНАНДРЪ.

Когда же дружество мое тобой презрѣнно,
Когда оно твоей взаимности лишенно,
По крайней мѣрѣ та нѣжнѣйшая любовь,
Которая въ тебѣ усилилася вновь,
Остановитъ твое намѣреніе злое.
Должна ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зиновіи искать?

КОРІОНЪ.

Ты хочешь болѣе еще мой духъ терзать!
Не говори ты мнѣ о сей нѣжнѣйшей страсти.
Я самъ причиною былъ общія напасти!
Любовь ея къ себѣ измѣной заплатилъ
И счастіе ея въ злу горесть превратилъ...
Теперь я самъ себя за то возненавидѣлъ.
И если бъ я ее, любезный другъ, увидѣлъ,
Возможно ль мнѣ еще достойнымъ быть ее?..
Прерву, прерву скорѣй несчастно бытіе!

Ахъ, можешь ли, мой другъ, ты то себѣ представить,
Какъ могъ я нѣжную любовницу оставить!
Но зналъ ли я то самъ? Я вѣкъ въ порокахъ жилъ
И счастiя того ничѣмъ не заслужилъ,
Которо намъ даетъ любовь и добродѣтель.
О, мой любезный другъ, ты былъ тому свидѣтель,
Какъ сю былъ любимъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я ее своей измѣной погубилъ,
Какъ добродѣтелью я строгой огорчился
И какъ отъ прелестей Зиновьи удалился!
Я оскорбилъ чрезъ то и самую любовь,
Которая меня теперь терзаетъ вновь.
Забывъ Зиновiю, я выѣхалъ спокоенъ.
Ахъ, могъ ли я тогда быть слезъ ея достоинъ,
Которы обо мнѣ несчастная лила!
Любовь награждена измѣною была.
Зиновiя чрезъ то такъ много огорчилась,
Что скоро изъ Москвы сама она сокрылась...
И, можетъ быть, мой другъ, на свѣтѣ нѣтъ ее!
Вотъ вся моя напасть, вотъ бѣдствiе мое!
Но какъ уже опять я въ городъ возвратился,
Объяла мною грусть и духъ мой возмутился;
И, не нашедъ ее, страдаю и грущу,
Кляну судьбу мою и смерти я ищу!..
Лишь тѣмъ хочу вину хоть нѣсколько поправить,
Что я намѣренъ ей богатство все оставить....
Что̀ дѣлать мнѣ еще? скажи мнѣ, научи.

МЕНАНДРЪ.

Сыскать ты мнѣ ее старанье поручи.

КОРІОНЪ.

Стараніе твое все будетъ безполезно.
Не буду зрѣть тебя, сокровище любезно!
Надежду всю мою лютѣйшій рокъ пресѣкъ!
Не буду зрѣть тебя, Зиновія, вовѣкъ!
Меня съ тобою все на свѣтѣ разлучаетъ.
Я вижу, что ко мнѣ смерть люта приступаетъ...
Готовитъ мнѣ ударъ... Стремится поразить....
Ахъ, можешь ли ты то̀ себѣ вообразить,
Что̀ представляется мнѣ въ разумъ расточенный?
Какую казнь сулитъ мнѣ рокъ ожесточенный!
Терзаютъ томный духъ ужасныя мечты!
Зиновія, увы! куда сокрылась ты?
Почувствуй скорбь мою и сжалься надо мною!..
Но сжалился ли я, жестокій, надъ тобою,
Когда слезъ горькихъ токъ изъ глазъ твоихъ былъ литъ!

МЕНАНДРЪ.

Она твою вину, любезный другъ, проститъ,
Какъ скоро о твоемъ раскаяньѣ узнаетъ:
Погрѣшности такой всегда любовь прощаетъ.
Ты можешь провести спокойно съ нею вѣкъ.

(*Андрей входитъ*).

КОРІОНЪ.

Презлополучный я на свѣтѣ человѣкъ!....
Оставь несчастнаго самимъ собой стыдиться,
Который вдругъ тебя и любитъ и боится....

МЕНАНДРЪ.

Оставить должно ли мнѣ друга своего?

—

ЯВЛЕНIЕ СЕДЬМОЕ.

Менандръ и Андрей.

АНДРЕЙ (*останавливаетъ Менадра*).

Постойте.....

МЕНАНДРЪ.

Я иду.....

АНДРЕЙ.

Не бойтесь ничего.
Не страшны намъ его грозящiе отвѣты:
Я шпагу взялъ къ себѣ и прибралъ пистолеты;
И, словомъ, отъ него все то я отобралъ,
Чтȏ онъ себѣ къ своей погибели искалъ.
Осталось одного лишь только намъ желати,
Чтобъ не продлилася его тоска.... А, кстати,
Мы должны поскорѣй нашъ кончить разговоръ:
Теперь та взъѣхала карета къ намъ на дворъ,
Которую вы здѣсь недавно обогнали.
Конечно, небеса нарочно ихъ прислали,
Чтобъ чудо славное надъ нами здѣсь явить
И чтобъ покойника скорѣе воскресить.
Надѣюсь, кажется, того не безъ причины,
Что прежде своея воскреснетъ онъ кончины...
Идутъ... Вы видите, что я не обманулъ,
А я теперь пойду на прежнiй караулъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Зиновія и Менандръ.

МЕНАНДРЪ.

Что вижу? О, судьба! не льстишь ли мнѣ
мечтою?
Зиновія! тебя ль я вижу предъ собою?

ЗИНОВІЯ.

Твой радостный восторгъ, скажи, Менандръ,
къ чему
Въ тотъ часъ, какъ жду конца я року своему!
Какую я, увы, премѣну обрѣтаю!
Насилу на тебя я взоръ свой обращаю.
Но прежде, нежели мой рокъ мнѣ злобенъ
сталъ,
Я знаю, что меня ты много почиталъ.
Еще ль въ тебѣ, Менандръ, тѣ мысли обитаютъ.
Нерѣдко безъ вины несчастныхъ обвиняютъ
И, можетъ быть, меня готовъ ты обвинить?

МЕНАНДРЪ.

Ахъ, нѣтъ, Зиновія! престань ты слезы лить...
Награда сей любви назначена судьбиной.
Сей день быть долженъ вамъ веселія причиной.

ЗИНОВІЯ.

Что̀ слышу я теперь?

МЕНАНДРЪ.

Раскаясь, Коріонъ....

ЗИНОВІЯ.

Ахъ, можно ль, чтобъ еще былъ страстенъ
мною онъ?
Прелестная мечта!

МЕНАНДРЪ.

Ты кончишь всѣ напасти.
Мой другъ сильнѣй еще подверженъ нѣжной
страсти.

ЗИНОВІЯ.

Дай въ чувство мнѣ прійти!... Ты жизнь мнѣ
возвратилъ.
Какое слабый духъ веселье ощутилъ!
Вся жизнь моя была подобна смерти лютой,
Казался всякій день послѣдней мнѣ минутой;
Не льстишь ли ты, Менандръ?

МЕНАНДРЪ.

Вѣрь слову моему:
Тобою онъ любимъ и ты мила ему.
Но чѣмъ въ сіи мѣста была ты привлеченна?

ЗИНОВІЯ.

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.
Хотя уже меня надежды онъ лишилъ,
Однако тѣмъ во мнѣ любви не уменьшилъ;
Лишась надежды, я еще его любила
И телько для того себя не погубила,
Что не могла его изгнать изъ сердца вонъ.
Ты помнишь, какъ меня оставилъ Коріонъ.....
Оставилъ онъ меня злымъ горестямъ на
жертву,
Терзаему тоской, почти оставилъ мертву!
Сокрылся, погасилъ любви нѣжнѣйшій жаръ,
Но скоро мнѣ другой готовился ударъ,
Въ то время самое я матери лишилась:
Вотъ для чего, Менандръ, сюда я удалилась;

Въ уединеньѣ здѣсь я съ сродницей своей
Провесть остатки дни хотѣла жизни сей...
Но, ахъ, и тутъ нашла спокойствія препону!
Сосѣднія мѣста подвластны Коріону;
Они сильнѣй еще мой духъ терзаютъ вновь,
Представили на мысль мнѣ прежнюю любовь.
Я часто по полямъ здѣсь въ горести ходила,
Вездѣ его, вездѣ я образъ находила;
А чтобъ тоску мою хоть мало утолить,
Я сколько разъ мѣста хотѣла премѣнить;
Но нѣкая тому противилася сила,
Котора въ сихъ мѣстахъ меня остановила.
Три года я жила здѣсь, плача и стеня;
Но вдругъ смущеніе объяло вдругъ меня;
Терзался томный духъ и сердце трепетало,
Какъ мнѣ прибытіе его извѣстно стало.
Еще невѣрному желаю я предстать,
Въ послѣдній разъ навѣкъ «прости» ему сказать.
И если не могу тронуть его словами,
То мертвую меня онъ узритъ предъ глазами!
Но что мы медлимъ здѣсь?... Пойдемъ скорѣй
къ нему,
Чтобъ возвратилъ покой онъ сердцу моему.

МЕНАНДРЪ.

Ты будешь счастлива, останься въ сей на-
деждѣ;
Съ горячностью тебя онъ любитъ такъ, какъ
прежде,
Но должно напередъ мнѣ то ему сказать,
Что хочетъ предъ него любезная предстать.
Отчаянье его такъ сильно поразило!

Я послѣ разскажу все, что происходило.
Теперь уже тебѣ причины нѣтъ тужить,
Любовью онъ свой вѣкъ спокойно будетъ жить.
Свиданье ваше я съ досадой отлагаю.

ЗЕНОВІЯ.

Я медленность сію довольно понимаю.....
Жестокій, ты мнѣ льстишь! еще невѣренъ онъ!

МЕНАНДРЪ.

Но если то сказать, что̀ дѣлалъ Коріонъ
Для утвержденія спокойства твоего,
Не будешь обвинять ты болѣе его.
Оставь меня спѣшить съ желанною минутой.

ЗЕНОВІЯ.

Не мучь меня, Менандръ, сей медленностью лютой!
Тебѣ вручаю я все счастіе мое.
Надежду положивъ на дружество твое,
Я буду жизнь мою такъ долго ненавидѣть,
Покамѣстъ не могу любовника увидѣть.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КОРІОНЪ.

Свершилось все. Теперь часъ смерти мнѣ настал.....

*

Тотъ ядъ, который я безъ ужаса принялъ,
Спокойной смертію всѣ чувства покрываетъ
И бреніе сіе въ сонъ вѣчный повергаетъ.
Ни совѣсть, ни печаль мой разумъ не мятетъ...
Невольникъ виненъ ли, когда оковы рветъ?
Судью, что̀ днесь меня въ ночь мрачну ожи-
даетъ,
И другомъ, и отцемъ природа вся считаетъ...
Безсмертная душа, Его щедротой льстясь,
Въ объятье отчее стремится, не страшась.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коріонъ и Менандръ.

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ, ты всѣ мои старанья презираешь!
Къ чему ты отъ меня, къ чему ты убѣгаешь?
Я тщетно цѣлый часъ вездѣ тебя искалъ.
Нашелъ тебя, опять мой духъ покоенъ сталъ.
Ты больше чувствовать не будешь грусти
бремя;
Теперь способное къ тому осталось время,
Чтобъ сердцу твоему спокойство принести.

КОРІОНЪ.

Прости, любезный другъ, въ послѣдній разъ
прости!....

МЕНАНДРЪ.

Что слышу я еще? твой духъ опять мятется?

КОРІОНЪ.

Какъ скоро отъ меня душа моя возьмется,
И если зритъ еще Зеновія сей свѣтъ,
Исполнь объ чемъ просилъ.

МЕНАНДРЪ.

Она еще живетъ!
Не презри дружества, не презри страсть нѣжнѣйшу!
Старайся утолить ты горесть прелютѣйшу!
Скажи мнѣ, если вдругъ предстанетъ предъ тебя
Любезная твоя, еще тебя любя,
Въ томъ образѣ, какъ ты плѣнился прежде ею,
Какъ вѣрнымъ быть клялся ты жизнію своею, —
Скажи мнѣ, если ты теперь увидишь ту,
Которой обожалъ любовь и красоту,
И ежели она вину твою забудетъ,
И съ равною къ тебѣ любовію пребудетъ, —
Что̀ въ случаѣ такомъ ты думаешь начать?
Еще ль не отмѣнишь ты жизнь твою скончать,
И, слѣдуя опять намѣренію злому,
Противиться ль начнешь ты счастью таковому,
Чтобъ страстію сердца взаимно наполнять,
Желанья, счастье, жизнь съ любезной раздѣлять?

КОРІОНЪ.

Ты знаешь, чѣмъ вину намѣренъ я исправить,
Когда бы рокъ хотѣлъ въ живыхъ ее оставить...
Престань, любезный другъ, престань о мнѣ жалѣть.

Хотя она жива, мнѣ должно умереть!
Мнѣ должно умереть!..... Я твердъ въ своемъ обѣтѣ....
Не вѣрю, чтобъ была Зеновія на свѣтѣ.

МЕНАНДРЪ.

Теперь, повѣришь ты, мой другъ, моимъ рѣчамъ?.....
Предстань, Зеновія, предстань его очамъ!

КОРІОНЪ.

Зеновія!.... Что зрю?.... Не сонъ ли льститъ мнѣ ложно?
Я зрю Зеновію!.... Какъ быть тому возможно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Зеновія, Коріонъ, Менандръ.

ЗЕНОВІЯ.

Возможно быть тому, когда, въ своей винѣ
Признавшись, отдаешь опять ты сердце мнѣ!
Еще тебѣ судьба велѣла ту увидѣть,
Котора не могла тебя возненавидѣть.
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвратилъ?..
Менандръ, ты, сердцу льстя, сильнѣй меня сразилъ.

КОРІОНЪ.

Къ прощенію вины надежду тотъ теряетъ,
Кого на свѣтѣ все согласно обвиняетъ.
Хотя бы ты, мою свирѣпость извиня,

Помыслила простить, дражайшая, меня,
Я самъ себѣ того злодѣйства не прощаю
И казни на меня лютѣйшей ожидаю.
Уже готовъ конецъ жестокостямъ моимъ!
Я стою ли того, чтобъ быть опять твоимъ?

ЗЕНОВІЯ.

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ахъ, онѣ во мнѣ любви не уменьшили!

КОРІОНЪ.

Престань о мнѣ жалѣть для счастья твоего!
Узнала страсти всѣ ты сердца моего.
Когда бъ судьба моя съ твоей соединилась,
Печальный бы мой нравъ, ты, видя, сокрушилась.

ЗЕНОВІЯ.

Кто кѣмъ любимъ, къ кому питаетъ въ сердцѣ страсть,
Того не устрашитъ и самая напасть.
Въ печали бы тебя утѣшить я старалась,
Веселіемъ твоимъ сама бы утѣшалась,
А если грусть твою не можно побѣдить,
Я стала бы сама съ тобой ее дѣлить.
Желанія твои считала бъ за уставы
И презирала бъ я на свѣтѣ всѣ забавы.
Зеновія съ тобой счастлива можетъ быть....

КОРІОНЪ.

Надежду сладкую мнѣ должно истребить!
Въ тотъ часъ, когда бъ я могъ быть счастливъ несравненно,
Мнѣ жизнь свою скончать судьбой опредѣленно

Какъ должно радостью наполнить намъ сердца,
Я жду себѣ тогда лютѣйшаго конца....

ЗЕНОВІЯ.

Какое варварство еще ты предпримаешь?
Какія горести ты мнѣ приготовляешь?
Чтò слышу отъ тебя? Жестокій, утуши
Смущеніе моей прискорбныя души!
Когда бъ тобой любовь не такъ владѣла мало,
Намѣренье твое меня бъ не возмущало;
Когда бы жизнь мою ты болѣе любилъ,
Смертельную бъ тоску изъ сердца истребилъ.
Блаженство нашихъ дней любовь опредѣляетъ
И новую совсѣмъ въ насъ душу полагаетъ.
Ты знаешь, что двоихъ согласіе сердецъ
Судьбиною на тотъ устроено конецъ,
Чтобъ смертные чрезъ то всѣ бѣдства услаждали,
Страданія свои весельемъ награждали;
Чтобъ тѣмъ могли себѣ спокойствіе принесть,
Украсить жизнь свою и счастье пріобрѣсть.

КОРІОНЪ.

Какъ сердце горестнымъ отчаяньемъ терзалось,
Тогда мнѣ счастія сего це появлялось:
Но, ахъ, когда тебя въ послѣдній вижу разъ,
Какая вдругъ съ моихъ завѣса спала глазъ!
Все въ свѣтѣ мракъ скрывалъ, все нову жизць примаетъ
И въ ту же бездну все возвратно упадаетъ!
Любовью, ужасомъ мой духъ наполненъ сталъ...

Я чувствую, что мнѣ рокъ бѣдственный на-
сталъ....
Чтò сдѣлалъ я, увы! что сдѣлалъ я съ тобою!
Зеновія, навѣкъ разстанься ты со мною!...
Бѣги ты варвара!

ЗЕНОВІЯ.

За всю нѣжнѣйшу страсть,
Жестокій, ты одну готовишь мнѣ напасть!
И ненависть твоя ко мнѣ не утаилась:
Ты хочешь, чтобы я отъ глазъ твоихъ сокры-
лась..... (*выхòдя*).
А ты, къ чему, Менандръ, къ чему несчастной
льстилъ?

КОРІОНЪ (*останавливая ее и бросаясь на колѣни*).

Постой, дражайшая! Онъ правду говорилъ:
Какъ я тебя люблю, сильнѣй любить не можно!
Коль клялся онъ о томъ, то клялся онъ не
ложно.
Прости, Зеновія, прости мою вину!
Злодѣйство то теперь у ногъ твоихъ кляну,
Которо отъ тебя, къ несчастью, удаляло
То сердце, что тебѣ навѣкъ принадлежало;
Но если я еще въ глазахъ твоихъ злодѣй,
Такъ вѣдай, что отмстилъ я лютости моей.....
Любовь сего часа къ отмщенью ожидала.....

ЗЕНОВІЯ.

Какая мрачна мысль еще тебя объяла!

КОРІОНЪ.

Ахъ! чтò тебѣ... ахъ! чтò, жестокій, говорю!
Я въ счастіи моемъ отчаяніе зрю!

Возобновился жаръ любви во мнѣ напрасно;
Терзаетъ грудь мою раскаянье ужасно!
Открылось поздно мнѣ пространство той мечты,
Въ которую меня повергли суеты!
Ахъ! гдѣ скрывалась ты? Куда мой разумъ
скрылся?
Какою злобою мой лютый рокъ свершился!

ЗЕНОВІЯ.

Престань прошедшее несчастье вспоминать.
Могу ли я тебя виновнымъ почитать,
Когда въ раскаяньи страдаешь предо мною
И хочешь съединить мою съ твоей судьбою?
Но, ахъ! когда тебѣ въ томъ счастьи нѣтъ
препонъ,
Къ чему ты слезы льешь, любезный Коріонъ?

КОРІОНЪ.

О, счастье! суетно ты съ ужасомъ сплетенно.
О, сердце бѣдное! надежды ты лишенно,
Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
Я больше зрѣть тебя не буду никогда:
Рокъ лютый разлучитъ меня съ тобою грозно!
Увидѣлъ я тебя, но, ахъ, увидѣлъ поздно!
Не знаешь ты всѣхъ бѣдствъ... Въ сію ужасну
ночь
Навѣки отъ меня мой духъ возьмется прочь!
Узнай отчаянья лютѣйшаго причину,
Оплачь, оплачь мою несчастную кончину!
Къ чему привелъ себя я лютостію самъ!
Несносенъ я землѣ, противенъ небесамъ!
(*Отдавая письмо, писанное къ Менандру.*)
Вотъ что любовь моя къ тебѣ приготовляла,

Когда моя душа въ раскаяньи страдала.

ЗЕНОВIЯ.

Что вижу я!.. Умѣрь ты грусть мою, умѣрь!
Что сдѣлать ты хотѣлъ?

КОРIОНЪ.

Свершилось все теперь
И помощи нигдѣ найти уже не чаю:
Я выпилъ лютый ядъ — и смерти ожидаю.

ЗЕНОВIЯ.

Увы!..

МЕНАНДРЪ.

Несчастный другъ!

ЗЕНОВIЯ.

Спасай ты жизнь его!
Бѣги! спѣши спасти мнѣ друга своего!
И ежели еще надежда въ немъ примѣтна...

КОРIОНЪ.

Уже надежда тщетна!

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Корiонъ, Зеновiя.

ЗЕНОВIЯ.

Жестокiй! вотъ какъ ты хранилъ ко мнѣ любовь!

КОРIОНЪ.

При смерти ты моей меня терзаешь вновь...
Ахъ, если ты меня еще подозрѣваешь,
Ты тѣмъ лютѣйшую мнѣ смерть предускоряешь.
Не должно ль было мнѣ карать за то себя,

Что въ свѣтѣ долженъ былъ я жить не для себя?
Свиданія сего мнѣ въ мысль не представлялось;
Мнѣ больше въ свѣтѣ жить причинъ не оставалось,
И видя, что судьбой я къ смерти осужденъ,
Хотѣлъ, чтобъ былъ ея ударъ предупрежденъ...
Хотѣлъ увидѣть я, разставшись съ суетою,
Вселенну цѣлую, украшенну тобою!
Открылось поздно мнѣ, что я обманутъ сталъ...
Я вижу смерть мою и ужасъ мной объялъ!..
За то, что былъ я такъ въ печали малодушенъ,
Что власти Вышняго я сталъ уже преслушенъ,
Что погубить я самъ отважился себя, —
Лишаюсь я навѣкъ и жизни, и тебя.
Карать меня за то готова адска злоба...
Я вижу вѣчну ночь!..отверзлись двери гроба!..
Нѣмѣютъ члены всѣ, кровь стынетъ... меркнетъ свѣтъ.
Трепещетъ сердце... духъ изъ тѣла вонъ идетъ...
Терзаюсь, мучусь, рвусь лютѣйшею тоскою.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Коріонъ, Зеновія, Менандръ, Андрей.

АНДРЕЙ.

Лекарство есть со мною...
Вы счастливы!

КОРІОНЪ.

Къ чему, безумный, приведенъ?

АНДРЕЙ.

На этотъ случай я довольно былъ уменъ.
Благодарите вы Всевышняго десницу:
Вы выпили не ядъ, вы выпили водицу!
Въ тотъ часъ, когда вашъ духъ въ отчаяньи
рвался,
Я въ спальню къ вамъ тогда тихонько забрался,
И, видя на столѣ, въ стаканѣ ядъ готовый,—
Желудку вашему напитокъ нездоровый,
Я зналъ что дѣлать мнѣ съ находкою такой:
Ядъ вылившн, стаканъ наполнилъ я водой, —
Которой вы потомъ изволили напиться.
Вы живы такъ, какъ я: мнѣ можно въ томъ
божиться!

ЗЕНОВІЯ.

Что слышу я?

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ!

КОРІОНЪ.

Иль вижу то во снѣ?
Зеновія!.. Менандръ!.. А ты, который мнѣ
Причиной сталъ теперь и жизни, и отрады,
Чѣмъ можно заплатить?..

АНДРЕЙ.

Не требую награды!
Я вамъ изъ одного усердія служу
И въ томъ одномъ свое веселье нахожу.
Я жизни счастливой усердно вамъ желаю
И съ днемъ рожденія нижайше поздравляю!

КОРІОНЪ.

О, ты! которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я навѣки отдаю,
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною на то дана мнѣ жизнь другая,
Чтобъ счастіе мое съ тобою раздѣлять,
Чтобъ мнѣ тебя по смерть любить и обожать.

АНДРЕЙ.

Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться,
Мы видимъ, каково со свѣтомъ разставаться;
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется подолѣе пожить.

═

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ

КЪ

ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

ПАНИНУ,

ВЪ МОСКВУ.

Монпелье, $\frac{22 \text{ Ноября}}{3 \text{ Декабря}}$ 1777.

За долгъ почитаю увѣдомить Ваше Сіятельство, какъ истиннаго моего благодѣтеля, о пріѣздѣ моемъ въ здѣшній городъ, въ которомъ, по причинѣ болѣзни жены моей, расположился я остаться на зиму. Прекрасный климатъ и искусство здѣшнихъ медиковъ подаютъ мнѣ превеликую надежду объ ея выздоровленіи и самая дорога, продолжавшаяся близъ трехъ мѣсяцевъ, утвердила ея силы. Первый здѣшній докторъ, г. Деламюръ, котораго я призвалъ, началъ уже ей давать лекарства; пріуготовляетъ ее къ принятію полной мѣры извѣстнаго отъ глистовъ состава, коего секретъ Королемъ купленъ; а по истребленіи ихъ останется привести въ порядокъ причиненное ими разстройство въ тѣлѣ. Г. Деламюръ имѣетъ здѣсь славу, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ у него помощи предпочтительно предъ другими докторами, коихъ число въ Монпелье до семидесяти

простирается. Впрочемъ, Милостивый Государь, надлежитъ признаться, что сему славному медику способствуетъ, конечно, много и здѣшній климатъ, котораго лучше въ свѣтѣ быть не можетъ. У насъ весьма часто бываетъ самое лѣто хуже настоящаго здѣсь времени. Гульбища всякій день наполнены людьми и не только теперь до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Господь возлюбилъ, видно, здѣшнюю землю: никогда небеса здѣсь мрачны не бываютъ. Прекрасное солнце отсюда неотлучно. Одинъ недостатокъ здѣсь чувствителенъ: земля неспособна къ произращенію деревъ и лѣтомъ мало убѣжища отъ солнечныхъ лучей. Жары, сказываютъ, здѣсь несносны; но зима есть то время года, котораго пріятнѣе желать невозможно. Множество больныхъ чужестранцевъ и изъ другихъ провинцій Французовъ съѣхалось сюда, по обыкновенію, на зиму, и Монпелье можно назвать больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Не могу изъяснить Вашему Сіятельству, сколь пріятно видѣть множество людей, у коихъ написана на лицѣ радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья! Всѣ больные видятся ежедневно въ гульбищѣ и, сообщая взаимно перемѣну болѣзней своихъ, другъ друга утѣшаютъ и ободряютъ.

Позвольте, Милостивый Государь, продолжить увѣдомленіе о моемъ путешествіи. Послѣднее письмо имѣлъ я честь писать къ Ва-

шему Сіятельству изъ Дрездена. Въ немъ пробылъ я близъ трехъ недѣль. Осмотрѣвъ тутъ все достойное примѣчанія, поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по латини, чему однакожъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную Логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ—Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума. Оставя сихъ педантовъ, поѣхалъ я во Франфуртъ-на-Майнѣ. Сей городъ знаменитъ древностями и отличается тѣмъ, что римскій императоръ бываетъ въ немъ избранъ. Я былъ въ Палатѣ Избранія, изъ коей онъ является народу. Но все сіе имѣетъ древность однимъ своимъ достоинствомъ, то есть: видѣлъ я по четыре пустыхъ стѣнъ у старинныхъ палатъ, а больше ничего. Показывали мнѣ также извѣстную, такъ называемую la Bulle d'or (Золотую Буллу) императора Карла IV, писанную въ 1356 году; я былъ въ Имперской архивѣ. Все сіе по истинѣ не стоитъ труда лазить на чердаки и слѣзать въ погреба, гдѣ хранятся знаки невѣжества. Изъ Франкфурта ѣхалъ я по нѣмецкимъ княжествамъ:—что ни шагъ, то го-

сударство. Я видѣлъ Ганау, Майнцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ и нѣсколько княжествъ мелкихъ принцевъ. Дороги часто находилъ немощеныя, но вездѣ платилъ дорого за мостовую; и когда, по вытащеніи меня изъ грязи, требовали съ меня денегъ за мостовую, то я осмѣлился спрашивать: гдѣ она? На сіе отвѣчали мнѣ, что Его Свѣтлость владѣющій Государь намѣренъ приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудіе съ чужестранными заставило меня сдѣлать заключеніе и о правосудіи къ подданнымъ. Не удивился я, что изъ всякаго ихъ жилья куча нищихъ провожала всегда мою карету. Наконецъ пріѣхалъ я въ Мангеймъ, резиденцію курфирста пфальцскаго. Извѣстное мнѣ положеніе сего Двора въ разсужденіи нашего привлекло меня представиться курфирсту; для чего я и взялъ изъ Дрездена туда рекомендательныя письма. Какъ отъ него, такъ и отъ курфирстины принятъ я былъ весьма милостиво. Оставя меня обѣдать, Его Свѣтлость посадилъ меня возлѣ себя. Разговоры, коими онъ и супруга его меня удостоили, доказываютъ просвѣщенное ихъ благоразуміе, усердіе къ нашему Двору и большое уваженіе къ особѣ братца вашего. Что жъ касается до города, то лучше его я не видалъ въ Германіи: строеніе новое и регулярное. Впрочемъ, ближнее сосѣдство съ Французами сдѣлало то, что въ мангеймскихъ Нѣмцахъ гораздо менѣе націо-

вальности, нежели въ другихъ. Отсюда выѣхалъ я во Францію и, чрезъ Страсбургъ, Безансонъ, Bourg-en-Bresse, достигъ славнаго города Ліона. Дорога въ семъ государствѣ очень хороша; но вездѣ по городамъ улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ. Видно, что полиція въ сіе дѣло не вступается; чему, въ доказательство, осмѣлюсь Вашему Сіятельству разсказать одинъ примѣръ. Шедши въ Ліонѣ по самой знатной и большой улицѣ (которая однако же не годится въ наши переулки), увидѣлъ я среди бѣла дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорукъ, счелъ я, что это, конечно, какое-нибудь знатное погребеніе; но, подошедъ, изъ любопытства ближе, увидѣлъ, что я сильно обманулся: господа Французы изволили убить себѣ свинью—и нашли мѣсто опалить ее на самой срединѣ улицы! Смрадъ, нечистота и толпа праздныхъ людей, смотрящихъ на сію операцію, принудили меня взять другую дорогу. Не видавъ еще Парижа, не знаю, меньше ли въ немъ страждетъ обоняніе; но видѣнные мною во Франціи города находятся, въ разсужденіи чистоты, въ прежалкомъ состояніи.

Въ Ліонѣ смотрѣлъ я фабрики шелковыхъ издѣлій, откуда Франція посылаетъ во всю Европу наилучшіе парчи и штофы. По справед-

ливости сказать, сіи мануфактуры въ такомъ совершенствѣ, до котораго другимъ землямъ доходить трудно. Сей городъ остановилъ меня на нѣсколько времени для осматриванія въ немъ достойнаго любопытства. L'hôtel Dieu достроенъ въ половинѣ шестаго вѣка; зданіе огромное и заслуживающее примѣчанія сколько искусствомъ древнихъ архитекторовъ, столько и наблюдаемымъ внутри онаго порядкомъ въ разсужденіи великаго числа больныхъ. Меня впустили смотрѣть ихъ въ тотъ часъ, когда les soeurs (сестры милосердія, больнымъ женщинамъ служащія) обносили имъ кушанье. Я съ душевнымъ возмущеніемъ видѣлъ страждущихъ различными болѣзнями; но съ удивленіемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, съ какимъ раченіемъ и усердіемъ ходятъ около сихъ несчастныхъ. — L'hôtel de ville есть зданіе весьма великолѣпное; оно, по признанію вояжеровъ, превосходитъ амстердамскую ратушу. Многіе монастыри и церкви украшены картинами великихъ художниковъ. Вообще, Ліонъ есть городъ весьма древній, большой, коммерческій, многолюдный, словомъ —послѣ Парижа первый въ королевствѣ.

Изъ Ліона пріѣхалъ я сюда въ пять дней. Монпелье городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе; улицы его узки и скверны, но домы есть очень хорошіе. Университетъ здѣшній основанъ въ 1180 году и медицинскій его факультетъ славенъ въ Европѣ.

Внѣ города есть la place du Peyrou, пріятнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. На немъ прогуливается цѣлый городъ вседневно. Мѣсто высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взоръ славнымъ aqueduc (водопроводъ), длины превеликой и работы достойной вниманія. Отсюда вода идетъ во весь городъ. Средиземное Море видно съ сего мѣста, а при восхожденіи солнца видна, сказываютъ, и Испанія. Сіе прекрасное мѣсто заслуживаетъ и быть въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, гдѣ гулянье во всѣ времена года составляетъ наилучшую забаву.

Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etat de Languedoc собрались сюда, по обыкновенію, на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля, правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего земскаго суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ Лангедокской Провинціи и сборъ для короля подати, называемой don gratuit. Знатнѣйшіе члены суть: первый коммендантъ сей провинціи и кавалеръ ордена Святаго Духа, графъ Перигоръ, архіепископъ Нарбонскій, коммендантъ графъ Монканъ, коммендантъ виконтъ де-Сент-При, первый баронъ и кавалеръ ордена Святаго Духа, маркизъ де-Кастръ и первый президентъ города Кларисъ; все люди знатные и почтенные. Они имѣютъ открытые

дома и чужестранцевъ съ отличною ласкою принимаютъ. Мы, съ своей стороны, весьма довольны ихъ гостепріимствомъ, и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, Милостивый Государь, включить здѣсь то описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ouverture des Etats, которое я имѣлъ честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ Его Сіятельству, братцу вашему. Сіе зрѣлище заслуживало любопытства чужестранцевъ какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ нарбоннскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго Королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе француз-

скихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ, съ своей стороны, также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ нарбоннскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что, съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ сторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что, въ противномъ случаѣ, взяли

бъ съ нихъ насильно.—Le don gratuit съ капитацiею *) состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской Провинцiи на наши деньги 920,000 рублей.

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстiе о умерщвленiи Турками князя Гики. Всѣ газеты предвѣщаютъ неизбѣжную намъ войну съ Турками. Ваше Сiятельство лучше вѣдать изволите, сколь справедливы сiи предвѣщанiя; нижайше прошу сдѣлать милость удостоить меня, хотя въ самыхъ генеральныхъ терминахъ, свѣдѣнiемъ о настоящемъ положенiи съ нами Турокъ. Я почту сiе новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости, пребывая и проч.

═

МОНПЕЛЬЕ, 24 Декабря 1777. / 4 Января 1778.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо Ваше отъ 16 Октября, за которое приношу мое нижайшее благодаренiе. Надѣюсь, что Ваше Сiятельство уже получить изволили мои изъ Дрездена и отсюда. Я принялъ смѣлость сдѣлать въ нихъ съ нѣкоторою подробностiю примѣчанiя мои на земли, чрезъ которыя проѣхалъ. Здѣсь живу уже другой мѣсяцъ и стараюсь, по возможности, прiобрѣтать нужныя

*) Capitation (taxe par têtes) подушный окладъ.

по состоянію моему знанія. Способовъ къ просвѣщенію здѣсь очень довольно. Я могу оными пользоваться, не разстраивая моего малаго достатка; и хотя тѣлесная пища здѣсь весьма дешева, но душевная еще дешевле. Учитель Философіи, обязываясь читать всякій день лекціи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Юриспруденція, какъ наука, при настоящемъ развращеніи совѣстей человѣческихъ ни къ чему почти не служащая, стòитъ гораздо дешевле. Римское право изъ одной пищи здѣсь преподается. Такой бѣдной учености, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ибо какъ гражданскія званія покупаются безъ справки, имѣетъ ли покупающій потребныя къ должности своей знанія, то и нѣтъ охотниковъ терять время свое, учась наукѣ безполезной. Злоупотребленіе продажи чиновъ произвело здѣсь то странное дѣйствіе, что, при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко; оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ. Попы, имѣя въ рукахъ своихъ воспитаніе, вселяютъ въ людей, съ одной стороны, рабскую привязанность къ химерамъ, выгоднымъ для духовенства, а съ другой, сильное отвращеніе къ здравому разсудку. Таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній. Я не могу сдѣлать иного объ нихъ заключенія по вопросамъ, которые мнѣ дѣлаются, и по

отвѣтамъ на мои вопросы. Впрочемъ, тѣ, кои предуспѣли какъ-нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою Философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей: или рабство, или наглость разума.

Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много несовмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вкравшіяся мало по малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основаніе сего пространнаго зданія такъ, что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго Француза есть вольность; но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ умереть съ голоду. Словомъ: вольность есть пустое имя и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ.

Вашему Сіятельству, безъ сомнѣнія, извѣстны уже худые успѣхи Англичанъ противъ Американцевъ. Вчера пронесся слухъ, будто находящійся отъ стороны сихъ послѣднихъ въ Парижѣ повѣренный, Франклинъ, признанъ отъ здѣшняго Двора посломъ отъ Американской Республики. Если это правда, то война, кажется, неизбѣжна; но должно ожидать сему вѣрнаго подтвержденія; а между тѣмъ всѣ Англичане поднялись вдругъ отсюда и спѣшатъ выѣхать. Все то, что за вѣрное сказать можно, есть сильное вооруженіе въ здѣшнихъ портахъ. Оно дѣлается съ такою поспѣшностію, что въ Тулонѣ по воскресеньямъ и праздникамъ работаютъ равно, какъ и въ обыкновенные дни.

═

Монпелье, $^{13}/_{26}$ Января 1778.

Получа на сихъ дняхъ радостное для всѣхъ Россіянъ извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества *), пріемлю смѣлость принести Вашему Сіятельству нижайшее поздравленіе съ благополучнымъ происшествіемъ, утверждающимъ благосостояніе отечества нашего.

*) Нынѣ въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 1777 года Декабря 12.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо Ваше отъ 13-го Ноября, за которое приношу Вашему Сіятельству покорнѣйшее благодареніе. Сообщеніе мнѣ Вашихъ, на истинѣ основанныхъ и проницаніемъ извлеченныхъ, разсужденій произвело во мнѣ о самомъ себѣ лестное заключеніе. Признаюсь, Милостивый Государь, что я больше самъ себя почитаю, видя, что особа Вашихъ достоинствъ и заслугъ считаетъ меня способнымъ вкусить толь разумную бесѣду.

Удовольствіе, изъявляемое Вашимъ Сіятельствомъ о примѣчаніяхъ моихъ на представляющіеся въ путешествіи моемъ любопытные предметы, почитаю я знакомъ Вашей ко мнѣ милости. Будучи онымъ весьма много ободренъ, осмѣливаюсь продолжать здѣсь отчетъ мой Вашему Сіятельству о томъ, что здѣсь вижу, и какія разсужденія раждаетъ видимое мною. Les Etats или Земскій Судъ здѣшней провинціи уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ Монпелье, знатные и богатые въ Парижъ, а мелкіе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые пріѣзжали сюда дѣлать то, что̀ хотятъ, или, справедливѣе сказать, дѣлать то, чѣмъ у Двора на счетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣдніе собраны были для формы, дабы соблюдена была въ точности наружность Земскаго Суда;—я называю наружность, для того что въ самомъ существѣ она не значитъ ничего. Всѣ трактуемыя тутъ дѣла ограничиваютъ-

ся въ одномъ, то есть: въ собраніи подати. Окончивъ сіе, за прочія и не принимаются. Первый государственный чинъ, духовенство, препоручаетъ провинцію въ одно покровительство Царя Небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступится за жителей и облегчитъ утѣсненное ихъ состояніе. Знатнѣйшія свѣтскія особы считаютъ бытіе свое на свѣтѣ по стольку, по скольку у Двора пріятно на нихъ смотрятъ, и конечно не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ, по окончаніи сего Земскаго Суда, провинція обыкновенно остается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ становится привилегія разорять своихъ согражданъ. Здѣшнія злоупотребленія и грабежи, конечно, не меньше у насъ случающихся. Въ разсужденіи правосудія вижу я, что вездѣ однимъ манеромъ поступаютъ. Наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ— добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ; и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерагаться должно какого-нибудь обмана. Ни природа, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ нимало списходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Сколько кавалеровъ Св. Людо-

вика, которые тѣмъ и живутъ, что, подлестясь къ чужестранцу и занявъ у него, сколько простосердечіе его взять позволяетъ, на другой же день скрываются вовсе и съ деньгами отъ своего заимодавца! Сколько промышляютъ своими супругами, сестрами, дочерьми! Словомъ, деньги суть первое божество здѣшней земли. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ нимало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что таковая отличность была бы contre la politesse française. Сія вѣжливость такое въ умахъ и нравахъ здѣшнихъ произвела дѣйствіе, что за неволю заставила меня сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, которыя и осмѣливаюсь сообщить Вашему Сіятельству.

Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, позволяетъ себѣ бережливость, мотъ—щедрость, а легкомысленные и трусливые люди — вѣжливость. И въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша ложь, или ошибку, не смѣетъ или не смыслитъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ Французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія, и дѣ-

ластъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій Французъ, если спросить его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*, а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ, имѣя случай разговаривать съ отличными людьми, напримѣръ, о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что, сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется; на что̀ съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ: que le Français est né libre, что сіе право составляетъ ихъ истинное счастіе, что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что желательно бъ было, если бъ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, Милостивый Государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностію, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: о! Monsieur, vous avez raison! Le Français est écrasé, le Francais est esclave. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и унижать свое состояніе.

Если такое разнорѣчіе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума. Можно, кажется, быть вѣжливу и соображать притомъ слова свои и мысли. Вообще, надобно отдать спра-

ведливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ мастерски и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще что̀ сказать: а какъ затворить ротъ не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ наизустъ фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего незначащихъ, которыми однакожъ отдѣлывается при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ. Вотъ общій, или, иначе сказать, природный характеръ націи; но надлежитъ присовокупить къ нему и развращеніе нравовъ, дошедшее до крайности, чтобъ сдѣлать истинное заключеніе о людяхъ, коихъ вся Европа своими образцами почитаетъ. Справедливость, конечно, требуетъ исключить нѣкоторыхъ честныхъ людей, прямо умныхъ и почтенія достойныхъ; но они столь же рѣдки, какъ и въ другихъ земляхъ.

Предоставляя себѣ честь продолжить, при первомъ случаѣ, примѣчанія мои на здѣшніе нравы и обычаи, прекращаю оныя теперь, да-

бы не обременить Ваше Сіятельство чтеніемъ вдругъ весьма пространнаго письма.

На прошедшей почтѣ упомянулъ я о разнесшемся здѣсь слухѣ, будто бы живущій въ Парижѣ Американскій повѣренный, Франклинъ, признанъ въ характерѣ посла. Сей слухъ оказался ложенъ и взятъ отъ того, что Франклинъ дѣйствительно былъ, неизвѣстно зачѣмъ, призванъ въ Версаль.

Будучи весьма доволенъ въ леченіи жены моей, считаю я остаться здѣсь до совершеннаго ея исцѣленія, которое пользующій ее докторъ предвѣщаетъ въ скоромъ времени.

═

ПАРИЖЪ, 20/31 Марта 1778.

Послѣдне письмо мое къ Вашему Сіятельству имѣлъ я честь отправить изъ Монпелье и увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что, видя здоровье жены моей пришедшимъ гораздо въ лучшее состояніе, взялъ я намѣреніе воспользоваться остающимся временемъ до отъѣзда нашего въ Спа и посмотрѣть нѣкоторыя южныя французскія провинціи. Сей малый вояжъ сталъ причиною, что я такъ долго не писалъ къ Вашему Сіятельству, и что на сихъ только дняхъ получилъ я милостивое письмо Ваше отъ 8 Января, потому что оно искало меня въ Монпелье и по провинціямъ. Принося

за него нижайшее благодареніе, почитаю всѣ лестныя для меня въ немъ выраженія новымъ опытомъ Вашей ко мнѣ милости.

Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, Ліонъ, Бургонь, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь Вашему Сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставляю ту, что подать въ казну платится неограниченная и, слѣдственно, собственность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда была окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.

Осмотрѣвъ все то, что̀ заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ Парижъ, въ сей мнимый цѐнтръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться; но могу увѣрить Ваше Сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что̀ можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично объ-

ясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня иль льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько же, или больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то, и другое, осмѣлюсь Вашему Сіятельству чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его въ должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во *Францію*. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

Будучи увѣренъ, что о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ Ваше Сіятельство увѣдомляетесь

изъ Петербурга, не вхожу въ подробность оныхъ; но вообще имѣю честь донести вамъ, милостивый государь, что положеніе здѣшнихъ дѣлъ съ Англіею столь худо, что война конечно неизбѣжна. Франція употребила къ вооруженію своему все то время, въ которое Англія истощала силы свои въ войнѣ междоусобной и, приготовясь такимъ образомъ, сдѣлала трактатъ съ Американцами, какъ съ державою независимою. Сей трактатъ содержанъ былъ въ тайнѣ по тотъ часъ, въ который Англичане рѣшились послать къ Американцамъ своихъ коммисаровъ съ такими мирными кондиціями, какихъ имъ не принять почти нельзя. Для отвращенія сего примиренія здѣшній Дворъ повелѣлъ своему въ Лондонѣ послу объявить Англійскому Королю о подписаніи трактата. Говорятъ, что Король, выслушавъ отъ посла объявленіе, сказалъ ему точно сіи слова: «Я увѣренъ, что вашъ государь предвидѣлъ всѣ тѣ слѣдствія, кои отъ сего произойдутъ.» Сказавъ сіе, поворотился къ нему спиною. Потомъ дано было знать послу, чтобъ онъ ко Двору болѣе не ѣздилъ и отправленъ тотчасъ сюда курьеръ къ послу, лорду Стромонту, чтобъ онъ немедленно безъ аудіенціи изъ Парижа выѣхалъ. Съ здѣшней стороны также изъ Лондона посла своего воротили. Словомъ, война хотя формально и не объявлена, но сего объявленія съ часу на часъ ожидаютъ. *Франклинъ*, повѣренный американскій у здѣшняго

Двора, сказываютъ, на сихъ дняхъ аккредитуется полномочнымъ министромъ отъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ.

Я не примѣчаю, чтобъ приближеніе войны производило здѣсь большое впечатлѣніе. Въ первый день, какъ англійскій посолъ получилъ курьера съ отзывомъ, весь городъ заговорилъ о войнѣ; на другой день ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о новой трагедіи; на третій объ одной женщинѣ, которая отравилась съ тоски о своемъ любовникѣ; потомъ о здѣшнихъ корабляхъ, которые Англичанами остановлены. Словомъ, одна новость заглушаетъ другую и новая пѣсенка столько же занимаетъ публику, сколько и новая война. Здѣсь ко всему совершенно равнодушны, кромѣ вѣстей. Напротивъ того, всякія вѣсти разсѣваются по городу съ восторгомъ и составляютъ душевную пищу жителей парижскихъ. О войнѣ нашей съ Турками говорятъ здѣсь, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, и больше думаютъ, что ея вовсе не будетъ. Разсуждаютъ многіе, что мы сами ее желаемъ для усугубленія нашей славы. Ваше Сіятельство показали мнѣ истинный опытъ милости увѣдомленіемъ меня о положеніи нашихъ дѣлъ съ Портою. Позвольте о продолженіи онаго принести вамъ нижайшую просьбу.

Обращусь теперь къ описанію двухъ происшествій, кои по пріѣздѣ моемъ занимали публику. Первое, поединокъ дюка де Бурбона

съ Королевскимъ братомъ, графомъ.... а второе, прибытіе сюда г. Вольтера.

Графъ въ маскарадѣ показалъ неучтивость дюшессѣ *де Бурбонъ*, сорвавъ съ нея маску. Дюкъ, мужъ ея, не захотѣлъ стерпѣть сей обиды. А какъ не водится вызывать формально на дуэль королевскихъ братьевъ, то дюкъ сталъ вездѣ являться въ тѣхъ мѣстахъ, куда приходилъ графъ, чѣмъ показывалъ ему, что ищетъ и требуетъ неотмѣнно удовлетворенія. Нѣсколько дней публика любопытствовала, чѣмъ сіе дѣло кончится. Наконецъ графъ принужденнымъ нашелся выйти на поединокъ. Сраженіе минутъ съ пять продолжалось и дюкъ оцарапалъ его руку. Сіе увидя, одинъ стоявшій подлѣ нихъ гвардіи капитанъ доложилъ дюку, что королевскій братъ пораненъ и что какъ драгоцѣнную кровь щадить надобно, то не время ль окончить битву? На сіе графъ сказалъ, что обиженъ дюкъ и что отъ него зависитъ: продолжать или перестать. Послѣ сего они обнялись и поѣхали прямо въ спектакль, гдѣ публика, свѣдавъ, что они дрались, обернулась къ ихъ ложѣ и апплодировала имъ съ несказаннымъ восхищеніемъ, крича: *браво, браво, достойная кровь Бурбона*! Я свидѣтелемъ былъ сей сцены, о которой весьма бы желалъ знать мнѣніе Вашего Сіятельства.

Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такоевъ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе какъ

бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія. Я увѣренъ, что еслибъ глубокая старость и немощи его не отягчали и онъ захотѣлъ бы проповѣдывать теперь новую какую секту, то бы весь народъ къ нему обратился. Ваше Сіятельство изъ послѣдующаго усмотрѣть изволите, можно ль иное заключить изъ пріема, который сдѣлала ему публика.

По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные, пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безъименныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; правительство запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему сколько за великіе его таланты, столько и ради старости. Сей восьмидесятипятилѣтній старикъ сочинилъ новую трагедію: *Ирена или Алексій Комнинъ*, которая была и представлена. Нельзя никакъ сравнить ее съ прежними; но публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ авторъ за болѣзнію не видалъ первой репрезентаціи. Онъ только вчера въ первый разъ выѣхалъ; былъ въ Академіи, потомъ въ театрѣ, гдѣ нарочно представили его новую трагедію.

При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до Академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплеска-

вшаго. Всѣ академики вышли ва встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ и, минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры на апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Отъ Академіи до театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу публика апплодировала многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, старшій актеръ, *Бризаръ*, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ *Бризару*: Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir! Трагедія играна была гораздо съ бо̀льшимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчавали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ четверти часа. Наконецъ представлявшая Ирену актриса, г-жа *Вестрисъ*, обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія публика велѣла повторить чтеніе стиховъ и апплодировала съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ, остановивъ

кучера, закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факеловъ велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дома, крича непрестанно: vive Voltaire! Сколь ни много торжествъ имѣлъ г. Вольтеръ въ теченіе вѣка своего, но вчерашній день былъ безъ сомнѣнія наилучшій въ его жизни, которая однако скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, Ваше Сіятельство увидѣть изволите по приложенному здѣсь его портрету, весьма на него похожему.

Чтожъ надлежитъ до другаго чудотворца, Сен-Жермана, я разстался съ нимъ дружески и на предложеніе его, коимъ сулилъ мнѣ золотыя горы, отвѣтствовалъ благодарностію, сказавъ ему, что если онъ имѣетъ толь полезные для Россіи проекты, то можетъ отнестись съ ними къ находящемуся въ Дрезденѣ нашему Повѣренному въ дѣлахъ. Лекарство его жена моя принимала, но безъ всякаго успѣха; за исцѣленіе ея обязанъ я монпельевскому климату и орѣховому маслу; а славному доктору г. Деламюру одолженъ я тѣмъ, что онъ не забылъ сего простаго лекарства между многими премудрыми, за которыя съ меня брали все, что̀ взять могли.

Парижъ, $^{14}/_{25}$ Іюня 1778 года.

Употребляя все время моего въ Парижѣ пребыванія на осмотрѣніе сего пространнаго города, медлилъ я увѣдомлять васъ, милостивый государь, о моихъ на него примѣчаніяхъ для того, что хотѣлъ сдѣлать ихъ съ бо̀льшимъ основаніемъ и точностію. Вотъ истинная причина, для которой пишу отсюда другое только письмо къ Вашему Сіятельству. Въ первомъ описывалъ я, между прочимъ, пріемъ здѣсь Вольтера и бывшій поединокъ. Безпокоитъ меня, что о полученіи онаго не имѣлъ я счастія быть увѣдомленъ. Весьма было бы досадно, еслибъ оно, или Ваше, было гдѣ нибудь удержано.

Не могу конечно сказать, чтобъ я и теперь зналъ Парижъ совершенно; ибо надобно жить въ немъ долго, чтобъ хорошенько съ нимъ познакомиться. По крайней мѣрѣ въ то короткое время, которое здѣсь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смѣлость обременить Ваше Сіятельство весьма длиннымъ описаніемъ того, на что̀ обращалъ я здѣсь мое вниманіе. Къ сему ободренъ я и послѣднимъ письмомъ Вашимъ, которое имѣлъ я честь получить отъ 22 Февраля и изъ котораго къ сердечному моему удовольствію вижу, что продолженіе моихъ увѣдомленій Вамъ угодно. Счастіе сіе приписываю главному достоинству всѣхъ моихъ къ Вамъ писемъ, что перо мое и сердце руководствуются искреннимъ къ Вамъ усердіемъ и правдою,

которую во всѣхъ описаніяхъ моихъ соблюсти стараюсь.

Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концевъ земли. Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ—своею провинціею. Бургонію, напримѣръ, считаютъ близкою провинціею, а Россію дальнею. Французъ, пріѣхавшій сюда изъ Бордо, и Россіянинъ изъ Петербурга называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнію имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais bien mon compliment! (вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!). Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій Французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчалъ я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительно бъ было для человѣческаго рода, рожденнаго не во

Франціи, еслибъ надобно было необходимо родиться Французомъ, чтобъ быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать сіе изыскавіе, примѣнялъ я къ здѣшнимъ умницамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрезъ слово разумъ, по большей части, понимаютъ они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтебъ она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій безъ выключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ однако жъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Мнѣніе перваго есть мнѣніе наилучшее; ибо спорить не любятъ и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ *незнаніемъ жить:* и такъ, чтобъ слыть умѣющимъ жить, всякій отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что̀ сказать, а о томъ, какъ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлый часъ къ удовольствію

своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его aimable et plein d'ésprit. Сколько излишне здѣсь говоря думать, столько нужно какъ наискорѣе перенять самыя мелочи въ обычаяхъ, потому что нѣтъ вѣрнѣе способа прослыть навѣкъ дуракомъ, потерять репутацію, погибнуть невозвратно, какъ если, напримѣръ, спросить при людяхъ пить между обѣдомъ и ужиномъ. Кто не согласится скорѣе умереть съ жажды, нежели, напившись, влачить въ презрѣніи остатокъ своей жизни? Сіи мелочи составляютъ цѣлую науку, занимающую время и умы большей части путешественниковъ. Они тѣмъ ревностнѣе въ нее углубляются, что живутъ между націею, гдѣ ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества. Нѣтъ способнѣе Французовъ усматривать смѣшное и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго, Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякій, обращая на смѣхъ другаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь свой вѣкъ, можно сказать, не въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдовательно не проницаетъ въ

подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не разсматривая дѣйствій своего собственнаго разума, чтобъ видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется, дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ Французовъ хитрыми. Не знаю, не предразсудокъ ли заставляетъ имѣть сіе о нихъ мнѣніе? Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая объемлется вдругъ воображеніемъ и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во всемъ прибѣгать къ его суду—скучно; а Французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобъ избѣжать скуки, то есть, чтобъ ничего не дѣлать! И дѣйствительно, всякій день здѣсь праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ безпрерывной праздности, удивиться надобно, когда что̀ здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякій день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить

весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нея, въ другой, вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ предъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Со всѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе Французовъ нимало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а въ разсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что̀ привлекаетъ сюда такое множество чужестранцевъ?

Общества, но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣ-

шнее общество, слѣдовательно и вошло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ большей ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. Сколько надобно стараній, исканій, низостей, чтобъ впущену быть въ знатный домъ, гдѣ однакожъ ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ передъ собою въ моихъ любезныхъ согражданахъ, разсчелъ я, что, по краткости времени моего здѣсь пребыванія, не для чего покупать такъ дорого знакомство, или, справедливѣе сказать, собственное свое униженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію и видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся. Впрочемъ, чтобъ Вашему Сіятельству имѣть ясное понятіе, какъ здѣсь наши и прочіе вояжеры принимаются, то надлежитъ себѣ представить въ Петербургѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ князей... Всякій, увидясь съ ними, взглянетъ на нихъ ласково, за визитъ пришлетъ карточку, равно и дамы наши отдаютъ женамъ ихъ визиты; но кто имѣетъ, или имѣть захочетъ съ ними всегдашнее общество? Вотъ точное здѣсь положеніе между прочими и нашихъ господъ и госпожъ относительно знатныхъ здѣшнихъ домовъ! Чув-

ствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми; каково же быть Волохами? Не понимаю, какъ можно, почитая самого себя, кланяться, добиваться и ставить за превеличайшее счастіе и честь такія знакомства, въ которыхъ не можетъ быть никакого удовольствія, потому что есть большое униженіе.

Ученые люди; но изъ невѣроятнаго множества чужестранцевъ, можетъ быть, тысячный человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъвоспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. Я почти со всѣми познакомился. *Томасъ*, сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова *Марку Аврелію*, *Мармонтель* и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая *Томаса*, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти, или тщеславія. Я не нахожу,чтобъ въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ Философія на Философовъ.

По точномъ разсмотрѣніи вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестран-

цевъ въ такомъ множествѣ: *спектакли* и—съ позволенія сказать—*дѣвки*. Если двѣ сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранцевъ разъѣдутся изъ Парижа. Безчинство дошло до такой степени, что знатнѣйшіе люди не стыдятся сидѣть съ дѣвками въ ложахъ публично. Сіи твари осыпаны бриліантами. Великолѣпные дома, столы, экипажи—словомъ, онѣ однѣ наслаждаются всѣми благами міра сего. Съ какимъ искусствомъ онѣ умѣютъ соединить прелести красоты съ пріятностію разума, чтобъ уловить въ сѣти жертву свою! Сею жертвою по большей части бываютъ чужестранцы, кои привозятъ съ собою обыкновенно денегъ сколько можно больше, и если не всегда здравый умъ, то по крайней мѣрѣ часто здравое тѣло; а изъ Парижа выѣзжаютъ, потерявъ и то, и другое, часто невозвратно. Я думаю, что если отецъ не хочетъ погубить своего сына, то не долженъ посылать его сюда ранѣе двадцати пяти лѣтъ, и то подъ присмотромъ человѣка, знающаго всѣ опасности Парижа. Сей городъ есть истинная зараза, которая хотя молодаго человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣкъ шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ, вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію.

Что жъ принадлежитъ до *спектаклей*, то комедія возведена здѣсь на возможную сте-

пень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подраженіе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что̀ я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того, трагедію нашелъ я посредственною. По смерти Лекеневой, она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны; но пѣвцы прескверны. Удивился я, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ!

Обременивъ Ваше Сіятельство моимъ пространнымъ описаніемъ, чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно; но однако посылаю его, будучи увѣренъ, что вы, милостивый государь, взирать будете не на слогъ его, но на усердіе, съ которымъ я хотѣлъ исполнить повелѣніе ваше въ доставленіи вамъ моихъ примѣчаній на Францію. Изъ Парижа выѣду на будущей недѣлѣ и возьму смѣлость писать къ Вашему Сіятельству о чемъ отсюда писать неловко. Вашъ и проч.

=

Ахенъ, отъ $^{18}/_{29}$ Сентября 1778 г.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ

моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ Французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить Вашему Сіятельству и добавьте своимъ проницаніемъ то, въ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во Французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ, добродѣтель, конечно, непрочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтряность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка Французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ мо-

жетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляютъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что̀, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно Французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его—деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бы не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ не способенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Д'Аламберты*, *Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу

опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. З—а, полковникъ Н—ъ, человѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не биралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель и прочіе, что онъ братъ г. З — а, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно виденъ: они сею низостью ласкались чрезъ Н—а достать подарки отъ нашего Двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствовала бы ихъ тщеславіе, а подарки—корыстолюбіе.

Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ сего вѣка, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ неприми-

римой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота Французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать Корнеля и клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его предъ нимъ, гроша не стоитъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе.

Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову! Правда и то, что въ самой Франціи число ихъ обожателей несравненно меньше, нежели въ другихъ государствахъ, потому что Французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенія, а чужестранцы смотрятъ на нихъ издали. Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самыхъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ рели-

гіи и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ оной все человѣческое общество!

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи; но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у Французовъ, кажется, нечего. Примѣтилъ я вообще, что Французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у Французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ; ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовен-

ству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что̀ дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ. И такъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей

части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго: но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать , въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по большей части въ крайней бѣдности и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно искореняется.

Причина бѣдности дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу ихъ духовенства, а именно: право бóльшаго сына наслѣдовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверз-

ты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, оканчивающіеся почти всегда бѣдностію, а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно, фамилія изъ сродническои горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту и, принявъ военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣ бъ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочтившаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ архіепископы и епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у Двора своею роднею и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. Ваше Сіятельство изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила духовенства, когда въ сохраненіи его самъ Дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, милостивый государь, одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, который сію истину неоспоримо докажетъ. Городъ Э (Aix) есть главный въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ лучшіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе, слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ низшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Э

праздникъ, называемый Fête Dieu. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя Тайны носимы бываютъ по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскарадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу, и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Муроносицами и прочими святыми, а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертями: почетнѣйшій Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сіи черти идутъ предъ тѣломъ Христовомъ съ превеликимъ ревомъ и пятятся назадъ, будто бы сила Святыхъ Тайнъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого ролю отнимаютъ, и доказываетъ свою претензію тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ, дѣдъ дьяволъ и что онъ безвинно теряетъ званіе своихъ предковъ. Во всѣхъ прочихъ французскихъ городахъ, не исключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что народъ ихъ пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Въ разсужденіи злоупотребленія духовной власти я увѣренъ, что Франція несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ государствъ. Правда, что невѣжество поповъ дѣлаетъ часто по-

ношеніе всей націи; но изъ сихъ двухъ крайностей я лучше видѣть хочу поповъ-невѣждъ, нежели тирановъ. Сила духовенства во Франціи такова, что знатнѣйшіе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ. Прелаты публично имѣютъ на содержаніи дѣвокъ и нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ французскіе аббаты.

Разсматривая состояніе Французской Націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, Французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. Les lettres de cachet суть именные указы, которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что̀ доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что̀ видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самаго правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяж-

кіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ что̀ хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта, но что̀ есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у Двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить за благо разсуждаетъ.

Франція вся на откупу. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько самая вещь сто̀итъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна сбираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ

уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть продажа чиновъ и должностей — зло безмѣрное, вымышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо долженствовало родиться отъ торговли сего рода. Мало по малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новыя должности, но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ

государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу, а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства и опытомъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать Вашему Сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ. Вообще говорятъ, что нѣтъ въ ихъ войскѣ души военной. Всякій солдатъ умствуетъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ король смотрѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ генералъ-маіоръ К. Д., полковники Б. и Н., не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего въ семъ искусствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ нимало не уважаютъ. Нѣсколько разъ полковникъ Marquis de Châtelet, подъѣзжая къ фрунту, кричалъ: paix, messieurs! paix! je vous en prie; ибо солдаты, разговаривая одинъ съ другимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанію, иного понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ.

Осмѣлюсь разсказать Вашему Сіятельству видѣнное мною въ Монпельё, чтобъ представить вамъ примѣръ ихъ военной дисциплины. Губернаторъ тамошній, графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой съ ружьемъ, изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ и, поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ него сидѣлъ маіоръ его полка и кавалеръ Св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить: для чего часовой такъ къ нему присосѣдился? C'est qu'il est curieux de voir la comédie, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой

нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что Французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витіи, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полиціймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленій человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ проницаніемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорогà, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продать сколь можно дороже. Разница только та, что Французы обманываютъ не-

сравненно съ бо̀льшимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдѣніе полиціймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, раждающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснился, Французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, нимало къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Лудовика, которые, если не укравъ ничего, выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что̀ во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ Французы въ художествахъ и ремеслахъ, до

вкуса касающихся. Я хаживалъ къ marchandes des modes, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ поврежденію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. Нынѣшняя королева страстно любитъ наряжаться. Прошлаго года послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица возвратила сей портретъ при письмѣ, въ которомъ между прочимъ сіи строчки находились: Vos ordres ont été mal exécutés; au lieu de la Reine de France que je m'attendois à admirer dans votre envoi, je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opèra. Il faut, qu'on se soit trompé. Королева смутилась было симъ отвѣтомъ; но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса Вѣнскаго Двора.

Я перешелъ уже предѣлы письма. Чувствую, что чтеніе, столь длинное, должно обременить Ваше Сіятельство и для того предостав-

ляю себѣ дополнить вамъ, милостивый государь, изустно все то, о чемъ здѣсь не могъ упомянуть. Въ Петербургѣ считаю быть въ концѣ будущаго мѣсяца, или въ началѣ Ноября, а по первому пути пріѣду на нѣсколько недѣль въ Москву. Ласкаюсь счастіемъ, что Ваше Сіятельство въ совершенномъ здоровьѣ и повторяю всегдашнія мои увѣренія о глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми навсегда имѣю честь быть и проч.

Римъ, Апрѣля, 1785 года.

Состояніе здоровья моего такъ поправилось, что я могъ въ Страстную и Святую Недѣли не пропускать ни одной функціи (службы). Изъ нихъ многія весьма замѣчательны, а другія походятъ совершенно на комедію, составленную для простаго народа. Изъ Рима интереснѣйшаго увѣдомленія Вашему Сіятельству дѣлать мнѣ не о чемъ, какъ о сихъ церемоніяхъ, для смотрѣнія коихъ повсегодно Римъ наполненъ чужестранными. Въ нынѣшнемъ году столько ихъ сюда съѣхалось, что почти жить негдѣ и всякій доволенъ только найти квартиру, не заботясь, хороша ли она, или дурна. Герцогъ курляндскій живетъ въ домѣ не лучше моего.

Служеніе папы тѣмъ великолѣпнѣе, что ему самому служитъ знатнѣйшій римскій чинъ. Онъ

окруженъ кардиналами, кои одѣваютъ и раздѣваютъ его, словомъ, онъ въ церкви обожаемъ и, кажется, въ такихъ случаяхъ оказывается ему почтенія больше, нежели и Тому, Кому онъ служитъ; ибо, освятя Св. Дары, становится онъ на своемъ тронѣ; кардиналъ къ нему приноситъ Причастіе, а онъ на встрѣчу Причастію ни шагу съ престола своего не дѣлаетъ.

Вербное Воскресенье есть первый день духовной церемоніи. Поутру въ девять часовъ въ Сикстовой церкви папа роздалъ вербы кардиналамъ, съ которыми около церкви была процессія. Потомъ одинъ изъ кардиналовъ служилъ обѣдню. Музыка была вокальная, потому что инструментальной при самомъ папѣ не бываетъ. Въ сей день въ церкви Св. Петра всѣ образа закрываютъ черными занавѣсами, что дѣлаетъ видъ печальный, и, кажется, что красота храма помрачается съ наступленіемъ дней плачевныхъ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ Страстной Недѣли не было ничего примѣчательнаго; но въ среду послѣ обѣда была функція въ Сикстовой церкви. Папа не присутствовалъ; одинъ кардиналъ и знатное духовенство сидѣли на своихъ мѣстахъ. Служба началась плачемъ Іереміинымъ. Одинъ голосъ болѣе читалъ, нежели пѣлъ; но сіе заунывное чтеніе продолжалось слишкомъ долго и подлинно на плачь походило. Потомъ одинъ за другимъ въ три

голоса читали Страстное Евангеліе; образъ чтенія мнѣ весьма понравился: у всѣхъ голоса прекрасные. Одинъ читалъ слова Христовы, другой того, съ кѣмъ Онъ бесѣдовалъ, а третій историческую часть Евангелія; народныя же рѣчи пѣлъ весь хоръ. Сіе чтеніе подходитъ близко къ пѣнію и хотя всякое слово выговаривается, но тономъ весьма жалостнымъ и естественнымъ. Наконецъ погасили въ церкви всѣ свѣчи; сдѣлалось глубочайшее молчаніе; всѣ стали на колѣни и пѣвчіе начали пѣть славный miserere, сочиненіе Аллегріево. Ничего въ свѣтѣ я не знаю, что бъ душу такъ тронуло, какъ сіе пѣніе. Музыка столь проста, что тѣ, кои видятъ ее не написанною на бумагѣ, удивляются, откуда можетъ произойти неизреченная красота ея. Приписываютъ ее нѣкоторому особливому мастерству такихъ пѣвцовъ, кои издревле спѣлись такъ, что нѣтъ въ свѣтѣ капели, которая бы сію музыку такъ пропѣть могла. У нихъ есть нѣкоторыя выраженія и украшенія, которыя превеликое дѣйствіе производятъ; напримѣръ: они умѣютъ вдругъ усилить и ослабить тонъ, ускорить или продлить въ нѣкоторыхъ словахъ такты, одну строфу поютъ скорѣе, нежели другую, и проч. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ сія самая музыка никакого дѣйствія не имѣла. Я самъ въ Петербургѣ ее два раза слышалъ и не нашелъ съ здѣшнею ниже подобія. Вечеромъ смотрѣлъ я церемонію въ trinita di pelerini. Въ преве-

ликой залѣ поставлены возлѣ стѣнъ возвышенныя лавки, на которыхъ посажены были больные нищіе. Нѣсколько кардиналовъ и знатнаго духовенства умывали имъ ноги, обрѣзывали ногти, перевязывали больнымъ раны и наконецъ, поцаловавъ ноги, давали имъ милостыню. Между тѣмъ какъ сіе происходило, въ другой такой же залѣ былъ ужинъ для нищихъ, коимъ служили тринадцать кардиналовъ, съ помощію духовенства. Въ третьей залѣ нищіе женскаго пола ужинали, имѣя услугу отъ здѣшнихъ принцессъ и другихъ знатныхъ дамъ.

Четвергъ былъ день весьма тягостный для чужестранцевъ. Надлежало съ утра до вечера быть на ногахъ. Въ восемь часовъ по утру была обѣдня въ присутствіи Папы въ Chapelle Sixtine, изъ которой потомъ онъ вынесъ Святыя Тайны въ Chapelle Pauline съ большою церемоніею. Потомъ Папа изъ средняго окна, или ложи Святаго Петра, показался стоящему на площади народу; сперва произнесъ онъ проклятіе намъ грѣшнымъ, то есть: всѣмъ, не признающимъ его вѣру за правую, а потомъ далъ народу благословеніе. Сей церемоніи помѣшала дождливая погода и площадь была довольно просторна. Потомъ было омовеніе ногъ тринадцати пилигримамъ, отправленное самимъ Папою. Онъ мылъ сперва ногу, потомъ, поцаловавъ ее, подавалъ полотенце, милостыню, или дарилъ пилигриму на сей случай сдѣланную картину. По окончаніи сей церемоніи

смотрѣли мы обѣдъ тѣхъ же самыхъ пилигримовъ, которымъ служилъ Папа съ великимъ смиреніемъ. Послѣ обѣда была та же служба, что и въ среду, въ Сикстовой церкви, но въ присутствіи Папы. Miserere было другаго автора, весьма хорошаго, но далеко отъ перваго. Оттуда ѣздили мы во всѣ лучшія церкви смотрѣть плащаницы, изъ которыхъ одна другой была великолѣпнѣе. Часу въ девятомъ вечера мы были опять въ церкви Св. Петра. Сто лампадъ, обыкновенно день и ночь горящихъ предъ гробомъ Апостоловъ, равно какъ и всѣ свѣчи нарочно были погашены. Сей преогромный храмъ, обвѣшенный чернымъ, освѣщаемъ былъ однимъ повѣшеннымъ въ срединѣ церкви большимъ и великолѣпно иллюминованнымъ крестомъ въ знакъ того, что во время страдальческой Христовой кончины, Церковь Его весь свой свѣтъ не могла заимствовать не отъ чего инаго, какъ отъ единаго креста, — идея высокая и въ христіанскомъ законѣ истинная! Народу въ церкви было премножество; во всѣхъ приличныхъ мѣстахъ сидѣли живописцы и рисовали архитектурныя перспективы, происходящія отъ сего освѣщенія.

Въ пятницу поутру отправляема была кардиналомъ обѣдня въ присутствіи Папы, послѣ которой онъ босыми ногами подошелъ ко кресту и, упавъ предъ нимъ на землю, къ нему приложился: ибо крестъ положенъ былъ на полъ; кардиналы и духовенство сдѣлали то же. По-

*

слѣ обѣда была обыкновенная вечерня съ первымъ miserere; а оттуда Папа ходилъ въ церковь Святаго Петра, гдѣ, какъ вчера, одинъ крестъ освѣщалъ всю церковь. Папа сталъ со всѣмъ народомъ на колѣни, а одинъ изъ кардиналовъ вынесъ на высокій балконъ часть истиннаго креста, истинный Нерукотворный Образъ и копье, коимъ ребро Христово было уязвлено воиномъ. Все обожаемо было съ прежнимъ благоговѣніемъ. Наконецъ Папа отошелъ и тѣмъ сей вечеръ кончился.

ПИСЬМА
ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ КЪ СЕСТРѢ
Ѳ. И. А.

═

ВАРШАВА $^{18}/_{29}$ сентября 1777.

Мы изъ Варшавы пишемъ другое уже письмо. Первое послали чрезъ Смоленскъ съ возвращавшимися извощиками. Думаю, что вы его уже и получили. Мы, слава Богу, здоровы, но грустно, что не имѣемъ о васъ никакого извѣстія. Знаю, что его и имѣть нельзя, однако прискорбно не вѣдать о тѣхъ, которые мнѣ не меньше жизни моей милы. Теперь, другъ мой сестрица, начну тебѣ длинную повѣсть нашего странствованія. Журналъ нашъ до сихъ поръ не стòитъ прочтенія; но, зная, что для васъ все то очень интересно, что̀ для насъ принадлежитъ, напишу тебѣ его по порядку. Изъ Смоленска выѣхали мы 19 августа послѣ обѣда. Дядюшка со всею фамиліею провожали насъ за городъ и разстались весьма дружески. Ночевать пріѣхали въ городъ Красный, который

похуже немного всякой скверной деревни. Городничій, Степанъ Яковлевичъ Аршеневскій, принялъ насъ дружески и назавтра далъ намъ обѣдъ, котораго я вѣчно не забуду. Поваръ его прямой empoisonneur. Цѣлые три дни желудки наши отказались отъ всякаго варенія. Онъ все изготовилъ въ такомъ вкусѣ, въ какомъ Козьма, Хавроньинъ мужъ, состряпалъ поросенка. Послѣ обѣда 20-го числа пріѣхали въ Шелеговку, гдѣ надлежало насъ въ таможнѣ осматривать; но директоръ, господинъ Гладкой, поступилъ съ нами нельзя глаже: онъ ниже взглянулъ на сундуки наши. На ночь пріѣхали мы въ деревню Казяны и въ каретѣ ночевали. 21-го обѣдать пріѣхали въ городъ Оршу, изрядное мѣстечко, наполненное Жидами, а ночевали въ деревнѣ Кахановѣ, въ каретѣ. Пожалуй примѣть, что мы всѣ почти 16 дней ночевали въ каретѣ; изъ чего можешь заключить, что не имѣли мы другаго убѣжища. 22-го пріѣхали обѣдать въ городъ Толочинъ, послѣдняя россійская застава, гдѣ директоръ хотя и не Гладкой называется, но достоинъ сего имени, потому что отпустилъ насъ безъ всякаго осмотра и мы напрасно шили муфты и одѣяло. Ночевали въ мѣстечкѣ Бобрѣ. 23-го обѣдали за границею въ деревнѣ Начи, въ каретѣ, потому что дождь лилъ пресильный и время такое было мерзкое, что нельзя было выйти изъ кареты на воздухъ, а въ корчму, за несносною скверностію, войти

было невозможно. Ночевали въ мѣстечкѣ Борисовѣ, въ каретѣ, а поутру 24-го переѣхали рѣку Березину, составляющую границу между Польскою Бѣлоруссіею и Литвою. Весь день ѣхали дремучимъ лѣсомъ, а обѣдать и ночевать пристали къ жидовскимъ корчмамъ. 25-го пріѣхали обѣдать въ городъ Минскъ, гдѣ сдѣлался у меня головной ломъ, обыкновенный, которымъ страдалъ цѣлый день. Тутъ мы ночевали, а 26-го обѣдали. Минскъ, правду сказать, малымъ лучше нашей Вязьмы. Я бродилъ его смотрѣть и по осмотрѣ нашлось, что о немъ пора уже мнѣ перестать говорить. Выѣхавъ изъ Минска, пустились мы опять въ дремучій лѣсъ и, доѣхавъ до деревни Негорѣлой, ночевали. На семъ пути были мы на волоску отъ превеличайшаго несчастія, которое въ жизни человѣческой случиться можетъ. Пробираясь лѣсомъ по узкой дорогѣ, были у насъ, къ несчастію, подняты стекла. Вдругъ сухая жердь въѣхала въ окно и въ одинъ мигъ, разбивъ стекло въ мельчайшія частицы, осыпало лице жены моей. Она, бѣдная, читала тогда книгу и вдругъ, захватя глазъ рукою, вскричала безъ памяти. Я обмеръ, испугался, услышавъ, что она кричитъ: «ахъ, глазъ!» Боже мой! Представь себѣ, каково мнѣ было слышать ся восклицанія, а притомъ и видѣть изъ-подъ руки текущую кровь. Не могу описать, что я чувствовалъ, а помню только, что я кричалъ ей: «матушка, взгляни!» Наконецъ она взгля-

нула, и, благодаря Бога, мы узнали, что озорочекъ не поврежденъ, а коснулось стекло лузги и подъ самымъ глазомъ разрѣзало. Вотъ какъ близка была моя бѣдная жена лишиться глаза съ лютѣйшимъ страданіемъ и безъ всякой человѣческой помощи! Мы отдѣлались только тѣмъ, что глазъ распухъ и дни три былъ завязанъ; потомъ все прошло благополучно, и мы, ѣхавъ лѣсомъ почти до самой Варшавы, стеколъ уже не поднимали. 27-го обѣдали въ мѣстечкѣ Столбцахъ, гдѣ лежатъ мощи святаго Фабіана, удивляющаго всю Польшу чудотвореніями. Я ходилъ его смотрѣть и, признаюсь вамъ, что, не видавъ самъ, не повѣрилъ бы тому, какъ люди до безумія могутъ быть суевѣрны. Главное сего святаго искусство состоитъ въ изгнаніи чертей изъ бѣснующихся. Удивленія достойно, какіе плуты изъ какихъ плутовъ ничего не изгоняя, обогащаются и купаются въ душахъ такихъ простаковъ, каковы Поляки. Словомъ, суевѣріе здѣсь дошло до невѣроятной степени и въ самихъ господахъ. Ночевать пріѣхали мы въ городъ Миръ. Сей городишко набитъ Жидами. Они и попы завладѣли всею Польшею. 28-го пріѣхали обѣдать въ мѣстечко Полонечно, принадлежащее Радзивиллу. Тутъ мы приняты были очень хорошо въ домѣ самого хозяина. Обѣдъ хорошій, на серебрѣ, и вина лучшія; но ночевали въ деревнѣ Старая Мышь, въ каретѣ, не имѣвъ другаго пристанища. 29-го

пріѣхали обѣдать въ большой городъ Слонимъ, резиденцію гетмана литовскаго. Тутъ мы весь день пробыли и ночевали. Я побѣгалъ по городу и нашелъ его лучше тѣхъ, кои проѣзжалъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма сквернымъ. 30-го обѣдали, въ каретѣ, въ деревнѣ Лавриновичи. За превеликимъ дождемъ не могли мы на полѣ обѣдать, а индѣ мѣста не было. Ночевали также въ каретѣ, въ деревнѣ Зельви. Весь день ѣхали подъ дождемъ въ лѣсу, не находя убѣжища, кромѣ жидовскихъ корчемъ, возмущающихъ человѣческое обоняніе нестерпимымъ образомъ 31-го поутру проѣхали мѣстечко Избелинъ, и другое, называемое Инстиговъ. Ни то, ни другое не заслуживаютъ вниманія. Снаружи кажутся преизрядными городками, а выѣхавъ, гроша не стоятъ. Обѣдали въ каретѣ, у корчмы Холстовой, а ночевали въ каретѣ же, въ мѣстечкѣ Шисмыцахъ. Мы легли-было въ горницѣ; но, увидя нѣсколько лягушекъ, около насъ плящущихъ, рѣшились перейти въ карету. Сентября 1-го обѣдали у корчмы Станиславовой, а ночевали въ селѣ Кленикахъ, ѣхавъ нѣсколько верстъ по такому болоту и водѣ, что переднихъ колесъ не видать было. 2-го обѣдали въ городѣ Бельскѣ, весьма похожемъ на ту скверную деревню Побикери, въ которой мы ту ночь ночевали. 3-го обѣдали въ деревнѣ Саблѣ, ночевали въ изрядномъ городѣ Венгровѣ. Тутъ угостилъ насъ князь Солнцевъ, который съ

нами учился въ университетѣ и который командуетъ нашими солдатами въ Венгровѣ. Онъ послалъ тотчасъ курьера въ Варшаву, чтобъ изготовить для насъ квартиру. 4-го обѣдали въ мѣстечкѣ Маковцы, а ночевали въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Оба сіи мѣстечка я даромъ не возьму. 5-го обѣдали въ мѣстечкѣ Окуневѣ, а ввечеру пріѣхали въ Варшаву, которая съ Москвою невѣроятное сходство имѣетъ. Видишь, другъ мой сестрица, что мы, проѣхавъ больше 900 верстъ отъ Смоленска, ничего не ощущали кромѣ непріятностей и мучительныхъ безпокойствъ. Одно меня подкрѣпляло и утѣшало: жена моя была здорова во всю дорогу и мы скуку разгоняли попеременнымъ чтеніемъ другъ другу книгъ. Ты слышала самую прискорбную часть нашего путешествія; теперь скажу тебѣ о нашемъ варшавскомъ житьѣ. Мы не застали ни посла, ни Короля. Первый былъ въ деревнѣ у своей любовницы, княгини Раздивилловой, а Король въ Бѣлостокѣ, у сестры своей. На другой день посолъ возвратился и прислалъ насъ поздравить съ пріѣздомъ, такъ же, какъ и генералъ Романіусъ. Я сдѣлалъ имъ визитъ, а послѣ обѣда посолъ сдѣлалъ визитъ женѣ моей и послѣ него генералъ. На другой день посолъ далъ намъ обѣдъ и ознакомилъ жену мою съ здѣшними дамами, къ которымъ она, по обыкновенію, сдѣлала визиты и которыя ей тотчасъ ихъ отдали. Назавтра генералъ далъ намъ обѣдъ,

а на вечеръ были мы званы на ассамблею къ гетманшѣ Огинской, гдѣ видѣли цѣлую Варшаву. Невозможно болѣе оказать учтивостей, какъ намъ всѣ здѣсь показываютъ. Старикъ Мнишекъ сдѣлалъ для жены моей обѣдъ. Всякій вечеръ мы званы на ассамблеи изъ спектакля. Вчера поутру посолъ пріѣзжалъ къ намъ и сидѣлъ до обѣда, что здѣсь за величайшую отличность почитается. Онъ офрировалъ намъ домъ свой такъ, чтобъ мы его за нашъ собственный почитали. По пріѣздѣ королевскомъ въ первый куртахъ посолъ ему меня представилъ. Король, подошедъ ко мнѣ, сказалъ съ видомъ весьма ласковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и что весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о состояніи здоровья жены моей и долго ли здѣсь останемся. На отвѣтъ мой, что я не могу имѣть счастія долго здѣсь пробыть, сказалъ онъ мнѣ, что весьма о томъ жалѣетъ, что такое короткое время не позволяетъ ему оказать мнѣ всей аттенціи, которую бъ онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать. Посолъ нашъ всякій день звалъ меня обѣдать къ себѣ и возилъ меня съ визитами, которые мнѣ и возвращены; словомъ сказать, мы всякій день выѣзжаемъ и время летитъ нечувствительно. Поговорю съ тобою, другъ мой сестрица, о здѣшнихъ нарядахъ, обычаяхъ, des ridicules и о проч. Женщины одѣваются какъ кто хочетъ, но по большей части странно. Въ ассам-

блеи ѣздятъ иногда въ шляпкахъ, иногда въ турецкихъ чалмахъ; а если одѣта въ волосахъ, то на головѣ башни. Развращеніе въ жизни дошло до крайности. Часто въ компаніи найдешь мужа съ двумя женами: съ тою, съ которою живетъ, и съ тою, съ которою развелся. Развестись съ женою, или сбросить башмакъ съ ноги — здѣсь все равно. Дуэли здѣсь всечасные. За всякое слово выходятъ молодцы на пистолетахъ. A propos, надобно сказать тебѣ нѣчто и о польскихъ спектакляхъ. Комедій видѣли мы съ десятокъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Играютъ изрядно; но польскій языкъ въ нашихъ ушахъ кажется такъ смѣшонъ и подлъ, что мы помираемъ со смѣху во всю піесу; да правду сказать, странно и видѣть любовника плѣшиваго, съ усами и въ длинномъ платьѣ.

═

МОНПЕЛЬЕ, 20 Ноября / 1 Декабря 1777.

Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно пріѣхали. Благодарю Бога, жена очевидно оправляется. Я имѣю причины ласкаться, что привезу ее къ вамъ здоровую. Лечить ее взялся первый здѣшній докторъ, Деламюръ. Онъ здѣсь въ превеликой славѣ, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ

претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ помощи у него, предпочтительно передъ другими докторами, коихъ число въ Монпелье до семидесяти простирается. Теорія его соединена съ практикою весьма многихъ лѣтъ. Онъ цѣлую недѣлю ходилъ къ намъ по два раза на день для того только, чтобъ, не давая еще никакихъ лекарствъ, примѣчать натуру больной и чтобъ по ней расположить образъ леченія. Онъ даетъ ей теперь всякій день поутру бульонъ, который долженъ отнять остроту отъ крови и укрѣпить нервы, а потомъ хочетъ ей дать всю полную дозу (пріемъ) извѣстнаго отъ глистовъ лекарства, купленнаго королемъ въ Швейцаріи. (Мимоходомъ долженъ я сказать, что данное Сентъ-Жерменемъ лекарство не имѣло никакого дѣйствія и я теперь увѣренъ, что онъ не иное что, какъ первый въ свѣтѣ шарлатанъ). Не можешь себѣ представить, другъ мой сестрица, въ какомъ мы теперь городѣ. Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Какъ пріятно видѣть людей, у коихъ на лицѣ изображена радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья. Множество чужестранцевъ всякихъ націй и Французовъ изъ другихъ провинцій съѣхалось сюда на зиму для здоровья. И дѣйствительно, здѣшняго климата нѣтъ въ свѣтѣ лучше. Всякій день мы

ходимъ на гульбище, гдѣ встрѣчаемъ множество людей. Время теперь такое, какъ среди лѣта. Не только до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Видно, что Господь возлюбилъ этотъ край особенно. Я поговорю съ тобою послѣ о здѣшнемъ обществѣ и о нашемъ знакомствѣ, а теперь напишу тебѣ нашъ журналъ, или, лучше сдѣлаю, коли пробѣгу коротко большіе города, не упоминая о ночлегахъ нашихъ по маленькимъ мѣстечкамъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, городъ, въ которомъ живутъ преученые педанты. Мы осмотрѣли въ немъ все достойное примѣчанія. Онъ показался намъ столько же скученъ, сколько Дрезденъ веселъ. Проѣхавъ Саксонію, въѣхали мы въ Имперію. Что ни шагъ, то новое государство. Саксенъ-Готу, Саксенъ-Эйзенахъ, Майнцъ, Генау и многіе нѣмецкіе Дворы мы проѣхали, не представляясь; но въ Мангеймѣ я у Двора представился и уже писалъ къ вамъ, сколь много доволенъ я пріемомъ курфирста и всей фамиліи. Полмили отъ Мангейма въѣхали мы во Францію. Первый городъ Ландо, крѣпость знатная. При въѣздѣ въ городъ ошибла насъ мерзкая вонь, такъ что мы не могли уже никакъ усомниться, что пріѣхали во Францію. Словомъ, о чистотѣ не имѣютъ здѣсь нигдѣ ниже понятія, — все изволятъ лить изъ оконъ на улицу и кто не хочетъ задохнуться, тотъ конечно окна не отворяетъ. Наконецъ пріѣхали мы въ Страсбургъ. Городъ большой,

домы весьма похожи на тюрьмы, а улицы такъ узки, что солнце никогда сихъ грѣшниковъ не освѣщаетъ. Правду сказать, что въ семъ городѣ для вояжеровъ много есть примѣчательнаго. Мы видѣли мавзолей du Marechal de Saxe— верхъ искусства человѣческаго. При насъ была отправляема у нихъ панихида по всѣмъ усопшимъ, то есть, наша родительская. Великолѣпіе было чрезвычайное. Я съ женою отъ смѣха насилу удержался и мы вышли изъ церкви. Съ непривычки ихъ церемонія такъ смѣшна, что треснуть надобно. Архіерей въ большомъ парикѣ, попы напудрены, словомъ—цѣлая комедія. Между прочими вещами примѣчательна въ Страсбургѣ колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ея престрашная, она же вся сквозная и дырчатая, такъ что кажется всякую минуту готова развалиться. Я не описываю всего, что̀ мы видѣли, потому что описаніе мое заняло бы много мѣста. Я дѣлаю особливый журналъ нашего вояжа. Изъ Страсбурга поѣхали мы въ Безансонъ, городъ большой, но также темный. Надобно однакожъ отдать справедливость Французамъ, что дороги щегольскія; мостовая какъ скатерть. Потомъ пріѣхали мы въ Брессъ (bourg en Bresse). Городъ изрядный, коего жители также по уши въ нечистотѣ. Напослѣдокъ Ліонъ остановилъ насъ на цѣлую недѣлю. Городъ превеликій, премноголюдный и стоитъ вниманія. Я поговорю о немъ побольше. Въ него пріѣхали мы

ночью и на первой къ нему почтѣ адресованы были отъ почтмейстера въ hôtel garni, куда мы въѣхали. Хотя почтмейстеръ увѣрялъ насъ, что мы въ этомъ отелѣ будемъ divinement bien, однако мы нашлись въ немъ diablement mal, такъ какъ и во всѣхъ французскихъ обержахъ, которыя всѣ передъ нѣмецкими гроша не стоятъ. Во-первыхъ, Французы почиваютъ на перяныхъ, а не на пуховыхъ тюфякахъ, и одѣваются байкою, которая очень походитъ на свиную щетину. Представь себѣ эту пытку, что съ одной стороны перья колютъ, а съ другой войлокъ. Мы съ непривычки цѣлую ноченьку глазъ съ глазомъ не сводили. Ліонъ лежитъ на рѣкахъ Ронѣ и Сонѣ. По берегу Роны построена линія каменныхъ домовъ прекрасныхъ и сдѣланъ каменный берегъ, но гораздо похуже петербургскаго. Сія ситуація дѣлаетъ его очень похожимъ на Петербургъ тѣмъ напиаче, что Рона немного уже Невы. Въ окружности города превысокія горы, на которыхъ цостроены великолѣпные монастыри, загородные домы съ садами и виноградниками. Какъ за городомъ, такъ и въ городѣ всѣ церкви и монастыри украшены картинами величайшихъ мастеровъ. Мы вездѣ были и часто видѣли то, чего, не видавъ глазами, нельзя постигнуть воображеніемъ. Я не знатокъ въ живописи, но по получасу стаивалъ у картины, чтобъ на нее наглядѣться. Среди города сдѣлано мѣсто, или площадь, называемая la place

de Louis XIV, потому что тутъ поставлена его статуя. Сіе мѣсто великолѣпное и усаженное деревьями. Оно служитъ публичнымъ гульбищемъ для города и всегда людьми набито. Мы были въ l'hôtel de ville (ратуша), которая амстердамской въ красотѣ не уступаетъ. Здавіе огромное и украшенное картинами драгоцѣнными. L'hôtel-Dieu (госпиталь) заслуживаетъ любопытство. Я не пустилъ жену, но одинъ ходилъ смотрѣть его. Меня впустили, нарочно тогда когда les soeurs, то есть старухи служащія, подносили къ каждой кровати больнаго обѣденную пищу. Съ одной стороны удивилъ меня порядокъ и раченіе о больныхъ, а съ другой возмутилось сердце мое, видя тысячи людей страждущихъ. Кровать стоитъ подлѣ кровати и стонъ больныхъ составляетъ такую музыку, которая цѣлыя сутки изъ ушей моихъ не выходила. Видѣли мы славныя ліонскія шелковыя фабрики, откуда привозятъ парчи и штофы и всякія шелковыя матеріи. Надлежитъ отдать справедливость, что сіи мануфактуры въ своемъ совершенствѣ. Видѣли мы древности, ибо Ліонъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Въ немъ были два Вселенскіе Собора. Доселѣ видны остатки дома, въ которомъ жилъ императоръ Неронъ. Я не описываю вамъ всѣхъ древностей, потому что во всякой географіи найти ихъ можно; но скажу только то, что я все видѣлъ, что̀ достойно примѣчанія. Каждое утро съ разсвѣтомъ до

обѣда, а потомъ до спектакля упражнены мы были осмотрѣніемъ города, а потомъ ходили въ театръ, который, послѣ парижскаго, во всей Франціи лучшій. Словомъ сказать, Ліонъ стоитъ того, чтобъ его видѣть. Описавъ его добрую сторону, надобно сказать о худой. Во-первыхъ, надлежитъ зажать носъ, въѣзжая въ Ліонъ, точно такъ же какъ и во всякій французскій городъ. Улицы такъ узки, что самая большая не годится въ наши переулки, и содержатся скверно. Въ доказательство скажу тебѣ одинъ примѣръ, а по сему и прочее разумѣвай: шедши по самой лучшей улицѣ въ Ліонѣ, увидѣлъ я вдругъ посреди ея много людей и нѣсколько блистающихъ факеловъ среди бѣлаго дня. Я думалъ, что это какое-нибудь знатное погребеніе и подошелъ посмотрѣть поближе. Вообрази же, что я увидѣлъ? Господа Французы изволятъ обжигать свинью! Подумай, какое нашли мѣсто и попустила ли бы наша полиція среди Милліонной Улицы опаливать свинью! Словомъ сказать, господа вояжеры лгутъ безсовѣстно, описывая Францію земнымъ раемъ. Спору нѣтъ, что много въ ней добраго; но не знаю, не больше ли худаго. По крайней мѣрѣ я съ женою до сихъ поръ той вѣры, что въ Петербургѣ жить несравненно лучше. Мы не видали Парижа, это правда; посмотримъ и его; но ежели и въ немъ такъ же ошибемся, какъ въ провинціяхъ французскихъ, то въ другой разъ во Францію не

поѣду. Коли что здѣсь прекрасно, то развѣ климатъ; но сію справедливость надобно отдать одному Лангедоку. Въ разсужденіи климата здѣсь дѣйствительно рай: а во Franche-Comté, въ Bresse, въ Dauphiné мы зубовъ не согрѣвали. Печей нѣтъ; одинъ каминъ и тотъ дыменъ. Дровъ нѣтъ и топятъ хворостомъ. Здѣсь также дровъ нѣтъ да мало въ нихъ и нужды. Изъ Ліона поѣхали мы водою до города, называемаго Pont S.-Esprit. Сей переѣздъ верстъ на полтораста. Вѣтеръ былъ такъ хорошъ, что меньше сутокъ пристань въ виду была; но, къ несчастію, узнали мы, сколь вода есть вѣроломная стихія. Вдругъ вѣтеръ усилился прежестоко и насъ прибило къ берегу. Цѣлую ночь мы простояли въ водѣ у пустаго берега; но поутру погода утихла и мы въ часъ прилетѣли къ пристани. Проѣхавъ городъ Нимъ, древностями знаменитый, скоро пріѣхали въ Монпелье, гдѣ, нашедъ тотчасъ квартиру, переѣхали въ нее изъ трактира, въ который пристали. Теперь опишу тебѣ городъ, а потомъ и общество здѣшнее. Монпелье есть столица нижняго Лангедока; улицы его узки и скверны; но домы есть очень хорошіе. Университетъ заведенъ здѣсь въ 1180 году и изъ всѣхъ факультетовъ медицинскій есть славнѣйшій. Въ семъ городѣ бываютъ ежегодно держаны les Etats de Languedoc, то есть: Губернскій Судъ, или съѣздъ Государственныхъ Чиновъ Лангедока. Намѣстникъ королевскій,

губернаторъ, духовенство и дворянство собираются сюда на ноябрь и декабрь, располагаютъ и рѣшаютъ всѣ земскія дѣла: также и собираютъ королю подать, называемую don gratuit. Мы пріѣхали сюда въ самое сіе время и теперь весь городъ наполненъ людьми; но чтобъ возвратиться къ географическому его описанію, то скажу, что мѣстоположеніе его прекрасно. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ. Около его множество загородныхъ домовъ. Внутри города есть садъ королевскій; а вышедъ изъ городскихъ воротъ, есть гульбище, называемое la place du Peyrou. По признанію всѣхъ вояжеровъ нигдѣ нѣтъ прекраснѣе сего мѣста. Въ срединѣ онаго поставлена статуя Людовика XIV. Акедюкъ, чрезъ который вода проведена изъ горъ, есть зданіе прекрасное. Изъ la place de P... течетъ вода во весь городъ. Съ сего мѣста видно Средиземное Море, а при восхожденіи солнца видна и Испанія. Правда, что мои слѣпые глаза ее еще не видали. Есть еще гульбище, называемое l'Esplanade. Словомъ сказать, въ гульбищахъ здѣсь изобиліе превеликое. Теперь опишу тебѣ образъ жизни нашей и съ кѣмъ мы имѣемъ общество. Изъ Страсбурга адресованы мы были сюда къ маркизѣ Fraigeville. Пріѣхавъ сюда, сдѣлали мы тотчасъ съ нею знакомство, а чрезъ нее познакомились со всѣми les Etats. Знатнѣйшіе члены онаго собранія суть: первый коммендантъ или, по нашему, намѣстникъ, (пріѣхавшій на

сихъ дняхъ изъ Версаля), генералъ-аншефъ и Святаго Духа кавалеръ, графъ Периґоръ. Онъ представляетъ здѣсь королевскую особу. Архіепископъ нарбонскій есть вторая особа. Онъ администраторъ лангедокскій и кавалеръ ордена Святаго Духа. Третья особа маркизъ де-Кастръ, первый баронъ и кавалеръ Святаго Духа, а потомъ интендантъ, виконтъ de St. Priest; комендантъ Comte de Montcan, и первый президентъ M-r de Claris. Вотъ здѣшніе первые люди! Я ко всѣмъ имъ былъ представленъ. Всѣ они приняли меня очень ласково и на другой же день отдали визитъ. Жена моя представлена была ихъ женамъ, которыя также отдали ей визитъ, а потомъ званы мы вседневно въ ихъ общества. Не знаю, каковы сіи знатные господа въ Парижѣ; но здѣсь ласковѣе, учтивѣе и любезнѣе быть никому невозможно. Всѣ здѣшнія дамы жену мою приласкали чрезвычайно и мы столько счастливы, что каждое утро всѣ онѣ присылаютъ людей своихъ спрашивать о здоровьѣ. И такъ проводимъ мы время слѣдующимъ образомъ: поутру жена моя, вставъ въ седьмомъ часу, пьетъ свое лекарство и одѣвается. Въ девятомъ приходитъ къ ней учитель французскаго языка, а ко мнѣ адвокатъ. Здѣсь всѣ чужестранные учатся по-французски и симъ способомъ стараются показать жителямъ желаніе свое узнать ихъ языкъ. Не повѣришь, сколько здѣсь Англичанъ, которые ни въ десятую долю и противъ насъ по-французски

не знаютъ; а я, съ моей стороны, учусь юриспруденціи. Въ 11 часу обыкновенно возятъ жену мою на гульбище, а я за нею хожу пѣшечкомъ. Съ пріѣзда моего сюда я ногъ не слышу. Каретъ нѣтъ; въ портшезахъ носятъ дамъ да больныхъ; и такъ я изволю двигаться на своихъ ногахъ съ утра до вечера. Обѣдаемъ во второмъ часу, а послѣ обѣда тотчасъ приходитъ къ женѣ учитель музыки, а я что-нибудь пишу, или читаю. Въ пять часовъ ходимъ или въ спектакль, или въ концертъ, а ужинать званы бываемъ къ тѣмъ господамъ, которыхъ я назвалъ. Они всѣ дни въ недѣлѣ по себѣ разобрали. Сверхъ тѣхъ особъ, о которыхъ я сказалъ, жена моя вседневно видится и дружески познакомилась съ графинею Дюплесси. Она здѣсь по причинѣ болѣзни мужа своего. Дама предобрая. Madame Desplans, падчерица перваго президента; Madame Claris, его невѣстка; Madame de Serre, жена президента, также съ нею знакомы, а я знакомъ съ ихъ мужьями. Въ знакомствахъ здѣсь недостатка нѣтъ; но должны мы искренно признаться, что оба весьма чувствуемъ какой-то недостатокъ въ сердечномъ удовольствіи. Сравнивая васъ, друзей нашихъ, и всѣхъ знакомыхъ нашихъ, находимъ, что здѣсь мѣсяца два три прожить очень хорошо, а тамъ дома—лучше. Я думалъ сперва, что Франція, по разсказамъ, земной рай; но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, другъ

мой сестрица, какія здѣсь невѣжды. Дворянство, особливо, ни уха, ни рыла не знаетъ. Многія въ первый разъ слышатъ, что есть на свѣтѣ Россія и что мы говоримъ въ Россіи языкомъ особеннымъ нежели они. Человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какъ при такомъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію здѣшняя земля полнехонька невѣждами. Со мною вседневно случаются такія сцены, что мы катаемся со смѣху. Можно сказать, что въ Россіи дворяне по провинціямъ несказанно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше. Остается намъ видѣть Парижъ, и если мы и въ немъ такъ же ошибемся, какъ во мнѣніи о Франціи, то, повторяю тебѣ, что изъ Россіи въ другой разъ за семь верстъ киселя ѣсть не поѣду. Жена моя того же мнѣнія. Теперь опишу тебѣ, съ какими обрядами и великолѣпіемъ было открытіе des Etats на прошлой недѣлѣ. Сія церемонія заслуживала любопытство чужестранныхъ, какъ по великолѣпію своему, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ старинняго дома, называемаго Gouvernement, похожаго слѣдственно на нашу губернскую именемъ, но конечно не вещію; ибо въ здѣшнюю губернскую можно войти честному человѣку по крайней мѣрѣ безъ оскорбленія своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Графъ Перигоръ, въ орденскомъ платьѣ Свя-

таго Духа и въ шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ креслахъ подъ балдахиномъ. По правую сторону архіепископъ нарбонскій, а по лѣвую бароны, въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно пришло во владѣніе французскихъ государей, сказано, въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ его красноречія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой , говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати; ибо она позволяетъ людямъ работать въ земледѣліи непрестанно, а земледѣліе есть источникъ изобилія. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ слово поучительное. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что, съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ,

Господь наградитъ со вторицею ту сумму денегъ, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей препровождена была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ: интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что̀, въ противномъ случаѣ, взяли бы съ нихъ насильно. Въ будущее воскресенье званы мы смотрѣть процессію, которая пойдетъ по всему городу и о великолѣпіи которой много говорятъ; а во вторникъ звалъ Перигоръ меня и жену au gouvernement смотрѣть перваго засѣданія Государственныхъ Чиновъ и оттуда у него обѣдать. Я не преминy описать вамъ, матушка, все то, что̀ достойнаго примѣчанія тутъ увидимъ; а теперь покидаю перо: кажется, написалъ довольно. Подумай, другъ мой, какъ намъ горестно не имѣть отъ васъ ни одной строчки съ самаго нашего отъѣзда. Надѣюсь на Бога, что молчаніе ваше не происходитъ отъ какой-нибудь несчастливой причины. Бога ради, не забывайте насъ, а мы разговариваемъ объ васъ другъ съ другомъ каждую минуту. Въ Ліонѣ я былъ очень радъ, увидя въ спектаклѣ женщину, которая на тебя очень походитъ. Мы

всѣ на нее смотрѣли. Странно, что кого ни видимъ, рѣдкій не походитъ на кого-нибудь изъ русскихъ знакомыхъ. Вообще сказать, что между двумя націями есть превеликое сходство не только въ лицахъ, но въ обычаяхъ и ухваткахъ. Особливо здѣшній народъ ужасно какъ на нашъ походитъ. По улицамъ кричатъ точно такъ, какъ у насъ, и одежда женская одинакова. Вотъ ужъ Нѣмцы, такъ тѣ, кромѣ на самихъ себя, ни на кого не походятъ. Прости, мой другъ сердечный, сестрица! A propos, забылъ я сказать о здѣшнемъ концертѣ, то есть о французской музыкѣ. Этакихъ козловъ я и не слыхивалъ. Поютъ все чаще хоромъ. Жена всегда носитъ съ собою хлопчатую бумагу: какъ скоро заблѣютъ хоромъ, то уши и затыкаетъ.

═

Монпелье, 1/12 Декабря 1777.

Мы изрядно поживаемъ, и жена моя кажется въ гораздо лучшемъ состояніи, нежели была. Всякій день выходимъ со двора. Процессія, о которой я къ тебѣ писалъ, происходила весьма великолѣпно. Всѣ собрались сперва въ церковь. Обѣдню служилъ здѣшній епископъ; облачался публично, но не среди церкви, а въ боку. Попы, въ большихъ парикахъ, стояли, въ два ряда, то есть, одни спиною къ алтарю,

а другіе къ народу. Подумай же, кто облачалъ его преосвященство? Собственные его лакеи въ ливреѣ! Они на него и шапку надѣвали, они и умываться подавали, и кресла ему ставили. Я покатился со смѣху, увидя эту комедію и, кусая губы, спрашивалъ своего сосѣда: зачѣмъ лакеи въ ливреѣ смѣшались съ попами? Monsieur! отвѣчалъ онъ мнѣ, c'est pour augmenter la pompe. Ce n'est que les jours de grande fête, que l'Evêque officie accompagné de sa livrée. Подумай, какая разница въ образѣ мыслей! Всего больше насмѣшилъ меня контрастъ между попами въ большихъ парикахъ и между enfans du choeur, то есть, ребятами лѣтъ по двадцати, у коихъ головы выбриты такъ чисто, какъ рука. Сіи плѣшаки держатъ въ рукахъ своихъ по кадилу на предлинныхъ цѣпяхъ и кадятъ, взбрасывая вверхъ кадила сажени на двѣ. Я адресовался къ женщинѣ, не подалеку отъ меня сидѣвшей, и спросилъ ее: за что сіи бѣдные ребята такъ немилосердо выбриты? Она очень серіозно мнѣ отвѣчала, что выбриты они для того, что, служа у алтаря, обязаны содержаться во всякой чистотѣ. Забылъ, матушка, сказать тебѣ, что архіерейская шапка сдѣлана изъ золотой мягкой матеріи, которая таращится и очень походитъ фигурою на наши гаерскія шапки. Лакей въ ливреѣ, снимая съ благоговѣніемъ шапку съ архіерея, складывалъ ее чиннехонько вшестеро и клалъ въ карманъ свой; а когда

шапку надлежало надѣвать, то, вынувъ ее изъ кармана и расправя, надѣвалъ ее опять на архіерея съ благоговѣніемъ. Богъ знаетъ, что это за обѣдня, которую служили; я толку не нашелъ. Проповѣдь сказывалъ другой архіерей. На половинѣ вдругъ остановился и весь народъ началъ разговаривать другъ съ другомъ. Я спросилъ, что это значитъ? и мнѣ сказали въ отвѣтъ, что архіерей усталъ и отдыхаетъ, а какъ отдохнетъ, то достальное доскажетъ. И дѣйствительно, чрезъ полчетверти часа опять замолчали и онъ проповѣдь сталъ сказывать. Послѣ обѣда пошла процессія по всему городу. Сперва шли монахи разныхъ орденовъ, по два въ рядъ. Передъ каждымъ орденомъ несли крестъ, а потомъ пѣвчіе шли и пѣли. За ними архіерей, а потомъ подъ балдахиномъ несъ тѣло Христово епископъ здѣшній, а передъ тѣломъ Христовымъ шли барабанщики и били въ барабаны. Затѣмъ шли попы, а за попами графъ Перигоръ, бароны, все дворянство и народъ. Я съ женою смотрѣлъ сію церемонію изъ окошка у маркизы de Fraigeville. Церемонія воротилась въ церковь и потомъ всѣ разошлись. Правду сказать, что для чужестранцевъ весьма любопытно сіе торжество и подаетъ поводъ дѣлать на націю свои примѣчанія. Въ будущихъ письмахъ моихъ скажу тебѣ, что еще примѣчу страннаго или любопытнаго. Прости!

МОНПЕЛЬЕ, 31 Декабря 1777. / 11 Января 1778.

Я принимаюсь опять за большой листъ; буду писать его помаленьку, а окончивъ, съ первою почтою его къ тебѣ отправлю. Поставленное на верху число значитъ день его отправленія. Мы здѣсь живемъ полтора мѣсяца. Благодаря Бога, не было еще ни одного такого дня, въ который бы я съ женою, за болѣзнію, со двора не выходили. Я уже писалъ къ тебѣ, что мы пріѣхали въ Монпелье въ самое авантажное для него время, то есть, когда съѣзжаются les Etats. Вседневно ассамблеи занимаютъ насъ обоихъ. Мы не участвуемъ въ хлопотахъ Государственныхъ Чиновъ, но принимаемъ участіе въ ихъ веселостяхъ. Поутру всѣ они присутствуютъ въ трибуналѣ, а мы гуляемъ, или читаемъ; около полудня ходимъ обыкновенно au Peyrou; обѣдаемъ дома, но я не всегда, потому что званъ бываю къ здѣшнимъ знатнымъ господамъ, а жена обыкновенно обѣдаетъ дома. Здѣсь нѣтъ обычая звать дамъ обѣдать, но зовутъ ужинать. Въ пятомъ часу всякій понедѣльникъ ходимъ въ концертъ, а оттуда ужинать къ графу Перигору. Концертъ продолжается до восьми часовъ, а изъ него всѣ туда ходимъ и играемъ въ вискъ до ужина. За столъ садятся въ полдесята и сидятъ больше часа. Столъ кувертовъ на семьдесятъ накрывается. Графъ Перигоръ даетъ

такіе ужины три раза въ недѣлю, то есть въ понедѣльникъ всѣ ходятъ къ нему изъ концерта, въ среду изъ комедіи, а въ пятницу изъ концерта же. Точно такой же ужинъ даетъ комендантъ *Сантъ-При* по вторникамъ и четвергамъ. Сюда всѣ ходятъ изъ комедіи. Въ субботу изъ комедіи ходятъ на такой же ужинъ къ казначею здѣшней провинціи, Жуберту; а въ воскресенье къ первому президенту Кларису, также изъ комедіи. Вотъ, мой другъ сестрица, какъ здѣсь распоряжаютъ дни! По истинѣ сказать, les Etats собираются здѣсь только-что веселиться. Хотя же съѣзжаются они рѣшить всѣ дѣла въ два мѣсяца, но разъѣзжаются, окончивъ только одно дѣло, то есть собравъ съ провинціи для короля подати. Скоро сей судъ кончится и, кромѣ градоначальника, всѣ разъѣдутся въ Парижъ и по деревнямъ. Думаю, что будетъ здѣсь и пусто, и скучно. Какъ скоро выживемъ глисту, то отсюда поѣду. Чрезъ нѣсколько дней докторъ намѣревается дать ей извѣстное лекарство въ полной мѣрѣ. Онъ столь долго мѣшкалъ для того, что какъ лекарство безмѣрно тяжело и крѣпко, то надлежитъ укрѣпить ея силы къ претерпѣнію всей тоски и мученія, съ которымъ червь выходитъ. И для того всякое утро даетъ ей бульонъ и ослицыно молоко. Надлежитъ сказать еще и то, что проявилась здѣсь нѣкоторая корсиканская трава, выгоняюшая глистъ. Сію траву жена пьетъ съ недѣлю безъ

большаго отвращенія. Она не вредитъ ни въ какомъ случаѣ; но опытами извѣстно, что моритъ глисты, и особливо круглыя: хотя сей родъ есть другой, однако докторъ отвѣдываетъ и надъ плоскою. Скоро дастъ женѣ моей лекарство, которое должно будетъ глисту выгнатья ежели она сею травою уморена. Боже мой! еслибъ это сдѣлалось, и можно бъ было избѣжать извѣстнаго крѣпкаго лекарства, какъ бы мы были счастливы! Но буде корсиканская трава не поможетъ, то жена моя рѣшилась принять и другое, какой бы тоски это не стоило. Что же надлежитъ до круглыхъ глистовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что трава ихъ неминуемо выгоняетъ. Не знаю, извѣстна ль она у насъ. Имя ея la Mithocorton. Намъ всякій день сказываютъ лекарствъ по двадцати новыхъ, да мы уже рѣшились держаться нашего доктора. Онъ имѣетъ великую репутацію и человѣкъ весьма основательный. Перестану теперь говорить о болѣзни и о докторахъ. Опишу лучше здѣшніе обычаи. Правду сказать, народъ здѣшній съ природы весьма скотиноватъ. Я думаю, что такихъ ротозей мало водится. По всѣмъ улицамъ найдешь кучу людей, а въ срединѣ шарлатана, который выкидываетъ какія-нибудь штуки, продаетъ чудныя лекарства и смѣшитъ дураковъ шутками. Часто найдешь на площадяхъ людей около бабы, или мужика, которые, постав, на землю родъ шкапа съ растворенными двер-

цами, кажутъ въ шкапу куколъ. Баба во все горло поетъ духовные стихи, а мужчина играетъ на скрипкѣ; словомъ, народъ праздный и зазѣвывается охотно, а притомъ весьма грубый. Лакеи здѣшніе такіе неучи, что въ самыхъ лучшихъ домахъ, бывъ впущены въ переднюю, кто бы ни прошелъ мимо, дама, или мужчина, ниже съ мѣста тронутся и, сидя, не снимаютъ шляпъ. При мнѣ случалось нѣсколько разъ, что самъ представляющій здѣсь королевскую особу, графъ Перигоръ, проходя мимо этихъ скотовъ, видѣлъ ихъ сидящихъ въ шляпѣ съ крайнимъ неучтивствомъ. Въ Парижѣ, сказываютъ, точнехонько то же. Правда, что и господа изрядные есть скотинки. Надобно знать, что такой голи, каковы Французы, нѣтъ на свѣтѣ. Офицеръ при деньгахъ нанимаетъ слугу, а безъ денегъ шатается безъ слуги. Но когда случится копейка въ карманѣ, то не только самъ спѣсивъ, но и слугу учитъ спѣсивиться. Словомъ, ты читала комедію Glorieux; истино, всѣ Французы таковы; а слуги ихъ всѣ Pasquin, которые, надвинувъ на глаза шляпу, кромѣ своего господина. не смотрятъ ни на кого. Чтобъ тебѣ подробнѣе подать идею о здѣшнихъ столахъ, то опишу ихъ пространно. Бѣлье столовое во всей Франціи такъ мерзко, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается. Оно такъ толсто и такъ скверно

вымыто, что гадко ротъ утереть. Я не могъ не изъявить моего удивленія о томъ, что за такимъ хорошимъ столомъ вижу такое скверное бѣлье. На сіе въ извиненіе сказываютъ мнѣ: que cela ne se mange pas, и что для того нѣтъ нужды быть бѣлью хорошему. Подумай, какое глупое заключеніе: для того, что салфетокъ не ѣдятъ, нѣтъ будто и нужды, чтобъ онѣ были. Ко мнѣ ходитъ очень много весьма благородныхъ людей, съ которыми я познакомился. Разговаривая съ ними, между прочимъ, о бѣльѣ, опровергалъ я ихъ заключеніе, представляя, что рубашекъ также не ѣдятъ, но что на нихъ онѣ безъ сомнѣнія тонки и чисты; а притомъ, видя на нихъ прекрасныя кружевныя манжеты, просилъ я ихъ изъ любопытства показать мнѣ и рукавъ, чтобъ увидѣть тонкость полотна. Не могли они отказать въ томъ моему любопытству. Я остолбенѣлъ, увидя какія на нихъ рубашки! Не утерпѣлъ я, чтобъ не спросить ихъ: для чего къ такой дерюгѣ пришиваютъ они тонкія прекрасныя кружева? На сіе, въ извиненіе, сказали мнѣ: que cela ne se voit pas. Вообще примѣтить надобно, что нѣтъ такого глупаго дѣла, или глупой вещи, или глупаго правила, которому бы Французъ тотчасъ не сказалъ резона, хотя и резонъ также сказываетъ преглупый. Возвращусь теперь къ описанію столовъ. Какъ скоро скажутъ, что кушанье на столѣ, то всякій мужчина возь-

метъ даму за руку и поведетъ къ столу. У каждаго за стуломъ стоитъ свой лакей. Буде же нѣтъ лакея, то несчастный гость хоть умри съ голоду и съ жажды. Иначе и невозможно: по здѣшнему обычаю блюдъ кругомъ не обносятъ, а надобно окинуть глазами столъ и что̀ полюбится, того спросить чрезъ своего лакея. Передъ кувертомъ не ставятъ ни вина, ни воды, а буде захочешь пить, то всякій разъ посылай слугу своего къ буфету. Разсуди же: коли нѣтъ слуги, кому принести напиться, кому перемѣнять тарелки, кого послать спросить какого-нибудь блюда? а сосѣда твоего лакей, какъ ни проси, тарелки твоей не приметъ, а отвѣчаетъ: je ne sers que mon maitre. Подумай же, какая жалость: кавалеры Святаго Людовика, люди заслуженные, не имѣющіе слугъ, не садятся за столъ, а ходятъ съ тарелкою около сидящихъ и просятъ, чтобъ кушанье на тарелку имъ положили. Какъ скоро съѣстъ, то побѣжитъ въ переднюю къ поставленному для мытья посуды корыту, самъ, бѣдный, тарелку свою вымоетъ, и, вытря какою-нибудь отымалкою, побредетъ опять просить чего-нибудь съ блюдъ. Я самъ видѣлъ все это и вижу вседневно при столѣ самого графа Перигора. Часто не сажусь я ужинать и хожу около дамъ, а своему слугѣ велю служить какому-нибудь заслуженному нищему. Фишеръ и Петрушка одѣты у меня въ ливреѣ и за столомъ

служатъ. Я предпочитаю ихъ двумъ нанятымъ Французамъ, которыхъ нельзя и уговорить, чтобъ, кромѣ меня, приняли у кого-нибудь тарелку. Французы мои служатъ мнѣ для посылокъ и носятъ жену мою въ портшезѣ; а если грязно, то и меня. Плата по 40 копеекъ на день каждому и ѣдятъ свое. Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно; но, какъ видишь, услуга за столомъ очень дурна. Я, когда въ гостяхъ обѣдаю (ибо никогда не ужинаю) принужденъ обыкновенно вставать голодный. Часто подлѣ меня стоитъ такое кушанье, котораго ѣсть не хочу; а попросить съ другаго края не могу, потому что слѣпъ, и чего просить — не вижу. Наша мода обносить блюда есть наиразумнѣйшая. Въ Польшѣ и въ Нѣмецкой Землѣ тотъ же обычай, а здѣсь только перемудрили. Спрашивалъ я и этому резонъ; сказали мнѣ, что для экономіи: если-де блюды обносятъ, то надобно на нихъ много кушанья накладывать. Спрашивалъ я, для чего вина и воды не ставятъ передъ кувертами? Отвѣчали мнѣ, что и это для экономіи: ибо-де примѣчено, что коли бутылку поставить на столъ, то одинъ всю ее за столомъ выпьетъ; а коли не поставить, то бутылка на пять персонъ становится. Подумай же, другъ мой, изъ какой бездѣлицы дѣлается экономія: здѣсь самое лучшее столовое вино бутылка стоитъ шесть копѣекъ, а какое мы у насъ пьемъ,

четыре копейки. Со всѣмъ тѣмъ для сей экономіи не ставятъ вина въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ. Клянусь тебѣ, по чести моей, что какъ ты живешь своимъ домикомъ, то есть, какъ ты пьешь и ѣшь, такъ здѣсь живутъ первые люди; а твоего достатка люди рады бы къ тебѣ въ слуги пойти. Отъ чего же это происходитъ? Не понимаю. У насъ все дороже; лучшее имѣемъ отсюда въ три-дорога, а живемъ въ тысячу разъ лучше. Если бъ ты здѣсь жила такъ, какъ въ Москвѣ живешь, то бы тебя почли презнатною и пребогатою особою. Скажу тебѣ одинъ trait, которому я самъ былъ свидѣтель. Маркиза Fraigeville очень насъ полюбила — дама предобрая и богатая, а будетъ еще богатѣе, потому что наслѣдница послѣ своихъ дядей, первыхъ богачей въ Монпелье. Я на сихъ дняхъ, шатаясь пѣшкомъ по городу и не взглянувъ на часы, зашелъ къ сей госпожѣ, не думая, чтобъ такъ поздно было. Идучи на лѣстницу въ парадные покои, услышалъ я внизу ея голосъ. Я воротился съ лѣстницы и пошелъ туда, откуда слышенъ былъ ея голосъ, отворилъ двери и нашелъ свою маркизу на поварнѣ, сидитъ за столикомъ съ сыномъ и съ своею fille de chambre и изволитъ обѣдать на поварнѣ противъ очага. Я извинился своими часами и, откланиваясь, спрашивалъ ее, что за капризъ къ ней пришелъ обѣдать на поварнѣ? Она безъ всякаго стыда отвѣчала мнѣ, что какъ

нѣтъ у нея за столомъ людей постороннихъ, то, для экономіи, чтобъ не разводить огня въ каминѣ столовой комнаты, обѣдаетъ она на поварнѣ, гдѣ на очагѣ огонь уже разведенъ. Жаловалась мнѣ, что дрова очень дòроги и что она и одною поварнею чувствительный убытокъ терпитъ. Правда, что дрова здѣсь въ сравненіи нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей въ мѣсяцъ; но со всѣмъ тѣмъ, въ Петербургѣ гораздо больше печей имѣя, больше еще на дрова тратилъ я и не разорялся. Смѣшно вздумать, какихъ здѣсь обо мнѣ мыслей и по тому одному, что у мѐня въ каминѣ огонь не переводится. Il a une fortune immense. C'est un Sénateur de Russie! Quel grand seigneur! Вотъ отзывъ, коимъ меня удостоиваютъ; а особливо видя на мнѣ соболій сюртукъ, на который я положилъ золотыя петли и кисти. Всякій Французъ подходитъ ко мнѣ и, погладя по обшлагъ, внѣ себя бываетъ отъ восхищенія. Quelle finesse! Dieu! quelle beauté! Перстень мой, который вы знаете и котораго лучше бываютъ часто у нашей гвардіи унтеръ-офицеровъ, здѣсь въ превеликой славѣ. Здѣсь бриллiанты только на дамахъ, а перстеньки носятъ маленькіе. Мой имъ кажется величины безмѣрной и первой воды. Справедлива пословица: въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Правда, что въ разсужденіи мѣховъ тѣ, кои я привезъ съ собою, здѣсь наилучшіе и у Перигора нѣтъ собольяго сюр-

тука. Горностаевая муфта моя прибавила мнѣ много консидераціи. Beau blanc! всѣ кричатъ единогласно. Всѣ гладятъ и гладятъ очень бережно, чтобъ не заворотить волоска. Всякій спрашиваетъ о цѣнѣ. Я говорю 300 рубл.— Parbleu! je crois bien, всякій отвѣчаетъ; il n'y a rien de si beau que ça.—Словомъ каждый день комедія. Я думаю, нѣтъ въ свѣтѣ націи легковѣрнѣе и безразсуднѣе. Мнѣ случалось на смѣхъ разсказывать совсѣмъ несбыточныя дѣла и физически невозможныя; ни одна душа однакожъ не усомнилась; только что дивятся. Описывая сихъ простаковъ, говорю я о большей только части людей; ибо здѣсь хотя мало, однако есть очень умные люди, кои, чувствуя неизреченную глупость своихъ согражданъ, сами надъ нею смѣются и за одно со мною разсказываютъ небылицу. Часто шатаясь поутру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ, прихожу къ графу Перигору и разсказываю ему, какіе мнѣ дѣлаютъ вопросы; онъ помираетъ со смѣху и, будучи очень веселаго нрава, не взирая на свою флегму, разсказываетъ мнѣ самъ побасенки. Между прочимъ, талантъ мой дразнить людей находитъ здѣсь универсальную аппробацію; а особливо дамы полюбили меня за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили и поминутно дѣлаютъ мнѣ комплименты. Какіе же? Что я будто не похожу на

чужестраннаго. Надобно описать глупое заpаженіе всѣхъ Французовъ вообще. Они считаютъ себя за первую въ свѣтѣ націю и коли скажутъ: vous n'avez point l'air étranger du tout, то тотчасъ прибавятъ: je vous en fais bien mon compliment. Англичанъ здѣсь терпѣть не могутъ и хотя въ глаза очень обходятся съ ними учтиво, однако за глаза бранятъ ихъ и смѣются надъ ними. Напротивъ того, хороши и Англичане. Заѣхавъ въ чужую землю, потому что въ своей холодно, презираютъ жителей въ глаза и на всѣ ихъ учтивости отвѣчаютъ грубостью. Всего смѣшнѣе говорятъ они по-французски. Американскія ихъ дѣла доходятъ до самой крайности и они въ такомъ отчаяніи, что, думать надобно, отступятся отъ Америки и слѣдовательно объявятъ войну Франціи: ибо издревле всякій разъ, когда ни доходила Англія до крайняго несчастія, всегда имѣла ресурсомъ и обычаемъ объявлять войну Франціи. Сіе обстоятельство сдѣлало то, что Англичане отсюда вдругъ поднялись и разъѣжаются; а Французы ожидаютъ войны немедленно и флотъ свой такъ вооружаютъ, что въ Тулонѣ работаютъ непрестанно по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ. Про нашу войну съ Турками здѣсь какъ въ трубу трубятъ и всякій часъ новыя вѣсти. У насъ, въ Россіи, любятъ вѣсти, а здѣсь можно ихъ назвать пищею Французовъ. Они бъ дня не прожили, еслибъ запретили

имъ выдумывать и лгать. Поистинѣ сказать, Нѣмцы простѣе Французовъ, но несравненно почтеннѣе и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ Нѣмцами, нежели съ ними. Остается намъ видѣть Парижъ, чтобъ формировать совершенное заключеніе наше о Франціи; но кажется, что найдемъ то же, а разница, я думаю, состоятъ будетъ въ томъ, что городъ больше, да спектакли лучше; за то климатъ хуже. Мы примѣтили, что здѣсь женскій полъ гораздо умнѣе мужескаго, а притомъ и очень не дурны. Красавицъ нѣтъ, только есть лица пріятныя и веселыя; а мужчины, выключая очень малое число, очень глупы и невѣжды; имѣютъ одну наружность, а больше ничего. Всѣ въ прахъ изломаны, и у кого ноги хотя и не криви (что̀ рѣдко встрѣчается), однако кривитъ ихъ нарочно для того, что Король имѣетъ кривыя ноги; слѣдовательно, прямыя ноги не въ модѣ. Удивленія достойны головы Французовъ: сами чувствуютъ, что это смѣшно, сами этому смѣются, со всѣмъ тѣмъ ноги кривятъ и ходятъ разваливаясь, какъ медвѣди. Я хотѣлъ бы описать тебѣ многіе traits ихъ глупости, вѣтряности и невѣжества; но предоставляю тебѣ разсказать ихъ на словахъ, по моемъ возвращеніи. Разсказыватъ ихъ лучше, нежели описывать, потому что всякое ихъ разсужденіе препровождено бываетъ жестами, которыхъ описать нельзя, а передразнить очень ловко. Перестаю писать для того, что

пришелъ къ намъ обѣдать Зиновьевъ и принесли уже кушанье. Какое бѣлье! Боже! Ты повидишь, чѣмъ мы принуждены утираться! Подумай, другъ мой, что, кромѣ толстоты салфетокъ, дыры на нихъ зашиты голубыми нитками! Нѣтъ и столько ума, чтобъ зашить ихъ бѣлыми. На сихъ дняхъ начался карнавалъ. Театръ открытъ извѣстнымъ Мольеровымъ фарсомъ: *Пурсоньякъ*. Я не описываю тебѣ здѣшняго театра; скажу только, что актера два, три хороши, а прочіе скверны; но случившееся четвертаго дня въ партерѣ смятеніе противъ правительства заслуживаетъ описанія. Народу столь много собралось въ комедіи, что не только партеръ, ложи, но весь театръ набитъ былъ людьми, такъ что актеры съ нуждою дѣйствовать могли. Послѣ комедіи начался балетъ. Партеръ закричалъ, чтобъ вмѣсто балета танцовали англійскій танецъ. Крикъ былъ необычайный. Танцовщики принуждены были сойти съ театра, а вышелъ комедіянтъ и спросилъ у партера, чрезъ кого хочетъ онъ, чтобъ англійскій танецъ былъ танцованъ? Партеръ назвалъ любимаго своего танцовщика и начала уже играть музыка, какъ вдругъ графъ Перигоръ разсердился на насильство партера и велѣлъ закрыть занавѣсъ, объявя, что партеръ никакого не имѣетъ права требовать того танца, который не былъ аффишированъ. Тутъ-то, другъ мой, сестрица, надобно было видѣть бѣшенство

партера! Этакого крикуна нашихъ кулачныхъ бояхъ, я чаю, не бывало. Кричали, что они не выйдутъ изъ партера, не видавъ требуемаго танца, и грозили все вверхъ дномъ поставить. Какой поднялся визгъ отъ дамъ! Благодаря Бога, мы сидѣли въ ложѣ самого графа Перигора, слѣдовательно караулъ, стоящій обыкновенно въ ложѣ его, поставилъ насъ въ безопасность отъ наглости раздраженнаго народа. Чѣмъ же кончился бунтъ? Вдругъ, по повелѣнію графа, вбѣжали въ партеръ человѣкъ съ пятнадцать гренадеръ съ обнаженными палашами и закричали, чтобъ въ одинъ моментъ всѣ шли изъ партера, или рубить будутъ. Тутъ-то сдѣлалась давка. Вся храбрая сволочь, которая за минуту предъ тѣмъ грозила театръ поставить вверхъ ногами, бѣжала сломя голову вонъ: одинъ давилъ другаго и въ четверть часа всѣ выбѣжали вонъ, чѣмъ дѣло и кончилось. Третьяго дня послѣ обѣда случились у насъ гости, и мы, заговорясь, опоздали нѣсколько, однако пошли въ комедію. Въ сѣняхъ нашли мы конфузію и встрѣтившіеся знакомые кричали женѣ моей, чтобъ она воротилась, потому что въ партерѣ послѣ окончанія первой пьесы сдѣлался бунтъ, который теперь въ самомъ своемъ жару и что пройти въ ложу опасно. Ты можешь себѣ представить, что она тотчасъ воротилась. Я ее отпустилъ домой, а самъ не утерпѣлъ, чтобъ не пойти посмотрѣть, какъ Французы

задорятся. Пробравшись въ Перигорову ложу, увидѣлъ я сцену прекрасную. Партеръ шумѣлъ такъ, что у сосѣда своего не могъ я ни о чемъ спросить: ибо, по причинѣ великаго шума, ни онъ не могъ слышать моихъ словъ, ни я его; но видѣлъ я, что гренадеры тащатъ многихъ за воротъ въ тюрьму. Иные бѣгутъ вонъ и давятъ другъ друга; дамы всѣ визжатъ по обыкновенію. Чрезъ полчаса все утишилось и въ партерѣ осталось человѣкъ десятка три; малая пьеса благополучно была начата и окончена. Въ сей день смятеніе сдѣлалось вотъ отъ чего: директоръ комедіи, видя наканунѣ, что бѣда была отъ требованія англійскаго танца, хотѣлъ услужить партеру и велѣлъ уже, вмѣсто балета, танцовать англійскій танецъ. Партеръ возгордился сею услужливостію и закричалъ, чтобъ послѣ дали l'allemande. Танцовщики всѣ изготовились плясать что̀ велятъ, какъ вдругъ прислано было повелѣніе отъ графа Перигора отнюдь не танцовать allemande и не потворствовать нахальству партера. Услышавъ сіе, народъ остервенился и тутъ-то вбѣжали гренадеры и сдѣлалась толковня превеликая. Самыхъ задорныхъ стали хватать за воротъ и отсылать въ городскую тюрьму. Правда, что тутъ и правый и виноватый одну чашу пили. Вчера былъ спектакль и новая была сцена, а именно: караулъ былъ утроенъ; но защитники смятенія, не входя въ спектакль, останавливали

идущихъ и всякаго уговаривали и упрашивали не ходить въ спектакль. Отъ сего произошло то, что партеръ былъ пустехонекъ и играли только для ложъ. Бѣдный директоръ, претерпѣвая отъ сего убытокъ превеликій, сказываютъ, былъ сегодня у графа Перигора и со слезами просилъ его прекратить сіе бѣдствіе. Не знаю, что-то будетъ сегодня. Я съ женою иду въ спектакль и какъ градоначальникъ здѣшній далъ намъ свою ложу, то мы въ самой безопасности можемъ смотрѣть на все то, что̀ происходить будетъ. Ну, мой другъ сестрица; я понаписалъ довольно. Если тебѣ наскучитъ читать мои вздоры, то пеняй на себя. Тебѣ угодно было, чтобъ я писалъ больше. Не взыскивай на мнѣ, что я тебѣ не описываю каждаго дня и не веду журнала порядочнаго. Одинъ день такъ походитъ на другой, что было бы педантство ставить числа. Остается мнѣ сказать тебѣ, что здѣсь теперь время самое лѣтнее. La place du Peyrou наполнено было сегодня людьми и уже съ недѣлю, какъ за столъ намъ приносятъ апельсины. Жена и я носимъ живые цвѣты на платьѣ; за шесть копеекъ букетъ предорогой.

═

ПАРИЖЪ, 11/22 Марта 1778.

Ты не можешь себѣ представить, какъ время летитъ въ той землѣ, гдѣ никогда не бы-

валъ, и гдѣ, слѣдственно, любопытство все видѣть, все узнать, занимаетъ каждую минуту. Теперь вы уже знаете, что въ Монпелье житье наше было не тщетно. Хотя жена моя пріѣхала сюда не такъ здорова, какъ изъ Монпелье выѣхала, но приписываю это дорожнымъ безпокойствамъ и переѣзду изъ прекраснаго климата въ похожій на нашъ. Ласкаюсь, что весна и вòды будутъ ей полезны. Я здоровъ, но долженъ признаться, что голова моя изрядно надо мною подшутила. Не болѣла она во все время житія нашего въ Монпелье, а за день отъѣзда изъ него пришелъ ко мнѣ такой пароксизмъ, что былъ я внѣ себя цѣлыя сутки и такихъ въ Россіи имѣлъ рѣдко. Произошелъ онъ однако жъ отъ причины. Я собрался ѣхать въ Сетъ, пристань Средиземнаго Моря, и велѣлъ разбудить себя рано; безъ того, думаю, чтобъ я не страдалъ, или, по крайней мѣрѣ, пароксизмъ не такъ былъ бы жестокъ. .

. . . .

. . . .

Что же надлежитъ до Сент-Жерменя, то конечно онъ весьма чудная тварь, однако тѣмъ не меньше шарлатанъ. Я разстался съ нимъ изрядно; счастливъ тѣмъ, что остерегся и не поддался искушенію, въ которое онъ меня привлечь старался. Онъ писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ сулилъ золотыя горы. Сіе письмо послалъ я къ графу Петру Ивановичу, у котораго можете взять прочесть, если вамъ хо-

чется. Обѣщалъ онъ мнѣ въ немъ открыть важнѣйшіе секреты для обогащенія и интересовъ Россіи. Я на сіе учтивымъ образомъ ему отвѣтствовалъ, что какъ въ Дрезденѣ находится министръ россійскій, то бы къ нему съ своими проектами и адресоваться изволилъ. Со всѣмъ тѣмъ, что я называю его шарлатаномъ, конечно, не ошибаюсь: нахожу въ немъ много пречуднаго. Руссо твой въ Парижѣ живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ; никуда не ходитъ и къ себѣ никого не пускаетъ. Ласкаюсь однакожъ его увидѣть. Мнѣ обѣщали показать этого урода. Вольтеръ также здѣсь; этого чудотворца на той недѣлѣ увижу. Онъ боленъ и также никого къ себѣ не пускаетъ. На сихъ дняхъ играли его новую трагедію, о которой поговорю послѣ. Теперь продолжать стану журналъ нашего вояжа. Вы получили письмо наше изъ Марселя. Вотъ городъ, въ которомъ можно жить съ превеликимъ удовольствіемъ и который мнѣ несравненно лучше и веселѣе Ліона показался. Спектакль прекрасный. Общество пріятное и безъ всякой претензіи. Изъ Марселя поѣхали мы въ другой разъ въ Aix, а оттуда въ Папскій городъ Avignon, въ которомъ, кромѣ церквей, ничего нѣтъ любопытнаго. Потомъ ѣздили въ города Оранжъ, Valence, Vienne и пріѣхали въ Ліонъ, а изъ него въ Маконъ, Шалонъ и въ Дижонъ. Потомъ чрезъ города Оксерръ, Санъ и Фонтенебло пріѣхали въ Парижъ. Не

описываю вамъ сихъ городовъ. Вы найдете исправное объ нихъ описаніе въ Géographie de la Croix. Нашли мы много весьма добраго и весьма худаго. Справедливость велитъ мнѣ признаться, что всѣ сіи провинціяльные города хорошо видѣть однажды, а въ другой разъ не стòятъ. Что же до Парижа, то я выключаю его изъ всего на свѣтѣ. Парижъ отнюдь не городъ; его по истинѣ назвать должно цѣлымъ міромъ. Нельзя себѣ представить, какъ безконечно онъ великъ и какъ населенъ. Мы пріѣхали въ него $\frac{\text{20 Февраля}}{\text{3 Марта}}$ ввечеру. На другой день послалъ я къ секретарю нашего министра, чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ; но вмѣсто секретаря Барятинскій самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и обошелся со мною какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ Шувалову, Строганову, Разумовскому и къ другимъ Русскимъ. Жена не ѣздила для того, что устала; но послѣ обѣда графиня Шувалова сама пріѣхала къ женѣ моей и, посидѣвши до спектакля, увезла меня съ собою. На другой день пріѣхала къ женѣ Строганова, также не дождавшись нашего перваго визита. Чрезъ сіе хотѣла она намъ показать, что желаетъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ. И дѣйствительно, мы всѣвидимся всякій день. Русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ какъ одна семья; но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ: день дѣ-

лаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философъ. Изъ Русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Прочіе всѣ живутъ по-французски, чего насъ избави Боже! Парижа описывать вамъ не хочу, потому что вы изъ книгъ такъ же его узнаете, какъ я; а скажу вамъ мое весьма справедливое примѣчаніе, что нѣтъ шагу, гдѣ бъ не находилъ я чего-нибудь совершенно хорошаго, всегда однакожъ возлѣ совершенно дурнаго и варварскаго. Такая несообразность должна удивить каждаго. Увидишь зданіе прекрасное и верхъ искусства человѣческаго, а подлѣ него какой-нибудь госпиталь для дурныхъ болѣзней; словомъ, то, что̀ мы называемъ убогій домъ, здѣсь среди города. Народъ, впрочемъ, въ крайней бѣдности и питается, можно сказать, одною industrie. За то здѣсь почти всякій день вѣшаютъ и колесуютъ. Неустройства происходятъ много и отъ многолюдства. Нельзя, чтобъ полиція, сколь бы ни была хороша, усмотрѣла все въ такомъ содомѣ. Подумай, матушка, что въ городѣ каждый день четыре спектакля, ярмарка и гульбища. Куда ни поди, вездѣ полнешенко. Нѣтъ мѣста, гдѣ бъ не видать было кучи народа. Нѣтъ въ цѣлыхъ суткахъ ни одной минуты, чтобъ не слышанъ былъ стукъ каретный. Есть здѣсь мостъ, такъ

называемый Pont-Neuf. Кто недавно въ Париже, съ тѣмъ бьются здѣшніе жители объ закладъ, что когда по немъ ни поди, всякій разъ встрѣтится на немъ бѣлая лошадь, попъ и непотребная женщина. Я нарочно хожу на этотъ мостъ и всякій разъ ихъ встрѣчаю. Вообще сказать, праздность здѣсь неизреченная. Новыя вѣсти составляютъ пищу здѣшнихъ жителей. Всякая новость занимаетъ всѣ головы. При насъ случилось приключеніе, которое стоитъ того, чтобъ здѣсь его описать: въ маскарадѣ королевскій братъ, графъ д'Артуа, будучи хмѣленъ, сдѣлалъ неучтивость передъ дюшессою де Бурбонъ и сорвалъ съ нее маску. Мужъ ея вступился и вызвалъ на дуэль обидчика. Поединокъ былъ кавалерскій и братъ Его Величества имѣлъ отъ него оцарапанную руку. Потомъ обнялись и помирились. Подравшись, дюкъ де Бурбонъ проѣхалъ прямо въ Оперу. Я былъ свидѣтелемъ сцены весьма примѣчательной. Весь народъ оборотился къ нему и я думалъ, что отъ битья въ ладони театръ развалится. Кричатъ тысячи людей: «Bravo, bravo, достойная кровь Бурбона!» На другой день Король сослалъ въ ссылку и брата своего и дюка на восемь дней за то, что они, въ нарушеніе закона, выходили на дуэль. A propos, другъ мой сестрица, не у однихъ у насъ война, и здѣсь она неминуема. Англійскій посолъ завтра выѣдетъ отсюда безъ аудіенціи и теперь ни о чемъ

болѣе здѣсь не говорятъ, какъ о войнѣ. Англичане всѣ ѣдутъ домой. У Цесарцевъ съ Прусскимъ Королемъ также война скоро послѣдуетъ. Вся Европа перебѣсилась. Перестанемъ говорить о такой матеріи, которая такъ досадна и скучна, а поговоримъ теперь о спектакляхъ. Могу тебя увѣрить, что французская комедія совершенно хороша, а трагедію нашелъ я гораздо хуже, нежели воображалъ. Мѣсто покойника Лекеня заступилъ Ларивъ, котораго холоднѣе никто быть не можетъ; но въ комедіи есть превеликіе актеры. Превиль, Моле, Бризаръ, Оже, Долиньи, Вестрисъ, Сенвальша—вотъ мастера прямые! Когда на нихъ смотришь, то конечно забудешь, что играютъ комедію, а кажется, что видишь прямую исторію. При мнѣ играли новую Вольтерову пьесу: «Ирена, или Алексій Комненъ,» которая принята была публикою съ восхищеніемъ. Меня было оглушило отъ битья въ ладоши. За то играли другую новую пьесу, а именно. L'homme personnel, которая упала вовсе. Правду сказать, что рукоплесканіе и свистаніе ничего не рѣшатъ, потому что партеръ, который сіе право имѣетъ, состоитъ изъ народа самаго невѣжественнаго. Въ доказательство скажу, что здѣсь за все-про-все апплодируютъ, даже до того, что если казнятъ какого-нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ, то вся публика апплодируетъ битьемъ въ ладоши палачу точно такъ, какъ въ

комедіи актеру. Не могу никакъ сообразить того, какъ нація чувствительнѣйшая и человѣколюбивая можетъ быть такъ близка къ варварству. Что же надлежитъ до ридикюлей, то никто такъ охотно не шпыняетъ надъ другими, какъ Французы, и никто столь много ридикюлей не имѣетъ. Самый образъ обхожденія достоинъ посмѣянія. Всего написать не можно, что̀ здѣсь смѣшнаго встрѣчается. Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ и что не можетъ уже никто разсказами своими мнѣ импозировать. Мы всѣ, сколько ни есть насъ Русскихъ, вседневно сходясь, дивимся и хохочемъ, соображая то, что̀ видимъ, съ тѣмъ, о чемъ мы, развѣся уши, слушали. Славны бубны за горами—вотъ прямая истина! Намѣреніе наше непремѣнное, въ исходѣ сентября, или въ началѣ октября, быть въ Россіи, и поистинѣ сказать, нѣтъ никакого резона намъ въ чужихъ краяхъ оставаться; да и жена моя хочетъ поскорѣе до мѣста, а то, право, уже таскаться обоимъ намъ наскучило. A propos, я началъ слушать курсъ експериментальной физики у Бриссона, а жена взяла учителя на клавесинахъ; живемъ веселехонько, а подчасъ скучнехонько! Право, Парижъ отнюдь не таковъ, чтобъ быть отъ него безъ памяти; я буду всегда помнить, что въ немъ, такъ же какъ и вездѣ можно со скуки до смерти зазѣ-

ваться. Прости, другъ мой сестрица. Люби насъ и пиши почаще.

═

ПАРИЖЪ $^{20}/_{31}$ марта 1778.

Вчера Вольтеръ былъ во Французской Академіи. Собраніе было многочисленное. Члены Академіи вышли ему на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорское мѣсто и, минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единогласно въ директоры на апрѣльскую четверть года. Отъ Академіи до театра, куда онъ поѣхалъ, народъ провожалъ его съ непрестанными восклицаніями. Представлена была новая трагедія: «Ирена или Алексій Комненъ.» При входѣ въ ложу публика апплодировала ему многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, Бризаръ, какъ старшій актеръ, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и, заплакавъ отъ радости, сказалъ въ слухъ Бризару: «Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir!» Трагедія играна была гораздо съ бо̀льшимъ совершенствомъ, нежели въ первыя представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Завѣсъ опять былъ поднятъ; всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчивали его лавровыми вѣнками. Сіе при-

ношеніе публика сопровождала громкимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ четверти часа непрерывно. Наконецъ представлявшая Ирену, г-жа Вестрисъ, оборотясь къ Вольтеру, читала слѣдующіе стихи.

Aux yeux de Paris enchanté
Reçois en ce jour un hommage,
Que confirmera d'âge en âge
La sévère postérité.
Non, tu n'as pas besoin d'atteindre au noir rivage
Pour jouir de l'honneur de l'immortalité!
Voltaire, reçois la couronne
Que l'on vient de te présenter;
Il est beau de la mériter
Quand c'est la France qui la donne.

Для показанія своего удовольствія публика велѣла повторить чтеніе сихъ стиховъ и апплодировала имъ съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ, выходя изъ театра, сталъ садиться въ свою карету, то народъ закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами провожало его до самаго дома, крича непрестанно: Vive Voltaire!

═

ПАРИЖЪ, апрѣля, 1778 года.

Собравъ нѣсколько писемъ твоихъ, хочу на нихъ отвѣтствовать на цѣломъ листѣ. Правда,

что не требуютъ такого пространнаго отвѣта, да я хочу прибавить, по моему обыкновенію, описаніе всего того, что здѣсь вижу. Ты пишешь, что наши пріѣзжіе изъ Парижа увѣряютъ васъ, что здѣсь множество ученыхъ людей таскаются безъ пропитанія. Видно, что сіи господа вояжеры сами не весьма ученые люди; ибо смѣло вамъ скажу, что ни одинъ изъ здѣшнихъ прямо ученыхъ и достойныхъ людей не подумаетъ ѣхать въ Россію безъ великой надежды сдѣлать фортуну свою и семьи своей. Видно, что они учеными людьми сочли какихъ-нибудь шарлатановъ, которые за копейку обѣщаютъ обучить всему на свѣтѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человѣка, который бы не имѣлъ вѣрнаго пропитанія; да къ тому жъ всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ Французскомъ Народѣ. Послѣдній трубочистъ внѣ себя отъ радости, коли увидитъ Короля своего; онъ крехтитъ отъ подати, ропщетъ; однако послѣднюю копейку платитъ, во мнѣніи что тѣмъ пособляетъ своему отечеству. Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то, конечно, любовь къ отечеству и государю своему.

Вольтера я видѣлъ и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ ему почестей. Могу сказать, что кромѣ Руссо, который въ своей комнатѣ зарылся

какъ медвѣдь въ берлогѣ, видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ. Сказываютъ, что въ старину авторы вели войну между собою не иначе, какъ критикуя одинъ другаго сочиненія; а нынѣ не только трогаютъ честь язвительными ругательствами, но рады погубить другъ друга вовсе, какъ какіе-нибудь звѣри. И дѣйствительно, мало въ нихъ человѣческаго. Всякій ученый есть гонитель всѣхъ тѣхъ, кои разно съ нимъ думаютъ, или сочиненія его не находятъ совершенными. Здѣсь скверные стихи раздѣляютъ часто домъ: брата съ братомъ вѣчно дѣлаютъ врагами, и словомъ сказать, литературныя войны дѣлаютъ многихъ людей погибель. Не могу вамъ довольно изъяснить, какими скаредами нашелъ я въ натурѣ тѣхъ людей, коихъ сочиненія вселили въ меня душевное къ нимъ почтеніе. Вообще тебѣ скажу, что я моральною жизнію парижскихъ Французовъ очень недоволенъ. Сколько идея *Отечества* и *Короля* здѣсь твердо въ сердца вкоренена, столь много изгнано изъ сердецъ всякое состраданіе къ своему ближнему. Всякій живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность—все это считается химерою. Напро-

тивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, то есть: ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ. Будь учтивъ, то естъ никому ни въ чемъ не противорѣчь; будь любезенъ, то есть ври что на умъ ни набрело, — вотъ два правила, чтобъ быть un homme charmant. Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здѣсь люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго счастія и не имѣютъ о немъ ниже понятія. Пустой блескъ, взбалмошная наглость въ мужчинахъ, безстыдное непотребство въ женщинахъ, другаго, право, ничего не вижу. Ты можешь себѣ представить, что все сіе намъ очень не понравилось. Я всякій день бѣгаю съ утра до вечера по городу, чтобъ видѣть все примѣчательное; а какъ скоро все осмотримъ и пришлютъ ко мнѣ деньги, то, истинно, лишняго дня здѣсь не останусь. Между тѣмъ скажу тебѣ, что меня здѣсь болѣе всего удивляетъ: это мои любезные сограждане. Изъ нихъ есть такіе чудаки, что внѣ себя отъ одного *Парижа*; а при всемъ томъ, я самъ свидѣтель, что они умираютъ со скуки; еслибъ не спектакли и немного было здѣсь Русскихъ, то бы дѣйствительно Парижъ укоротилъ вѣкъ многихъ нашихъ русскихъ Французовъ. И такъ, кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація; все лгутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ какъ

въ Угличѣ. Четыре стѣны вездѣ равны; но чтобъ дать вамъ идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, то разскажу тебѣ всѣ часы дня, какъ они его проводятъ. Поутру, вставъ очень поздно, мужчина надѣваетъ фракъ съ камзоломъ, или, справедливѣе сказать, съ душегрѣйкою весьма неблагопристойною. Весь растрепанъ, побѣжитъ au Palais-Royal; нашедъ цѣлую пропасть дѣвокъ, возьметъ одну или нѣсколькихъ съ собою домой обѣдать. Сіе непотребное сонмище поведетъ съ собою въ спектакль на свои деньги; а изъ спектакля возьметъ съ собою свою дѣвку и теряетъ свои деньги съ здоровьемъ невозвратно. Такъ здѣсь живутъ не только холостые, но почти всѣ женатые; а разница въ томъ, что женатые нанимаютъ особенные дома для своихъ шалостей. Что жъ падлежитъ до дамъ, то наши русскія знаются между собою; но сіе могли бы онѣ дѣлать точнехонько и въ Россіи; слѣдственно Парижъ тутъ не входитъ ни во что. Буде же знаться съ Француженками, то, по короткому пребыванію, не стоитъ и заводить съ ними знакомства; да французскія дамы притомъ и горды. Шувалова ѣздитъ ко многимъ, а къ ней никто; слѣдственно такое знакомство не всякому пріятно. По крайней мѣрѣ, я не хочу инаго знакомства, кромѣ такого, гдѣ бъ оно совершенно было наблюдаемо. Изъ этого заключить можешь, что для чужестранныхъ нѣтъ никакого здѣсь société.

Надобно сказать что дамъ чужестранныхъ здѣсь очень немного, а мужчинъ, особливо же молодыхъ, пропасть. Ихъ двѣ вещи въ Парижъ привлекаютъ: спектакли, да дѣвки. Отними сіи двѣ приманки, то цѣлыя двѣ трети чужестранцевъ тотчасъ уѣдутъ изъ Парижа. Спектакли здѣсь такіе, какихъ совершеннѣе быть не можетъ. Трагедія послѣ Лекеня, Клеронши, Дюменильши конечно унала; но комедія въ наилучшемъ цвѣтѣ. Опера есть великолѣпнѣйшее зрѣлище въ цѣломъ свѣтѣ. Итальянскій спектакль очень забавенъ. Сверхъ того есть много другихъ спектаклей. Всѣ каждый день полнешеньки. Два примѣчанія скажу тебѣ о здѣшнихъ спектакляхъ и повѣрь, что скажу сущую правду. Кто не видалъ комедіи въ Парижѣ, тотъ не имѣетъ прямаго понятія, что есть комедія. Кто же видѣлъ здѣсь комедію, тотъ нигдѣ въ спектакль не поѣдетъ охотно, потому что послѣ парижскаго смотрѣть другаго не захочетъ. Не говорю я, чтобъ у насъ, или въ другихъ мѣстахъ, не было актеровъ, достойныхъ быть въ здѣшней труппѣ: но нѣтъ нигдѣ такого ensemble, каковъ здѣсь, когда въ пьесѣ играютъ всѣ лучшіе актеры. Два дня въ недѣлѣ играютъ дубли. Тогда дѣйствительно и парижскій спектакль гроша не стоитъ. Теперь поговорю о другой приманкѣ. а именно: о дѣвкахъ. Здѣсь всѣ живутъ не весьма цѣломудренно; но есть состояніе особенное, называющееся les filles,

то есть: непотребныя дѣвки, осыпанныя съ ногъ до головы брилліантами. Одѣты прелестно; экипажи такіе, какихъ великолѣпнѣе быть не можетъ. Дома, сады, столъ, словомъ, сей родъ состоянія изобилуетъ всѣми благами свѣта сего. Спектакли всѣ блистаютъ отъ алмазовъ, украшающихъ сихъ тварей. Онѣ сидятъ въ ложахъ съ своими любовниками, изъ коихъ знатнѣйшія особы имѣютъ слабость срамить себя публично, садясь съ ними въ ложахъ. Богатство ихъ неисчислимо; а потому благородныя дамы взяли другой образъ нарядовъ, то есть, ни на одной благородной не увидишь брилліанта. Дорогіе камни стали вывѣскою непотребства. На Страстной Недѣлѣ послѣдніе три дня было здѣсь точно то, что въ Москвѣ мая первое. Весь городъ ѣздитъ въ рощу и не выходитъ изъ каретъ. Тутъ-то видѣлъ я здѣшнее великолѣпіе. Наилучшіе экипажи, ливреи, лошади,—все это принадлежало дѣвкамъ! Въ прекрасной каретѣ сидитъ красавица вся въ брилліантахъ. Кто жъ она? Дѣвка. Словомъ сказать, прямо наслаждаются сокровищами міра однѣ дѣвки. Сколько отъ нихъ цѣлыхъ фамилій вовсе разоренныхъ! Сколько благородныхъ женъ несчастныхъ! Сколько молодыхъ людей погибшихъ! Вотъ городъ, неуступающій ни въ чемъ Содому и Гомору. Съ одной стороны видишь нечестіе, возносящее главу свою, а съ другой—вдовъ и сиротъ, стоящихъ подлѣ оконъ домовъ великолѣпныхъ, откуда

изъ седьмаго этажа (ибо добрые люди живутъ на чердакахъ) кидаютъ симъ нищимъ куски хлѣба, какъ собакамъ. Въ первыхъ же этажахъ обитаютъ люди богатые съ окаменѣлыми сердцами, слѣдственно имъ до того дѣла нѣтъ. Надобно примѣтить, что нищимъ здѣсь запрещено просить милостыню; а какъ скоро кто попадется, то отводятъ его въ больницы Инвалиды и Бисетръ. Сіи мѣста стоятъ особеннаго описанія; я предоставляю это для другаго письма, а напередъ скажу только то, что воображеніе человѣческое никакъ представить себѣ не можетъ варварства и безчеловѣчія, съ какимъ трактуются несчастные люди. Не могу выйти изъ удивленія, какъ нація просвѣщенная и, по справедливости сказать, человѣколюбивѣйшая, можетъ терпѣть, чтобъ такія лютости совершались среди столичнаго города. Знать, что всякое состраданіе исчезло въ ихъ сердцахъ. Сказываютъ, что на Страстной Недѣлѣ говорилъ въ Версаліи проповѣдь предъ Королемъ славный здѣшній проповѣдникъ, l'abbé Maury, и на чистыя денежки описалъ Королю весь ужасъ, въ которомъ живутъ несчастные въ Бисетрѣ и Инвалидахъ. Король во время проповѣди топалъ ногами и отзывался, что онъ ничего этого не зналъ; а проповѣднику сказалъ, что онъ ласкается не заслужить впредь такой проповѣди, которая растерзала его сердце. Дай Богъ, чтобъ онъ скорѣе облегчилъ страданіе несчастныхъ! Увѣряютъ,

что сей проповѣдникъ будетъ за сію проповѣдь епископомъ. Страстная и Святая Недѣли были проведены въ службѣ Божіей. Я самъ слышалъ сего славнаго проповѣдника. Краснорѣчія много, но не понравилась мнѣ его декламація, которую нашелъ я слишкомъ театральною. Въ прошлый понедѣльникъ отворены были всѣ театры. Мы съ женою предпочли видѣть *Альзиру* и пріѣхали въ театръ очень кстати. За нашею каретою ѣхалъ Вольтеръ, сопровождаемый множествомъ народа. Вышедъ изъ кареты, жена моя остановилась со мною на крылечкѣ, посмотрѣть на славнаго человѣка. Мы увидѣли его почти на рукахъ несомаго двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, примѣтилъ онъ, что мы нарочно для него остановились, и для того имѣлъ аттенцію, къ ней подойдя, сказать съ видомъ удовольствія и почтенія: «Madame! Je suis bien votre serviteur tréshumble.» При сихъ словахъ сдѣлалъ онъ такой жестъ, который показывалъ, будто онъ самъ дивится своей славѣ. Сидѣлъ онъ въ ложѣ Madame Lebert; но публика не прежде его усмотрѣла, какъ между четвертымъ и пятымъ актомъ. Лишь только примѣтила она, что Вольтеръ въ ложѣ, то зачала апплодировать и кричать, потерявъ всю благопристойность: Vive Voltaire! Сей крикъ, отъ котораго никто другъ друга разумѣть не могъ, продолжался близъ трехъ четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый актъ, четыре

раза принималась, но тщетно! Вольтеръ вставалъ, жестами благодарилъ партеръ за его восхищеніе и просилъ, чтобъ позволилъ онъ кончить трагедію. Крикъ на минуту утихъ, Вольтеръ садился на свое мѣсто, актриса начинала и крикъ поднимался опять съ большимъ стремленіемъ. Наконецъ всѣ думали, что пьесѣ вѣкъ не кончится. Господь вѣдаетъ, какъ этотъ крикъ перервался, а Вестрисъ предуспѣла заставить себя слушать. Трагедія играна была отмѣнно хорошо. Замора игралъ Larive, заступившій мѣсто Лекеня. Самъ Вольтеръ нѣсколько разъ кричалъ ему: bravo! Альвара игралъ Бризаръ, а Гусмана Монвель. Оба имѣютъ истинные таланты. Послѣ трагедіи, нѣкто заслуженный офицеръ и кавалеръ Лескюръ возгорѣлъ жаромъ стихотворства и, вошедъ въ ложу къ Вольтеру, подалъ ему сочиненные имъ въ тотъ моментъ стихи:

Ainsi chez les Incas dans leurs jours fortunés
Les enfans du soleil, dont nous suivons l'exemple
Aux transports les plus doux étoient abandonnés
Lorsque de ses rayons il éclairoit leur temple.

Вольтеръ, принявъ ихъ, отвѣтствовалъ ту же минуту:

Des chevaliers francais tel est le caractère,
Leur noblesse en tout tems me fut utile et chère.

Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лице важное, почтенное; а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіоно-

мію. Сегодня открылось въ Парижѣ собраніе называемое: Le rendez-vous de la République des lettres et des arts. Господа ученые почтили меня приглашеніемъ и я послѣ обѣда туда ѣду. Они хотятъ имѣть меня своимъ корреспондентомъ. Богъ вѣдаетъ, кто-то имъ сказалъ, будто я Русскій un homme de lettres. Самъ директоръ сего собранія у меня былъ и комплиментамъ конца не было. Вчера было собраніе въ Академіи Наукъ. Вольтеръ присутствовалъ; я сидѣлъ отъ него очень близко и не спускалъ глазъ съ его мощей. Обѣщаютъ мнѣ здѣшніе ученые показать Руссо и какъ скоро его увижу, то могу сказать, что видѣлъ всѣхъ мудрыхъ вѣка сего. Если вы воображали, что мы плѣнимся чужими краями, то какъ обманулись!—Со всѣмъ тѣмъ, я очень радъ, что видѣлъ чужіе краи. По крайней мѣрѣ не могутъ мнѣ импозировать наши Jean de France. Много пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди, что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ.

═

ПАРИЖЪ, Августа 1778.

Мы теперь живемъ въ загородномъ домѣ, называемомъ Belair. Мѣсто прекрасное, окруженное садомъ, прозваннымъ les Champs-Elisés, и Булонскою Рощею. Парижскія окрестности похожи на московскія. Ситуаціи такія, что вездѣ видишь картину. Сію справедливость я отдаю охотно, равно какъ и ту, что самъ Парижъ немножко почище свинаго хлѣва. Я вамъ наскучилъ уже описаніемъ нечистоты града сего; но истинно, я такъ сердитъ на его жителей, что теперь радъ ихъ за то бранить отъ всего сердца. Съ крыльца сойдя, надобно тотчасъ носъ зажать. Мудрено ли, что здѣсь дѣлаютъ столько благоуханныхъ водъ: да безъ нихъ бы, я думаю, всѣ задохлись. Правду ты пишешь, что насъ въ Россіи обманываютъ безъ милосердія Кары, Машковы и прочіе, говоря о здѣшней землѣ, какъ о земномъ раѣ. Спору нѣтъ, много есть очень хорошаго; но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи господа конечно и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валитъ. Живучи здѣсь близъ полугода, кажется, довольно познакомился я съ Парижемъ, и узналъ его столько, что въ другой разъ охотою, конечно, въ него не поѣду.

Я люблю спектакли; они меня очень забав-

ляютъ; имѣю также знакомство съ авторами,— вотъ что примиряетъ меня нѣсколько съ Парижемъ. Мармонтель, Томасъ и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ; люди умные, но большая часть врали. Исключаа Томаса, который кажется мнѣ кроткимъ и честнымъ человѣкомъ, почти всѣ прочіе таковы, что гораздо пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать ихъ разговоры, Самолюбіе въ нихъ такое, что не только думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ, достойныхъ алтарей, но и безстыдно сами о себѣ говорятъ, что они умомъ и твореніями своими пріобрѣли безсмертную славу. Помнишь, какого мнѣнія былъ о себѣ нашъ Сумароковъ и что онъ о своихъ достоинствахъ говаривалъ? Здѣсь всѣ Сумароковы; разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что видъ на нихъ гораздо важнѣе. Я съ моей стороны персонально ихъ учтивостію доволенъ. Они, услышавъ отъ Строганова, Барятинскаго и прочихъ, что я люблю литературу и въ ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что въ заведенное нынѣшнимъ годомъ собраніе, подъ именемъ le rendez-vous des gens des lettres, прислали ко мнѣ инвитацію, такъ же какъ и къ славному Франклину, который живетъ здѣсь Министромъ отъ Американскихъ соединенныхъ провинцій. Онъ, славный англійскій физикъ Магелланъ и я были приняты отмѣнно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали въ газетахъ о па-

шемъ визитѣ. Вы увидите въ газетѣ имя мое estropié по обычаю, и посмотрите, сколько въ Парижѣ вседневныхъ забавъ. Я имѣлъ удачу поправиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка, такъ что директоръ сего собранія, la Blancherie, одинъ изъ мудрыхъ вѣка сего, прислалъ ко мнѣ звать и въ будущее собраніе. Я посылаю его письмо, чтобъ ты видѣла, въ какомъ почтительномъ тонѣ ученый народъ со мною обращается. Кромѣ охоты моей къ литературѣ, имѣю я въ ихъ глазахъ другой меритъ, а именно, покупаю книги, ѣзжу въ каретѣ и живу домомъ, то есть можно прійти ко мнѣ обѣдать. Сіе достоинство весьма принадлежатъ къ литературѣ; ибо ученые люди любятъ, чтобъ ихъ почитали и кормили. Теперь приступаю къ исторіи, которая тебя столько же огорчитъ, какъ и меня; ибо я знаю, какъ ты любишь Руссо. Послушай, что съ нимъ сдѣлалось.

Я писалъ къ тебѣ, что Руссо обѣщалъ мнѣ показать себя и уже назначенъ былъ день для нашего свиданія; но наканунѣ дня того пришелъ ко мнѣ одинъ abbé, чрезъ котораго я добивался познакомиться съ Руссо, и сказалъ мнѣ новыя вѣсти, что онъ былъ въ домѣ у Руссо и засталъ его жену въ слезахъ и отчаяніи, которая спрашивала его: не видалъ ли онъ, гдѣ мужъ ея? Онъ уже двѣ ночи дома не ночевалъ и она боится, не посаженъ ли онъ въ тюрьму отъ правительства. Дня три прошли въ

семъ безъизвѣстіи; наконецъ узнали, что онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, человѣку знатному, въ деревню отъ Парижа верстъ съ пятьдесятъ. Причина его удаленія вотъ какая: онъ сочинилъ Mémoires своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описывалъ всѣ интриги здѣшнихъ вельможъ поименно. Сію книгу сочинялъ онъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти жена его ее напечатала и имѣла бы отъ нея вѣрный и нарочитый доходъ. Онъ для нея сію книгу пишетъ и оставляетъ ей въ наслѣдство. Жена его такая алчная къ деньгамъ, какой свѣтъ не производитъ. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь съ однимъ книгопродавцемъ, продала ему манускриптъ, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спалъ. Онъ не зналъ, не вѣдалъ этой напасти, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Голландіи отъ одного книгопродавца, который пишетъ къ нему, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ его манускриптъ, купленный за сто луидоровъ, и спрашиваетъ его отъ добраго сердца: на какой бумагѣ и какими литерами совѣтуетъ онъ сдѣлать изданіе? Руссо жестоко испугался, увидя женнино бездѣльство и писалъ къ книгопродавцу, чтобъ онъ Бога ради до смерти его не печаталъ книги; а самъ, бросивъ неблагодарную жену, поѣхалъ въ деревню къ своему пріятелю. Теперь уже видно, что книгопродавецъ его не послушалъ: ибо книга напечатана и появившіеся здѣсь

экземпляры конфискованы; а бѣдный Руссо, видно, отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою. Сегодня получено извѣстіе, что онъ умеръ и найдена на тѣлѣ его ранка въ самомъ сердцѣ. Сказываютъ, что онъ булавкою проткнулъ сердце, а иные говорятъ ножичкомъ. Какъ бы то ни было, но онъ самъ себя лишилъ жизни; по крайней мѣрѣ сей слухъ разнесся теперь по всему городу. Пріятель мой Гудонъ, славный скульпторъ, поѣхалъ теперь къ нему снимать маску; ибо лице, какъ слышно, точно еще такое, какъ было у живаго.

И такъ, судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо! Твоя однакожъ правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ безкорыстіе его было строжайшее. Я такъ золъ на жену его, что если бъ былъ судья, то бы велѣлъ ее повѣсить.

Не описываю тебѣ всего, что̀ здѣсь вниманія достойно. Я писалъ къ батюшкѣ превеликое письмо и усталъ такъ, что, право, едва сію страницу могу окончить. Ты получишь отъ меня конечно большее письмо. Живучи за городомъ, имѣю больше времени и способности къ писанію.

Мы сегодня ѣдемъ въ St. Cloud. Тамъ много людей будетъ. Завтра утро будетъ у меня ученое; проведу его съ д'Аламбертомъ. Вотъ

здѣшнія мои пріятности: ученые врали, спектакли и гульбища, но и то наскучило. Мы оба нетерпѣливо хотимъ кончить наше кочеванье. Очень будемъ рады, какъ доберемся до дома. Прости!

ПИСЬМА
КЪ СЕСТРѢ
ИЗЪ ВТОРАГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

РИГА, Іюля 1784.

Мы сегодня отсюда отъѣзжаемъ, слава Богу здоровы. Пускаемся въ путь далекій. Сколько пріятностей ни нахожу я въ вояжѣ, да онѣ смѣшаны съ тѣмъ сердечнымъ огорченіемъ, что я столь долго не получу объ васъ никакого свѣдѣнія. Надобно доѣхать до Флоренціи и тамъ ждать вашихъ писемъ. Легко станется, мой сердечный другъ, что и вы отъ меня долго писемъ не получите. Я писать всеконечно стану, да не могу отвѣчать за исправность почты. Часто почтмейстеры бросаютъ письма и они по нѣскольку мѣсяцевъ у нихъ на столахъ валяются. Здѣсь прожили мы изрядно, отдохнули, посмотрѣли Ригу и благополучно отъѣзжаемъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи мужики взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ;

но сіе нимало не поколебало безопасности большой дороги. Мы всѣ тѣ мѣста проѣхали такъ благополучно, какъ бы ничего не бывало; вездѣ лошадей получали безостановочно. Что̀ послѣ насъ будетъ, не знаю: но мужики противъ господъ и господа противъ нихъ такъ остервенились, что ищутъ погибели другъ друга.

Описаніе нашего пути до Риги не заслуживаетъ вниманія; но какъ тебѣ, матушка, все то интересно, что̀ до насъ принадлежитъ, то я напишу тебѣ нашъ журналъ. Мы выѣхали подъ вечеръ въ воскресенье, ѣхали всю ночь подъ дождемъ и въ понедѣльникъ пріѣхали обѣдать въ Ямбургъ; а около полуночи въ Нарву; наняли коляску и поѣхали отъ Нарвы версты три въ сторону, смотрѣть славныхъ водяныхъ пороговъ. Признаюсь тебѣ, что я не воображалъ найти такого страшнаго зрѣлища. Представь себѣ цѣлый рядъ, на полверсты слишкомъ, водяныхъ горъ, которыя съ высотъ съ ужаснымъ стремленіемъ и съ ревомъ падаютъ внизъ и походятъ на бѣлѣйшій снѣгъ. Ревъ такъ громокъ, что за 12 верстъ во время непогоды слышенъ. Подхо̀дя къ нимъ, кажется, что идешь въ Нептуново царство. Отъ Нарвы до Риги ѣхали мы день и ночь, и терпѣли много отъ жаровъ; сюда пріѣхавъ, отдохнули и пустились въ путь далѣе. Вотъ, мой сердечный другъ, все наше путешествіе.

Пожелай намъ продолжать его такъ же благополучно, какъ начали. Прости!

═

Лейпцигъ, 13/24 Августа 1784.

Въ прошедшую субботу пріѣхали мы сюда благополучно. Изъ Кенигсберга, откуда мы въ послѣдній разъ писали, были мы въ дорогѣ до Лейпцига одиннадцать дней, то есть по скверной прусской почтѣ; ѣхавъ почти всегда день и ночь, не могли мы сдѣлать въ одиннадцать дней больше 777 русскихъ верстъ. У насъ добрый извощикъ скорѣе довезетъ на однѣхъ лошадяхъ. Теперь, Богу благодареніе, доѣхали мы до города, гдѣ съ большою пріятностію отдохнуть можемъ, проѣхавъ около двухъ тысячъ верстъ. Жена моя, ѣхавъ безъ дѣвки, выноситъ храбро всѣ дорожныя безпокойства. Ты не повѣришь, какое нахожу въ ней утѣшеніе, и какъ я радъ, видя ее здоровою. Однажды прихворнула-было она въ Кенигсбергѣ; разболѣлся у нее зубъ; но мы съ нимъ церемониться не стали и тотчасъ рѣшилась она его вырвать, что̀ благополучно и исполнено. Голова моя одинъ разъ сильно, а другой разъ слабѣе меня помучила; но какая разница съ тѣмъ, что̀ со мною бываетъ, живучи на одномъ мѣстѣ. Я думаю, что и тутъ самъ я былъ причиною обоимъ пароксизмамъ.

Оба раза разозлился я на скотовъ почталіоновъ и заплатилъ за свой гнѣвъ головною болью. Правду сказать, надобно быть ангелу, чтобъ сносить терпѣливо ихъ скотскую грубость. Двадцать русскихъ верстъ везетъ восемь часовъ, всеминутно останавливается, бросаетъ карету и бѣгаетъ по корчмамъ пить пиво, курить табакъ и заѣдать масломъ. Изъ корчмы не вытащишь его до тѣхъ поръ, пока самъ изволитъ выйти. Вообще сказать, почтовыя учрежденія Его Прусскаго Величества гроша не стоятъ. На почтахъ его скачутъ гораздо тише, нежели наши ходоки пѣшкомъ ходятъ. Въ Саксоніи немного получше; но также довольно плохо. Не знаю, какъ пойдетъ далѣе. По счастію нашему прескучная медленность почталіоновъ награждалась прекрасною погодою и изобиліемъ плодовъ земныхъ. Во всей западной Пруссіи нашли мы множество абрикосовъ, грушъ и вишень. Въ здѣшнемъ городѣ останемся мы еще на нѣсколько дней. Хотимъ, отдыхая, собрать свои силы къ переѣзду другой половины нашего пути; а сверхъ того хотимъ здѣсь нѣсколько экипироваться. Мы и люди наши износили все наше дорожное платье. Можно сказать, что, выѣхавъ изъ Петербурга въ новыхъ платьяхъ, пріѣхали сюда въ лохмотьяхъ. Не понимаю, отъ чего все изодралось. Везъ я съ собою шелковый новенькій и прекрасный кафтанецъ, но въ Ригѣ за ужиномъ у Броуна, нѣмецкая розиня, обнося кушанье,

вылила на меня блюдо прежирной яствы. Здѣсь хочу нарядиться и предстать въ Италію щеголемъ. Ласкаюсь, что время проведемъ пріятно, если Богъ дастъ намъ счастье получить ваши письма. Такое долгое безъизвѣстіе несносно. Знаю, что иначе быть не можетъ; да никакое разсужденіе сердечнаго чувства побѣдить не можетъ. Прошу тебя, матушка, Бога ради, не пренебрегай писать къ намъ чаще: по крайней мѣрѣ, чтобъ я всякія двѣ недѣли могъ имѣть о васъ извѣстіе. Неполученіе писемъ вашихъ можетъ отравить всю пріятность жизни нашей и сомнѣніе о состояніи здоровья всѣхъ моихъ родныхъ не дастъ мнѣ вкусить здѣсь прямаго удовольствія. И такъ, мой сердечный другъ, войдите въ наше состояніе и пишите къ намъ регулярно; а мы, съ нашей стороны, будемъ такъ часто къ вамъ писать, какъ въ первый нашъ вояжъ. Къ тебѣ же, матушка, буду писать большія письма; а ты ихъ читай батюшкѣ и всѣмъ нашимъ друзьямъ. Журналъ нашъ, другъ мой сердечный, нимало не интересенъ, и я его къ тебѣ не сообщилъ бы, еслибъ не зналъ, какъ всѣ вы насъ любите и какъ охотно будете читать объ насъ все то, что постороннимъ людямъ могло бъ очень наскучить. Въ Ригѣ проводили мы наше время столько весело, сколько въ Ригѣ можно, и выѣхали изъ нея 23-го Іюля нашего стиля, въ шесть часовъ послѣ обѣда. Возьми ты теперь календарь, гдѣ есть станціи отъ

Риги до Митавы, и смотри, по скольку верстъ мы когда переѣзжали. Въ тотъ вечеръ ужинали мы въ Олеѣ. Тутъ встрѣтили мы двухъ рижскихъ дворянокъ, кои сами вояжируютъ въ Митаву. Мы съ ними ужинали и хотя количество пищи для насъ, для нихъ, для людей нашихъ и для ихъ людей было весьма малое, но, благодареніе Богу, насытившему нѣкогда пятью хлѣбами пять тысячъ народа, всѣ мы были сыты. Ночь всю мы ѣхали, а 24 числа поутру пріѣхали въ *Доблен* завтракать. Здѣсь примѣчанія достоинъ одинъ старинный развалившійся замокъ, весьма похожій на *Тундер-деръ-тронкъ*, о которомъ писано въ Кандидѣ. Обѣдали во Фрауенбергѣ у почтмейстера, старика предобраго, который утѣшается тѣмъ, что воспитываетъ дочь свою, учитъ ее бренчать на клавикордахъ и пѣть. Я не могу судить объ успѣхѣ; но мнѣ кажется, что за стѣною слушать ее гораздо лучше. Ночевать пріѣхали мы въ Шрунденъ. 25 числа поутру, жена тутошнаго диспонента Фока прислала къ моей женѣ блюдо плодовъ и цвѣтовъ. За сію учтивость ходилъ я къ нимъ съ визитомъ и нашелъ весьма честный домъ. Семья ихъ состоитъ теперь изъ двухъ сыновей и дочери, Madame Manteufel, совершенной красавицы. Она, вдова, молодая, умная и преласковая. Вся семья приняла меня какъ брата роднаго и всѣ они пошли со мною на почтовый дворъ, къ женѣ моей. Мы всѣхъ ихъ на-

*

шли въ черномъ платьѣ: ибо за четыре мѣсяца предъ симъ умерли, одна послѣ другой, двѣ дочери, дѣвушки моложе двадцати лѣтъ. Старики огорчены пребезмѣрно, и по ихъ словамъ видно, что обѣ умерли отъ колики, которой помочь было не кому. Жена моя одарила ихъ магнезіею, ревенемъ и многими рецептами, коими запаслаеь она ради несваренія моей грѣшной утробы. Въ семъ мѣстѣ мы такъ хорошо завтракали, что нигдѣ обѣдать не останавливались. Къ ужину пріѣхали мы въ Обербартау; но не могли двухъ минутъ остаться на почтовомъ дворѣ: такая бездна сверчковъ, что отъ ихъ крика говорить нельзя; мы другъ друга разумѣть не могли. Въ Петербургѣ поварня генералъ-прокурора весьма знаменита сверчками. Повара его работаютъ молча, потому что также другъ друга разслушать не могутъ; сверчки валятся въ кушанье, но совсѣмъ тѣмъ, я думаю, что обербартовскій почтовой дворъ не уступитъ поварнѣ его сіятельства. Мы принуждены были тотчасъ выѣхать и всю ночь продолжать путь нашъ. Поутру 26 числа пристали позавтракать въ *Ниммерзадъ*, къ пребѣдному почтмейстеру, у котораго, кромѣ дурнаго хлѣба и горькаго масла, ничего не нашли. Въ 4 часа по полудни пріѣхали въ Мемель. Продолженіе моего журнала пришлю къ тебѣ на будущей почтѣ; а теперь отъ писанія рука устала. Видишь, мой сердечный другъ, что журналъ мой не

заслуживаетъ быть читанъ. Надѣюсь, что, по прибытіи моемъ въ Италію, будетъ онъ интереснѣе. Отсюда пойдетъ почта въ субботу и ты получишь отъ меня продолженіе журнала по прибытіи нашемъ въ здѣшній городъ.

═

ЛЕЙПЦИГЪ, $^{17}/_{28}$ августа 1784.

Мы еще здѣсь живемъ и такъ устали отъ дороги, что, кажется, никогда не отдохнемъ. Я писалъ на прошедшей почтѣ, какъ мы доѣхали до Мемеля. Теперь доведу мой журналъ до прибытія нашего въ здѣшній городъ. Двадцать шестаго Іюня, въ тотъ день, въ который мы пріѣхали въ Мемель, осматриваны мы были Польскою, Прусскою пограничною и Мемельскою таможнями. Отъ каждой отдѣлались мы гульденомъ, или тридцатью копѣйками. Таможенные приставы не у однихъ у насъ воры, и за тридцать копѣекъ охотно отступаютъ отъ своей должности. Отобѣдавъ въ Мемелѣ, ходилъ я въ нѣмецкій театръ. Играли трагедію: Callas. Мерзѣе ничего я отъ роду не видывалъ. Я не могъ досмотрѣть перваго акта. Двадцать седьмаго поутру прогуливался я съ почтмейстеромъ по городу и, отобѣдавъ, выѣхали изъ города благополучно. Черезъ часъ очутились мы на берегу сильноволную-

щагося моря и всю ночь ѣхали такъ, что вода заливала колеса. Надобно признаться, что жестокій вѣтръ и преужасный ревъ при ночной темнотѣ не далъ намъ глазъ сомкнуть чрезъ всю ночь. Поутру, двадцать восьмаго, пріѣхали мы въ Rossiten перемѣнить лошадей. Rossitten есть прескверная деревушка. Почтмейстеръ живетъ въ избѣ столь загаженной, что мы не могли въ нее войти. Сей день былъ для насъ весьма непріятенъ. Обѣдали мы въ деревушкѣ Саркау очень плохо, а ввечеру, подъѣзжая къ Кенигсбергу, переломилась задняя рессора. Увязавъ кое-какъ карету, дотащились мы въ девять часовъ въ городъ и стали въ трактирѣ у Шенка. Во весь день всѣ наши непріятности несказанно умножились тѣмъ, что у жены разболѣлся зубъ. Усталость отъ дороги по счастію навела на нее сонъ и она всю ночь спала хорошо. На другой день, двадцать девятаго, призвалъ я дантиста, который въ одинъ мигъ зубъ вырвалъ; но какъ былъ у нея еще больной корень другаго зуба, который иногда ее мучилъ, то за одинъ присѣстъ вырвали мы и его благополучно. Съ того часа она стала здорова. Тридцатаго пробыли мы въ Кенигсбергѣ. Я осматривалъ городъ, въ который отъ роду моего пріѣзжаю въ четвертый разъ. Хотя я имъ и никогда не прельщался, однако въ нынѣшній пріѣздъ показался онъ мнѣ еще мрачнѣе. Улицы узкія, домы высокіе набиты

Нѣмцами, у которыхъ рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мнѣ ихъ обыкновеніе: ввечеру въ восемь часовъ садятся ужинать и ввечеру же въ восемь часовъ вывозятъ нечистоту изъ города. Сей обычай даетъ ясное понятіе какъ объ обоняніи, такъ и о вкусѣ Кенигсбергскихъ жителей. Тридцать перваго, въ девять часовъ поутру, вынесъ насъ Господь изъ Кенигсберга. Весь день были безъ обѣда, потому что ѣсть было нечего. Ужинали въ Браунсбергѣ очень дурно. Я разозлился на почталіоновъ; разболѣлась голова моя и я всю ночь ѣхалъ въ жестокомъ пароксизмѣ. На другой день, $^{1}/_{12}$ Августа, поутру рано пріѣхали мы въ городокъ, называемый Прусская Голландія, который намъ очень понравился. Въ трактирѣ, куда пристали, нашли мы чистоту, хорошій обѣдъ и всевозможную услугу. Тутъ отдыхалъ я подъ овсомъ до четырехъ часовъ за полдень. Пароксизмъ прошелъ; я сталъ здоровъ и веселъ и мы ѣхали всю ночь благополучно. $^{2}/_{13}$ поутру пріѣхали мы въ большой городокъ Маріенвердеръ. Тутъ обѣдали такъ дурно, какъ дорого съ насъ взяли; но городъ не дуренъ и чистенекъ. $^{3}/_{14}$ и $^{4}/_{15}$ были безостановочно въ дорогѣ. Сіи дни замѣтить нечѣмъ, кромѣ того, что въ одной деревнѣ нашли мы хороводъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна какъ двѣ капли воды походитъ на дочь твою, Катю. Ты можешь себѣ представить, что мы ее приласкали отъ

всего сердца. Поутру $^{5}/_{16}$ имѣлъ я дурачество въ другой разъ разсердиться на почталіоновъ. За всякое излишнее движеніе сердца плачу я обыкновенно пароксизмомъ. Обѣдали мы въ преизрядномъ городѣ Ландсбергѣ, гдѣ началъ я чувствовать головную боль, которая всю ночь въ дорогѣ много меня безпокоила. Съ того времени сдѣлалъ я себѣ правило, котораго и держусь: никогда на скотовъ не сердиться и не рваться на то, чего нельзя передѣлать. Я далъ волю везти себя, какъ хотятъ, тѣмъ наипаче, что съ ними нѣтъ никакой опасности быть разбиту лошадьми. Я отъ роду Прусскимъ и Саксонскимъ почталіонамъ не кричалъ: тише! потому что тише ѣхать невозможно, какъ они ѣдутъ; развѣ стоять на одномъ мѣстѣ. Поутру $^{6}/_{17}$ пріѣхали мы въ Кистринъ, гдѣ проспалъ я до четырехъ часовъ пополудни и далъ пройти пароксизму; а ночевать пріѣхали мы во Франкфуртъ на Одерѣ. Никогда, съ самаго выѣзда, не имѣли мы такой мучительной ночи: клопы и блохи терзали насъ варварски. Сверхъ того и трактиръ попался скверный. Насъ однакожъ увѣряли, что онъ лучшій въ городѣ. Франкфуртъ вообще показался намъ несносенъ; мрачность въ немъ самая ужасная. Надобно въ немъ родиться, или очень долго жить, чтобъ привыкнуть къ такой тюрьмѣ. Проснувшись, или лучше сказать, вставъ съ постели очень рано, ни о чемъ мы такъ не пеклись, какъ скорѣе выѣхать.

Обѣдали мы въ Миллърозе и такъ и сякъ, и спѣшили хорошенько поужинать въ мѣстечкѣ Либерозе; но судьбѣ то было неугодно. Ввечеру, въ девять часовъ, при самомъ въѣздѣ нашемъ въ городокъ Фридландъ, передняя ось пополамъ. Нельзя себѣ представить ни нашей горестной досады, ни того усердія, съ которымъ подана была намъ помощь отъ жителей. Въ одинъ мигъ сбѣжалось народу превеликое множество. Примчали кузнеца; насъ самихъ отвели въ домъ къ Stadtrichter или къ городничему. Онъ имѣетъ жену, дочь невѣсту и сына; всѣ они приняли насъ съ несказанною искренностію; отвели намъ комнату, дали намъ постель и угощали насъ такъ, что мы вѣчно не забудемъ ихъ гостепріимства. Карета наша готова была къ утру, и мы $^8/_{19}$ разетались съ сими добродѣтельными людьми, будучи весьма тронуты ихъ честностію. Обѣдать пріѣхали мы въ Либаву къ почтмейстеру, старику предоброму и хмѣльному. Онъ обѣдалъ въ гостяхъ и подгулялъ. Жена моя такъ ему понравилась, что онъ то и дѣло цаловалъ ея руку. Подчивалъ насъ всѣмъ, что̀ могъ у себя найти; говорилъ нѣжности такъ смѣшно, что мы умирали со смѣху. Ночевали въ городкѣ Лукау и страдали отъ блохъ и клоповъ не меньше Франкфуртскаго. $^9/_{20}$ пріѣхали мы въ городъ Герцбергъ, гдѣ обѣдали очень плохо. Ночевали въ городѣ Торгау, въ который въѣхали ночью. Предлинный и превысокій кры-

тый мостъ по Эльбѣ, чрезъ который мы ѣхали при ночной темнотѣ, такъ страшенъ, что годился бъ чрезмѣрно хорошо къ принятію въ масоны. Мы думали, что насъ везутъ въ жилище адскихъ духовъ. Поутру, оставя Торгау, ѣхали мы чрезъ поле, на которомъ въ 1760 году была страшная баталія между Пруссаками и Австрійцами. Тутъ погребено нѣсколько тысячъ людей и лошадей. Смотря на сіе несчастное мѣсто, ощущали мы жалость и ужасъ. Къ обѣду пріѣхали мы въ городокъ Эйленбургъ. Тутъ попринарядились, чтобъ въѣхать въ Лейпцигъ, куда въ седьмомъ часу по полудни благополучно пріѣхавъ, стали въ hôtel de Bavière. Симъ заключаю теперь мой журналъ. Жалѣю сердечно, что заставилъ васъ прочитать цѣлый листъ скучныхъ моихъ записокъ. Не дивись, матушка, что нѣтъ въ нихъ ничего достойнаго вниманія. Вспомни, что, проѣхавъ изъ Петербурга двѣ тысячи верстъ, дотащились мы, можно сказать, только до воротъ Европы. Лейпцигъ есть первый городъ, который заслуживаетъ примѣчанія. Продолженіе журнала моего посылать къ тебѣ буду исправно. Мнѣ пріятно, другъ мой сердечный, съ вами побесѣдовать, не смотря на то, что ничего сказать не имѣю. Хотя я отъ васъ очень далеко и ѣду еще далѣе; но душа моя ни на минуту съ вами не разстается. Прошу Бога, чтобъ всѣ вы, мои друзья, были здоровы. Завтра, или по крайней мѣрѣ послѣ завт-

ра, отсюда выѣдемъ и писать къ вамъ будемъ на будущей недѣлѣ или изъ Нпренберга, или изъ Аугсбурга, гдѣ случится остановиться.

═

НИРЕНБЕРГЪ, 29 Августа, / 9 Сентября, 1784.

Мы пріѣхали въ здѣшній городъ, слава Богу здоровы; но такъ устали, что рѣшились нѣсколько дней здѣсь погостить, а между тѣмъ города посмотрѣть и кое-чѣмъ нужнымъ запастись. Изъ журнала моего ты увидишь, что отъ самаго Лейпцига до здѣшняго города было намъ очень тяжко. Дороги адскія, пища скверная, постели осыпаны клопами и блохами. Теперешній журналъ состоитъ въ описаніи нашего вольнаго страданія. Вообще сказать могу безпристрастно, что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ, у насъ все лучше и мы больше люди, нежели Нѣмцы. Это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, кто бъ что̀ ни изволилъ говорить. Изъ всѣхъ городовъ до здѣшняго, о которомъ въ будущемъ журналѣ писать стану, Лейпцигъ всѣхъ сноснѣе. И такъ, мой сердечный другъ, я начну продолжать теперь дневную мою записку. Ты сама

прочти и ближнимъ нашимъ прочитай ее не вдругъ, потому что вдругъ цѣлый листъ, ничего незначащій, прочесть скучно. На другой день пріѣзда нашего въ Лейпцигъ, поутру ходилъ я въ здѣшнюю публичную баню мыться. Устройство здѣшнихъ бань отмѣнно хорошо. Для каждаго особливая комната съ ванною. Вода проведена машиною къ стѣнѣ, къ которой прикрѣплена ванна. Устѣны подлѣ ванны два винта. Повернувъ одинъ, пустишь воду теплую; повернувъ другой, холодную, такъ что сидящій въ ваннѣ наполняетъ ее столько и такою водою, какъ самъ захочетъ. Чистота, услуга и удобности, можно сказать, неописанны. Жаль, что у насъ нѣтъ такого пріятнаго и для здоровья полезнаго установленія. Оставя жену отдыхать, поѣхалъ я съ визитомъ къ профессору и секретарю здѣшняго ученаго общества, Клодіусу, человѣку мнѣ уже знакомому, и между тѣмъ, какъ профессоръ занялся корректурою своихъ премудрыхъ сочиненій, супруга его повезла меня съ собою въ Итальянскую Оперу. Она здѣшняя знаменитая сочинительница. Вы не можете тутъ подозрѣвать моего сердца, потому что всѣ ея сочиненія суть не что иное, какъ любовныя письма къ своему супругу, въ котораго, не взирая на его полную и глупую рожу, она влюблена смертельно. Между тѣмъ какъ я слонялся въ Оперѣ, жена моя ѣздила въ баню; ужинали мы двое одинехоньки. Ты

видишь, что я о всякой мелочи тебя увѣдомляю. $^{12}/_{23}$ поутру былъ я съ визитомъ у своихъ банкировъ, изъ коихъ одинъ въ Лейпцигѣ играетъ первую ролю по своему богатству. Онъ далъ намъ на другой день великолѣпный обѣдъ и мы оба $^{13}/_{24}$ у него обѣдали. Послѣ того еще сряду четыре дня мы ни часу дома не сидѣли: гуляли по садамъ, изъ которыхъ садъ купца Рихтера выходитъ уже изъ сферы партикулярнаго человѣка. Въ сопровожденіи профессора и его жены осматривали мы картинные кабинеты, изъ которыхъ два содержатъ въ себѣ много наилучшихъ піэсъ славныхъ мастеровъ. Познакомились мы съ дѣвушкою, дочерью гравера Баузе, которая играетъ какъ ангелъ на гармоникѣ. Обѣдалъ и ужиналъ я обыкновенно дома съ Русскимъ нашимъ Консуломъ Сапожниковымъ и студентомъ Цебриковымъ. $^{17}/_{28}$ услышалъ я, что университетскій нашъ профессоръ Маттей пріѣхалъ въ Лейпцигъ на русскихъ извощикахъ. Я обрадовался сему случаю и, чтобъ избавиться хотя на нѣсколько дней несносныхъ здѣшнихъ почталіоновъ, нанялъ я мужиковъ нашихъ на восьми лошадяхъ съ двумя кибитками до Ниренберга. Кучеръ нашъ. крестьянинъ Л. А. Нарышкина, Калининъ, обѣщалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, явиться къ вамъ и разсказать вамъ подробно, какъ онъ съ нами путешествовалъ. Борода его наконецъ намъ и надоѣла: смотрѣть его сбиралось

около нашей кареты премножество людей; маленькіе ребята бѣгали за нимъ, какъ за чудомъ. Онъ такъ золъ на Нѣмцевъ и такую къ нимъ имѣетъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, умирали со смѣху. По его мнѣнію, Русскихъ созидалъ Богъ, а Нѣмцевъ чертъ. Онъ считаетъ ихъ наравнѣ съ гадиною и думаетъ, что, раздавя Нѣмца, Бога прогнѣвить нельзя. Впрочемъ скажите ему за насъ спасибо: мы его усердіемъ чрезвычайно довольны. Городъ Лейпцигъ очень хорошъ на одну недѣлю, а жить въ немъ ни изъ чего не соглашусь. Осмотрѣвъ въ немъ все, что вниманія достойно, тотчасъ почувствовали мы скуку; а особливо жена, не разумѣвъ ни слова по-нѣмецки. По-французски Нѣмцы говорятъ столь скверно, сколь и неохотно. Въ журналѣ, который я веду для себя собственно, дѣлаю я описаніе картинъ Лейпцигскихъ; но какъ изъ васъ никто не охотникъ до живописи, то я эту часть здѣсь пропускаю, а скажу вамъ о самыхъ людяхъ нѣкоторыя примѣчанія. Я въ жизнь мою нигдѣ столько не видывалъ горбуновъ и горбушъ, сколько въ Лейпцигѣ. На публичномъ гуляньѣ, посидѣвъ на лавкѣ съ полчаса, считалъ я сколько проходитъ горбуновъ мимо меня и насчиталъ ихъ девять. Не подумайте, чтобъ я считалъ сутулину за горбъ. Нѣтъ! Это были такіе горбы, которые если не перещеголяютъ, то вѣрно не уступятъ Шкаданову.

Резонъ горбамъ тотъ, что здѣсь мода водить дѣтей на помочахъ и что ребенокъ въ хомутѣ бродитъ, опустясь корпусомъ на грудь. Нищихъ въ Саксоніи пропасть и самые безотвязные. Коли привяжется, то цѣлый день бродитъ за тобою. Однимъ словомъ, страждущихъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды въ такой землишкѣ, какова Саксонія, я думаю, больше нежели во всей Россіи. $^{19}/_{30}$ Августа въ десять часовъ поутру выѣхали мы изъ Лейпцига, обѣдали въ деревнѣ Лангендорфъ очень плохо, ночевали въ городѣ Веррѣ. $^{20}/_{31}$ поутру едва успѣли мы отъѣхать отъ ночлега версты двѣ, какъ у нашей кареты задняя ось пополамъ. Жена моя принуждена была вкарабкаться въ кибитку, а я пѣшкомъ по грязи потащился назадъ и цѣлыя сутки чинили нашу карету. 21 Августа / 1 Сентября, очень рано выѣхавъ, обѣдали въ мѣстечкѣ Ауме. Весь нашъ столъ состоялъ изъ двухъ не изжаренныхъ, а сожженныхъ цыпленковъ, за которые не постыдились содрать съ насъ червонный; но за то въ городкѣ Шлейцъ ужинали мы очень хорошо и спали спокойно. 22 Августа / 2 Сентября былъ день для насъ премучительный: цѣлые восемь часовъ ѣхали мы, не кормя, превысокими горами и преузкими путями. Хуже дороги вообразить трудно. Обѣдали и ночевали въ деревнишкахъ, въ избахъ крестьянскихъ такъ скверно, что насъ горе взяло. 23 Августа / 3 Сентября обѣдали, или, лучше сказать, го-

лодали въ городѣ Кронахъ; но за то въ городѣ Бамбергѣ спокойно ночевали. $\frac{\text{24 Августа}}{\text{4 Сентября}}$ цѣлое утро простояли на одномъ мѣстѣ за моимъ пароксизмомъ, который былъ довольно мучителенъ. Ночевали въ городѣ Ерлангенѣ великолѣпно. $\frac{\text{25 Августа}}{\text{5 Сентября}}$ къ обѣду пріѣхали сюда въ Ниренбергъ и стали въ трактирѣ, въ которомъ безмѣрная чистота и опрятность привели насъ въ удивленіе. Всѣ улицы и домы здѣшніе такъ чисты, что уже походитъ на аффектацію. Симъ оканчиваю теперешній журналъ, котораго продолженіе впредь присылать къ тебѣ буду. Прости, матушка. Мы завтра отсюда ѣдемъ въ Аугсбургъ, разстояніемъ на 139 верстъ, откуда нѣсколько строчекъ къ вамъ напишу.

═

АУГСБУРГЪ, $^{4}/_{16}$ Сентября 1784.

Отсюда мы для того только пишемъ, чтобъ не пропускать ни одного большаго города. Мы оба, слава Богу, здоровы и завтра поутру ѣдемъ далѣе. Изъ Боцена пришлю къ вамъ продолженіе моего журнала. Дорога такъ намъ надоѣла, что намѣреніе мое, оставя жену, съѣздить къ вамъ одному, мы вовсе отмѣнили; а возвратимся оба, не продолжая больше года нашего вояжа. По всему видно, что въ Италіи

жить не для чего и что въ годъ всю ее осмотримъ съ ногъ до головы. Намѣреніе наше возвратиться исполнимъ мы по другой дорогѣ, то есть поѣдемъ въ Вѣну, въ Польшу, въ Кіевъ и въ Москву. Завтра, благословясь, пустимся мы въ Альпійскія горы, въ которыхъ дороги такъ прекрасно отдѣланы, что ни малѣйшей нѣтъ опасности. Здѣсь совершенно мы удостовѣрились, что болѣзни въ Италію никакъ не проникли и коммерція ни на часъ отъ сего не прерывалась.

═

БОЦЕНЪ, 11/22 Сентября 1784.

Мы оба, слава Богу, здоровы и помаленьку продолжаемъ наше путешествіе. Если послѣ сего письма вы отъ насъ не скоро получите, то Бога ради молчаніе наше ничему другому не приписывайте, какъ тому, что мы, не останавливаясь, ѣдемъ. Намъ нетерпѣливо хочется скорѣе доѣхать до Флоренціи, чтобъ получить тамъ ваши письма и чтобъ отдохнуть подолѣе. Дорога надоѣла намъ несказанно. Два мѣсяца, какъ все ѣдемъ, а до Рима еще мѣсяцъ надобенъ. Сказываютъ, что прежде половины октября нельзя въ него и въѣхать, потому что сами жители разъѣзжаются лѣтомъ по деревнямъ и живутъ въ нихъ до осени, опасаясь лихорадокъ, которыя въ

жары, по причинѣ болотъ, легко получить можно. Теперь стану продолжать тебѣ, матушка, мой журналъ, который кончился пріѣздомъ нашимъ въ Ниренбергъ. Сей городъ положеніемъ своимъ очень страненъ: стоитъ весь на горахъ и съ высокаго мѣста, каковъ тутошный з̀амокъ, кажется не инымъ чѣмъ, какъ громадою набросанныхъ ненарочно камней; считаютъ въ немъ до восьми сотъ улицъ, что и не удивительно, если называютъ улицами всѣ по горамъ закоулки, какіе на стѣнщагахъ обыкновенно встрѣчаются. Не взирая на узкія улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домовъ чистота отмѣнная. Въ день нашего пріѣзда, то есть 25 Августа / 5 Сентября, — послѣ обѣда осматривали мы з̀амокъ. По древнимъ преданіямъ здѣшніе жители вѣрятъ, что построенъ онъ Нерономъ. Не знаю, онъ ли его строилъ, но по крайней мѣрѣ з̀амокъ достоинъ быть дворцомъ такого чудовища, каковъ Неронъ. Вообрази на превысокой и прекрутой горѣ уродливое и мрачное большое зданіе. Кажется, что обитавшій въ немъ тиранъ сверху попиралъ ногами городъ и что самъ залѣзъ такъ высоко для того, чтобъ спрятаться отъ отчаянія несчастныхъ жителей. Словомъ, з̀амокъ таковъ, въ какомъ честный человѣкъ за всѣ престолы свѣта жить не согласится. Мы осматривали въ немъ картины Альбрехта Дюрера, славнаго больше за старину, нежели за искусство, потому что въ

его время живопись въ Европѣ была еще въ колыбели. Тутъ казали намъ модели святыхъ вещей; ибо подлинныя сохранены и никому, кромѣ коронованныхъ главъ, ихъ не кажутъ. Художникъ, дѣлавшій сіи модели, не имѣлъ, кажется, нужды ни въ большомъ трудѣ, ни въ большомъ искусствѣ. Святыя вещи состоятъ въ копьѣ, коимъ Христосъ прободенъ былъ на крестѣ, въ крестномъ гвоздѣ, въ частицѣ самаго Креста, въ отломкѣ яслей Виѳлеемскихъ, въ лоскуткѣ скатерти, постланной на Тайной Вечери, и въ лоскуточкѣ лентія, коимъ Христосъ отиралъ ноги на умовеніи. Осмотрѣвъ въ замкѣ все любопытства достойное, провели мы вечеръ дома съ банкиромъ Брентаніемъ, къ которому мы адресованы. Онъ 26 Августа / 6 Сентября поутру возилъ насъ къ купцу Вильду, который имѣетъ прекрасное собраніе картинъ. Мы пригласили Брентанія къ обѣду. Я нигдѣ не видалъ деликатнѣе стола, какъ въ нашемъ трактирѣ. Какое пирожное! какой десертъ! О пирожномъ говорю я не для того только, что я до него охотникъ, но для того, что Ниренберръ пирожнымъ славенъ въ Европѣ. Скатерти, салфетки тонки, чисты, словомъ, въ жизнь мою лучшаго стола имѣть не желалъ бы. Послѣ обѣда были мы въ Ратушѣ, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Онъ родился въ здѣшнемъ городѣ, работалъ много и, куда ни обернись, вездѣ найдешь его работу. Я сдѣлалъ визитъ Брентанію и съ

нимъ ѣздилъ въ комедію. Театришка мерзкій и зала походитъ больше на чуланъ, нежели на залу. Жаръ и духота были такіе, что я пяти минутъ не устоялъ и вечеръ провели мы одни.

Въ Ниренбергѣ много хорошихъ живописцевъ и другихъ художниковъ; но они умираютъ съ голоду, потому что покупать некому. Цѣлое утро, или справедливѣе сказать, весь день $\frac{\text{27 Августа}}{\text{7 Сентября}}$ посѣщалъ я сихъ бѣдняковъ, лазилъ къ нимъ на чердаки и много кое-что накупилъ по моей коммерціи и отправилъ въ Петербургъ. Ходилъ по церквамъ, по книжнымъ лавкамъ, смотрѣлъ славный бронзовый фонтанъ, за который Государыня предлагала тридцать тысячъ рублей: но меньше пятидесяти не продаютъ; былъ въ галантерейныхъ лавкахъ и пришелъ домой, уставъ какъ собака. Ввечеру банкиръ Кнопфъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. $\frac{\text{28 Августа}}{\text{8 Сентября}}$ поутру оба мои банкира возили меня въ арсеналъ. Въ немъ есть чего смотрѣть; воинскіе снаряды, уборы и одежда древнихъ рыцарей весьма любопытны. Удивительно, какъ могли они таскать на себѣ такую тягость. Я не совсѣмъ безсиленъ; но насилу поднялъ копье, которымъ они воевали. Послѣ обѣда мадамъ Брентани пріѣхала къ намъ съ двумя золовками и мы всѣ ввечеру ѣздили въ садъ къ мадамъ Геллеръ, которая лицемъ похожа какъ двѣ капли воды на Княги-

нію Д. А. Грузинскую. $\frac{\text{29 Августа}}{\text{9 Сентября}}$ цѣлое утро приносили ко мнѣ изъ цѣлаго города картины на продажу; но я не купилъ ничего, видя, что считаютъ меня проѣзжимъ богачемъ. Въ семъ мнѣніи вездѣ обо мнѣ остаются для того, что я Русскій. Во всей Нѣмецкой Землѣ и, сказываютъ, также во всей Италіи, слова Русскій и богачъ одно означаютъ. Послѣ обѣда мы прогуливались по городу, отправивъ напередъ съ фурманомъ сундуки наши въ Боценъ, для облегченія кареты. На другой день $\frac{\text{30 Августа}}{\text{10 Сентябр.}}$ приходили ко мнѣ прощаться всѣ артисты и оба мои банкира. Послѣ обѣда въ два часа выѣхали мы изъ Нирeнберга, и, не останавливаясь нигдѣ, всю ночь ѣхали; $\frac{\text{31 Августа}}{\text{11 Сентября}}$ къ обѣду пріѣхали мы въ Аугсбургъ. Не спавъ всю ночь, мы такъ устали, что послѣ обѣда спали какъ мертвые и насилу добудились насъ ужинать. На другой день $1/12$ сентября поутру явился ко мнѣ Русскій нашъ агентъ Кизовъ, къ которому Безбородко писалъ обо мнѣ сильную рекомендацію. Съ нимъ ѣздилъ я къ банкиру моему Обескуру. Надобно знать, что Нирeнбергскіе артисты писали обо мнѣ въ Аугсбургъ; почему и явились ко мнѣ Аугсбургскіе. Кизовъ привезъ къ намъ своего брата, доктора медицины, и жену свою. Всѣ мы въ открытыхъ колясках поѣхали гулять за городъ, котораго окрестности прекрасны. По возвращеніи ко мнѣ всѣ подчиваны у меня были

русскимъ чаемъ. $^{2}/_{13}$ сентября лазилъ я по чердакамъ, на которыхъ умираютъ съ голоду бѣдные художники, и осматривалъ ихъ работу. Надобно отдать справедливость, что между ними есть мастера съ великими достоинствами; но такъ же какъ и въ Ниренбергѣ работы ихъ никто не покупаетъ. Мѣщане ничего не смыслятъ, а большихъ господъ нѣтъ. Первые люди, то есть патриціи, не заслуживаютъ человѣческаго имени. Знатные модною спѣсью и надутые скоты презираютъ тѣхъ, которыми начальствуютъ; а бѣдные точно таковы, какъ въ Гольберговой комедіи: Don Ranudo de Colibrados. Между тѣмъ какъ я посѣщалъ художниковъ, мадамъ Кизовъ возила жену мою на ситцевую фабрику, которой заведеніе такъ хорошо устроено, что она одѣваетъ ситцемъ самую Италію. Послѣ обѣда баронъ Goéz началъ мой потретъ en miniature. Пріѣхали къ намъ мадамъ Кизовъ и нѣкоторые артисты. Они возили насъ на гульбище, называемое Семь Столбовъ. Всѣ нѣмецкія гульбища одинаковы. Наставлено въ рощѣ множество столиковъ; за каждымъ сидитъ компанія и прохлаждается пивомъ и табакомъ. Я спросилъ кофе, который мнѣ тотчасъ и подали. Такихъ мерзкихъ помой я отъ роду не видывалъ— прямое рвотное. По возвращеніи домой мы подчивали компанію чаемъ, который Нѣмцы пили какъ нектаръ. $^{3}/_{14}$ все утро осматривалъ я въ разныхъ мѣстахъ коллекціи кар-

тинъ. Послѣ обѣда смотрѣлъ ратушу, великолѣпіемъ своимъ любопытства достойную. Она первая во всей Германіи. Зала преогромная, расписана прекрасно и раззолочена пребогато. Потомъ зазвалъ насъ къ себѣ докторъ Кизовъ и поставилъ намъ коллацію (закуску). Въ сей день продолжалъ я писать. $^4/_{15}$ сентября поутру явились ко мнѣ по обыкновенію многіе артисты и водили насъ въ соборную церковь Св. Креста, къ Францисканамъ. Послѣ обѣда я писалъ; потомъ ѣздили мы къ славному во всей Европѣ органисту Штейну смотрѣть его новоизобрѣтенный клавесинъ; дочь его играетъ на немъ какъ ангелъ. Прогуливались по городу. По возвращеніи ко мнѣ я подчивалъ коллаціею. $^5/_{16}$ поутру выѣхали мы изъ Аугсбурга; обѣдали въ Швабмюнхенѣ плохо и, не останавливаясь, ѣхали всю ночь. Альпійскія горы видѣли мы еще въ Аугсбургѣ; но въѣхали въ нихъ $^6/_{17}$ сентября на станціи Фіесслѣ. Завтракали мы уже въ Тиролѣ, въ городкѣ Рейте. Изъ воротъ сего города поднимались мы цѣлый часъ на высочайшую гору и лишь-только на нее взъѣхали, какъ представилась намъ другая гора, не менѣе первой, на которую мы также часъ ѣхали, имѣя въ глазахъ пропасти бездонныя. Потомъ станціи были споснѣе; но отъ мѣстечка Лермоса до Нассерейша была станція ужасная. Горы и пропасти столь ужасны, что волосы дыбомъ становятся. Надлежитъ однакожъ

отдать правительству ту справедливость, что дороги сдѣланы и содержатся такъ хорошо, какъ я нигдѣ не находилъ; аспекты страшные, но нѣтъ ни малѣйшей опасности. Всѣ опаснѣйшія мѣста завалены каменьями и дорога такова, что двѣ кареты свободно разъѣхаться могутъ. Въ Парвисѣ остановились мы ночевать, не боявшись въ темнотѣ ѣхать. $^{7}/_{18}$ сентября со свѣтомъ вдругъ съ ночлегу выѣхали. Не доѣзжая до Инспрука, подъѣхали мы къ горѣ высоты безмѣрной и, примѣтя, что почталіонъ нашъ, загнувъ къ верху голову, нѣчто намъ показываетъ, велѣли ему остановиться и, вышедъ изъ кареты, увидѣли изъ верхушки горы густой дымъ съ пламенемъ. Почталіонъ сказывалъ намъ, что дымъ и огонь видятъ они не больше восьми дней въ году. Сія гора, называемая Martins-Wand, есть та самая, на которую Императоръ Максимиліанъ I, ловя дикую козу, сгоряча забрелъ и одинехонекъ плуталъ по ней двое сутокъ. Возвращеніе его оттуда почитается здѣсь чудомъ. Онъ самъ разсказывалъ, что когда, уже не видя слѣда къ спасенію, пришелъ онъ въ отчаяніе, долженъ будучи умереть съ голоду, вдугъ явился ему пастухъ и свелъ его съ горы. Сего пастуха никакъ отыскать не могли. Попы называли его ангеломъ. Императоръ велѣлъ сдѣлать дорожку на самую верхушку горы и на самомъ томъ мѣстѣ, на когоромъ явился ему пастухъ. или ангелъ, во-

друженъ превеликій крестъ, котораго снизу за высотою видѣть нельзя. Послѣ сего приключенія Императоръ большую часть жизни своей проводилъ въ Инспрукскомъ Капуцинскомъ монастырѣ въ монашеской кельѣ. Почти въ полдень пріѣхали мы въ Инспрукъ, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе Эрцгерцогиня Елисавета, сестра нынѣшняго Императора. Я, имѣя правиломъ, нигдѣ ко Двору не представляться, не считалъ удостоенъ быть ея лицезрѣніемъ. Отобѣдавъ, ходилъ я въ Капуцинскій монастырь, гдѣ водили меня въ кельи Максимиліановы. Увидѣвъ марширующій по улицѣ полкъ, спросилъ я, куда онъ идетъ. Хозяинъ трактира, гдѣ я жилъ, былъ моимъ проводникомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сегодня будетъ на чистомъ полѣ экзаменъ полковой нормальной школѣ. Сорокъ восемь солдатскихъ дѣтей обучаются на государевомъ коштѣ какъ военной экзерциціи, такъ и прочимъ знаніямъ, касающимся до ремесла военнаго. Намѣреніе сего установленія то, чтобъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Одинъ дѣвичій монастырь истребленъ; кельи превращены для мальчиковъ въ казармы, а садъ монастырскій въ мѣсто для ихъ экзерциціи. Эрцгерцогиня со всѣмъ своимъ Дворомъ присутствовала на экзаменѣ. По календарю ей лѣтъ сорокъ, а по виду и по живости характера нельзя дать и тридцати. Она очень походитъ на сестру свою, Королеву Француз-

скую. Полкъ отдалъ ей честь и начался экзаменъ. Я хотя и прятался въ народъ, но меня тотчасъ примѣтили; а скорѣе всѣхъ Эрцгерцогиня, узнавъ отъ полиціи о моемъ пріѣздѣ. Весь дворъ ко мнѣ обратился и отъ всѣхъ показано было ко мнѣ отличное вниманіе и учтивость. Нечувствительно выманили меня изъ народной толпы и я примѣтилъ, что каждый листочекъ экзамена приказывала Эрцгерцогиня тотчасъ доводить до меня. Она шептала что-то съ гофмаршаломъ, который, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: буду ли я представляться? Я отвѣчалъ, что завтра ѣду и что сіе счастіе предоставлю себѣ на возвратномъ пути моемъ. Я видѣлъ, что отвѣтъ мой былъ тотчасъ перенесенъ Эрцгерцогинѣ, которая безъ всякихъ церемоній тотчасъ сама ко мнѣ подошла. «Хотя вы мнѣ и не представлены,» сказала она «но я слышу, что вы ѣдете въ Италію; прошу васъ сказать мой поклонъ брату моему, Великому Герцогу Тосканскому, и сестрѣ моей, Королевѣ Неаполитанской.» Я отвѣчалъ ей, что почитаю за великое себѣ счастіе исполнить ея повелѣніе. Послѣ сего разговаривала она со мною долго о разныхъ матеріяхъ и весьма милостиво пожелала мнѣ счастливаго пути. Лишь только она отъ меня отошла, какъ всѣ дамы меня окружили и уговаривали сильно остаться на нѣсколько времени въ Инспрукѣ. Я былъ неумолимъ. Наконецъ, въ девятомъ часу ввечеру,

экзаменъ кончился. Эрцгерцогиня пошла по дворецъ пѣшкомъ; вся публика ее провожала и я счелъ за пристойное отъ нее не отставать. Городъ былъ освѣщенъ; но ночь претемная. Къ удивленію моему увидѣлъ я, что Ея Высочество, увернувшись въ темнотѣ отъ публики, подозвала моего проводника и съ нимъ разговариваетъ. Проводникъ мой, возвратясь со мною, далъ мнѣ отчетъ въ своей бесѣдѣ. «Она изволила меня спрашивать о васъ,» сказалъ онъ, «одни ли вы ѣдете; а узнавъ, что съ женою, хотѣла знать, для чего жена ваша не пришла посмотрѣть экзаменъ?» Проводникъ мой отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Потомъ спрашивала она, правда ли то, что я завтра ѣду. «Правда,» отвѣчалъ мой проводникъ. «Такъ скажи же ему отъ меня, что я желаю ему отъ всего сердца счастливаго пути.» Эрцгерцогиня, сколько видно, имѣетъ очень доброе сердце. Всѣ ею довольны и она отмѣнно здѣсь любима. Хозяинъ мой сказывалъ мнѣ, что она около полугода огорчена своимъ братомъ, который, провѣдавъ объ ея интригѣ съ однимъ маіоромъ, удалилъ его изъ Инспрука. Въ продолженіе экзамена застигла насъ ночь претемная, и я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ зрѣлище, для глазъ нѣсколько страшное. Поле, на которомъ школьники экзерцировали и ужинали въ присутствіи Двора и многочисленной публики, освѣщено было вмѣсто факеловъ пламенемъ горы, о которой

я упомянулъ выше. Эрцгерцогиня шутя говорила мнѣ, что я вижу теперь маленькій Везувій; что сей пламень произошелъ не изъ внутренности горы, но отъ электризаціи: что къ пресѣченію пожара наряжено для выравниванія рвовъ большое число работниковъ и что она не воображаетъ дальнѣйшихъ слѣдствій отъ сего происшествія. $^8/_{19}$ безмѣрное желаніе скорѣе проѣхать горы, дурной трактиръ и нетерпѣніе скорѣе доѣхать во Флоренцію ради нашихъ писемъ, рѣшили насъ выѣхать поутру изъ Инспрука. Между тѣмъ, какъ послали на почту за лошадьми, успѣлъ я обѣжать церкви: Францисканскую, Соборную и Frères servites, дворцевый садъ и торжественныя ворота. Францисканская церковь знаменита великолѣпнымъ монументомъ Максимиліана I и двадцатью восемью бронзовыми статуями погребенныхъ тутъ государей. Всѣ статуи выше человѣческаго роста. Инспрукъ весь окруженъ горами. Выѣхавъ изъ воротъ, взъѣзжали мы цѣлый часъ на Штейнахскую гору, по причинѣ высоты которой припрягли намъ лишнюю пару, по около вечера предстала намъ гора Бреннерская, которой гораздо ниже ходятъ облака. Выше ея, сказываютъ, уже нѣтъ. Мы побольше часа взбирались на одинъ изъ ея холмовъ. Между тѣмъ настигла насъ такая темная ночь, что мы сидѣли какъ въ мѣшкѣ. Почталіонъ хотя везъ насъ очень храбро по сдѣланной прекрасной

дорогѣ, но въ темнотѣ быть между пропастьми на горахъ, каковы Альпійскія, было намъ не очень весело. Пріѣхавъ на почту, мы ночевали. 9/20 отдохнувъ тутъ и позавтракавъ, проѣхали мы городъ Бриксенъ, не останавливаясь, и при лунномъ сіяніи въ полночь пріѣхали благополучно въ Боценъ. Симъ оканчиваю журналъ, который продолжать буду порядочно.

═

Флоренція, 5/16 Октября 1784.

Послѣдній мой журналъ кончился пріѣздомъ нашимъ въ Боценъ. Сей городъ окруженъ горами и положеніе его нимало не пріятно, потому что онъ лежитъ въ ямѣ. Въ немъ Императоръ сдѣлалъ теперь большое подкрѣпленіе коммерціи и во время ярмарки мы видѣли превеликое стеченіе разныхъ націй. Жителей въ немъ половина Нѣмцевъ, а другая Италіянцевъ. Народъ говоритъ больше по-итальянски. Образъ жизни итальянскій, то есть, весьма много свинства. Полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ нищіе; чистая ихъ вода то, чтò у насъ помои. Словомъ, мы, увидя сіе преддверіе Италіи, оробѣли. 10/21 Сентября былъ я на ярмаркѣ. Подъ домами сдѣланы лавки, по которымъ всѣ купцы и народъ бродятъ и каждый что-нибудь или про-

даетъ, или покупаетъ. Былъ я въ Ратушѣ, которую нашелъ противу чаянія весьма великолѣпною. Послѣ обѣда ходилъ я къ живописцу Генрицію смотрѣть его работу; а отъ него въ Италіянскую комедію. Театръ адскій. Онъ построенъ безъ полу и на сыромъ мѣстѣ. Въ двѣ минуты комары меня растерзали и я послѣ первой сцены выбѣжалъ изъ него, какъ бѣшеный. Вечеръ проводили мы въ чтеніи. $^{11}/_{22}$ утромъ ходилъ я по церквамъ, изъ которыхъ во многихъ есть прекрасныя картины; ввечеру былъ я на площади и смотрѣлъ маріонетокъ. Дурное житье въ Боценѣ рѣшило насъ выѣхать изъ него. $^{12}/_{23}$ мы уговорились съ банкиромъ, чтобъ онъ пришедшіе изъ Нирenберга сундуки наши отправилъ водою въ Тріентъ, изъ котораго мы въ Верону захотѣли ѣхать и сами водою. И такъ, поутру взявъ почту, отправились изъ скареднаго Боцена въ Тріентъ, который еще болѣе привелъ насъ въ уныніе. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ вонь, нечистота, мерзость, всѣ чувства наши размучили. Мы въ ту же минуту изъ него ускакали бы, если бъ договоръ мой съ лоцманомъ не принудилъ меня дожидаться судна. Мы весь вечеръ горевали, что заѣхали къ скотамъ. $^{13}/_{24}$ поутру ходилъ я по церквамъ смотрѣть прекрасныхъ картинъ; въ соборной видѣлъ и слышалъ я органъ первый въ свѣтѣ. Онъ подражаетъ совершенно многимъ инструментамъ и птичьему пѣнію. Я

былъ въ восхищеніи, смотря на двери, расписанныя превосходнымъ искусствомъ Романинія, и слушавъ сей прекрасный и для меня новый инструментъ. Послѣ обѣда былъ я въ Епископскомъ дворцѣ. За̀мокъ старинный; но внутри убранъ великолѣпно и наполненъ картинами великихъ мастеровъ. Самъ епископъ былъ въ деревнѣ и мы имѣли всю свободу осмотрѣть его дворецъ. Ввечеру былъ у насъ съ визитомъ банкиръ нашъ Трентини. $^{14}/_{25}$ поутру водилъ я жену мою слушать органы и смотрѣть дворецъ. Сей осмотръ кончился тѣмъ, что показали намъ погребъ его преосвященства, въ которомъ нѣсколько сотъ страшныхъ бочекъ стоятъ съ винами издревле. Меня подчивали изъ нѣкоторыхъ и я отъ двухъ рюмокъ чуть не съ ногъ долой. Казалось бы, что въ духовномъ состояніи такимъ изобиліемъ винныхъ бочекъ больше стыдиться, нежели хвастать надлежало; но здѣсь кажутъ погребъ на хвастовство. Оттуда ходили мы по церквамъ смотрѣть картины. Послѣ обѣда Трентини повезъ насъ въ свой загородный домъ, гдѣ вся его семья угощала насъ сколько могли. Трентини показалъ намъ всевозможныя учтивства; но скученъ тѣмъ, что при всякомъ словѣ хохочетъ даже до того, что когда я спросилъ его: все ли онъ въ добромъ здоровьѣ, онъ умеръ со смѣху и насилу могъ выговорить: per cervilla. Глупый обычай непрестанно хохотать и, говоря, изо всей силы

кричать, свойственъ Итальянцамъ. Трое Итальянцевъ въ комнатѣ нашумятъ гораздо больше двадцати Нѣмцевъ. $^{15}/_{26}$ поутру банкиръ нашъ, думая, что графъ Валькенштейнъ, здѣшній отъ Императора начальникъ, живетъ за городомъ, повелъ насъ къ нему смотрѣть картинъ; но сверхъ чаянія графъ былъ въ городѣ: онъ встрѣтилъ насъ очень учтиво и самъ водилъ насъ въ свою галерею. Послѣ обѣда былъ дождь и гулять было нельзя. Мы въ скукѣ просидѣли въ нашемъ мерзскомъ трактирѣ. Подъ вечеръ ходили мы въ верхній этажъ смотрѣть Mademoiselle Liebsern, Саксонку лѣтъ тридцати; она лицемъ изрядна, но родилась безъ обѣихъ рукъ и съ коротенькими ножками. Ноги служатъ ей вмѣсто рукъ. Она при насъ чинила перья, писала, нюхала табакъ, вздѣвала и снимала серьги, пряла и въ иголку вздѣвала нитку. $^{16}/_{27}$ съ свѣтомъ вдругъ выѣхали мы водою изъ Тріента: обѣдали въ каретѣ. Къ ночи пристали мы въ венеціянскій городокъ, Воларни, съ тѣмъ, чтобъ тутъ ночевавъ, завтра рано приплыть въ Верону, отъ которой осталась одна только станція; но какъ скоро вошли въ трактиръ, то планъ нашъ ту же минуту и разрушился: неизреченная мерзость, вонь, сырость выгнали насъ тотчасъ. Я думаю, что не одна сотня скорпіоновъ была въ постелѣ, на которой намъ спать доставалось. O! bestia Italiana! Я послалъ эстафетъ въ Верону, чтобъ намъ

отворили ворота, ибо иначе были бъ мы принуждены у воротъ ночевать, и самъ схватя почтовыхъ лошадей, тотчасъ поѣхалъ навскачь въ Верону и сталъ въ трактиръ очень хорошій. Дороговизна въ Веронѣ ужасная; за все про все червонный. Я договорился съ хозяиномъ, потому что въ Италіи безъ договору за рюмку воды заплатишь червонный. Надобно отдать справедливость Нѣмецкой землѣ, чтовъ ней житье вполы дешевле и вдвое лучше. Изъ Воларны до Вероны горъ больше нѣтъ. Цѣлые десять дней бывъ въ горахъ, мы очень обрадовались, выѣхавъ на ровное мѣсто. Намъ казалось, что насъ изъ тюрьмы выпустили. $^{17}/_{28}$ поутру проспавъ долго, насилу успѣлъ я съѣздить къ банкиру моему, Сольдини. Послѣ обѣда были мы въ женскомъ Георгіевскомъ монастырѣ смотрѣть картины. Надобно примѣтить, что въ Италіи великіе мастера большею частію работали для церквей. Потомъ были мы въ саду Графа Юстія. Сей садъ сдѣланъ по большой каменной горѣ внизъ уступами. На горѣ сдѣланы бесѣдки, изъ коихъ видѣнъ весь городъ. Я туда вскарабкаться полѣнился; но жена всходила. Весь садъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кипарисныхъ аллей. Деревья превысокія. Изъ саду были въ кабинетѣ графа Бевилакви. Есть картины и антики прекрасные. Смотрѣли потомъ древній славный амфитеатръ, въ которомъ свободно помѣщались 22,000 человѣкъ. Были

мы на плацъ-дармѣ, гдѣ поставлена статуя Венеціянской Республики; на плацѣ de Signori, гдѣ Ратуша, на которой стоятъ статуи древнихъ знаменитыхъ Веронезцевъ. Видѣли porto del Pallio, трое Римскихъ торжественныхъ воротъ. Ввечеру былъ у насъ банкиръ Сольдини. $^{18}/_{29}$ весь день осматривали мы здѣшнія драгоцѣнныя картины и антики. Были въ домахъ графа Турки, маркиза Жерарди, у брата покойнаго Чинверонія, славнаго живописца. Оттуда ѣздили въ оперный домъ, смотрѣли всю Маффееву коллекцію вдѣланныхъ въ стѣну древнихъ монументовъ, надписей и статуй, также и залу Филармонической Академіи; заѣхали въ церковь госпитальную и потомъ домой обѣдать. Послѣ обѣда ѣздили мы къ графу Ротарію, племяннику бывшаго въ Петербургѣ живописца. Племянникъ набитый скотъ. Все достоинство состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ хорошій домъ, въ которомъ двѣ комнаты убраны картинами и эскизами покойнаго его дяди. Отъ него ѣздили мы въ соборную церковь, а оттуда за городъ на campus Martius. Поле прекрасное! Тутъ бываетъ два раза въ году ярмарка. Лавки, нынѣ запертыя, построены очень хорошо. Отсюда были мы на Piazzo del crucifixo смотрѣть мячныя игры. Народу было превеликое множество. Знатные и порядочные люди помѣщены особливо. Огорожено большое мѣсто, на которомъ человѣкъ десятокъ, одѣтыхъ въ льняное бѣлое платье, бро-

саютъ ракетами большіе мячи. Удачный coup всегда сопровождался крикомъ и рукоплесканіемъ. Отсюда были мы въ саду графа Газолы. Садишка ничего незначащій. Мы удивились, что объ немъ дѣлаютъ столько шуму. Вообще сказать, сады на Сѣверѣ несравненно лучше. Здѣсь оставляютъ все натурѣ, которая иногда требуетъ помощи и отъ искусства; а у насъ на Сѣверѣ искусствомъ и радѣніемъ награждаютъ недостатки натуры и подражаютъ красотѣ ея. Отсюда ѣздили мы на кладбище рода Скалигеровъ, правившаго Вероною сряду нѣсколько сотъ лѣтъ. Гробницы великолѣпныя, а особливо три монумента, съ которыхъ выгравированы эстампы. Потомъ ѣздили мы на Piazzo de la Bra. Сіе мѣсто по вечерамъ обыкновенно наполнено каретами, которыя проѣзжаютъ туда и сюда такъ, какъ у насъ на Нѣмецкихъ Станахъ. Весь сей день насладились мы зрѣніемъ прекрасныхъ картинъ и оскорблялись на каждомъ почти шагу встрѣчающимися нищими. На лицахъ ихъ написано страданіе и изнеможеніе крайней нищеты; а особливо старики почти наги, высохшіе отъ голоду и мучимые обыкновенно какою-нибудь отвратительною болѣзнію. Не знаю, какъ будетъ далѣе; но Верона весьма способна возбуждать сострадапіе. Не понимаю, за что хвалятъ венеціянское правленіе, когда на землѣ плодоноснѣйшей народъ терпитъ голодъ. Мы въ жизни нашей не только не ѣдали, даже и не

видали такого мерзскаго хлѣба, какой ѣли въ Веронѣ и какой всѣ знатнѣйшіе люди ѣдятъ. Причиною тому алчность правителей. Въ домахъ печь хлѣбы запрещено, а хлѣбники платятъ полиціи за позволеніе мѣшать сносную муку съ прескверною, не говоря уже о томъ, что печь хлѣбы не смыслятъ. Всего досаднѣе то, что на сіе злоупотребленіе никому и роптать нельзя, потому что малѣйшее негодованіе на правительство венеціянское наказывается очень строго. Верона городъ многолюдный и, какъ всѣ италіянскіе города не провонялый, но прокислый. Вездѣ пахнетъ прокислою капустою. Съ непривычки я много мучился, удерживаясь отъ рвоты. Вонь происходитъ отъ гнилаго винограда, который держатъ въ погребахъ; а погреба у всякаго дома на улицу и окна отворены. Забылъ я сказать, что тотчасъ послѣ обѣда водилъ я Семку смотрѣть древній амфитеатръ. Отъ солнечнаго ли зноя, или для такого дорогаго гостя, какъ Семка, весь амфитеатръ усыпанъ былъ ящерицами. $^{19}/_{3}$ выѣхали мы передъ обѣдомъ изъ Вероны. Пока люди наши убирались, мы успѣли сбѣгать въ Георгіевскій монастырь, насладиться въ послѣдній разъ зрѣніемъ картинъ Павла Веронеза. Ужинали въ Мантуѣ и ночь всю ѣхали, потому что въ Италіи въ трактирахъ по мѣстечкамъ ночевать мерзко. $\frac{20\ \text{Сентября}}{1\ \text{Октября}}$ поутру пріѣхали въ Модену. Утро все проспали. Послѣ обѣда смотрѣлъ я Моденскую

картинную галерею. Не описываю тебѣ, матушка, картинъ по одиначкѣ, потому что тебя это мало интересуетъ, но увѣренъ, что если бъ ты видѣла то, что̀ мы здѣсь видимъ, то бы сама сдѣлалась охотницею. Ночью разбудилъ насъ вихорь, какихъ у насъ, кажется, не бываетъ. Стекла у оконъ были перебиты и мы думали, что домы повалятся. $\frac{\text{21 Сентября}}{\text{2 Октября}}$ поутру возилъ я жену въ галерею. Кромѣ того, что я вчера видѣлъ, показали мнѣ манускрипты XV и XVI столѣтій. Библія, молитвенникъ и Дантъ меня удивили. На поляхъ каждаго листа миніатюры прекрасные и колоритъ такой яркій, какъ будто бы сегодня писаны были. Отобѣдавъ, выѣхали мы изъ Модены и подъ вечеръ пріѣхали въ Болонью. За ужиномъ подъ окнами дали намъ такой концертъ, что мы заслушались. Я заплатилъ за него четверть рубля, которая принята была съ великою благодарностію. $\frac{\text{22 Сентября}}{\text{3 Октября}}$ поутру былъ я въ славномъ Болонскомъ Институтѣ. Описаніе его требовало бы цѣлой книги: столько тутъ вещей любопытныхъ; особливо анатомическая камера заслуживаетъ вниманіе. Я слишкомъ три чеса употребилъ, чтобъ осмотрѣть сіе прекрасное заведеніе. Отсюда ѣздили мы въ соборную церковь, въ Мендикати, въ St-Leonardo, въ Palais Zampieri, гдѣ имѣли счастіе видѣть первую Гвидову картину Петра Апостола. Многіе знатоки почитаютъ

сію картину первою въ свѣтѣ, потому что въ ней всѣ части искусства соединены совершенно. Были мы въ Palais Buonfiglioli, въ Palais Magrari и вездѣ находили сокровища неизреченныя. Послѣ обѣда былъ у насъ банкиръ нашъ съ визитомъ; потомъ были мы въ Palais Caprаго. Всѣ сіи дома принадлежатъ Болонскимъ сенаторамъ. Уборы въ нихъ великолѣпные, но старинные; вездѣ картинъ множество. Онѣ сохраняются въ фамиліяхъ по завѣщаніямъ, ибо великихъ мастеровъ картины владѣльцы оставляютъ своимъ наслѣдникамъ по духовнымъ, кои утверждены судебнымъ порядкомъ и въ коихъ именно изъяснено запрещеніе не выпускать сихъ картинъ изъ фамиліи. Сей день былъ канунъ праздника св. Петронія. Мы были у вечерни въ церкви сего святаго, которая есть одна изъ величайшихъ въ Италіи. Музыка была огромная. Два кардинала присутствовали при богослуженіи. Изъ церкви были мы въ Оперѣ Buffo; отсюда домой, а за ужиномъ прежній концертъ подъ окнами явился. 23 Сентября / 4 Октября поутру ѣздилъ я одинъ осматривать церкви; былъ въ шести церквахъ и въ Palais Grassi; потомъ ѣздилъ съ женою въ Palais Zambeccari смотрѣть Piazzo Maggiora, и видѣли procession des Cardinaux. Были у обѣдни у праздника, а оттуда въ Palais Ranuzzi, у коего фасадъ, лѣстница и декораціи привели насъ въ восхищеніе. Вечеромъ были дома и слушали подъ окнами концертъ.

24 Сентября / 5 Октября поутру ѣздили мы смотрѣть высокую кривую башню d'Asinelli, Palazzo publico и были въ десяти церквахъ. Видѣли Palazzo Tanari, Monti, Favi. Вездѣ есть чего смотрѣть. Завезя жену домой, ѣздилъ я въ университетъ. Послѣ обѣда смотрѣли мы Palais Boni et Zaniboli и гуляли за городомъ. Пріѣхавъ домой, мы такъ устали, что спали какъ мертвые.

26 Сентября / 7 Октября поутру ходилъ я въ нѣкоторыя церкви и къ лучшимъ болонскимъ живописцамъ. Послѣ обѣда выѣхали мы изъ Болоньи. Сей городъ вообще можно назвать хорошимъ, но люди мерзки. Рѣдкій день, чтобъ не было исторіи. Весьма опасно здѣсь ссориться, ибо мстительнѣе и вѣроломнѣе Болонезцевъ, я думаю, въ свѣтѣ нѣтъ. Мщеніе ихъ не состоитъ въ дуэляхъ, но въ убійствѣ самомъ мерзостнѣйшемъ. Обыкновенно убійца становится за дверью съ ножемъ и сзади злодѣйски умерщвляетъ. Самый смирный человѣкъ не безопасенъ отъ несчастія. Часто случается, что ошибкою вмѣсто одного умерщвляютъ другаго. Болонья подвержена также землетрясеніямъ. Четыре года назадъ городъ потерпѣлъ много. Наилучшій климатъ имѣетъ свои неудобства и опасности. Мы ѣхали всю ночь и терпѣли большія безпокойства. Флорентинскія Альпы проѣзжали мы въ такой темнотѣ, что зажигали факелы, которые отъ преужаснаго вихря и дождя гасли. Къ сему

подоспѣло другое несчастіе: я въ Болоньи объѣлся фруктовъ и ночью, когда отъ ненастья и стужи мы замучились, пришла на меня такая колика, какая съ человѣкомъ рѣдко на роду случается. Словомъ, я думалъ, что сею ночью сподоблюся принять мученическій вѣнецъ; однако Богу благодареніе, къ свѣту колика поутихла. $\frac{\text{27 Сентября}}{\text{8 Октября}}$ поутру возсіяло солнце и сдѣлалось прекраснѣйшее лѣто, которое и до сего часа продолжается, такъ что у насъ всѣ окна отворены и мы по саду гуляемъ. Въ 11 часу до обѣда пріѣхали мы во Флоренцію, гдѣ и теперь поживаемъ. Симъ оканчиваю мой журналъ, котораго продолженіе ты получишь въ свое время.

═

ФЛОРЕНЦІЯ, 9/20 октября 1784.

Къ сердечному удовольствію получили мы письма ваши отъ 15 августа, за которыя приносимъ вамъ усерднѣйшее благодареніе. Мы оба, слава Богу, здоровы, и живемъ во Флоренціи, гдѣ останемся до будущей недѣли; а потомъ, какъ я и прежде васъ увѣдомлялъ, съѣздимъ въ Лукку, Пизу и Ливорну. Мы весь нашъ вояжъ такъ учреждаемъ, чтобъ въ іюлѣ быть въ Москвѣ. Кажется, къ сему времени можно къ вамъ поспѣть по осмотрѣніи всего что только заслуживаетъ вниманія. Климатъ

здѣшній можно назвать прекраснымъ; но и онъ имѣетъ для насъ безпокойнѣйшія неудобства: комары насъ замучили такъ, что сдѣлались у насъ калмыцкія рожи. Они маленькіе и не пищатъ, а изподтишка такъ жестоко кусаютъ, что мы ночи спать не можемъ. И комары италіянскіе похожи на самихъ Итальянцевъ: также вѣроломны и также измѣннически кусаютъ. Если все взвѣсить, то для насъ Русскихъ нашъ климатъ гораздо лучше.

Журнала моего для того къ тебѣ не посылаю, что по моему распоряженію цѣлый большой листъ не можетъ теперь быть наполненъ; а пришлю его изъ Рима и онъ содержать будетъ пребываніе наше здѣсь по пріѣздъ въ Римъ: оттуда, также накопя матерій на цѣлый большой листъ, перешлю къ вамъ; конецъ же моего журнала дочитаемъ въ Москвѣ вмѣстѣ въ будущемъ году, если Богъ дастъ здоровья. Голова моя иногда побаливаетъ, однако сносно; я же въ непрестанномъ движеніи: съ утра до ночи на ногахъ. Осматриваю всѣ здѣшнія рѣдкости, и мы оба, по нашей охотѣ къ художествамъ, упражнены довольно. Взятые съ нами люди служатъ намъ усердно и мы ими довольны. Жена моя до сихъ поръ безъ дѣвки; хотимъ взять въ Римѣ, а здѣсь всѣ негодницы.

═

ПИЗА, $^{11}/_{22}$ Ноября 1784.

Узнавъ во Франціи, что Везувій очень скоро утихъ, не имѣемъ мы теперь причины поспѣшать въ Неаполь и для того приближаемся мы потихоньку въ Римъ. Въ пятницу мы сюда пріѣхали. Вчера ѣздилъ я въ Лукку, а ночевали здѣсь. Сегодня послѣ обѣда ѣдемъ въ Ливорну, гдѣ думаемъ остаться дня два или три; оттуда опять сюда и чрезъ Сіену (Sienne) поѣдемъ въ Римъ. Климатъ здѣсь очень хорошъ и несравненно лучше Флоренціи, откуда дожди, сырость и туманы насъ выгнали. Ничего такъ не желаемъ, какъ поскорѣе все осмотрѣть и къ вамъ возвратиться. Вояжъ намъ надоѣлъ, а особливо мерзкіе трактиры: вездѣ сквозной вѣтеръ, стужа и нечистота несносная. Намъ хочется одну половину карнавала провести въ Неаполѣ, а другую и цѣлый постъ въ Римѣ, такъ чтобъ послѣ Святой Недѣли тотчасъ предпринять возвратный путь и около Петрова дня быть въ Москвѣ. Прошу Бога, чтобъ всѣхъ васъ увидѣть здоровыми.

═

РИМЪ. $^{7}/_{18}$ Декабря 1784.

Пребываніе наше во Флоренціи, до пріѣзда нашего въ здѣшній городъ, будетъ занимать мой теперешній журналъ. Излишне было бъ,

матушка, наблюдать въ немъ прежній порядокъ, то есть, писать по числамъ, какъ я прежде то̀ дѣлалъ. Одинъ день такъ походитъ на другой, что различать ихъ почти ничѣмъ невозможно. Утро провождали мы въ галереѣ и въ прочихъ примѣчательныхъ мѣстахъ; обѣдали обыкновенно дома; ввечеру или на конверсаціи, или въ оперѣ; ужинали дома. Знакомства могли бъ мы имѣть много, да всѣ они не стоятъ труда, чтобъ къ нимъ привязаться. Я до Италіи не могъ себѣ вообразить, чтобъ можно было въ такой несносной скукѣ проводить свое время, какъ живутъ Итальянцы. На конверсацію съѣзжаются поговорить; да съ кѣмъ говорить и о чемъ? Изо ста человѣкъ нѣтъ двухъ, съ которыми можно бъ было, какъ съ умными людьми, слово промолвить. Въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ. Угощеніе у нихъ конечно въ вечеръ четверти рубля не стоитъ. Свѣчи четыре сгоритъ восковыхъ, да копѣекъ на пять деревяннаго масла. Здѣсь обыкновенно жгутъ масло. Обѣдать никто никогда не унимаетъ не по одному обычаю, а больше по тому, что чужаго человѣка унять стыдно. Мой банкиръ, человѣкъ пребогатый, далъ мнѣ обѣдъ, и пригласилъ для меня большую компанію. Я, сидя за столомъ, за него краснѣлся: званый его обѣдъ несравненно былъ хуже моего вседневнаго въ трактирѣ. Словомъ сказать, здѣсь живутъ какъ скареды, и еслибъ

не домъ Нунція, англійскаго министра и претендента, то есть, домà чужестранные, то бъ дѣваться было некуда. Все это пишу я о Флоренціи, а объ Римѣ ничего еще сказать не могу, потому что въ немъ не довольно еще осмотрѣлся. Теперь, матушка, стану тебѣ описывать наши похожденія. Мы пріѣхали во Флоренцію поутру. Вышедъ изъ кареты, бросился я на почтовой дворъ искать вашихъ писемъ. Не имѣя третій мѣсяцъ никакого объ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было несказанное. Невозможно больше моего разсердиться, когда, перебравъ всѣ пакеты, не нашелъ я къ себѣ ни одного. Сіе огорченіе вмѣстѣ съ безсонницею и мученіемъ прошлой ночи причинили мнѣ головную боль. Пришедъ съ почтоваго двора, принужденъ я былъ лечь въ постелю. Послѣ обѣда оба мои банкира присылали ко мнѣ своихъ дѣтей съ комплиментомъ о пріѣздѣ нашемъ. Я разослалъ сихъ комплиментистовъ всюду отыскивать письма ваши. На тотъ разъ графъ Моцениго, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, не былъ въ городѣ. Мнѣ пришло въ мысль, не онъ ли взялъ съ почты письмо мое. Тотчасъ послалъ я освѣдомиться и, къ сердечному удовольствію моему, принесли ко мнѣ отъ него первое письмо ваше, — и голова моя болѣть перестала.

Первое, чтò во Флоренціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть, безъ сомнѣнія,

галерея Великаго Герцога, соединенная съ Palazzo Pitti, въ которомъ онъ живетъ, когда бываетъ во Флоренціи, что̀ случается весьма рѣдко. Онъ обыкновенно бываетъ въ загородныхъ домахъ своихъ, также въ Пизѣ и въ Ливорнѣ. Въ наше время жилъ онъ въ Пизѣ. Галерея его есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Еслибъ вы были охотники до живописи и скульптуры, я могъ бы написать къ вамъ о̀ ней одной цѣлую тетрадь. Рафаэлева Богородица, картины дель-Сартовы, Венера Тиціанова и прочихъ великихъ мастеровъ работы и статуя Vènus de Medicis составляютъ прямыя государственныя сокровища. Нельзя нигдѣ пріятнѣе провести утро, какъ въ сей галереѣ. Какъ часто въ нее ни ходи, всегда новое увидишь. Множество молодыхъ живописцевъ упражняются тутъ въ копированіи славныхъ картинъ. Словомъ, тутъ видишь и галерею, и школу. Мы съ женою бываемъ въ ней очень часто, а особливо я почти всякій день. Прибавить къ тому надобно и кабинетъ Натуральной Исторіи, который также очень хорошъ и содержится въ превеликомъ порядкѣ. Есть въ немъ вещи очень рѣдкія. Лучшая въ галереѣ комната называется Трибуна. Она осьмиугольная и окна въ самомъ верху, такъ что свѣтъ упадаетъ на картины точно тотъ, какой для нихъ имѣть надобно. Въ сей комнатѣ стоятъ двадцать четыре наилучшія картины и всѣ

лучшія статуи, изъ коихъ Венера Медицейская удивленія достойна. Изъ картинъ велѣлъ я списать для себя une Mère de douleur d'Andrè del Sarto, три картины Рафаэлевы и Богоматерь Carlino Dolci. Могу васъ увѣрить, что если вы увидите и копіи мои, то даромъ, что вы не охотники, вамъ онѣ конечно очень понравятся. Вообще сказать, Флорентинская галерея въ нѣкоторомъ смыслѣ безпримѣрна, потому что во всей Европѣ нѣтъ такого зданія, въ которомъ бы одномъ столько сокровищъ во всѣхъ родахъ художествъ находилось. За великую рѣдкость почитаются въ ней двѣ комнаты, наполненныя портретами великихъ живописцевъ, писанными собственною ихъ кистью. Каждый мастеръ, самъ свой портретъ написавъ, присылалъ въ галерею. Сіе вошло въ обычай и доднесь продолжается. Забылъ я сказать, что въ галереѣ есть прекрасная коллекція древнихъ вазъ. Не описываю здѣсь всѣхъ комнатъ, принадлежащихъ къ галереѣ, но скажу только то, что можно одною ею цѣлый годъ заняться. Palazzo Pitti стоитъ на холмѣ; домъ не весьма большой, но великолѣпно меблированный и двѣ залы расписаны альфреско съ удивительнымъ искусствомъ. Картины въ семъ дворцѣ также великихъ мастеровъ и въ великомъ множествѣ. Прекрасная Рафаэлева Богоматерь, извѣстная подъ именемъ Madonna della Sedia, украшаетъ одну залу. Этотъ образъ имѣетъ въ себѣ

нѣчто Божественное. Жена моя отъ него безъ ума. Она ставвала передъ нимъ по получасу, не спуская глазъ, и не только купила копію съ него масляными красками, но и заказала миніатюру и рисунокъ. Позади дворца садъ Boboli. Онъ состоитъ по большей части изъ террасъ и украшенъ многими фонтанами. Изъ дворца видъ въ него прекрасный. Между зданіями великолѣпнѣйшее есть соборная церковь. Величина ея огромная и покрыта цвѣтнымъ мраморомъ. Можно сказать, что она монументъ древняго республиканскаго великолѣпія. Близъ лежащая батистерія, или церковь, въ которой крестятъ всѣхъ безъ исключенія во Флоренціи младенцевъ, достойна любопытства. Двери бронзовыя съ прекрасными барельефами. Онѣ такъ отмѣнны, что прозваны райскими дверями. Изъ увеселительныхъ домовъ лучшій Poggio Imperiale. Архитектура простая, но благородная, и много картинъ хорошихъ. Между городскими установленіями госпиталь стоитъ любопытства. Жаль только, что онъ построенъ не у мѣста, ибо по одну сторону театръ серіозной оперы, а по другую театръ комическій. Порядокъ въ госпиталѣ такъ хорошъ, что дѣлаетъ конечно великую честь правленію. Больные пользуются присмотромъ и крайнею чистотою. Не только въ Италіи, гдѣ живутъ по свински, но и у насъ многіе зажиточные люди не спятъ на такихъ хорошихъ и чистыхъ постеляхъ, на

какихъ въ госпиталѣ лежатъ больные нищіе. Во Флоренціи занимался я осматриваніемъ многихъ церквей, которыя архитектурою и живописью знамениты. Всѣ онѣ конечно удивляютъ того, кто не видалъ здѣшней церкви Святаго Петра; но кто ее видѣлъ, того въ разсужденіи художествъ ничто въ свѣтѣ удивить не можетъ. Кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для Самого Себя. Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ, и всякій день захочешь быть въ церкви Святаго Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть объ ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два.

Театры во Флоренціи великолѣпны какъ для серіозной, такъ и для комической оперы. Жаль только того, что не освѣщены. Ни въ одной ложѣ нѣтъ ни свѣчки. Дамы не любятъ, чтобъ ихъ проказы видны были. Всякая сидитъ съ своимъ чичисбеемъ и не хочетъ, чтобъ свѣтъ мѣшалъ ихъ амуру. Развращеніе нравовъ въ Италіи несравненно больше самой Франціи. Здѣсь день свадьбы есть день развода. Какъ скоро дѣвушка вышла замужъ, то тутъ же надобно непремѣнно выбрать ей cavaliere servente, который съ утра до ночи ни на минуту ее не оставляетъ. Онъ съ нею всюду ѣздитъ, всюду ее водитъ, сидитъ все-

гда подлѣ нее, за картами за нее сдаетъ и тасуетъ карты, словомъ, онъ ея слуга, и, привезя ее одинъ въ каретѣ къ мужу въ домъ, выходитъ изъ дома тогда только, какъ она ложится съ мужемъ спать. При размолвкѣ съ любовникомъ, или чичисбеемъ, первый мужъ старается ихъ помирить, равно и жена старается наблюдать согласіе между своимъ мужемъ и его любовницею. Всякая дама, которая не имѣла бы чичисбея, была бы презрѣна всею публикою, потому что она была бъ почтена недостойною обожанія, или старухою. Изъ сего происходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцевъ, ни дѣтей. Ни одинъ отецъ не почитаетъ дѣтей своей жены своими, ни одинъ сынъ не почитаетъ себя сыномъ мужа своей матери. Дворянство здѣсь точно отъ того въ крайней бѣдности и въ крайнемъ невѣжествѣ. Всякій разоряетъ свое имѣніе, зная, что прочить его некому; а молодой человѣкъ, ставъ чичисбеемъ, лишь только вышелъ изъ ребятъ, не имѣетъ уже ни минуты времени учиться, потому что, кромѣ сна, неотступно живетъ при лицѣ своей дамы и какъ тѣнь шатается за нею. Многія дамы признавались мнѣ по совѣсти, что неминуемый обычай имѣть чичисбея составляетъ ихъ несчастіе, и что часто, любя своего мужа несравненно больше, нежели своего кавалера, горестно имъ жить въ такомъ принужденіи. Надобно знать, что жена, проснувшись, уже не видитъ мужа до

тѣхъ поръ, какъ спать ложиться надобно. Въ Генуѣ сей обычай дошелъ до такого безумія, что если публика увидитъ мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа, Во всей Италіи дама съ дамою одна никуда не поѣдетъ и никуда показаться не можетъ. Словомъ сказать, дурачествамъ нѣтъ конца. Вообще сказать можно, что скучнѣе Италіи нѣтъ земли на свѣтѣ: никакого общества, и скупость прескаредная. Здѣсь первая дама принцесса Санта-Кроче, у которой весь городъ бываетъ на конверсаціи и у которой во время съѣзда нѣтъ на крыльцѣ ни плошки. Необходимо надобно, чтобъ гостинный лакей имѣлъ фонарь и свѣтилъ своему господину взлѣзать на лѣстницу. Надобно проходить множество покоевъ или, лучше сказать, хлѣвовъ, гдѣ горитъ по лампадочкѣ масла. Гостей ничѣмъ не подчиваютъ, и не только кофе или чаю, ниже воды не подносятъ. Тѣснота и духота ужасная, такъ что отъ жару горло пересохнетъ; но ничто такъ не скверно, какъ нищенское скаредство слугъ. Куда ни пріѣдешь съ визитомъ, на другой же день, чѣмъ свѣтъ, холопья и придутъ просить денегъ. Такой мерзости во всей Европѣ нѣтъ! Господа содержатъ слугъ своихъ на самомъ маломъ жалованьѣ и не только позволяютъ имъ такъ нищенствовать, но по прошествіи нѣкотораго времени дѣлятъ между ними кружку. Во Фло-

ренціи, бывъ шесть недѣль, знакомъ я сталъ почти со всѣми и наканунѣ моего отъѣзда цѣлый день ходили ко мнѣ лакеи пожелать счастливаго пути, то есть, просить милостыни. Въ Римѣ установлена обычаемъ такса: кардинальскимъ лакеямъ платятъ шестьдесятъ копѣекъ, а прочимъ по тридцати. Семка мой иначе мнѣ о нихъ не докладываетъ, какъ: пришли, сударь, нищіе. Правду сказать, и бѣдность здѣсь безпримѣрная: на каждомъ шагу останавливаютъ нищіе; хлѣба нѣтъ, одежды нѣтъ, обуви нѣтъ. Всѣ почти наги и такъ тощи, какъ скелеты. Здѣсь всякій работный человѣкъ, буде занеможетъ недѣли на три, разоряется совершенно. Въ болѣзнь наживаетъ долгъ, а выздоровѣвъ, едва можетъ работою утолить голодъ. Чѣмъ же платить долгъ? Продастъ постель, платье—и побрелъ просить милостыни. Воровъ, мошенниковъ, обманщиковъ здѣсь превеликое множество; убійства здѣсь почти вседневныя. Злодѣй, умертвя человѣка, бросается въ церковь, откуда его, по здѣшнимъ законамъ, никакая власть уже взять не можетъ. Въ церкви живетъ нѣсколько мѣсяцевъ; а между тѣмъ родня находитъ протекцію и за малѣйщія деньги выхаживаетъ ему прощеніе. Во всѣхъ Папскихъ Владѣніяхъ между чернью нѣтъ человѣка, который бы не носилъ съ собою большаго ножа, одни для нападенія, другіе дла защищенія. Итальянцы всѣ злы безмѣрно и трусы подлѣй-

шіе. На дуэль никогда не вызываютъ, а отмщаютъ обыкновенно ножемъ бездѣльническимъ образомъ. Честныхъ людей во всей Италіи, по истинѣ сказать, такъ мало, что можно жить нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить. Знатнѣйшей породы особы не стыдятся обманывать самымъ подлымъ образомъ. Со мною былъ одинъ очень смѣшной случай во Флоренціи. Я покупалъ картины и большія покупки мои надѣлали очень много шуму въ городѣ. Однажды пришелъ ко мнѣ знакомый купецъ съ тѣмъ, что одинъ знатный господинъ имѣетъ столь много въ галереѣ своей картинъ, что нѣкоторыя охотно продать согласится. Онъ повелъ меня въ огромный домъ, убранный великолѣпно, гдѣ нашелъ я дѣйствительно нѣсколько залъ, убранныхъ картинами. Хозяинъ, маркизъ Гвадани, водилъ меня самъ по комнатамъ. Остановясь передъ одною картиною, подвелъ меня къ ней ближе и, въ восторгѣ, спросилъ : узнаю ли я мастера? Я отвѣчалъ: нѣтъ. «Какъ нѣтъ?.» спросилъ онъ меня, продолжая свое глупое восхищеніе. «Неужели картина сама о себѣ не сказываетъ, чьей она работы? Неужели вы Гвидо Рени не узнали?» Я извинился передъ нимъ незнаніемъ Итальянской Школы, а онъ началъ мнѣ разсказывать исторію этой картины, какъ она, переходя отъ пращура его въ нисходящую линію его рода, дошла на конецъ къ нему. Я спросилъ: чего эта картина стоитъ можетъ?

«Вы можете себѣ представить,» говорилъ онъ мнѣ, «чего Гвидо-Рени стòитъ можетъ. Тысяча червонныхъ была бъ для него цѣна очень малая.» Я отвѣчалъ ему, что хотя тысяча червонныхъ для меня сумма и очень большая, однако за картину великаго мастера, можетъ быть, я заплатить ее и соглашусь, но съ тѣмъ только, чтобъ онъ позволилъ мнѣ взять картину домой и показать моей женѣ, съ которою сдѣлано у меня дружеское условіе: безъ взаимнаго согласія ничего не покупать. Онъ, видя мою податливость въ цѣнѣ, отпустилъ со мною картину. Я тотчасъ созвалъ всѣхъ лучшихъ живописцевъ. Никто не сказалъ, чтобъ она была Гвидова. Кого ни спрошу о цѣнѣ, всякій говоритъ, что можно дать за нее червончиковъ пять, шесть. Разсуди же, какая разница между этою бездѣлицею и тысячью червонными. Я отослалъ картину назадъ съ отвѣтомъ, что живописцы оцѣниваютъ ее такъ низко, что я о цѣнѣ и сказать ему стыжусь, и что картину, идущую изъ рода въ родъ маркизовъ Гваданіевъ, считаютъ они дрянью, стоющею не болѣе пяти червонныхъ. Онъ вспылилъ, сказываютъ, жестоко на живописцевъ и называлъ ихъ скотами и невѣждами. Нѣсколько дней прошли въ гнѣвѣ; наконецъ господинъ маркизъ смягчился и передъ отъѣздомъ моимъ изъ Флоренціи прислалъ ко мнѣ сказать, что онъ, любя меня, соглашается уступить мнѣ карти-

ну за десять червонныхъ. Вотъ какой бездѣльникъ находится здѣсь между знатными! Не устыдился запросить тысячу, а уступить за десять. Я приказалъ ему, что я его картины не беру для того, что дряни покупать не намѣренъ. Надобно исписать цѣлую книгу, если разсказывать всѣ мошенничества и подлости, которыя видѣлъ я съ пріѣзда моего въ Италію. По истинѣ сказать, Нѣмцы и Французы ведутъ себя гораздо честнѣе. Много и между ними бездѣльниковъ, да не столько и не такъ безстыдны. Въ Италіи порода и титла не обязываютъ ни мало къ доброму поведенію: непотребные домы набиты графинями. Всякій шильникъ, который наворовалъ деньжонокъ, тотчасъ покупаетъ себѣ титулъ маркиза. Банкиры здѣсь почти всѣ маркизы и, не взирая на то, что разбогатѣли, не пропускаютъ ни малѣйшаго случая обманывать. Болѣе всего надоѣдаетъ намъ скука. Мы живемъ только съ картинами и статуями. Боюсь, чтобъ самому не превратиться въ бюстъ. Здѣсь истинно отъ людей отвыкнешь, Мы потеряли, кажется, всю связь съ прочими націями и не знаемъ, что гдѣ дѣлается. Французскихъ газетъ во всемъ Римѣ, кромѣ кардинала Берниса, найти не льзя; да и книгъ, кромѣ латинскаихъ каноническихъ, не достанешь. Вольтеръ, нашъ любимый Руссо и почти всѣ умные авторы запрещены. Французская литература, можно сказать, здѣсь вовсе неизвѣстна. Во всей

Флоренціи я зналъ одну маркизу Сантини и здѣсь знаю одну принцессу Санта-Кроче, которыя говорятъ по-французски, хотя и весьма плохо; мужчины тоже. Мы хотя и недавно въ Италіи, однако принуждены болтать кое-какъ по-итальянски. Изъ Флоренціи выѣхали мы $^{8}/_{19}$ Ноября послѣ обѣда, и въ часъ за полночь пріѣхали въ Пизу. Дворъ Великаго Герцога обыкновенно тутъ проводитъ зиму, но такъ тихо, что пребываніе его нимало не примѣтно. Я очень былъ радъ, что можно было обойтиться безъ представленія ко Двору. Если вспомнить Древнюю Исторію, кто были Пизане и какую ролю игралъ этотъ народъ въ свѣтѣ, то нельзя не прійти въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ. И теперь окружность города превеликая; но пустота ужасная и улицы заросли травою. Я не видалъ отъ роду мѣста столь похожаго на волшебное, какъ площадь, на которой стоитъ соборная церковь. Вообрази себѣ храмъ великолѣпнѣйшій; превысокую висящую башню, которая, кажется, валится совершенно; вообрази себѣ огромное зданіе Batisterio, гдѣ крестятъ младенцевъ, и Campo Santo, то есть галерею, прелестную своею архитектурою, гдѣ 650 мертвыхъ тѣлъ погребены подъ монументами въ землѣ, привезенной изъ Іерусалима рыцарями. Все это на одной площади, заросло травою и въ будни нѣтъ тутъ живаго человѣка. Мы ходили тутъ точно такъ, какъ въ обворожен-

номъ мѣстѣ. На часъ ѣзды отъ города есть теплыя бани. Въ нихъ нашелъ я чистоту и порядокъ неожиданный. Причиною тому самъ Государь, который, будучи Нѣмецъ, завелъ всѣ удобности и доходъ съ нихъ беретъ себѣ. Мѣстоположенія въ окружности города очень хороши. Въ Пизѣ есть университетъ; но Богъ знаетъ, что̀ тутъ дѣлаютъ: профессоры, кромѣ италиянскаго языка, не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими Горами дѣлается. Есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхивали. Будучи въ Россіи, слышалъ я объ этомъ городѣ столь много хорошаго, что располагалъ тутъ жить долго; но опытомъ узналъ, что трехъ дней прожить нельзя: скука смертельная. Мы нашли тутъ бѣднаго Семена Романовича Воронцова, который смертію своей жены такъ пораженъ, что уже три мѣсяца никого къ себѣ не пускаетъ и всякій день плачетъ неутѣшно Въ Пизѣ нашли мы французскій театръ. Великая Герцогиня, будучи большая до него охотница, не пропускаетъ ни одного спектакля. Признаюсь, что я гаже комедіантовъ нигдѣ не видывалъ. Правду сказать, что, кромѣ Двора, нѣтъ и зрителей. Ложи и партеръ пустехоньки. Иначе и быть нельзя, потому что Италіянцы французскаго языка не разумѣютъ, да и не могутъ имѣть терпѣнія слушать что̀-нибудь со вниманіемъ. Въ оперѣ ихъ во время представленія такой

шумъ и крикъ, какъ на площади. Дамы пикируются не слушать музыки. C'est du bon ton, чтобъ изъ ложи въ ложу перекликаться и мѣшать другимъ слушать. Пѣвицы и пѣвцы есть очень хорошіе, но столбы неподвижные· ни руками, ни ногами не владѣютъ. Декораціи очень великолѣпны, но освѣщеніе плохо: антрпренеръ жалѣетъ денегъ. Танцы состоятъ на одномъ скаканьѣ. Скакуны престранные и обыкновенно ремесло свое кончаютъ тѣмъ, что ломаютъ себѣ ноги. Спектакли очень рѣдко перемѣняютъ: одну оперу сряду разъ сорокъ играютъ. Поистинѣ сказать, въ Петербургѣ ни серіозныя, ни комическія итальянскія оперы не хуже здѣшнихъ. Изъ Пизы ѣздилъ я въ Лукку не для того, чтобъ было въ ней чего смотрѣть, но для того, что Лукка была родина предковъ моего благодѣтеля, Графа Никиты Ивановича Панина. Очень странно, что этотъ городокъ до сихъ поръ составляетъ республику, когда всѣ окружающіе его города вольность уже давно потеряли. Осмотрѣвъ въ немъ соборную и прочія церкви, также княжескій домъ, возвратился въ Пизу. $^{11}/_{22}$ Ноября пріѣхали мы въ Ливорну, гдѣ консулъ нашъ на другой день далъ намъ большой обѣдъ и пригласилъ лучшихъ людей. Мы жили тутъ два дни; осматривали городъ и были въ спектаклѣ. Ливорно городокъ маленькій, но слишкомъ многолюденъ по причинѣ морской пристани. Тутъ стеченіе раз-

ныхъ народовъ очень велико и живутъ повеселѣе, нежели въ другихъ итальянскихъ городахъ. Изъ Ливорны воротились мы опять въ Пизу, откуда выѣхали $^{14}/_{25}$ ноября, и ночью въ три часа пріѣхали въ Сіену. $^{15}/_{26}$ поутру очень рано я проснулся, хотя легъ и очень поздно. Разбудило меня желаніе осмотрѣть городъ. Былъ въ консисторіи, въ церквахъ: Соборной и Августинской. Вездѣ находилъ я прекрасныя картины. Воротясь домой, нашелъ я жену одѣтою, и мы оба ѣздили смотрѣть соборную церковь, гдѣ альфрески съ Рафаэлевыхъ рисунковъ прекрасны. Отобѣдавъ, выѣхали мы изъ Сіены въ 4 часа, и всю ночь ѣхали. $^{16}/_{27}$ завтракали мы въ мѣстечкѣ Аквапендентѣ. Въ комнатѣ, которую намъ отвели и которая была лучшая, такая грязь и мерзость, какой конечно у моего Скотинина въ хлѣвахъ никогда не бываетъ. Весь день и всю ночь мы ѣхали. Безсонница и несносная вонь гнилыми яйцами отъ горючей сѣры мучили насъ тирански; къ тому же и морозъ былъ такой, какой у насъ бываетъ въ дурную осень. Шубъ на насъ нѣтъ, и можно сказать, что поутру $^{17}/_{28}$ ноября пріѣхали мы въ Римъ чуть живы. Здѣсь оканчиваю мой журналъ. Не знаю, какъ впередъ пойдетъ наше путешествіе, но доселѣ непріятности и безпокойства превышаютъ неизмѣримо удовольствіе. Рады мы, что Италію увидѣли; но можно искренно признаться, что еслибъ мы дома

могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то конечно бы не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ. Теперь живемъ мы въ папскомъ правленіи и нѣтъ дня, въ который бы жена моя, выѣхавъ, не плакала отъ жалости, видя людей мучительно страждущихъ: безъ рукъ, безъ ногъ, слѣпые, въ лютѣйшихъ болѣзняхъ, нагіе, босые и умирающіе съ голоду, вездѣ лежатъ у церквей подъ дождемъ и градомъ. Я не упоминаю уже о тѣхъ несчастныхъ, которые встрѣчаются кучами въ болячкахъ по всему лицу, безъ носовъ и съ развращенными глазами отъ скверныхъ болѣзней; словомъ: для человѣчества Римъ есть земной адъ. Тутъ можно видѣть людей въ адскомъ мученіи. Сколько тысячъ такихъ, которые не знаютъ, что такое рубашка. Лѣтомъ ходятъ такъ, какъ хаживалъ праотецъ нашъ Адамъ; а зимою прикрыты лохмотьемъ вмѣсто кафтана и брюхо голое наружи. Вотъ здѣсь какъ щеголяютъ, между тѣмъ какъ Папа и кардиналы живутъ въ домахъ, какихъ нѣтъ у величайшихъ государей. Нынѣшній Папа затѣялъ строеніе такое, какого въ свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ; ибо ни положенія мѣста, ни антиковъ, непрестанно изъ земли вырываемыхъ, кромѣ Италіи нѣтъ нигдѣ. Смотря на сіи древности, съ жалостію видимъ, какъ мы отъ предковъ нашихъ отстали въ художествахъ. Какой вкусъ, какой умъ былъ въ

прежніе вѣки! Надобно видѣть Ротонду, музеумъ Капитольный, столпы, музеумъ Ватиканскій и проч., чтобъ рѣшительно назвать нынѣшнихъ художниковъ ребятишками въ сравненіи съ древними. Изъ сего исключается одна церковь Св. Петра, которая можетъ почесться чудомъ; но и въ ней многое потому совершенно хорошо, что подражали древнимъ. Въ сей церкви найдешь куполъ, подражаніе Ротондѣ; найдешь статуи и живопись во вкусѣ древнихъ. Я до сего часа былъ въ ней уже разъ съ тридцать: не могу зрѣніемъ насытиться. Кажется, не побывавъ въ ней, чего-то не достаетъ. Въ ней есть двѣ вещи, которыя похожи на волшебство: то, что, при величинѣ безмѣрной, ничто не кажется колоссальнымъ, напр. по бокамъ поставлено по два ангела, которые кажутся росту младенческаго; но, подошедъ ближе, удивишься, какой они величины и огромности. Все такъ устроено пропорціонально, что дѣйствіе искусства выходитъ изъ вѣроятности. Второе то, что лѣтомъ найдешь въ церкви животворную прохладу, а зимою она такъ тепла, какъ бы натоплена была. Величина ея такова, что нѣсколько придѣловъ по бокамъ и каждый больше Успенскаго Собора. Я не продолжаю здѣсь описанія Рима, предоставляя то будущимъ журналамъ; но въ заключеніе скажу, что климатъ очень нездоровъ, и не только бѣдная жена моя, но и я чувствую въ нер-

вахъ слабость, какой никогда не чувствовалъ. Сырость, мрачность, вседневные жестокіе громы, дожди и градъ, — вотъ каковъ здѣсь Декабрь. Прости, мой сердечный другъ.

═

РИМЪ, 1/12 Февраля 1785.

По возвращеніи нашемъ изъ Неаполя нашли мы здѣсь письма ваши отъ 25 ноября. Мы застали здѣсь четыре послѣдніе дня карнавала; были бы сюда днемъ и ранѣе, но на дорогѣ была намъ остановка, которая доказываетъ неустройство правленія и скотство національнаго характера. Въ Папскихъ Областяхъ сдѣлана нынѣ новая дорога, а старая такъ скверна, что нѣтъ проѣзда. По правосудію Святаго Отца дерутъ съ насъ прогоны втрое: за новую дорогу, по которой ѣздятъ, за старую, по которой не ѣздятъ, да за выставку лошадей со старой почты на новую. Не взирая на сей грабежъ, ждали мы на одной почтѣ лошадей ровно пять часовъ; насилу привели ихъ къ ночи, и оттащивъ насъ не болѣе пяти верстъ, остановились. Холодъ, градъ, вихрь, ночная темнота, были преужасные. Такая погода почталіонамъ не понравилась. Они тихонько выпрягли лошадей и поѣхали домой спать, а насъ бросили на дорогѣ. Отъ семи часовъ вечера до восьмаго утра терпѣли мы весь

ужасъ пренесвосной стужи. Бѣдные люди замучились и перезнобили ноги. Наконецъ въ девятомъ часу поутру явились къ намъ почталіоны съ лошадьми и насказали намъ же превеликія грубости. Если бъ не жена, которая на тотъ часъ меня собою связала, я всеконечно потерялъ бы терпѣніе и кого-нибудь застрѣлилъ бы. Здѣсь застрѣлить почталіона или собаку — все равно. Я обязанъ женѣ, что не сдѣлался убійцею. По пріѣздѣ моемъ сюда, я принесъ жалобу, но никакъ не надѣюсь найти правосудія. Сами судьи мнѣ пѣняютъ, для чего я самъ не управлялся и никого не застрѣлилъ: вотъ бы и концы въ воду. Англичане то и дѣло стрѣляютъ почталіоновъ и ни одна душа еще не помышляла спросить: кто, кого за что̀ застрѣлилъ? Ты, матушка сестрица, пишешь ко мнѣ, что въ газетахъ читала о голодѣ въ Римѣ. Эта вѣсть не новая. Лѣтъ тридцать какъ цѣлые полки несчастныхъ не имѣютъ дневной пищи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Святой Недѣли, чтобъ отсюда выѣхать и не имѣть передъ глазами страждущаго человѣчества. Карнавалъ мы застали и четыре дня были свидѣтелями всѣхъ народныхъ дурачествъ, а особливо послѣдній день, то есть: погребеніе масляницы. Весь народъ со свѣчами ее хоронилъ. Такой глупости и вообразить себѣ нельзя. Сегодня третій день какъ начался постъ. Въ первый были мы въ церкви святыя Сабины смотрѣть процессію

кающихся. Множество людей, въ мѣшкахъ на головахъ, съ прорѣзанными глазами, босикомъ, въ предшествованіи двухъ скелетовъ, шли по улицамъ по два въ рядъ, и пѣли стихи покаянія. На другой день, то есть, вчера, были мы званы къ сенатору Рецонго, гдѣ весь городъ слушалъ прекрасный концертъ. Сегодня званы мы къ кардиналу Бернису также на концертъ. Кажется, будто первый день поста былъ и послѣдній; но Страстная Недѣля за то вся посвящена богослуженію и если здоровы будемъ, то увидимъ все величество Римской Церкви. Между тѣмъ весь постъ будемъ мы осматривать городъ. Чѣмъ больше его видимъ, тѣмъ, кажется, больше смотрѣть остается.

═

РИМЪ, 1/12 Марта 1785.

Состояніе здоровья моего отчасу лучше становится. Я проѣзжаюсь по городу и хотя еще изъ кареты не выхожу, однако по комнатѣ прохаживаюсь. Докторъ мой увѣряетъ меня, что я отъ слабости скоро оправлюсь и что буду здоровѣе прежняго. Дай Богъ, чтобъ его предсказаніе исполнилось, такъ какъ до сихъ поръ всѣ его старанія и труды удавались. Мы съ женою великую надежду на искусство его полагаемъ. Не описываю тебѣ всей

моей болѣзни; мнѣ не велятъ много писать, да и непріятно вспоминать о такой вещи, которая, слава Богу, что прошла. Я теперь занимаюсь мыслями, какъ бы, осмотрѣвъ Италію, домой воротиться. На сихъ дняхъ получили мы вдругъ два письма ваши: одно безъ числа, которому надобно быть отъ 2 января, а другое отъ 9 января. Меня ни мало не удивляетъ, что мои письма поздно до васъ доходятъ, когда то же случается и съ вашими ко мнѣ; въ семъ случаѣ надобно прибѣгать къ терпѣнію, а помочь не чѣмъ. За совѣтъ вашъ, ѣхать осторожнѣе, мы благодаримъ отъ всего сердца, и конечно употребимъ всю возможную осторожность. Мы ѣдемъ теперь полюднѣе, нежели сюда ѣхали. Жена моя беретъ съ собою служанку, да изъ Вѣны хотимъ взять повара; и такъ будутъ у насъ два экипажа. Всѣ мы будемъ вооружены пистолетами и шпагами и надѣемся проѣхать тѣмъ безопаснѣе, что, сказываютъ, и воровъ отъ Вѣны до нашей границы нѣтъ; а отъ Смоленска до Москвы, сами знаете, что бояться нечего. Ты не можешь себѣ представить, матушка, какъ былъ я боленъ и въ какомъ состояніи была бѣдная жена моя. Благодарю Бога, все прошло и мы оба здоровы.

═

РИМЪ, 22 Марта / 2 Апрѣля, 1785.

Сегодня отправляемъ мы послѣдній день Святой Недѣли. Благодареніе Богу, я какъ Страстную, такъ и нынѣшнюю недѣлю въ состояніи былъ всюду выѣзжать. Вчера былъ я съ женою на концертѣ у кардинала Берниса, а сегодня званы и ѣдемъ къ сенатору Рецонико. И такъ теперь остается намъ осмотрѣть окрестности Рима, а именно: Тиволи, Фраскати и прочія примѣчанія достойныя мѣста; что все кончу недѣли черезъ двѣ и отсюда немедленно выѣдемъ. По нетерпѣнію нашему скорѣе васъ увидѣть, мы бы скорѣе и Италію оставили, но горы не допускаютъ: ибо при растаиваніи снѣгу большія снѣжныя глыбы сверху обрываются и, упадая, могутъ столкнуть карету въ пропасть. Послѣ моей болѣзни живу я очень воздержно, такъ что и кофе съ молокомъ пить пересталъ, словомъ, послѣдую во всемъ совѣтамъ доктора моего, и надѣюсь быть здоровѣе прежняго. Благодарю тебя, моя сестрица, за приписаніе твое къ послѣднему письму, которое получилъ я отъ батюшки отъ 27 января. На будущей почтѣ буду просить тебя о доставленіи письма моего къ Графу Петру Ивановичу, которое пришлю къ вамъ незапечатанное; въ немъ опишу журналъ Страстной Недѣли. Мы съ женою не пропускали ни одной церемоніи и можемъ сказать

что все то видѣли, что̀ смотрѣть достойно. Въ Великую Субботу, въ самый полдень, пушечный выстрѣлъ съ крѣпости Св. Ангела далъ знать, что Христосъ воскресъ. Я думалъ, что народъ въ ту минуту съ ума сошелъ. По всѣмъ улицамъ сдѣлался крикъ преужасный! Со всѣхъ дворовъ началась стрѣльба и самые бѣдные люди на всѣхъ улицахъ, набивъ горшки порохомъ, стрѣляли. По всѣмъ церквахъ начался колокольный звонъ, который дня три уже не былъ слышенъ: ибо вмѣсто колоколовъ въ сіе печальное время сзывали народъ въ церкви трещетками, какъ у насъ на пожаръ. Необычная радость продолжалась съ часъ, потомъ всѣ понемногу успокоились и до другаго дня во всемъ городѣ была такая тишина, какъ на Страстной Недѣлѣ.

Въ Свѣтлое Воскресеніе Папа служилъ обѣдню въ церкви Св. Петра. Онъ въ сей церкви служитъ только четыре раза: въ Рождество, въ Свѣтлое Воскресеніе, въ Троицынъ день и въ Петровъ день. Служеніе его весьма великолѣпно; но сіе великолѣпіе не происходитъ изъ святыни отправляемаго дѣйствія: оно походитъ болѣе на свѣтское торжество, нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ болѣе Государя нежели первосвященника; болѣе придворныхъ нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія здѣшнія особы, кардиналы, служатъ ему со всѣмъ рабскимъ униженіемъ; и, минуту спустя, отъ подчиненныхъ своихъ со

всею гордостію требуютъ рабскаго предъ собою униженія. Вообще сказать, папская служба есть не что̀ иное, какъ обожаніе самого Папы; ибо даже обрядъ поклоненія отъ твари Создателю довольно гордъ: не Папа приходитъ къ престолу причащаться, но, освятя Св. Дары, носятъ ихъ къ нему на тронъ, а онъ навстрѣчу къ нимъ ни шагу не дѣлаетъ! Послѣ обѣдни посадили его на кресла и понесли наверхъ къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ четвергъ на Страстной Недѣлѣ давалъ народу благословеніе и нынѣ повторялъ то же. День былъ прекрасный. Сверхъ того сія церемонія нигдѣ такъ чувства тронуть не можетъ, какъ здѣсь; ибо потребна къ тому площадь Св. Петра, которой нигдѣ подобной нѣтъ. Чрезвычайное ея пространство и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ Папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ, и самое дѣйствіе, которое, благодаря богобоязливыхъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное—словомъ, все въ восхищеніе приводитъ!

Въ понедѣльникъ Свѣтлой Недѣли предъ полуночью былъ зажженъ въ крѣпости Св. Ангела фейерверкъ. Онъ имѣлъ очень хорошій видъ въ разсужденіи прекраснаго мѣстоположенія, которое со всѣхъ холмовъ римскихъ

и изъ крайнихъ этажей большей части домовъ было видно. Во вторникъ сей самый фейерверкъ, будучи повторенъ, кончилъ все торжество Свѣтлой Недѣли.

Сравнивая папскую службу съ нашею, архіерейскою, нахожу я нашу несравненно почтеннѣе и величественнѣе. Здѣшняя слишкомъ театральна и, кажется, мало имѣетъ отношенія къ прямой набожности. Папа, носимый въ креслахъ на плечахъ людскихъ, чрезвычайно походитъ на оперу: *Китайскій идолъ*. Мирное цѣлованіе, которое даетъ онъ первому кардиналу, сей другому, а другой третьему и наконецъ проходитъ чрезъ все духовенство, похоже на электризацію, которая отъ Папы до послѣдняго попа доходитъ уже весьма слабо. Папская гвардія, во время обѣдни въ шляпахъ и съ алебардами окружающая престолъ, на которомъ приносится жертва Богу, отнимаетъ всякую идею, чтобы тутъ жертва Богу была *духъ сокрушенъ*, и показываетъ только духъ папскаго любоначалія.

О прочихъ свѣдѣніяхъ, до литіи принадлежащихъ, ласкаюсь въ скоромъ времени изустно васъ увѣдомить. Отсюда въ скоромъ времени поѣдемъ мы въ Лоретто посмотрѣть тамошнихъ сокровищъ, которыя, можно сказать, со всего свѣта собираемы были; и донынѣ всѣ добрые католики вѣрятъ, что домикъ, въ которомъ жила Богородица, перенесенъ въ Лоретто ночью ангелами. Оттуда проѣдемъ въ

Болонью, гдѣ остановимся, можетъ быть, сутки на двои, чтобъ посмотрѣть въ другой разъ лучшихъ вещей; потомъ въ Парму, Миланъ и Венецію. Вездѣ пробудемъ по малу, или, справедливѣе сказать, по стольку, чтобъ все увидѣть, а на все это времени потребно очень мало; въ Маѣ думаемъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ также останемся не долго, и откуда, всеконечно, въ Маѣ же и выѣхать можемъ; а тамъ, не останавливаясь, въ Москву чрезъ Краковъ, Гродно и Смоленскъ. И такъ ровно годъ нашъ вояжъ продолжаться будетъ. Насихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе изъ Неаполя, что двое благородныхъ Нѣмцевъ съ слугою и съ проводникомъ взошли на Везувій и въ одну минуту поглощены были. Наши многіе входили; но я лазить не люблю, а особливо на смерть; жену также не пустилъ, хотя она ужасно любопытствовала лѣзть на гору. Теперь Везувій отчасу больше разгорается. Мы опять было-хотѣли на нѣсколько дней туда съѣздить, да разбоевъ по неаполитанской дорогѣ стало вдругъ много отъ дезертировъ, которые изъ Неаполя бѣжали. Прости, мой сердечный другъ! Будьте увѣрены, что мы здоровы, и на возвратномъ пути наблюдать будемъ всевозможную осторожность; а сверхъ того и лореттская дорога совсѣмъ безопасна.

═

Миланъ, $^{10}/_{21}$ Мая 1787.

Мы пріѣхали въ Миланъ $^{5}/_{16}$ сего мѣсяца, слава Богу, здоровы и, къ величайшему удовольствію нашему, нашли здѣсь письмо ваше отъ 16 Марта. Съ дороги пишемъ мы сіе письмо уже другое, а первое послали изъ Болоньи. Здѣсь мы прожили нѣсколько дней для исправленія кареты и коляски, также и для нашей пріятельницы, маркизы Палавичини, съ которою мы очень подружились въ Римѣ, и которая, будучи здѣсь на своей родинѣ, приняла насъ какъ родныхъ. Черезъ нѣсколько часовъ считаемъ отправиться въ путь и не останавливаясь, ѣхать въ Венецію. Теперь уже каждый шагъ насъ къ вамъ приближаетъ. Дай Боже, чтобъ мы нашли васъ здоровыхъ. Въ Венеціи и въ Вѣнѣ всеконечно не заживемся, и изъ Вѣны, по большей части, и днемъ и ночью хотимъ ѣхать, потому что въ сей части Германіи, также какъ и въ Польшѣ, трактировъ нѣтъ, или скверны. По моему разсчету, если здоровы будемъ, и путь нашъ благополучно продолжаться будетъ, можемъ мы въ Москвѣ быть около половины Іюля. Здѣсь жары уже начались и въ суконномъ кафтанѣ ходить нельзя. Думаемъ, что на дорогѣ изъ Венеціи въ Вѣну они насъ безпокоить не будутъ, ибо въ горахъ холодно, а намъ надобно горами ѣхать не меньше пяти дней. Что же надлежитъ до безопасности отъ разбойниковъ, то

мы наши мѣры возьмемъ; но повѣрьте, что здѣсь о нихъ и слуху нѣтъ; надѣяться можемъ, что и далѣе не будетъ. Дороги вездѣ безопасны. Завтра будетъ ровно три недѣли, какъ мы Римъ оставили и, кромѣ мерзскихъ трактировъ ни чѣмъ обезпокоены не были ·Вездѣ смирно; никто не грабитъ, а всѣ милостыню просятъ. Ни плодороднѣе земли, ни голоднѣе народа я не знаю. Италія доказываетъ, что въ дурномъ правленіи, при всемъ изобиліи плодовъ земныхъ, можно быть прежалкими нищими, Теперь въѣзжаемъ въ венеціянскую область, гдѣ добраго хлѣба найти нельзя. И нищіе и знатные ѣдятъ такой хлѣбъ, котораго у насъ собаки ѣсть не станутъ. Всему причиною дурное правленіе. Ни въ деревняхъ сельскаго устройства, ни въ городахъ никакой полиціи нѣтъ: всякъ дѣлаетъ, что̀ хочетъ, не боясь правленія. Удивительно, какъ все еще по сію пору держится, и какъ сами люди другъ друга еще не истребили. Еслибъ у насъ было такое попущеніе, какое здѣсь, я увѣренъ, что безпорядокъ былъ бы еще ужаснѣе. Я думаю, что Итальянцы привыкли къ неустройству такъ сильно, что оно жестокихъ слѣдствій уже не производитъ и что самовольство само собою отъ времени угомонилось и силу свою потеряло. Римскаго журнала моего не посылалъ я къ вамъ для того, что онъ состоитъ въ описаніи картинъ и статуй, что васъ мало интересовать можетъ, а теперь

продолжать буду съ выѣзда нашего изъ Рима по пріѣздъ въ Миланъ. Римъ оставили мы съ огорченіемъ. Я и жена моя были любимы тамъ не только лучшими людьми, но и самымъ народомъ. Въ день нашего отъѣзда улица сперлась отъ множества людей. Здѣсь, въ Миланѣ, получилъ я письмо изъ Рима отъ одного изъ лучшихъ художниковъ, который къ намъ всякій день хаживалъ и который былъ въ числѣ нашихъ провожателей. Онъ описываетъ намъ, что народъ по отъѣздѣ нашемъ кричалъ въ слѣдъ намъ. Я прилагаю письмо его въ оригиналѣ, вспомня, что ты по-нѣмецки мастерица. Лишь только выѣхали мы изъ Рима, то пустились въ Апеннинскія Горы и почевали въ Отриколѣ, мѣстечкѣ славномъ древностями своими. $\frac{\text{21 Апрѣля}}{\text{2 Мая}}$ ѣхали мы до города Нарни такими страшными горами, что Тирольскія передъ ними несравненно меньше ужасны. Тутъ пропасти вдвое глубже Ивана Великаго. Дороги таковы, что двѣ кареты съ нуждою разъѣхаться могутъ и опасныя мѣста ни чѣмъ не загорожены. Хотя насъ увѣряли, что лошади привычныя и почталіоны править умѣютъ, но, признаюсь, что въ другой разъ по сей дорогѣ ни изъ чего на свѣтѣ не поѣду. Ночевали въ городѣ Фолиньи. Отъ сего города надобно было своротить въ сторону верстъ тридцать, чтобъ видѣть городъ Перуджіо, славный картинами великихъ

мастеровъ. Мы рѣшились сдѣлать сей крюкъ и поутру $\frac{22\ \text{Апрѣля}}{3\ \text{Мая}}$ ѣхали до него долинами, которыхъ прекраснѣе ничто на свѣтѣ быть не можетъ. Поля, усыпанныя цвѣтами, отъ коихъ благоуханіе чувства оживляло, привели насъ въ Перуджіо, который самъ стоитъ на прекрасной и пологой горѣ; отъ подошвы до верху пять верстъ. Сія гора усыпана загородными домами и садами. Въ Перуджіо мы обѣдали; пробыли $\frac{24\ \text{Апрѣля}}{5\ \text{Мая}}$ и видѣли все, что̀ заслуживаетъ вниманія. На другой день $\frac{25\ \text{Апрѣля}}{6\ \text{Мая}}$ пріѣхали мы въ Фолиньи, гдѣ увидѣли народъ въ прискорбномъ возмущеніи. Вчера около полудня было землетрясеніе, которое повредило нѣкоторыя зданія, и они сегодня того же боятся. Мы отъ всего сердца пожелали имъ благополучно оставаться, велѣли скорѣе впрягать карету и уѣхали. Но со всѣмъ тѣмъ, до самой почти Лоретты видѣли жителей, кои, оставя домы свои, спятъ по полямъ, опасаясь землетрясенія. Третьяго года городъ Цалья, верстахъ въ двадцати отъ Фолиньи, разоренъ отъ сего несчастія и многіе задавлены. Весь берегъ Венеціянскаго Залива уже пятый годъ терпитъ большія злоключенія. $\frac{26\ \text{Апрѣля}}{7\ \text{Мая}}$ пріѣхали мы къ обѣду въ Лоретто. Не описываю тебѣ сего мѣста подробно, но могу увѣрить, что я нигдѣ въ одномъ мѣстѣ столько богатства не видывалъ. Проживъ тутъ сутки, мы поѣ-

хали далѣе и ночевали въ Синигалліи. На другой день $\frac{\text{27 Апрѣля}}{\text{8 Мая}}$ ѣхали мы по берегу Венеціянскаго Залива и ночевали въ городѣ Римини, а на третій день пріѣхали ночевать въ Болонью. Всѣ мѣста отъ Лоретты до Болоньи прекрасны, но обитаемы бѣднѣйшими людьми. Всѣ безъ исключенія милостыню просятъ. Въ Болоньи было съ Іоганномъ, моимъ камердинеромъ, который знаетъ брата П. И., несчастное приключеніе. Онъ сошелъ съ ума совершенно. Исторія его странная: онъ въ Римѣ сильно испугался; однажды хозяинъ мой съ женою своею повздорилъ и они, по римскому обыкновенію, выдернувъ ножи, бросились другъ на друга. Сія сцена случилась при немъ и онъ, будучи робкаго характера, задрожалъ отъ страха. Надобно еще сказать, что мы ѣдемъ съ служанкою, въ которую онъ влюбился и сдѣлалъ ей предложеніе на ней жениться. Сіи оба обстоятельства повернули ему голову. Онъ, безъ всякой малѣйшей причины, вздумалъ, что невѣста хочетъ его зарѣзать; сталъ ее бояться, бѣгать отъ нея и проситься у меня прочь. $\frac{\text{29 Апрѣля}}{\text{10 Мая}}$ пробыли мы въ Болоньи. Меркурша, старая моя знакомка, пришла къ намъ съ мужемъ. Всѣ мы насилу уговорили Іоганна ѣхать съ нами далѣе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ S.-Luc, монастырь, стоящій на горѣ за городомъ, славный образомъ Богородицынымъ, писаннымъ Святымъ Евангелистомъ

Лукою. $\frac{\text{30 Апрѣля}}{\text{11 Мая}}$ были мы въ лучшихъ церквахъ и повторили осматриваніе наше лучшихъ въ городѣ вещей, ибо мы, въ первый разъ бывъ въ Болоньи, все уже видѣли. Отобѣдавъ, поѣхали мы почевать въ Модену. На другой день $^{1}/_{12}$ Мая сказываютъ мнѣ, что Іоганнъ мой опять вздоритъ и со мною не ѣдетъ. Ночью помечталось ему, что Семка мой его зарѣзать хочетъ; пришелъ къ невѣстѣ въ комнату, плакалъ, выбросился-было изъ окошка, но невѣста его удержала. Наконецъ нѣсколько часовъ простоялъ на колѣняхъ у дверей моей спальни. Я велѣлъ ему тотчасъ пустить кровь; величайшихъ трудовъ стоило его на то склонить. Послѣ кровопусканія былъ онъ лучше и мы пріѣхали въ Реджіо къ обѣду. Тогда былъ прекрасный день и народу было на площади множество. Іоганнъ мой, выскочивъ изъ коляски, бросился въ народъ, кричалъ, чтобъ его защитили, и что я самъ его хочу зарѣзать. Мы весь сей день пробыли для сего несчастнаго въ Реджіо, призывали доктора, давали лекарство, которое дѣйствовало; но если облегчило желудокъ, то не облегчило головы. Мы пошли прогуливаться по городу, и пришедъ назадъ, не нашли уже его въ трактирѣ. Онъ ушелъ, Богъ вѣдаетъ, куда. Во всемъ городѣ его отыскать не могли. Я адресовался къ правительству, которое дѣлало все, что̀ могло, для отыскапія; но тщетно.

Куда ни посылали на лошадяхъ, вездѣ доѣзжали посланные до границы и нигдѣ не нашли. Словомъ Іоганнъ пропалъ, и что съ нимъ теперь дѣлается, Господь вѣдаетъ. Я оставилъ все его бѣлье у моего банкира, которому поручилъ на случай, если онъ сыщется, или самъ придетъ, его на мой коштъ лечить и отправить моремъ въ Россію. Мы очень тронуты симъ несчастнымъ приключеніемъ, тѣмъ наипаче, что онъ ушелъ только съ тремя червонными и съ часами, которые были въ карманѣ, а всѣ свои пожитки у насъ оставилъ. $^{3}/_{14}$ мая выѣхали мы поутру изъ Реджіо. На одной почтѣ сказывали намъ, что Іоганнъ ее прошелъ, или, лучше сказать, пробѣжалъ, спрашивая, гдѣ границы императорскія? и будто повернулъ на мантуанскую дорогу. Въ Парму пріѣхали мы къ обѣду. Послѣ обѣда видѣли все, примѣчанія достойное въ городѣ: многія церкви, академію, старинный театръ и проч. Парма заслуживаетъ вниманіе тѣмъ, что въ ней есть многія картины славнаго Корреджіо. $^{4}/_{15}$ оставили мы поутру Парму и часу въ шестомъ пріѣхали въ Plaisance, гдѣ застали ярмарку и оперу, которую мы видѣли. $^{5}/_{16}$ выѣхали изъ Плезанса и къ вечеру пріѣхали сюда, въ Миланъ, гдѣ мы нашли знакомство римское. Маркиза Палавичини полюбила такъ жену мою, что ни начасъ ее не оставляетъ. Она приняла насъ какъ брата и сестру своихъ, и будучи здѣсь одна изъ пер-

выхъ дамъ, возить насъ всюду. Сегодня однако мы выѣзжаемъ отсюда и дня черезъ четыре считаемъ быть въ Венеціи. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ скорѣе у васъ быть и найти всѣхъ васъ здоровыми.

═

ВЕНЕЦІЯ, 7/18 Мая 1785.

Мы теперь въ Венеціи. Городъ пречудный, построенъ на морѣ. Вмѣсто улицъ каналы, вмѣсто каретъ гондолы. Бо̀льшую часть времени плаваемъ. Отсюда пишу для того только, чтобъ не оставить васъ безъ извѣстія о нашемъ путешествіи, а сказать истинно нѐчего. Первый видъ Венеціи, подъѣзжая къ ней моремъ, насъ очень удивилъ; но скоро почувствовали мы, что изъ доброй воли жить здѣсь нельзя. Вообрази себѣ людей, которые живутъ и движутся на одной водѣ, для которыхъ вся красота природы совершенно погибла и которые, чтобъ сдѣлать два шага, должны ихъ переплыть. Сверхъ же того городъ самъ собою безмѣрно печаленъ. Зданія старинныя и черныя; многія тысячи гондолъ выкрашены чернымъ, ибо другая краска запрещена. Разъѣзжая по Венеціи, представляешь погребеніе, тѣмъ наипаче, что сіи гондолы на гробъ походятъ и Итальянцы ѣздятъ въ нихъ лежа. Жары, соединясь съ престрашною вонью изъ

каналовъ, такъ несносны, что мы больше двухъ дней еще здѣсь не пробудемъ.

═

ВѢНА, Мая 1785.

Римъ оставилъ я въ исходѣ Апрѣля и былъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, о коихъ предувѣдомлялъ васъ въ планѣ моего возвратнаго вояжа. Въ Вѣну пріѣхалъ я въ весьма разстроенномъ состояніи моего здоровья. Слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, оставшіяся послѣ жестокой моей въ Римѣ болѣзни, вывели меня изъ терпѣнія, такъ что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ славному вѣнскому медику, Столю, и искать помощи въ его лекарствѣ. Онъ, между прочими лекарствами, предписалъ мнѣ принимать теплыя бани въ Баденѣ, городкѣ, отстоящемъ на три мили отъ Вѣны, гдѣ я живу уже двѣ недѣли, ласкаясь надеждою пріѣхать въ Москву хотя нѣсколько здоровѣе, нежели доѣхалъ до Вѣны. Сіе обстоятельство тѣмъ для меня чувствительнѣе, что на нѣсколько отдаляетъ время моего возвращенія.

Краткое пребываніе мое въ городахъ, которые проѣзжалъ, время, занятое осматриваніемъ въ нихъ достопамятныхъ вещей, а паче всего чувство болѣзни, которая ни на часъ меня не покидаетъ, были причиною, что я

такъ давно не писалъ къ вамъ. Зная мою душевную къ вамъ привязанность, надѣюсь, что и сами вы не припишете молчаніе мое другой причинѣ.

Изъ Рима ѣхалъ я чрезъ Лоретто, городокъ почти на самомъ берегу Венеціянскаго Залива, славный иконою Богоматери, которую, по преданію, со всѣмъ домомъ изъ Назарета принесли ночью ангелы и поставили на томъ мѣстѣ, на которомъ храмъ воздвигнутъ. Невозможно описать, какими суевѣрными глазами пріѣзжающіе смотрятъ на всѣ святыя вещи и съ какимъ лицемѣрнымъ благоговѣніемъ попы ихъ показываютъ!

Въ началѣ будущаго мѣсяца я кончу бани и немедленно выѣду изъ Вѣны. Чѣмъ болѣе приближаюсь къ отечеству, тѣмъ нетерпѣливѣе хочу въ него возвратиться. Ласкаюсь, что сіе письмо немногимъ предупредитъ самого меня и что въ скоромъ времени надѣюсь увидѣть всѣхъ васъ здоровыхъ и благополучныхъ.

═

БАДЕНЪ, $\frac{\text{24 Іюня,}}{\text{5 Іюля,}}$ 1785.

Продолжавшееся здѣсь десять дней весьма дурное время мѣшало мнѣ принимать бани; но съ $^{16}/_{27}$ Іюня принимаю я ихъ порядочно и хожу въ водѣ по два часа каждое утро.

Докторъ мой велѣлъ мнѣ пятнадцать разъ быть въ банѣ; слѣдовательно осталось мнѣ принять шесть бань, то есть, шесть дней жить въ Баденѣ. Сіе обстоятельство меня и жену мою очень огорчаетъ, ибо мы должны будемъ выѣхать въ концѣ іюня, слѣдовательно не прежде пріѣхать какъ въ августѣ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Вѣны напишу еще письмо къ вамъ, дабы вы изволили знать, когда мы выѣдемъ изъ Вѣны и когда насъ ждать можно будетъ. Къ тебѣ, матушка другъ мой сердечный сестрица, писать болѣе не о чемъ, какъ развѣ о нестерпимой скукѣ, въ которой мы живемъ въ Баденѣ. Людей здѣсь много, но все больные. У инаго подагра въ брюхѣ, инаго параличъ разбилъ, у иной судороги въ желудкѣ, иная кричитъ отъ ревматизма. Вообрази себѣ, что такое баня: въ шесть часовъ поутру входимъ мы въ залу, наполненную сѣрною водою по горло человѣку. Мужчины и женщины всѣ вмѣстѣ и на каждомъ длинная рубашка, надѣтая на голое тѣло. Сидимъ и ходимъ въ водѣ два часа. Правду сказать, что благопристойности тутъ немного и что жена моя со стыда и глядѣть на насъ не хочетъ; но что дѣлать? Мы всѣ какъ на томъ свѣтѣ: стыдъ и на мысль не приходитъ. Всякій думаетъ, какъ бы вылечиться, и мужчина передъ дамою, а дама передъ мужчиною въ однѣхъ рубашкахъ стоятъ безъ всякаго зазрѣнія. Сперва приторно мнѣ было въ

одномъ чану купаться съ людьми, которые больны, Господь вѣдаетъ, чѣмъ; но теперь къ этому привыкъ и знаю, что свойство сѣрной воды ни подъ какимъ видомъ не допуститъ прилипнуть никакой болѣзни. Сверхъ же того зала такъ учреждена, что съ одной стороны вода непрестанно выливается, а съ другой свѣжая втекаетъ. Вотъ, мой сердечный другъ, какъ я провожу всякій день: поутру, выпивъ кофе, передъ которымъ за полчаса принимаю лекарство, надѣваю свою длинную рубашку и въ банѣ купаюсь два часа; потомъ отдыхаю, потомъ прогуливаюсь въ аллеѣ. Послѣ обѣда хожу къ своимъ товарищамъ, съ которыми принимаю бани, а въ шесть часовъ ввечеру всѣ ходимъ гулять; буде же время дурно, то въ нѣмецкую комедію. Изъ Вѣны взяли мы сюда много книгъ, которыя скуку нашу разгоняютъ. Прости, мой сердечный другъ сестрица! Всѣмъ нашимъ кланяйся.

ПИСЬМА

КЪ

Я. И. БУЛГАКОВУ (*).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 30 Декабря 1771.

Больной палецъ мѣшаетъ мнѣ отвѣчать собственною рукою на ваше дружеское письмо. Оно извлекло слезы изъ глазъ вашего друга содержаніемъ своимъ. Недуги тѣла вашего и арестъ Маркова огорчили меня несказанно. Поступокъ Посла съ Марковымъ столь ужасенъ, что поднялъ бы дыбомъ волосы на головѣ моей, еслибъ не носилъ я парика, потерявъ, по несчастію, волосы тому уже года

(*) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и кавалеръ, почетный членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, бывшій долгое время Россійскимъ Посланникомъ въ Варшавѣ и Константинополѣ (сконч. въ Москвѣ 7 Іюля 1809), заслужилъ вниманіе отечественной публики хорошими переводами многихъ важныхъ книгъ.

См. Исторію Русской Литтературы Греча.

съ два. Шутки въ сторону, а видно, что житье ваше худенько. Сегодня Графъ писалъ къ Послу о возвращеніи Маркова. Если вы можете способствовать въ скорѣйшемъ его сюда отправленіи, то помогите пожалуйте; а я напрягу всѣ мои силы выхлопотать съ будущею почтою письмецо о позволеніи вамъ убраться изъ Варшавы. Впрочемъ, поручая васъ защищенію Божіему, какъ отъ болѣзни, такъ и отъ Посла, пребываю и проч.

═

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 18 Февраля 1783.

Зная, что вы любите помогать бѣднымъ людямъ, рекомендую вамъ бѣднѣйшаго изъ смертныхъ. Имя ему Н. П. Онъ отправленъ отсюда курьеромъ для того только, чтобъ остаткомъ курьерскихъ денегъ могъ содержать себя нѣсколько времени. Сдѣлайте мнѣ крайнее одолженіе и для той же самой причины, для которой онъ прискакалъ къ вамъ, велите вы ему прискакать и къ намъ. А я, съ моей стороны, прошу Бога о подаціи мнѣ случая дѣлать вамъ подобныя услуги.

Марковъ бѣдный не бывалъ къ намъ до сего часа. Или онъ въ Варшавѣ, или на томъ свѣтѣ, что̀, мнѣ кажется, для него все равно. Я уже пересталъ его и ждать, а жду какихъ

нибудь отъ васъ писемъ, которыя мнѣ добрыхъ вѣстей о немъ не привезутъ.

Имѣю честь быть и проч.

═

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 13 Сентября 1773.

Еслибъ не былъ я въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не дозволяютъ мнѣ ни одной минуты считать собственною моею,то бы молчаніе мое предъ вами было непростительно; но Богъ и честные люди тому свидѣтели, что я веду жизнь въ нѣкоторомъ отношеніи хуже каторжныхъ: ибо для сихъ послѣднихъ назначены по крайней мѣрѣ въ календарѣ дни, въ кои отъ публичныхъ работъ дается имъ свобода.

И такъ, ласкаясь получить отъ васъ прощеніе долговременному молчанію моему, стану теперь отвѣчать по порядку на каждый пунктъ письма вашего,которое пріемлю истиннымъ знакомъ драгоцѣнной мнѣ дружбы вашей.

Г-ну Ю. данъ чинъ и жалованья прибавлено. И то, и другое не много значитъ; но по крайней мѣрѣ то изрядно, что онъ самъ поѣхалъ къ вамъ, кажется, доволенъ своею судьбою.

Для поправленія временной жизни духовника вашего весьма бы не худо было, еслибъ

Министръ вашъ (хотя и не правовѣрный) представилъ Коллегіи формальнымъ образомъ о прибавкѣ ему жалованья. Симъ образомъ дѣло сдѣлается съ меньшимъ затрудненіемъ.

Нельзя больше входить въ состояніе ваше, какъ я вхожу въ оное, и потому, что оно мнѣ совершенно извѣстно, и потому, что я желаю вамъ счастія отъ всякаго моего сердца. Въ отвѣтъ на все то, что вы о себѣ ко мнѣ писали, скажу искренно, что до свадьбы Великаго Князя ничего нельзя сдѣлать, или, яснѣе сказать, ни о чемъ Графу говорить нельзя. Онъ занятъ тѣмъ, что мнѣ описывать излишне; ибо вы сами легко себѣ представить можете его положеніе. Какъ же скоро увижу возможность сдѣлать вамъ услугу, то возьмусь за то съ такимъ усердіемъ, какъ о собственномъ моемъ благосостояніи, въ чемъ даю вамъ честное слово, которое пріймите отъ меня знакомъ истинной и чистосердечной преданности и почтенія, съ которымъ навсегда пребуду вамъ и проч.

P. S. Петръ Васильевичъ Бакунинъ употребилъ все возможное къ поправленію состоянія вашего. Неужель его заступленіе, которому пособлю и я ревностнѣйшимъ образомъ, будетъ безъ успѣха? Сего я никакъ не ожидаю, тѣмъ болѣе, что Графъ Никита Ивановичъ самъ васъ весьма уважаетъ; а при такомъ его къ вамъ расположеніи, кажется, есть возможность достигнуть до желаемаго. Божусь

честью, что за истинное счастіе сочту, если могу вамъ въ томъ способствовать, любя и почитая васъ сердечно.

═

С.-Петербургъ, 27 Сентября 1773.

Зная доброе ваше сердце, препоручаю вручителя сего покровительству и попеченію вашему. Помогите ему въ нынѣшнее время, если помочь ему можно. Я не буду сказывать вамъ, въ чемъ состоитъ дѣло, ибо оное усмотрите вы изъ сегоднишней депеши къ вашему Министру. Я къ Его Превосходительсту не пишу теперь за краткостію времени, въ чемъ покорнѣйше прошу предъ нимъ меня извинить и сообщить пріятное извѣстіе, что за оконченное воспитаніе Государя Цесаревича пожаловано Графу Никитѣ Ивановичу 22 сего мѣсяца:

1. Чинъ Фельдмаршала, и быть ему Шефомъ Иностраннаго Департамента.

2. Девять тысячъ душъ крестьянъ.

3. Сто тысячъ рублей на заведеніе дома.

4. Ежегоднаго пенсіону по тридцати тысячъ рублей.

5. Ежегоднаго жалованья по четырнадцати тысячъ рублей.

6. Сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей.

7. Домъ позволено ему выбрать любой въ

цѣломъ городѣ и деньги за оный повелѣно выдать изъ казны.

8. Экипажъ и ливрея придворные.

9. Провизія и погребъ на цѣлый годъ.

На другой день Ея Величество изволила прислать къ нему письмо, съ коего переводъ здѣсь слѣдуетъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и дружбою навсегда пребываю вашъ и проч.

═

С.-Петербургъ, $^{9}/_{20}$ Сентября 1774.

Наканунѣ полученія письма вашего сдѣлалось нечаянно назначеніе Посланникомъ въ Царьградъ г-на Стахѣева по именному указу, который однако еще не публикованъ. Сей внезапный случай разрушилъ все мое намѣреніе въ разсужденіи вашего туда отправленія. И такъ, милостивый государь мой, стану теперь добиваться по всей силѣ и возможности показать вамъ какую-нибудь другую услугу. Повѣрьте, что я въ томъ нашелъ бы истинное сердцу моему удовольствіе. Я люблю и почитаю васъ всѣмъ моимъ сердцемъ, и не по одной формѣ песьма, но по всей искренности есть вашъ и проч.

═

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11/22 Ноября 1774.

Дружеское письмо ваше я исправно получилъ и увѣряю васъ, что все отъ меня зависящее конечно употреблю къ пользѣ вашей. Князь Николай Васильевичъ (Репнинъ) писалъ сюда о желаніи вашемъ ѣхать съ нимъ въ Царьградъ; на что шефъ нашъ и согласился. Чтожъ принадлежитъ до чина и до прочихъ агрементовъ, то, какъ другу, открою вамъ мысль мою, что скорѣйшему полученію онаго ни что бы такъ, мнѣ кажется, не помогло, какъ еслибъ удалось вамъ самимъ здѣсь побывать. Я самымъ опытомъ знаю, что, не взирая на старанія друзей, отсутствіе много мѣшаетъ, а присутствіе и самыя дружескія старанія дѣлаетъ успѣшнѣе.

Вотъ вамъ мой искренній и дружескій совѣтъ. Пріймите оный въ цѣнѣ сердечной моей къ вамъ преданности, съ которою, равно какъ и съ истиннымъ почтеніемъ, навсегда пребываю вашъ и проч.

═

ВАРШАВА, 18/29 сентября 1777.

Покорнѣйше благодарю за дружеское письмо ваше отъ 11/22 прошедшаго мѣсяца, равно какъ и за предвареніе о насъ барона Аша. Короткое время нашего здѣсь пребыванія не позволяетъ намъ пользоваться много сооб-

ществомъ сего честнаго человѣка; но мы останемся ему и вамъ навсегда благодарны за всѣ опыты благосклонности и дружбы, которые отъ него имѣемъ.

Варшаву не для чего мнѣ описывать такому человѣку, который ее знаетъ несравненно больше моего. Я скажу только, что мы очень довольны здѣшнимъ пріемомъ. Посолъ нашъ, на другой день нашего пріѣзда, позвалъ насъ обѣдать и мы у него со всею Варшавою познакомились. Домъ Гетманши Огинской есть теперь одинъ, въ который вседневно весь городъ собирается. Многіе изъ деревень своихъ еще не возвратились.

Дамы польскія очень любезны. Всѣ навѣдывались о бывшихъ въ Варшавѣ моихъ согражданахъ съ великимъ интересомъ. Васъ вспоминаютъ какъ человѣка, котораго онѣ истинно уважаютъ. Одна изъ нихъ (et nommément Madame Oborska), узнавъ отъ меня, что я съ вами въ перепискѣ, поручила мнѣ написать отъ нее къ вамъ поклонъ.

Въ двѣ недѣли нашего здѣсь пребыванія я столько со всѣми сталъ знакомъ, что могъ бы вамъ отвѣчать на все, о чемъ бы вы меня ни спросили; но не зная, что для васъ болѣе интересно, покидаю перо, чтобъ многословіемъ моимъ вамъ не наскучить. Отсюда мы очень скоро выѣдемъ. Если захотите одолжить меня письмомъ, то пишите его въ Дрезденъ. Желаю вамъ здоровья и прочихъ благъ; не

забудьте человѣка, который васъ любитъ, съ почтеніемъ и преданностію пребывая вашимъ и проч.

=

МОНПЕЛЬЕ, $\frac{\text{23 Января}}{\text{5 Февраля}}$ 1778.

Дружеское письмо ваше, милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ, я получилъ и за увѣдомленіе о разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества приношу мою благодарность. Позвольте поздравить и васъ, какъ Россіянина, съ симъ благополучнымъ для отечества нашего происшествіемъ. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, какія были по сему случаю торжества и производства.

Радуюсь, что Смоленскъ и Бѣлгородъ имѣютъ столь достойнаго намѣстника и еслибъ сдѣлали васъ въ ту или другую губернію правителемъ намѣстничества, или хотя на первый случай и вице-губернаторомъ, то я совѣтовалъ бы вамъ ѣхать; а меньше сего было бы невыгодно для насъ и для друзей нашихъ, которые, разставшись съ вами, должны по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ утѣшаться, что вы счастливы.

Зная, какое участіе принимаете вы въ нашемъ состояніи, почитаю за долгъ увѣдомить васъ, что мы здоровы. Жена моя совершенно исцѣлилась отъ ver solitaire, который былъ

причиною всей ея болѣзни. Остается только укрѣпить ея силы способомъ водъ, для чего и считаемъ ѣхать въ Спа. Оттуда, думаю, можемъ проѣхать съ Божіею помощію домой, жить да добра наживать.

Не скучаю вамъ описаніемъ нашего вояжа, скажу только, что онъ доказалъ мнѣ истину пословицы: *славны бубны за горами.* Право, умные люди вездѣ рѣдки. Если здѣсь прежде насъ жить начали, то по крайней мѣрѣ мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ.

A propos! Я вижу, что и Лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его эа половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le grand Vocabulaire. Въ Маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le grand Vocabulaire, продайте его скорѣе и деньги ко мнѣ переведите; а я за здоровье Даниловскаго раздамъ ихъ нищимъ, между которыми много будетъ за него богомольцевъ и изъ кавалеровъ Св. Лудовика.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ

въ

ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

Беззаконія азъ познахъ и грѣха моего не покрыхъ.

═

Вступленіе.

Славный французскій писатель Жанъ-Жакъ Руссо издалъ въ свѣтъ Признанія, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенчества; словомъ написалъ свою Исповѣдь и думаетъ, что сей книги его какъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать человѣка во всей истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ признаніяхъ.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи труд-

ною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаяніе и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззаконія моя азъ возвѣщу*. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ словеси лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою.*

Но какъ Апостолъ глаголетъ: *исповѣдуйте убо другъ другу согрѣшенія*, разумѣется, ваши, а не чужія, то я почитаю за долгъ не открывать имени тѣхъ, кои были орудіемъ грѣха и порока моего, ниже именъ тѣхъ, кои приводили меня въ развращеніе; напротивъ того со слезами благодарности воспомяну имена тѣхъ, кои мнѣ благодѣтельствовали, кои сохранили ко мнѣ долговременное дружество, кои имѣли въ болѣзнь мою обо мнѣ сострадание и кои наконецъ наставленіемъ и совѣтомъ своимъ совращали меня съ пути грѣшнича и ставили на путь праведенъ.

Не утаивая ничего изъ содѣяннаго мною зла, скажу безъ прибавки и все то, что сдѣлалъ я, слѣдуя гласу совѣсти. И если между множествомъ согрѣшеній случалось мнѣ въ жизни сотворить нѣчто благое, то признаю и исповѣдую, что сіе не отъ меня происходило, но отъ Самого Бога, вся благая намъ дарую-

щаго: Тому единому восписую благія дѣла мои. Ему единому за нихъ благодарю и Его молю, да мя въ семъ благомъ утвердитъ до конца жизни.

Сіе испытаніе моей совѣсти раздѣлю я на четыре книги. Первая содержать будетъ мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возрастъ и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повѣствованіе, необходимо надобно описать свойства тѣхъ моихъ ближнихъ, къ коимъ я въ теченіе жизни моей имѣлъ болѣе отношенія. Да не причтется мнѣ въ пристрастіе, ежели я, говоря правду, скажу нѣчто похвальное о ближнихъ моихъ: ибо я въ справедливости моей ссылаюсь на тѣхъ, кои ихъ знали.

Отецъ мой былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно Древнюю и Римскую Исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ на-

чальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и, бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. «Государь мой!» говаривалъ онъ приносителю: «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принести законное доказательство вашего права.» Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался. Былъ женатъ дважды и во время супружества своего ни какой другой женщины, кромѣ женъ своихъ, не зналъ. За картами ни одной ночи не просиживалъ и словомъ ни какой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранять можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но незлопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но, не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ

онъ дѣломъ противу совѣсти. «Мы живемъ подъ законами,» говаривалъ онъ, «и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпага и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости.» Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пяти сотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долгу. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ, влюбилася въ него и обѣщала, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ, будучи самъ восемнадцати лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину. Надлежитъ признаться, что въ нашъ

вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и ни какой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась. Въ семъ домѣ проведено было мое младенчество, котораго подробности въ слѣдующей книгѣ читатель найдетъ.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

Господи! даждь ми помыслъ
исповѣданія грѣховъ моихъ.

Не естественно человѣку помнить первое свое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шести лѣтъ возраста. Но безъ сомнѣнія имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ видать случается, то есть: ѕлобу, нетерпѣніе, любостяжаніе и притворство,— словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже укореняются и возрастаютъ отъ воспита-

нія и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сіе лишеніе, которое, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою. Однажды онъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: «Грустно тебѣ, другъ мой?» — А такъ-то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, затрепетавъ отъ злобы, что я и тебя и себя теперь же вдавилъ бы въ землю.— Сіе сильное выраженіе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго.

Теперь пришло мнѣ на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о которомъ я никогда ни кому не сказывалъ и которое здѣсь упомяну для того, что можно изъ него вывести нѣкоторое правило, полезное для дѣтскаго воспитанія. Родителей моихъ нерѣдко посѣщала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и насъ, племянниковъ своихъ, любила искренно. Она часто ѣзжала въ домъ одного славнаго тогдашняго карточнаго игрока и всегда отъ него привозила къ намъ нѣсколько игоръ картъ, коими насъ дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристрастился къ картамъ съ красными задками и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карты мнѣ доставались;

но сіе случалось рѣдко. Сколько хитростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческій умишко, чтобъ доставались мнѣ карты съ красными задками! Но какъ хитрости мои рѣдко удавались, то пришелъ я въ уныніе и для полученія желаемаго рѣшился испытать другой способъ и чистосердечно открыться самой тетушкѣ о моей печали; но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хитрость, а именно: нашедшись съ ней наединѣ, составилъ я лице такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастіи моемъ и, повинясь, что я ихъ всѣхъ обманывалъ, просилъ, чтобъ впредь доставались мнѣ любимыя карты. «Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся,» сказала она: «я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ.» Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва и тогдажъ почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила; ибо случалися со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство: не скрою однакожъ и того, что во время младенчества моего, имѣя отца благоразумнаго и справедливаго, удавалось мнѣ

получать желаемое чаще, слѣдуя чистосердечію, нежели прибѣгая къ лукавству. И я почти внутренно увѣренъ, что воспитатели, ободряя младенцевъ избирать во всемъ прямой путь, предуспѣютъ тѣмъ гораздо лучше вкоренить въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучить къ чистосердечію, нежели оставляя безъ примѣчанія малѣйшія ихъ дѣянія, въ коихъ душевныя ихъ свойства обнаруживаться могутъ. Поистинѣ не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастія и самаго младенчества. Я могу сказать, что на картахъ съ красными задками голова моя повернулась. Полученіе ихъ составляло нѣкоторымъ образомъ мое блаженство. И въ самомъ Римѣ едва ли дѣлали мнѣ такое удовольствіе арабески Рафаэлевы, какъ тогда карты съ красными задками. По крайней мѣрѣ, смотря на первое, не чувствовалъ я того наслажденія, какое ощущалъ отъ любимыхъ моихъ картъ, будучи младенцемъ.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его не было ни какого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то очень скоро навернулись слезы на глазахъ моихъ; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце и я, не могши остановить

рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. И такъ отвели меня въ мою комнату и начали лечить здоровый мой зубъ. «Батюшка,» говорилъ я, «я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа.» Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. «Я постыдился,» отвѣчалъ я, «да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи». — Я ее конечно доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе моей жизни, теряя людей сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ Великаго Поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, то отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ Россійскомъ Языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ Славянскимъ Языкомъ, безъ чего Россійскаго Языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «Перестань молоть,» кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье.» Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже

не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны,» говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ,» продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, «извольте слушать всѣ, что̀ говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете.» Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что̀ я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ учителемъ Географіи.

Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ бортищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? *Въ Черное Море*, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: *въ Бѣлое*, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: *не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по-латини, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно Нѣмецкому Языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на Россійскій Языкъ, достигъ до юношескаго возраста. Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что до сегодня

Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти.

А какія онѣ были, то возвѣститъ книга вторая.

═

КНИГА ВТОРАЯ.

Господи! отврати лице Твое
от грѣхъ моихъ.

Въ университетѣ былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду? О, вы, коихъ званіе обязываетъ надзирать надъ поведеніемъ молодыхъ людей, не допускайте развращаться ихъ воображенію, если не хотите ихъ погибели! Узнавъ въ теоріи все то, что̀ мнѣ знать было еще рано, искалъ я жадно случая теоретическія мои знанія привесть въ практику. Къ сему показалась мнѣ годною одна дѣвушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имѣла

мать, которую ближніе и дальніе, словомъ, цѣлая Москва признала и огласила набитою дурою. Я привязался къ ней и сей привязанности была причиною одна разность половъ: ибо въ другое влюбиться было не во что. Умомъ была она въ матушку; я началъ къ ней ѣздить, казалъ ей книги мои, изъяснялъ эстампы и она въ теоріи получила равное со мною просвѣщеніе. Желалъ бы я преподавать ей и физическіе эксперименты, но не было удобности: ибо двери въ домъ матушки ея, будучи сдѣланы національными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась. Я пользовался маленькими вольностями, но какъ она мнѣ уже надоѣла, то часто вызывали мы къ намъ матушку ея отъ скуки для поговорки, которая, признаю грѣхъ мой, послужила мнѣ подлинникомъ къ сочиненію Бригадиршиной роли; по крайней мѣрѣ изъ всего моего приключенія родилась роль Бригадирши. Все сіе повѣствованіе доказываетъ, что я тогда не имѣлъ истиннаго понятія ни о тяжести грѣха, ни объ истинной чести, ни о добромъ поведеніи. Заводя порочную связь, не представлялъ я себѣ ни какихъ слѣдствій беззаконнаго моего начинанія; но признаюсь, что и тогда совѣсть моя говорила мнѣ, что дѣлаю дурно. Остеречь меня было некому и вступленіе мое въ юношескій возрастъ было, такъ сказать, вступленіе въ пороки.

Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе: отъ матери головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію; напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно: не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ! а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь-только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріяте-

лей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ сущая отрава; а особливо, если чувствуете склонность къ сатирѣ, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинаковой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства : много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость; и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, еслибъ одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой со ученикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею остротою не могъ проникнуть, для

чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертятъ головы молодымъ писателямъ!

Сей мой соученикъ былъ знакомъ со мною, достигши уже и въ совершенный возрастъ. Онъ былъ честный человѣкъ, благородныхъ качествъ. Заблужденіе его состояло въ томъ, что будто, не льстя, не можно быть учтиву. Онъ умеръ съ тѣмъ, что я родился быть великимъ писателемъ; а я съ тѣмъ жить остался, что ему въ этомъ не вѣрилъ и не вѣрю.

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; Латинскаго Языка учитель былъ примѣръ злоправія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ Латинскій, такъ и Россійскій Языкъ зналъ очень хорошо.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтныхъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и

для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ ни кого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То̀ былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По-Латини», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ Латинскаго Языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но Государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ Двора нашей Императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа вы-

ше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у Двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть Дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе Двора и слышать пріятную музыку; но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли Русскую комедію, какъ теперь помню, *Генрихъ и Пернилла*. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать не возможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополу-

чіе. Я съ ума было-сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ, и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку Французскій Языкъ и для того твердо предпріялъ и началъ учиться оному: а между тѣмъ продолжалъ Латинскій,

на коемъ слушалъ Логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на Россійскій Языкъ съ Нѣмецкаго: перевелъ Сифа, Царя Египетскаго, но не весьма удачно. Знаніе мое въ Латинскомъ Языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію Французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его Альзиру. Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Въ 1762 году былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, Дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній Вице-Канцлеръ взялъ меня въ Иностранную Коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ. А какъ переводилъ я хорошо, то покойный тогдашній Канцлеръ важнѣйшія бумаги отдавалъ именно для перевода мнѣ. Въ тотъ же годъ посланъ я былъ съ Екатерининскою лентою къ покойной Герцогинѣ Мекленбургъ - Шверинской.

Мнѣ велѣно было заѣхать въ Гамбургъ, откуда Министръ нашъ повезъ меня самъ въ Шверинъ. Тогда былъ я еще сущій ребенокъ и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у Шверинскаго Двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ я благоволеніе Герцогини и одобреніе публики. Возвратясь въ Россію съ рекомендаціею нашего Министра о моемъ поведеніи, имѣлъ я счастіе быть весьма хорошо принятымъ моими начальниками; а между тѣмъ переводъ мой Альзиры сталъ дѣлать много шуму и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать.

Въ 1763 году ѣздилъ я въ Петербургъ; но въ Иностранной Коллегіи остался не долго. Одинъ Кабинетъ-Министръ имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ Коллегіи; а какъ по Альзирѣ моей замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ велѣно мнѣ было быть при томъ Кабинетъ-Министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на Русскомъ Языкѣ, покровительствовалъ молодыхъ писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ обходился со мною какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно

былъ человѣкъ давно ему знакомый и носившій его полную довѣренность. Сей человѣкъ, имѣющій впрочемъ разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на Русскомъ Языкѣ; физіономія ли моя, или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца. Я былъ бы нечувствительный человѣкъ, еслибъ не вспомнилъ съ благодарностію, что сей начальникъ, узнавая меня короче, сталъ болѣе любить меня, можетъ быть, примѣчая доброту моего сердца, или за открывающіяся во мнѣ нѣкоторыя дарованія, кои стали дѣлать ему пріятнымъ мое общество. Покровительство его никогда отъ меня не отнималось. Я увѣренъ, что сохраню его во всю жизнь мою.

Въ то же самое время вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я ни какого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль: ибо всего легче шутить надъ святынею и об-

ращать въ смѣхъ то, чтò должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ *Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ. Но Господи! Тебѣ извѣстно сердце мое; Ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно Тебя почитало и что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей.

Тогда сдѣлалъ я Бригадира; скоро потомъ перевелъ Іосифа и все сіе окончилъ въ Москвѣ, въ которой познакомился я съ однимъ полковникомъ, человѣкомъ честнымъ, но легкомысленнымъ, имѣющимъ жену препочтенную; но какъ она любила мужа своего смертно, а онъ разорялся на одну дѣвку, то жизнь жены его была самая несчастная. Однажды я, проводя у нихъ вечеръ, нашелъ тутъ сестру ея родную, женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе. Я познакомился съ нею и скоро узналъ, что почтеніе мое превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность. Я не смѣлъ ей открыться: ибо она была за мужемъ и не подавала мнѣ ни малѣйшаго повода къ объясненію, напротивъ того всегда меня убѣгала. И хотя я примѣчалъ, что шутки мои, чтеніе моихъ сочиненій и вообще я ей не не нравился, однако важный ея видъ держалъ

меня въ почтеніи къ ней. Скоро потомъ полковникъ съ женою и съ нею поѣхали въ подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня съ ними ѣхать и мы на нѣсколько дней переселились въ деревню. Тутъ проживши съ недѣлю, такъ я въ нее влюбился, что никогда оставить ее не могъ и съ тѣхъ поръ во все теченіе моей жизни по сей часъ сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтеніи и не зависѣла отъ разности половъ. Здѣсь долженъ я сказать, что частое мое посѣщеніе полковника возбудило вниманіе публики. Клеветники приписали оное на счетъ жены его; но я долгомъ чести и совѣсти поставляю признаться, что сей слухъ былъ сущая клевета, ибо ни я къ ней, ни она ко мнѣ, кромѣ нелицемѣрнаго дружества, другаго чувства никакого не имѣли. Изъ деревни возвратясь въ Москву, сталъ я собираться въ Петербургъ, а сестра полковницы къ мужу, стоявшему съ полкомъ недалече отъ Москвы. Накапунѣ моего отъѣзда, увидясь съ нею наединѣ, открылся я ей въ страсти моей искренно. «Ты ѣдешь» отвѣчала она мнѣ, «и Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, какъ я тебя убѣгала и какъ старалась скрыть отъ тебя истинное состояніе сердца моего; наступающая разлука съ тобою и неизвѣстность свиданія, а паче всего сильная страсть моя къ тебѣ, не позволяетъ мнѣ долѣе притво-

ряться: я люблю тебя и вѣчно любить буду.» Я такъ почиталъ сію женщину, что признаніемъ ея не смѣлъ и помыслить воспользоваться; но, условясь съ нею о нашей перепискѣ, простился, оставя ее въ прегорькихъ слезахъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ со собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и Графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ Государынѣ. Въ самый Петровъ день Графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію Бригадира. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ Графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: Ея Величество приказала послѣ балу вамъ быть къ Себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко Государя, признаюсь, что я началъ-было нѣсколько робѣть, но взоръ Россійской Благотворительницы и гласъ Ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ Монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ Нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы Ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завле-

ченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ Ея десницу, вышелъ, имѣя отъ Нея Всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между-тѣмъ встрѣтился въ саду съ Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: «Слуга покорный,» сказалъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня. — Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. «А мы завтра,» сказалъ Графъ; «я еще хочу, сударь,» продолжалъ онъ, «попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше, и для того по пріѣздѣ нашемъ въ городъ не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ Великому Князю и вы можете прочитать ее намъ.» — Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями Его Императорское Высочество и Ваше Сіятельство. — «Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны,» говорилъ Графъ. — Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда Ваше Сіятельство удостоите меня своимъ

покровительствомъ, отвѣтствовалъ я. — «Мнѣ будетъ очень пріятно,» сказалъ онъ, «если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ.» Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ Графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антрссоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ Графу; онъ принялъ меня очень милостиво. «Я тотчасъ одѣнусь,» сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною.» Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ Великому Князю, и представилъ Ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ Онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда,» сказалъ Графъ, «Ваше Высочество ее услышите.» Потомъ, подошедъ ко мнѣ: «Вы,» сказалъ, «извольте остаться при столѣ Его Высочества.» Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня и Его Высочество

съ Графомъ и съ нѣкоторыми Двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе Графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу,» сказалъ онъ мнѣ «что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу.» По окончаніи чтенія Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ правахъ первая комедія,» говорилъ онъ, «и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія.»—Ваше Сіятельство, говорилъ я, для меня ничто лестнѣе быть не можетъ, какъ такое ободреніе ваше. Его Высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма лестныя привѣтствія. А Графъ, когда вошли мы въ другую комнату, сказалъ: вы можете ходить къ Его Высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите. Я благодарилъ за сію милость. «Одолжи же меня,» сказалъ Графъ, «и принеси свою комедію завтра вве-

черу ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли.» Я съ радостію обѣщалъ сіе Графу и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при Его Высочествѣ.

Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лице и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передразнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело и Графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ Его Высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у Графа ввечеру. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и Графъ обошелся со мною отмѣнно милостиво.

Въ сей день представленъ былъ я Графомъ брату его, Графу Петру Ивановичу, который звалъ меня на другой день обѣдать и читать комедію. «И я у тебя обѣдаю,» сказалъ Графъ брату своему; «я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѳеевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, и слышу.»

Чтеніе мое у Графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный Графъ Захаръ Григорьевичъ былъ тутъ моимъ слушателемъ. «А завтра,» сказалъ онъ мнѣ, «милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу.» Потомъ пригласилъ онъ обоихъ Графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ ту же честь и я вседневно званъ былъ обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой добродѣтели, Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, покойныя: Графиня Марья Андреевна Румянцова, Графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объѣздя звавшихъ меня, съ недѣлю отдыхалъ; а между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ Князь, съ коимъ я имѣлъ непріятное общество. Онъ разсказывалъ мнѣ, что весь Петербургъ наполненъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ, «Мнѣ поручилъ,» сказалъ Князь, «звать тебя обѣдать Графъ ***. Поѣдемъ къ нему завтра.» Сей Графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ Княземъ, надѣясь найти въ

немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но совсѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ Княземъ домой· «Что?» спросилъ онъ меня, «нравится ли тебѣ это общество?»— Прошу меня отъ него уволить, отвѣчалъ я; ибо не хочу слышать такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка. Тутъ казалось мнѣ, что пришло въ мою голову понятіе здраваго разсудка. Я въ каретѣ разсуждалъ о безуміи невѣрія очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, такъ что Князь ничего отвѣчать мнѣ не могъ.

Скоро Дворъ переѣхалъ въ Царское Село; а какъ тотъ Кабинетъ-Министръ, при коемъ я находился, долженъ былъ, по званію своему, слѣдовать за Дворомъ, то взялъ и меня въ Царское Село. Я, терзаемъ будучи мыслями, поселенными въ меня безбожническою бесѣдою, хотѣлъ досужное время въ Царскомъ Селѣ употребить на дѣло мнѣ полезнѣйшее, а именно, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога въ помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи Вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возраетъ; ибо началъ чувствовать дѣйствіе здра-

ваго разсудка. Сіе время жизни моей содержитъ въ себѣ:

═

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Господи всѣмъ сердцемъ моимъ испытую заповѣди Твоя.

Итакъ отправился я съ начальникомъ моимъ въ Царское Село, въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи; а чтобъ было мнѣ изъ чего почерпнуть правила Вѣры, то взялъ я съ собою Русскую Библію; для удобнѣйшаго же пониманія взялъ ту же книгу на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

Пріѣхавъ въ Царское Село, обрадовался я, нашедъ отведенную для меня комнату особливую, въ которой ничто упражненіямъ моимъ не могло препятствовать. Первое утро открылъ я Библію и мнѣ какъ нарочно встрѣтилось мѣсто, которое весьма приличествовало моему намѣренію, а именно, глава VI Второзаконія:

«И да будутъ тебѣ словеса сія, яже азъ «заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердцѣ твоемъ, и «въ душѣ твоей; и да накажеши ими сыны «твоя, и да глаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, «и идый путемъ, и лежа, и возстая.» (*ст.* 7).

Сіе встрѣтившееся мнѣ кстати мѣсто изъ Священнаго Писанія наложило на меня долгъ всякую досужную минуту посвятить испыта-

нію о Высшемъ Существѣ. Время было прекрасное и я положилъ каждое утро ходить въ садъ и размышлять. Однажды въ саду встрѣтилъ я въ уединеніи гуляющаго Григорья Николаевича Теплова (*), съ коимъ я уже познакомился въ домѣ начальника моего. Григорій Николаевичъ пригласилъ меня ходить съ собою. Онъ достойно имѣлъ славу умнаго человѣка. Разумъ его былъ ученіемъ просвѣщенный, словомъ, я съ великимъ удовольствіемъ пошелъ гулять съ нимъ по саду и онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ слышать комедію мою, въ своемъ домѣ читанную мною. Я обѣщалъ сдѣлать ему сію услугу. Онъ спрашивалъ меня, кому я ее читалъ. Я перечелъ ему всѣхъ поименно и не скрылъ отъ него, сколько смущаетъ душу мою посѣщеніе Графа ***. «И такъ, вы хотите опредѣлить систему въ разсужденіи Вѣры вашей,» говорилъ Григорій Николаевичъ. «Съ чего жъ вы начинаете?» — Я начинаю, отвѣчалъ я, съ разсмотрѣнія, какіе люди отвергаютъ бытіе Божіе и стоютъ ли они какой-нибудь довѣренности. — «Умное дѣло дѣлаете,» говорилъ Григорій Николаевичъ, «когда стараетесь успокоить совѣсть свою въ столь важномъ дѣлѣ, каково есть удостовѣреніе о бытіи Бо-

(*) Григорій Николаевичъ Тепловъ, Тайный Совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ, находившійся у Принятія Прошеній, скончался 30 Марта 1779 года.

жескомъ.» — Ваше Превосходительство! говорилъ я ему, я прошу васъ, какъ умнаго человѣка, подать мнѣ наставленіе, какимъ способомъ могу я достигнуть до сего удостовѣренія. — «Сядемъ здѣсь,» сказалъ онъ, подведя меня къ одной лавкѣ; «мы можемъ здѣсь о чемъ хотимъ безпрепятственно бесѣдовать!» Я намѣренъ сію бесѣду описать здѣсь, сколько могу вспомнить.

Я.

Я вижу, что безбожники раздѣляются на нѣсколько классовъ: одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.

Григорій Николаевичъ.

Сіи людишки не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими; ибо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Вольтеръ развратилъ множество молодыхъ людей въ Европѣ; однако, вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Вольтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не меньше разврата Вольтерова, имѣвъ голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодаго слабень-

каго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе Графа: примѣръ сему видѣлъ я на сихъ дняхъ моими глазами.

Я.

Позвольте спросить, Ваше Превосходительство, какъ это было?

Григорій Николаевичъ.

На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «Нечего пустяки молоть; а Бога нѣтъ. Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» — «Петръ Петровичъ Чеб..... вчера на гостиномъ дворѣ, отвѣчалъ онъ. — «Нашелъ и мѣсто!» сказалъ я.

Я.

Странно мнѣ кажется, что Чеб..... на старости вздумалъ на гостиномъ дворѣ проповѣдывать безбожіе.

Григорій Николаевичъ.

О, какъ я вижу, вы его не знаете.

Тутъ началъ онъ описывать голову Чеб..... ругательски, или, справедливѣе сказать, сталъ его бранить, такъ и что я долженъ былъ предполагать у него съ Чеб..... личную ненависть, и для того хотѣлось мнѣ перемѣнить сію матерію, а возвратиться на прежнюю.

Я.

Есть и еще родъ безбожниковъ, кои умствуютъ и думаютъ доказать доводами, что Богъ не существуетъ. Противу сихъ послѣднихъ желалъ бы я имѣть оружіе и доказать имъ ихъ безуміе. Я прошу Ваше Превосходительство дать мнѣ наставленіе, откуда могу почерпнуть наилучшіе доводы о бытіи Божіемъ.

Григорій Николаевичъ.

Извѣстны ли вамъ сочиненія г-на Кларка, который писалъ противу Гоббезія, Спинозы и ихъ послѣдователей? Кларкъ восторжествовалъ надъ ними: онъ, логически выводя одну истину изъ другой, составилъ, такъ сказать, неразрывную цѣпь доказательствъ бытія Божія и уже ни одинъ безбожникъ умствованіями своими не вывернется отъ его убѣжденій.

Я.

Мнѣ не извѣстны Кларковы сочиненія, но я тотчасъ сію книгу выпишу изъ Петербурга.

Григорій Николаевичъ.

А я не сомнѣваюсь, что вы Кларкомъ будетете довольны.

Здѣсь кончилась наша бесѣда. Я, пришедъ домой, тотчасъ написалъ въ Петербургъ, чтобъ прислали ко мнѣ сочиненія Кларка. Между тѣмъ, будучи воспитанъ въ христіанскомъ законѣ и находя заповѣди Христовы сходственными съ моимъ собственнымъ сердцемъ, думалъ я: Если Кларкъ доказалъ бытіе

Божіе неоспоримыми доводами, то какъ бы я былъ доволенъ, нашедъ въ его твореніяхъ доказанную истину христіанскаго исповѣданія.

На другой день привезли ко мнѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Самуэля Кларка доказательства бытія Божія и истины Христіанскія Вѣры.*

Того-то я и желалъ! Съ жадностію бросился я читать сію драгоцѣнную книгу и, прочитавъ, недоволенъ былъ однимъ разомъ, но тотчасъ началъ чтеніе въ другой разъ. Какъ скоро я могъ обнять порядокъ и способъ Кларковыхъ доводовъ, то пошелъ благодарить Григорья Николаевича. «Я зналъ,» говорилъ онъ мнѣ, «что вы сею книгою будете довольны.» — Я Вашему Превосходительству откроюсь въ моемъ намѣреніи, сказалъ я, мнѣ хочется перевести ее на Русскій языкъ и, издавъ въ свѣтъ, сдѣлать нѣкоторую услугу моимъ соотчичамъ. — «Намѣреніе ваше похвально, но вы не знаете, съ какими неприятностями сопряжено исполненіе онаго. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ переводъ Г. Поповскаго *Опыта о человѣкѣ*?» спросилъ меня Гр. Николаевичъ. — Мнѣ сей переводъ очень знакомъ, отвѣчалъ я и я его высоко почитаю. — «Но какія неприятности, какія затрудненія встрѣтилъ бѣдный переводчикъ къ напечатанію, сказывалъ мнѣ онъ же. Попы стали переправлять переводъ его и множество стиховъ исковеркали; а дабы читатель

не почелъ ихъ стиховъ за переводчиковы, то напечатали они ихъ нарочно крупными буквами, какъ-будто бы читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Поповскаго. Вашъ переводъ, безъ сомнѣнія, подверженъ будетъ равной участи. А мнѣ кажется, вмѣсто перевода полезнѣе будетъ, если сдѣлаете вы изъ сочиненій Кларковыхъ выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, какъ я и думаю, хорошо сдѣлана будетъ, то она принесетъ равную пользу съ переводомъ и вамъ ловчѣе будетъ, по востребованію иногда Синода, сдѣлать перемѣну въ выпискѣ, нежели въ самомъ переводѣ.» — Но неужели, спросилъ я, Синодъ дѣлать будетъ мнѣ нарочно затрудненія въ намѣреніи толь невинномъ? — «Да развѣ не знаете вы, кто въ Синодѣ Оберъ-Прокуроръ?» — Не знаю, отвѣчалъ я. — «Такъ знайте жъ—Петръ Петровичъ Чеб....,» сказалъ Григорій Николаевичъ. Какъ бы то ни было, я послѣдовалъ совѣту Григорья Николаевича и сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто въ слогѣ, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ концѣ моихъ Признаній я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ.

ПОУЧЕНІЕ,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ДУХОВЪ ДЕНЬ

ІЕРЕЕМЪ ВАСИЛІЕМЪ,

ВЪ СЕЛѢ П. (*).

Вчера былъ праздникъ Троицынъ День. Вы, духовныя дѣти мои, всѣ были у обѣдни. Сего дня Духовъ День и также большой у Бога праздникъ, а собралось сюда васъ гораздо меньше вчерашняго. Разсмотримъ же, отъ чего сегодня церковь Божія такъ просторна? Отъ чего, напримѣръ, ты, крестьянинъ Сидоръ Прокофьевъ, пришелъ къ обѣднѣ, можетъ быть, и съ умиленнымъ сердцемъ, но съ разбитымъ рыломъ? Отъ чего и ты, выборный Козьма Терентьевъ, стоишь выпуча на святыя иконы такіе красные и мутные глаза?

(*) Поученіе это напечатано было въ первый разъ въ 1783 году, въ *Собесѣдникѣ Любит. Русскаго Слова* (Часть 7, стр. 33), при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ онаго:

Къ Господамъ Издателямъ Собесѣдника.

Тому уже нѣсколько лѣтъ, какъ, ѣдучи въ мою деревню, заѣхалъ я въ село П. въ Духовъ День. Случилось мнѣ отслу-

Да посмотримъ и на жену твою, Евдокею. Отъ чего она теперь всю обѣдню продремала? О, духовныя мои дѣти! начиная отъ старосты Егора Ѳомина до послѣдняго бобыля Каряги, какъ вчерашній праздникъ проводили? Изъ тысячи душъ по послѣдней ревизіи едва триста не походили на скотовъ безчувственныхъ, и, о, горе окаянству вашему! если вы и сегодняшній Духовъ День поработаете не Святому Духу, но діаволу: ибо работать діаволу въ вашемъ крестьянскомъ быту есть не что иное, какъ наливать въ себя большимъ ковшомъ пиво и сдѣлаться не человѣкомъ на тотъ день, на другой, и можетъ быть и на недѣлю. Кто же изъ васъ пустится въ скоты на недѣлю, мудрено ли тому пуститься и на мѣсяцъ; а потомъ отстать отъ всякаго кресть-

шать тутъ обѣдню, послѣ которой священникъ сказывалъ крестьянамъ Поученіе. Мнѣ оно такъ понравилось, что я просилъ проповѣдника подарить мнѣ съ него списокъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что поученія свои говоритъ крестьянамъ всегда не пріуготовляясь; что, по его мнѣнію, къ исправленію ихъ всякое витійство безполезно; что для сего считаетъ онъ за нужное однимъ простонароднымъ, но яснымъ языкомъ показывать имъ тѣ бѣдствія, въ которыя пороки ввергать ихъ могутъ. Я просилъ его, не можетъ ли онъ вспомнить сегоднишняго своего Поученія и положить его на бумагу. Онъ тотчасъ исполнилъ мою просьбу.

Недавно, разбирая мои бумаги, нашелъ я нечаянно сіе Поученіе. Вотъ оно отъ слова до слова. Если вы объ немъ одного со мною мнѣнія, то прошу помѣстить его въ вашемъ Собесѣдникѣ.

янскаго дѣла, не платить подати Государю, оброка помѣщику, и, живъ прежде зажиточнымъ домомъ, пустить наконецъ по-міру себя съ женою и съ дѣтьми. Повѣрьте, дѣти мои, что главный корень всякаго зла въ крестьянствѣ есть вино и пиво. (*Взглянувъ на одного крестьянина, который взоромъ показалъ неудовольствіе*). Вижу, вижу, что у тебя теперь на умѣ. Ты кивнулъ головою, думая: неужто и въ праздникъ чарки вина выпить нельзя? Ахъ, окаянный ты Михейка Ѳоминъ! да чарку ли ты вчера выглотилъ? Если въ наши грѣшныя времена еще бываютъ, чудеса, то было вчера конечно надъ тобою, окаяннымъ, весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою по крайней мѣрѣ полуведромъ такого пива, какого всякій рабъ Божій, въ трезвости живущій, не могъ бы, не свалясь съ ногъ, и пяти стакановъ выпить? Подумайте, дѣти мои, куда годится пьяница? Онъ всегда худой крестьянинъ; никто изъ добрыхъ людей на него не полагается. Да какъ и полагаться? Ты думаешь, что онъ пашетъ, а онъ пьяный спитъ. Никто изъ добрыхъ людей ему не вѣритъ? Ты даешь ему деньги поберечь, а онъ ихъ пропьетъ. Однимъ словомъ: посмотримъ на всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые обѣдняли, или которые изворовались. Что жъ мы найдемъ? Всякій нищій навѣрное пьяница, потому что добрый крестьянинъ, кромѣ гнѣва

Божіяго, обнищать не можетъ. Всякій воръ конечно пьяница, потому что добрый крестьянинъ животы беречь умѣетъ, а пьяница, пропивъ все, за что принимается? за воровство. Вору какой конецъ, толковать вамъ нечего. И такъ, послушайте меня, дѣти и друзья мои, и въ сегодняшній великій праздникъ не прогнѣвайте Бога по вчерашнему. Я вамъ не запрещаю вовсе пить вино и пиво. Не въ томъ дѣло, пилъ ли ты; да въ томъ, сколько ты пилъ. Буде столько, что остался человѣкъ, въ томъ и вины нѣтъ; буде же столько, что съ ногъ долой, то сдѣлалъ грѣхъ предъ Богомъ, грѣхъ предъ всѣмъ міромъ, грѣхъ предъ собою. Передъ Богомъ для того, что Онъ сдѣлалъ тебя человѣкомъ, а ты самъ сдѣлался скотиной. Передъ міромъ для того, что буде бы случилась ему на тотъ часъ въ тебѣ нужда, ты, безчувственный, не могъ бы исправить мірской нужды. Передъ собою для того, что ты, будучи здоровъ, наводишь на себя болѣзнь, и будучи живъ, лежишь какъ мертвый. Но чтобъ яснѣе вамъ показать, какая разница между добрымъ и худымъ крестьяниномъ, я далеко ходить не стану. Возьмемъ въ примѣръ двухъ крестьянъ: Якова Алексѣева и Якова Лысова, которые оба стоятъ передъ вами. Лысой съ ребячества своего былъ, какъ я отъ стариковъ слышалъ, превеликій лѣнивецъ. Его женили въ надеждѣ, авось-либо поправится. Не туто-то было: онъ

сталъ пить, помѣщика гнѣвить, жену свою бить; дѣти ихъ, смотря на отца, выросли сорванцами. Иной спился, иной сталъ красть, и словомъ: у Лысова было много дѣтей, но ни одинъ не призрѣлъ его старости. Видно, Богъ такъ разсудилъ, что дурной крестьянинъ недостоинъ имѣть дѣтей хорошихъ, отнялъ благодать отъ дому его, и наконецъ — какъ мы теперь его видимъ? Посмотрите на него, дѣти мои. Вонъ онъ стоитъ у дверей — съ ковшичкомъ проситъ милостыни; а тотъ же бы Лысой, если бъ не изжилъ вѣка своего въ лѣности и пьянствѣ, могъ бы самъ накормить убогаго. Напротивъ же того посмотримъ теперь на добраго крестьянина. О, мой возлюбленный старикъ и сынъ духовный, Яковъ Алексѣевъ! Передъ всѣмъ міромъ скажу тебѣ въ очи, что добродѣтельная жизнь твоя угодна Господу Богу. Ты вошелъ во храмъ Божій, окруженный тридцатью пятью человѣками своихъ сыновъ, внучатъ и правнучатъ; ты стоишь теперь передъ алтаремъ Господнимъ, поддерживаемый двумя сынами, возвратившимися на свою родину послѣ двадцатипятилѣтней воинской службы. Ты видишь на одномъ изъ нихъ двѣ, на другомъ три медали. Ты знаешь, что это знаки ихъ вѣрной службы, что проливали они охотно кровь свою за Церковь Божію, за своихъ великихъ Государей, за свой народъ Россійскій. Какъ душѣ твоей не веселиться! Посмотри и на прочихъ сыновъ своихъ

и на сыны сыновъ своихъ: всякій изъ нихъ есть, или всеконечно будетъ, добрый крестьянинъ, потому что всѣ они тебя примѣромъ взяли. Какъ ты работалъ въ силахъ своихъ, такъ они теперь работаютъ; какъ ты съ сосѣдями жилъ мирно, такъ и они живутъ; какъ ты платилъ, такъ и они платятъ подати и оброкъ бездоимочно; какъ ты отъ роду своего не терпѣлъ пьянства, такъ и ихъ никто не видалъ въ безобразіи. Всѣ жены ихъ — жены добрыя, работающія, утѣшающія старость твою согласнымъ и дружескимъ житьемъ съ мужьями своими. О, семья благодатная! (*Здѣсь старикъ заплакалъ отъ душевнаго веселія и весь народъ прослезился. Самъ священникъ, поднявъ на небо руки, сквозь радостныхъ слезъ едва продолжать могъ.*) О, Боже и Господи! зри слезы радостнаго умиленія. Се жертва достойная Тебя! Продли милость Свою къ симъ добрымъ людямъ, да видимъ, да видятъ прочіе, колико благъ Ты къ тѣмъ, кои въ простотѣ души своей исполняютъ Твоя заповѣди, и да взирая на сіе, исправятся окаменѣнныя сердца всѣхъ тѣхъ нечестивцевъ, всѣхъ тѣхъ грѣшниковъ, кои подобны Якову Лысому. Аминь.

ОТРЫВОКЪ

из ъ

ЖУРНАЛА ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ВѢНУ.

МОСКВА, ¹¹/₂₂ Іюня 1786.

Совѣтъ Вѣнскаго моего медика Столя и мучительная электризація, которою меня безполезно терзали, рѣшили меня поспѣшить отъѣздомъ въ чужіе краи и избавиться Москвы, которая стала мнѣ ненавистна. Сія ненависть такъ глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренилась, что, думаю, по смерть не истребится. Словомъ, будучи въ тяжкой болѣзни и съ растерзаннымъ горестію сердцемъ, выѣхалъ я изъ Москвы въ субботу послѣ обѣда, въ половинѣ восьмаго часа. Къ ночи пріѣхали мы въ Пахру, гдѣ въ каретѣ ночевали.

14. Выѣхавъ изъ Пахры рано, остановились мы поутру пить кофе въ деревнѣ Мощь; изъ кареты не выходили; обѣдали въ деревнѣ Чернишной; ночевали въ деревнѣ Башмаковкѣ. Весь день я страдалъ болѣе душевно, нежели тѣлесно.

15. Къ обѣду пріѣхали въ Калугу, гдѣ едва могли найти пристанище: насилу отвели намъ квартиру въ домѣ двухъ дѣвушекъ, во дняхъ своихъ заматерѣвшихъ. Онѣ накормили насъ яичницею, которую я принужденъ былъ ѣсть, не взирая на запрещеніе доктора Генита. Хозяйки мои назывались Татьяна Петровна и Марѳа Петровна В. Меньшая великая богомолка и во время нашей трапезы молилась за меня, громогласно вопія: «Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и западной смерти!» Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ : ибо въ Москвѣ и то, и другое терпѣлъ до крайности; но западной смерти не понималъ. По нѣкоторомъ объясненіи нашелъ я, что Марѳа Петровна въ словѣ ошиблась, и вмѣсто: отъ внезапной, врала отъ западной смерти. Послѣ обѣда набрело гостей премножество и одна гостья играла роль предвѣщательницы. Устремя на меня свои буркалы, говорила мнѣ жалкимъ тономъ:—ты не жилецъ, батюшка!— «Вотъ на!» отвѣчалъ я ей, «я еще тебя переживу.» — Нѣтъ, батюшка, продолжала она, тебѣ не доѣхать, куда ѣдешь. — Такое непріятное предвѣщаніе и слезы жены, слышавшей нашу бесѣду, сдѣлали языкъ мой еще тупѣе, и я не могъ продолжать разговора. Отобѣдавъ, выѣхали мы тотчасъ отъ сихъ Калужскихъ дуръ. Остановились въ деревнѣ Брянховѣ, гдѣ рвало меня безъ милосердія и гдѣ чуть-было не пришла ко мнѣ и въ правду

не западная, но внезапная смерть; а какъ кромѣ кареты дѣваться было некуда, то и рѣшились мы всю ночь ѣхать, и 16-го по утру привезли меня, въ прежестокомъ жару, въ городъ Лихвинъ. Хотя Московскій мой врачъ, филологъ и мартинистъ, увѣрялъ меня, что по дорогѣ, кромѣ кузнецовъ, лекарей никакихъ нѣтъ; однако въ Лихвинѣ сыскали мнѣ лекаря, Ѳедора Ивановича Нетерфельда, который пустилъ мнѣ тотчасъ кровь поискуснѣе самого филолога. Послѣ кровопусканія жаръ уменьшился и я расположился ночевать въ домѣ мѣщанина Ивана Мельникова.

17. Поутру лекарь нашелъ меня въ состояніи выѣхать изъ Лихвина, что я и сдѣлалъ пополудни въ шестомъ часу. Подъѣзжая къ Бѣлеву, сдѣлался мнѣ прелютѣйшій обморокъ. Бѣдная жена, Теодора и люди, видя меня безъ всякаго чувства, боялись, не умеръ ли я; но, Богу благодареніе, я опамятовался и всѣ, окружающіе меня, утѣшились. Пріѣхавъ въ Бѣлевъ, по счастію, попалась намъ хорошая квартира у Ильи Семеновича Азарова, гдѣ я 18-го весь день отдыхалъ, принималъ Генишевъ порошокъ; а

19-го поутру въ десять часовъ выѣхали изъ Бѣлева; обѣдали на полѣ. На все способная Теодора сдѣлала похлебку и жаркое. Ночевать пріѣхали въ Болховъ и стали у мѣщанина Гаврилы Кличина.

20. Изъ Болхова выѣхали въ семь часовъ поутру; обѣдали въ селѣ Глотовѣ, что могла приготовить Теодора. Ночевать пріѣхали въ Карачевъ и стали у купца Масленникова. Онъ имѣетъ на глазу шишку съ кулакъ. Увидя меня безъ руки, безъ ноги и почти безъ языка, сожалѣлъ онъ, что я имѣю болѣзнь, которая дѣлаетъ меня столь безобразнымъ. «Правда,» отвѣчалъ я, «однако я моимъ состояніемъ не промѣняюсь на ваше. Мнѣ кажется, что на глазу болона, которую вы носите, гораздо безобразнѣе хромоты и прочихъ моихъ несчастій.» Не описываю далѣе моей съ нимъ бесѣды; но изъ нея заключаю, что онъ болону свою носитъ весьма великодушно, и что всякій человѣкъ хочетъ, какъ можно, извинить свои недостатки.

21. Отправилъ въ Москву почту. Брился у пьянаго солдата, который содралъ-было съ меня кожу. Великая бѣда, кто самъ въ дорогѣ бриться не умѣетъ! Обѣдали въ Карачевѣ; выѣхали изъ него въ семь часовъ вечера и всю ночь ѣхали.

22. Въ селѣ Чаянкѣ остановились пить кофе. Обѣдали въ селѣ Радощахъ сарачинское пшено съ молокомъ. Тутъ сдѣлали мнѣ въ каретѣ постель; я легъ и всю ночь ѣхали очень безпокойно.

23. Поутру пріѣхали въ городъ Сѣвскъ и стали у Петра Васильева Волкова. Теодора изготовила намъ изрядный обѣдъ. Въ четвер-

томъ часу мы оттуда выѣхали, и ввечеру остановились у перваго Малороссійскаго постоялаго двора, гдѣ и ночевали.

24. Около обѣда пріѣхали въ Глуховъ и стали-было у попа; но какъ квартира была плоха, то перевезли насъ къ Ивану Ѳедоровичу Гум..... Онъ съ женою своею, Марѳою Григорьевною, суть подлинные Простаковы изъ комедіи моей Недоросль. Накормили насъ изрядно, да и во всей Малороссіи ѣдятъ хорошо. Весь день пробыли мы у нихъ въ превеликой скукѣ.

25. Хозяева дали намъ обѣдъ преизрядный. Цѣлый день принуждены мы были остаться въ Глуховѣ за мытьемъ бѣлья.

26. Поутру бѣлье сохло, а между тѣмъ отправилъ я въ Москву почту. Обѣдали очень хорошо.

27. Подаривъ Гум..... пять червонныхъ, да людямъ его два червонныхъ, кои госпожа Простакова тотчасъ вымучила у бѣдныхъ людей своихъ, поутру выѣхали мы изъ Глухова; обѣдали въ каретѣ, въ деревнѣ Тулиголова: а ввечеру пріѣхали въ мѣстечко Алтыновку и стали у купца Сѣдельникова. Тутъ познакомился я съ офицеромъ Глуховскаго полку, Кноррингомъ и его женою. Ужинали и ночевали здѣсь же.

28. Поутру въ семь часовъ выѣхали. Къ обѣду пріѣхали въ городъ Батуринъ и стали у Жидовки. Она женщина пожилая и знаме-

нита своимъ гостепріимствомъ; накормила насъ Малороссійскимъ кушаньемъ весьма хорошо. Послѣ обѣда мы выѣхали благополучно и къ ночи пріѣхали въ городъ Борзну, гдѣ стали въ домѣ дьякона; ужинали тутъ и ночевали.

29. Поутру былъ у меня съ визитомъ полковникъ Перетъ, который сожалѣніемъ своимъ, видя меня въ такомъ жестокомъ состояніи, растрогалъ меня до крайности. Послѣ обѣда въ два часа мы выѣхали и къ ночи пріѣхали въ Нѣжинъ. Больше часа шатались мы по улицамъ, не находя квартиры. Въ разсужденіи сего русскіе города не имѣютъ никакого еще устройства: ибо весьма въ рѣдкихъ находится трактиры, и то негодные. Наконецъ пустилъ насъ къ себѣ Грекъ Антонъ Архитекторовъ, у котораго мы и ночевали.

30. Обѣдали въ Нѣжинѣ изрядно. Тутъ встрѣтили мы Цесарцевъ, ѣдущихъ въ Петербургъ съ посудою. Послѣ обѣда выѣхали изъ Нѣжина; ночевали въ мѣстечкѣ Лазарѣ. За неимѣніемъ квартиры спали въ каретѣ, хотя ночью была немалая гроза.

1 Іюля. Поутру рано выѣхавъ, обѣдали въ городѣ Козельцѣ у одного Грека въ трактирѣ весьма скверно.

2. Въ Семиполкахъ встрѣтили мы Графиню Катерину Васильевну. Свиданіе наше было весьма жалостное. Она плакала, видя меня въ столь жестокомъ состояніи, а я отъ слезъ

слова промолвить не могъ. Ночевать пріѣхали въ Бровары; спали въ каретѣ.

Бровары есть послѣдняя деревня до Кіева и принадлежала Лаврѣ. Здѣсь прежде отъ монаховъ оказываемо было всевозможное гостепріимство пріѣзжающимъ въ Кіевъ богомольцамъ; но мы пріѣхали послѣ отнятія деревень отъ Лавры, и, слѣдственно, были свидѣтелями одного токмо негодованія.

3. Цѣлое утро ѣхали песками, насилу къ обѣду дотащились до Кіева. Стали противъ монастыря Николаевскаго, въ домѣ перевозчицы Ульяны Ефремовны Турчаниновой. Старуха предобрая, но личико измятое. Весь день были дома.

4. Поутру былъ у меня съ визитомъ Кіевскій Почтмейстеръ Андріянъ Павловичъ Волховской. Послѣ обѣда, нанявъ карету и лошадей, ѣздилъ я съ женою въ Печерскій монастырь. Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала отъ римской церкви Святаго Петра; оттуда ѣздили мы въ монастырь Софійскій, гдѣ нашелъ я нѣсколько мозаичной работы.

5. Поутру жена съ хозяйкою ѣздила въ пещеры, а я отправлялъ назадъ провожавшаго меня изъ Москвы почтальона.

6. Поутру жена ѣздила съ хозяйкой въ дальнія пещеры, а потомъ со мною въ ближнія. Взятая со мною кибитка совсѣмъ развалилась; я принужденъ былъ купить вмѣсто ее

маленькую фуру. Не описываю пещеръ; ибо есть печатное онымъ описаніе, но могу сказать, что онѣ вселяютъ въ душу благоговѣніе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ Михайловскій монастырь Великомученицы Варвары, гдѣ служили молебенъ. Оттуда ѣздили въ монастырь Флоровскій, гдѣ обитаютъ благородныя монахини. Ввечеру посѣтилъ меня старый мой знакомецъ, Иванъ Григорьевичъ Туманскій.

7. Поутру ѣздила жена къ обѣднѣ въ Печерскій монастырь; послѣ обѣда былъ у насъ Туманскій и мы ѣздили прогуливаться по городу. Ввечеру почтальонъ отправился въ Москву.

8. Сей день назначили-было мы къ выѣзду изъ Кіева, но сильный дождь воспрепятствовалъ. Послѣ обѣда въ первый разъ ѣли вишни.

9. Поутру жена ѣздила съ хозяйкою къ обѣднѣ въ Печерскій монастырь; потомъ оба мы были въ Богословскомъ монастырѣ. Сей монастырь женскій для монахинь низкаго состоянія. Послѣ обѣда ѣздили мы въ послѣдній разъ въ монастырь Богословскій и положили завтра изъ Кіева выѣхать.

10. Поутру пожаловала къ намъ Анна Николаевна Энгельгардтъ, родная сестра Ивана Николаевича Корсакова. Она прошлаго года ѣздила съ мужемъ въ Карлсбадъ. Обошедшись съ нами весьма дружески, дала наставленіе во всемъ, что намъ знать было надобно въ разсужденіи Карлсбада. Передъ обѣ-

домъ въ 11 часовъ выѣхали мы изъ Кіева и до Василькова, то есть тридцать три версты, тащились ровно четыре часа. Въ Васильковѣ, бывъ осмотрѣны таможнею безъ всякой обидной строгости, выѣхали за границу и я возблагодарилъ внутренно Бога, что Онъ вынесъ меня изъ той земли, гдѣ я страдалъ столько душевно и тѣлесно.

Переѣхавъ за границу, мы очутились вдругъ въ странѣ Іудейской. Кромѣ Жидовъ, до самой Варшавы мы почти ни кого не видали. Всѣ селенія набиты сими плутами и я въ первый разъ вознегодовалъ внутренно на то, что такіе бездѣльники, бывъ вытащены изъ Египта отъ работы, пустились въ праздности шататься по свѣту и обманывать добрыхъ людей...

ДРУГЪ

ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ

или

СТАРОДУМЪ (*).

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТИНѢ.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ.

С. Петербургъ, Января, 1788.

Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: *Недоросль* одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ; но какъ болѣзнь моя не

(*) По возвращеніи изъ путешествія, въ 1788 году, фонъ Визинъ подъ симъ названіемъ хотѣлъ издавать сатирическій журналъ, но жестокая болѣзнь воспрепятствовала ему исполнить сіе намѣреніе. Помѣщаемыя здѣсь статьи предназначены были для сего журнала. *Изд.*

позволяетъ мнѣ упражняться въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, каковыя потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка упражняться въ писаніи сдѣлала сіе упражненіе для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое твореніе, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а паче можетъ служить мнѣ забавою. Но чтобъ быть мнѣ вѣрнѣе въ успѣхѣ труда моего, я назвалъ его вашимъ именемъ и покорнѣйше васъ прошу принять въ немъ искреннее участіе, сообщая мнѣ для помѣщенія въ сію книгу мысли ваши, кои своею важностію и нравоученіемъ, безъ сомнѣнія, Россійскимъ читателямъ будутъ нравиться. Не страшусь я строгости цензуры, ибо вы конечно не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. *Недоросль* мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ; ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другаго нынѣ произвести не можетъ. И такъ, я ласкаюсь, что

вы, по ревности вашей къ общему благу, не отречетесь вспомоществовать мнѣ въ моемъ предпріятіи сообщеніемъ мнѣ всего того, что, какъ найдете вы, для честныхъ людей, которыхъ по справедливости назвали вы себя другомъ, можетъ быть пріятно и полезно. Моя же благодарность къ вамъ равняться будетъ тому душевному почтенію, съ которымъ навсегда пребываю, и проч.

Сочинитель Недоросля.

—

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА.

Москва, Января, 1788.

Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять участіе въ вашемъ періодическомъ сочиненіи. Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ онѣ мнѣ въ голову приходить будутъ. Краснорѣчія отъ меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о Дворѣ и о дурныхъ

вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, Россійскіе Писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ Государю, а ино-

гда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества. Дабы обѣщаніе мое о принятіи участія въ вашемъ сочиненіи было не на словахъ, а на дѣлѣ, сообщаю вамъ теперь же нѣсколько писемъ съ моими отвѣтами. Вы можете помѣстить ихъ въ вашу книгу, если разсудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародумъ.

—

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ.

Отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина.

Имѣя честь быть вашимъ сосѣдомъ, прошу не прогнѣваться, что я, безъ всякихъ моихъ заслугъ, утруждаю васъ симъ письмомъ. Я знаю, что вы въ Москвѣ много знакомцевъ имѣете и любите людей ученыхъ, а мои обстоятельства вотъ каковы:

Я имѣю шестерыхъ дѣтей: трехъ мужескаго и столько жъ женскаго пола. Для дѣвочекъ переманили мы отъ сосѣда мадаму, которая за ними смотритъ и за которою мы смотримъ; она называется мадамъ *Лудо*, неизвѣстно какой націи. Большой мой сынъ, Ѳединька, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамотѣ. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, но только не Нѣмца, ибо

боялся взять Вральмана. Не худо было бы, еслибъ вы сдѣлали милость посмотрѣли изъ университетскихъ студентовъ, а кондиціи мои при семъ прилагаю, пребывая впрочемъ

Дурыкинъ.

Кондиціи для учителя дому Дурыкина.

1. Учитель долженъ быть изъ Русскихъ, умѣть по Французскому, по Нѣмецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашняго обихода. Не худо, чтобы онъ зналъ и Ариѳметику.
2. На годъ дамъ ему двѣсти рублей, а онъ долженъ учить дѣтей моихъ со всею кротостію.
3. Жить онъ будетъ у меня въ домѣ, обѣдать съ камердинеромъ.
4. А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ Превосходительства.
5. При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.
6. Съ мадамою *Лудо* отнюдь не амуриться, дабы не подать худаго примѣра женѣ моей, а потомъ и дочерямъ.
7. При мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю накрыться, и то когда мятель большая.

8. Въ сутки будетъ онъ получать по три бутылки Русскаго пива домашняго варенья.
9. Не худо, еслибъ онъ взялъ на себя вести мои приходныя и расходныя книги, а притомъ бы умѣлъ причесать ребятамъ моимъ волосы, также и парикъ бы мой взялъ подъ свой присмотръ.
10. Онъ долженъ исполнить все сіе условіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть выгнану по шеѣ изъ дому ;ибо я признаюсь, что нравъ у меня бѣшеный, да и будучи въ генеральскомъ чинѣ, можетъ быть, не могу воздержать себя противу студента, въ службѣ моей находящагося, хотя бы онъ и офицерскаго былъ чина.

—

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА ДУРЫКИНУ.

Письмо ваше, государь мой, казалъ я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о пріисканіи въ домъ вашъ студента отвѣчалъ мнѣ письменно. Вотъ и письмо его.

Стародумъ.

Письмо университетскаго профессора къ Стародуму.

Я говорилъ нѣкоторымъ нашимъ студентамъ о предлагаемомъ имъ мѣстѣ въ домѣ Его Пре-

восходительства Дурыкина. Охотники есть, но правду сказать, большая часть ставятъ учительское званіе ниже себя, а хотятъ чиновъ; одинъ однакожъ объявилъ мнѣ свое желаніе быть учителемъ. Онъ изъ Малороссіянъ, называется господинъ *Страмченко* — филологъ и философъ, а иные увѣряютъ, что и мартинистъ, но проситъ въ годъ не меньше трехъ сотъ рублей, хотя живетъ по духу, а не по плоти. Знаетъ по-Французски, а больше по-Латини, Ариѳметику до тройнаго правила; отъ стиховъ однакожъ проситъ увольненія; обѣщаетъ воздавать Его Превосходительству должное почтеніе, но обѣдать съ камердинеромъ не соглашается. Предложеніе о чесаніи волосовъ и о надзираніи надъ его парикомъ почитаетъ себѣ обидою, ибо сіе называетъ онъ рукодѣліемъ. Расходныя и приходныя книги вести не берется. Отъ искушенія касательно мадамъ Лудо всемѣрно остерегаться будетъ, почему и я подозрѣваю его мартинистомъ.

Представился мнѣ еще молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поученъ изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ кромѣ обѣда и ужина, чтобъ данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобъ и предлагаемая порція пива была удвоена.

Господинъ *Кераксинъ* желаетъ также быть учителемъ, просить 250 рублей на годъ. Онъ

знаетъ по-Гречески, по-Еврейски, но не знаетъ по-Русски, что, кажется, для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ Русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить по-Русски; но поистинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ г-нъ Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Превосходительства?

Цезуркинъ, ремесломъ піита, желаетъ также имѣть мѣсто у господина Дурыкина. Онъ обѣщаетъ каждый разъ, для имянинъ Его Превосходительства и каждаго изъ чадъ его, сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, проситъ по копѣйкѣ за стихъ, да къ Святкамъ кафтана съ плеча Его Превосходительства, хотя довольно поношеннаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулитъ.

Красоткинъ, студентъ весьма щеголеватый, убирается какъ кукла, да и думаетъ не иначе. Онъ съ удовольствіемъ берется причесывать волосы дѣтямъ Его Превосходительства, умѣетъ выводить изъ платья пятна и вырѣзываетъ изъ бумаги разныя фигуры. За одно только не ручаюсь, а именно, чтобъ не завелъ онъ какихъ шашней съ мадамъ Лудо, или съ Ея Превосходительствомъ, ибо онъ и моей женѣ повернулъ голову.

—

ПИСЬМО ДУРЫКИНА КЪ СТАРОДУМУ.

Предлагаемые господиномъ профессоромъ въ домъ мой студенты кажутся мнѣ всѣ ребята достойные быть учителями у дѣтей благородныхъ, и для того я боюсь выбрать одного безъ обиды другому. Покорно прошу уговорить г-на профессора, чтобъ онъ всѣхъ сихъ господъ созвалъ къ себѣ въ домъ и сдѣлалъ родъ аукціона: кто возьметъ дешевле, того я и беру, и съ тѣмъ можетъ онъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ. Впрочемъ пребываю,

Дурыкинъ.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ

ОТЪ ПЛЕМЯННИЦЫ ЕГО СОФЬИ.

С. Петербургъ, Января, 1788.

Я теперь нахожусь въ самомъ лютомъ положеніи; прибѣгаю къ вашему благоразумію; будьте, милостивый государь дядяшка, моимъ руководителемъ и подайте мнѣ спасительный совѣтъ. Сколько по склонности, столько и слѣдуя вашей волѣ, вышла я за Милона; нѣсколько времени вела я съ нимъ жизнь преблагополучную, но мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ узнала я прямое несчастіе: Милонъ мнѣ невѣренъ! Онъ влюбленъ, и въ кого? въ презрительную женщину, каковыя наполня-

ютъ здѣшніе вольные маскарады и, будучи осыпаны брилліантами, соблазняютъ молодыхъ людей, неимѣющихъ испытанія, и довели здѣшнюю публику до того, что всякая порядочная женщина не можетъ уже посѣщать сихъ собраній. Одна изъ сихъ несчастныхъ поймала въ сѣти свои моего мужа, котораго я обожаю. Сердце мое терзается день и ночь. Я ревную до безумія. Умъ мой занятъ вымыслами объ отмщеніи. Жизнь моя продолжиться не можетъ, если я еще останусь въ настоящемъ положеніи. Что мнѣ дѣлать, милостивый государь дядюшка? Не отрекитесь подать мнѣ совѣтъ и вывесть меня изъ бѣдствія. Я есмь и проч.

Софья Милонова.

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА СОФЬѢ.

Москва, Января 1788 года.

Съ сердечнымъ сожалѣніемъ узналъ я изъ письма твоего, въ какую слабость повергъ себя Милонъ. Онъ влюбленъ въ презрительную женщину, а ты, моя Софьюшка, ревнуешь къ сей твари! Я весьма знаю молодцовъ, подверженныхъ такой слабости. Сіи женщины, наполняющія ваши вольные маскарады, каковыхъ число и у насъ въ Москвѣ становится довольно велико, имѣютъ особливое искусство ловить молодыхъ людей въ свои сѣти и

вертѣть имъ головы. Вѣрь однакожъ, Софьюшка, что и твоя голова не въ лучшемъ состояніи. Ты сокрушаешься день и ночь, занимаешься отмщеніемъ. Остерегись, другъ мой! Ты неблагоразумно поступаешь. Добродѣтель жены не въ томъ состоитъ, чтобъ быть на стражѣ у своего мужа, а въ томъ, чтобъ быть соучастницею судьбы его и добродѣтельная жена должна сносить терпѣливо безуміе мужа своего. Онъ ищетъ забавы въ объятіяхъ любовницы, но по прошествіи перваго безумія будетъ онъ искать въ женѣ своей прежняго друга. Паче всего не усугубляй одного зла другимъ, ни одного дурачества другимъ, сильнѣйшимъ. Огонь, котораго не раздуваютъ, самъ скоро погасаетъ: вотъ подобіе страстей. Сражаясь упорно съ ними, пуще ихъ раздражаешь; не примѣчай ихъ, онѣ сами укротятся.

Познай все свое неразуміе. Мужъ твой старается скрыть отъ тебя обиду, которую тебѣ дѣлаетъ, а ты стараешься показать ему, что тебѣ она извѣстна. Развѣ не чувствуешь ты, что срываешь завѣсу и что онъ не будетъ имѣть причины воздерживаться и станетъ обижать тебя явно? Пожалуй, не основывай любви своей на его ласкахъ, но на его честности. Знай, что честность есть душа супружескаго согласія. Прелесть забавъ повергаетъ его на колѣни предъ другою; но, возвращаясь къ тебѣ, ищетъ онъ и любитъ на-

ходить милаго своего друга, раздѣляющаго судьбу его; разсудокъ его влюбленъ въ тебя и только страсть одна влечетъ его въ объятія твоей соперницы; но страсти скоротечны; насыщеніе слѣдуетъ за ними скоро; минута ихъ воспламеняетъ, минута погашаетъ.

Если мужчина не развращенъ вовсе, то къ презрительной женщинѣ долго привязанъ быть не можетъ.

Скоро отстаетъ онъ отъ порочныхъ забавъ, кои стоятъ всегда очень дорого. Мужъ твой не умедлитъ почувствовать, что онъ вредитъ самъ себѣ, что разоряется и отваживается потерять свое доброе имя. Онъ имѣетъ столько разсудка, что не пойдетъ упорно на свою погибель. Онъ познаетъ свою опасность; права супруги призовутъ его опять къ ней. Тогда онъ познаетъ прямую цѣну твою, не возможетъ вспомнить безъ стыда о прошедшемъ своемъ поведеніи; ты найдешь его въ раскаяніи и любви твоей достойнымъ.

Паче всего, любезная Софья, оставь презрительнымъ женщинамъ ихъ уловки. Кротость, вѣрность, стараніе о домѣ, горячность къ дѣтямъ, уваженіе къ друзьямъ мужа своего—вотъ уловки честной женщины.

Стыдись показывать ревность свою къ развратной. Одно благороднѣйшее поревнованіе тебя достойно. Не уступай въ добродѣтели женамъ добродѣтельнѣйшимъ. Не питай злобы въ сердцѣ своемъ; будь всегда готова къ при-

миренію; благонравіе одно дѣлаетъ непріятелей нашихъ къ намъ благосклонными; благонравіе одно дѣлаетъ женщину почтенною. Одно оно даетъ женамъ владычество надъ мужьями. Выбирай любое: или принудь мужа своего почитать тебя или будь его рабою.

Ты имѣешь способъ упрекать его въ дурномъ поведеніи; сей способъ есть твоя добродѣтель. Ею пристыди его, ею принудь его просить у тебя прощенія. Когда почувствуетъ онъ всю свою несправедливость, когда увидитъ, что ты ее не заслуживаешь (и какая была бы для него потеря, еслибъ ты любить его перестала!), тогда онъ больше тебя любить станетъ. Обыкновенно цѣна здоровья ощущается послѣ болѣзни: равномѣрно несогласія любящихъ дѣлаютъ примиреніе пріятнѣйшимъ.

Но буде ты внимать мнѣ не хочешь, то пожалуй продолжай безумную свою ревность. Разсудокъ мужа твоего боленъ; являй, что и твой не здоровѣе. Онъ отваживается потерять свое доброе имя, теряй и ты свое. Онъ разоряется: помогай ему въ разореніи; думая наказывать его, наказывай себя. Но нѣтъ, Софьюшка, не вдавайся ты въ сіи крайности. Скрывай страданія сердца своего; терпи великодушно. Вотъ способъ прекратить твое бѣдствіе. Я никогда не престану быть твоимъ искреннимъ другомъ.

Стародумъ.

P. S. Сегодня никакихъ совѣтовъ не пишу я къ Милону, дабы не подать ему подозрѣнія, что ты мнѣ на него жаловалась. Со временемъ я и къ нему со всею искренностію писать буду.

ПИСЬМО СТАРОДУМА

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ НЕДОРОСЛЯ.

Москва, февраля 1788 года.

На сихъ дняхъ попались мнѣ въ руки ходящія здѣсь рукописныя два сочиненія: 1-е, *Всеобщая Придворная Грамматика*; и 2-е, *Письмо Взяткина къ покойному Его Превосходительству, съ отвѣтомъ*. Идея перваго сочиненія совсѣмъ новая, а второе обнаруживаетъ бездѣльническіе способы къ угнетенію бѣдныхъ и безпомощныхъ. Оба кажутся мнѣ достойны быть помѣщены въ твореніяхъ, посвященныхъ истинѣ. Для того я ихъ при семъ къ вамъ сообщаю, пребывая и проч.

Стародумъ.

ВСЕОБЩАЯ

ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА.

—

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сія Грамматика не принадлежитъ частно ни до котораго Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинникъ оной найденъ въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый Царь и первый Дворъ. Древность сего сочиненія глубочайшая: ибо на первомъ листѣ Грамматики хотя годъ и не назначенъ, но именно изображены сіи слова: *вскорѣ послѣ всеобщаго потопа.*

═

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.

Вопр. Что̀ есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что̀ значитъ хитро льстить?

Отв. Значитъ говорить и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что̀ есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душею надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. На сколько родовъ раздѣляются подлыя души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какія подлыя души перваго рода?

Отв. Тѣ, кои сдѣлали несчастную привычку, безъ малѣйшей нужды, въ переднихъ знатныхъ господъ шататься вседневно.

Вопр. Какія подлыя души втораго рода?

Отв. Тѣ, кои, съ благоговѣніемъ предстоя большому барину, смотрятъ ему въ очи раболѣпно и алчутъ предузнать мысли его, чтобы заранѣе угодить ему подлымъ таканьемъ.

Вопр. Какія суть подлыя души третьяго рода?

Отв. Тѣ, которыя предъ лицемъ большаго барина, изъ одной трусости, рады всѣ всклепать на себя небывальщины и отъ всего отпереться.

Вопр. А какія подлыя души рода четвертаго?

Отв. Тѣ, кои въ большихъ господахъ пре-

возносятъ и то̀ похвалами, чѣмъ гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какія суть подлыя души пятаго рода?

Отв. Тѣ, кои имѣютъ безстыдство за свои прислуги принимать воздаянія, принадлежащія однѣмъ заслугамъ.

Вопр. Какія же суть подлыя души рода шестаго?

Отв. Тѣ, которыя презрительнѣйшимъ притворствомъ обманываютъ публику: внѣ дворца кажутся *Катонами*; вопіютъ противъ льстецовъ; ругаютъ язвительно и безпощадно всѣхъ тѣхъ, которыхъ трепещутъ единаго взора; проповѣдуютъ неустрашимость; и по ихъ отзывамъ кажется, что они одни своею твердостію стерегутъ цѣлость отечества; и несчастныхъ избавляютъ отъ погибели но, переступя чрезъ порогъ въ чертоги государя, дѣлается съ ними совершенное превращеніе: языкъ, ругавшій льстецовъ, самъ подлаживаетъ имъ подлѣйшею лестію; кого ругалъ за полчаса, предъ тѣмъ безгласный рабъ; проповѣдникъ неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; стражъ цѣлости отечества, если находитъ случай, первый протягиваетъ руку ограбить отечество; заступникъ несчастныхъ для малѣйшей своей выгоды радъ погубить невиннаго.

Вопр. Какое раздѣленіе словъ у Двора примѣчается?

Отв. Обыкновенныя слова бываютъ: *одно-*

сложныя, *двусложныя*, *троесложныя* и *многосложныя*: Односложныя: *такъ*, *князь*, *рабъ*; двусложныя: *силенъ*, *случай*, *упалъ*; троесложныя: *милостивъ*, *жаловать*, *угождать*, и наконецъ многосложныя : *Высокопревосходительство*.

Вопр. Какіе люди обыкнвеннно составляютъ Дворъ?

Отв. Гласные и безгласные.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гласныхъ и о частяхъ рѣчи.

Вопр. Что̀ разумѣешь ты чрезъ гласныхъ?

Отв. Чрезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверзтіе рта, производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно. Напримѣръ : если большой баринъ, при докладѣ ему о какомъ-нибудь дѣлѣ, нахмурясь скажетъ: *о!*, того дѣла вѣчно сдѣлать не посмѣютъ, развѣ какъ-нибудь перетолкуютъ ему объ ономъ другимъ образомъ и онъ, получа о дѣлѣ другія мысли, скажетъ тономъ, изъявляющимъ свою ошибку: *а!* — тогда дѣло обыкновенно въ тотъ же часъ и рѣшено.

Вопр. Сколько у Двора бываетъ гласныхъ?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, рѣдко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нѣтъ ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отв. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который предъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный.

Вопр. Что̀ разумѣешь ты чрезъ придворныхъ безгласныхъ?

Отв. Они у Двора точно то, что въ азбукѣ буква *ъ*, то есть: сами собою, безъ помощи другихъ буквъ, никакого звука не производятъ.

Вопр. Что̀ при словахъ примѣчать должно?

Отв. Родъ, число и падежъ.

Вопр. Что̀ есть придворный родъ?

Отв. Есть различіе между душею мужескою и женскою. Сіе различіе отъ пола не зависитъ: ибо у Двора иногда женщина сто̀итъ мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что̀ есть число?

Отв. Число у Двора значитъ счетъ, за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счетъ, сколькими полугласными и безгласными можно̀ свалить одного гласнаго; или же иногда, сколько одинъ гласный, чтобъ устоять въ гласныхъ, долженъ повалить полугласныхъ и безгласныхъ.

Вопр. Что есть придворный падежъ?

Отв. Придворный падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, бо́льшая часть бояръ думаетъ, что всѣ находятся передъ ними въ *винительномъ падежѣ*; снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежемъ дательнымъ*.

Вопр. Сколько у двора глаголовъ?

Отв. Три: *дѣйствительный*, *страдательный*, а чаше всего *отложительный*.

Вопр. Какія наклоненія обыкновенно у Двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопредѣленное.

Вопр. У людей заслуженныхъ, но безпомощныхъ, какое *время* употребляется по большей части въ разговорахъ съ большими господами?

Отв. *Прошедшее*, напримѣръ: *я израненъ*, *я служилъ*, и тому подобное.

Вопр. Въ какомъ *времени* бываетъ ихъ отвѣтъ?

Отв. Въ *будущемъ*, напримѣръ: *посмотрю*, *доложу*, и такъ далѣе.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго времени*, чаще всѣхъ употребительнѣйщаго:)

Настоящее:

Я долженъ. Мы должны.
Ты долженъ. Вы должны.
Онъ долженъ. Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть.

ПЕРЕПИСКА

ВЗЯТКИНА и СТАРОДУМА.

Письмо, найденное по блаженной кончинѣ Надворнаго Совѣтника Взяткина къ покойному Его Превосходительству ***.

Москва, 1777.

Милостивый Государь и второй отецъ!

Съ крайнимъ сердца нашего обрадованіемъ, чему свидѣтель Господь сердцевидецъ, услы-

шалъ я съ женою моею. Улитою, и съ дѣтьми нашими обоего пола, что Ваше Превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведены въ большой чинъ и посажены знатнымъ судьею, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго. Къ стопамъ Вашего Превосходительства упадая, просимъ рабски, не оставить насъ по дѣламъ нашимъ, которымъ и реестрецъ маленькій вкратцѣ приложить возъимѣлъ я дерзость, а при немъ прилагаю вамъ, государю и отцу, сторублевую ассигнацію, на первый случай, зная издревле благочестивую душу Вашего Превосходительства, предъ которою *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ*. Да и поистинѣ, милостивый государь и отецъ, жизнь наша краткая: не довлѣетъ пренебрегать такіе благознаменитые случаи, въ которые Ваше Превосходительство можете пріобрѣсть стяжанія въ роды родовъ. Теперь-то пришло время благополучія вашего: истцы и отвѣтчики, правые и виноватые, богатые и *убозіи*, всѣ въ руцѣ Вашего Превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, нѣсть грѣха и до нее отъ времени до времени прикасаться; ибо не Ваше Превосходительство, такъ другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть едва ли мо-

жетъ, да, и видно, таковъ положенъ ей предѣлъ, *его же не прейде*. При толикихъ удобныхъ благополучіяхъ да не буду и я отриновенъ отъ благодати Вашего Превосходительства, и не возможно ли, милостивый государь и второй отецъ, перетащить меня изъ Москвы въ С.-Петербургъ, хотя тѣмъ же чиномъ, для прислугъ Вашему Превосходительству; а когда соизволите усмотрѣть приращеніе интересовъ вашихъ моими усердными и безпорочными трудами въ пріисканіи извѣстныхъ случаевъ ради помянутаго приращенія, то и о произведеніи меня чиномъ отеческое попеченіе возъимѣете. Да еще жъ прошу васъ, государя и отца, о сынѣ моемъ Митюшкѣ, ежели возможно, взять его къ себѣ хотя въ копіисты а его Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже подъ моимъ смотрѣніемъ сочинилъ совсѣмъ новаго роду сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается; такъ я и думаю, что изъ него прокъ будетъ и онъ удостоится отеческой вашей милости; на что и ожидаю вашего указа. Истинно, милостивый государь и отецъ! теперь ваше, а по васъ и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжко будетъ, да когда въ производствахъ своихъ соблаговолите ссылаться на законы, къ чему и убогіе Митюшкины труды могутъ приго-

диться, то по неволѣ замолчатъ наши недоброхоты. Государь и отецъ! разсудите сами по чистой совѣсти: буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ; то для чего же судьѣ своей пользы не искать въ законахъ? Отъ такой выключки оборони насъ Вышній; а я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго издыханія пребываю,

Вашего Превосходительства,
Милостиваго Государя и отца,
всепокорнѣйшій слуга и рабъ,
Артемонъ Взяткинъ,
къ стопамъ повергаюсь.

═

Краткій реестръ для напоминанія всеуниженнѣйшей просьбы Надворнаго Совѣтника Взяткина, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ Его Превосходительству за милостивую протекцію и покровительство.

1. Имѣется межевое дѣло бывшаго Воеводскаго товарища, Антропа Шильникова, съ разными беззаступными помѣщиками. Вмѣсто потребныхъ документовъ, коихъ рѣченный Шельниковъ нигдѣ отыскать не можетъ, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за. . . . . 500 р.

2. Ассесоръ Воровъ ищетъ мѣста въ дальнихъ намѣстничествахъ, дабы слухъ о производствахъ его не достигалъ никогда до столи-

цы. Человѣкъ онъ кроткій и славы не любитъ. Чрезъ полгода, по прибытіи въ его мѣсто, не примннетъ онъ Вашему Превосходительству повергнуть чрезъ меня. . . . . 500 р.

Потомъ ежегодно, пока продлитъ Богъ вѣка Вашему Превосходительству, по. . . 1000 р.

3. Вдова штабъ-офицерша Бѣднякова, имѣющая вексельное дѣло съ купцомъ Плутягинымъ, потащилась въ С.-Петербургъ искать правосудія. Не возможно ль, государь и отецъ, удостоить отеческимъ покровительствомъ реченнаго Плутягина, и, не допуская до подачія челобитной, подъ какимъ ни есть предлогомъ, выгнать изъ столицы реченную вдову Бѣднякову! За такое человѣколюбивое благодѣяніе, которое въ настоящемъ случайномъ благополучіи Ваше Превосходительство всего удобнѣе показать можете, реченный купецъ подноситъ. . . . . 500 р.

4. Совѣтникъ Криводушинъ, находящійся въ извѣстномъ намѣстничествѣ, проситъ сильнаго рекомендательнаго письма Вашего Превосходительства, дабы онъ употребленъ былъ при рекрутскихъ наборахъ; и если, какъ надѣяться должно, будетъ онъ удостоенъ сей весьма важной для поправленія дѣлъ его коммиссіи, то въ каждый таковой благополучный и вожделѣнный годъ Ваше Превосходительство навѣрное благоволите считать отъ него по . . . . 1500 руб.

5. Находившійся при таможенныхъ сборахъ

ассессоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ Вашего Превосходительства и проситъ, изъ единаго человѣколюбія, приложить милосердное попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себя въ состояніе, въ непродолжительномъ времени, достойно и праведно возблагодарить Ваше Превосходительство.

Наконецъ осмѣливаюсь упомянуть Вашему Превосходительству и о моемъ страдальческомъ положеніи. До сихъ поръ въ здѣшнемъ правительствѣ не рѣшено еще извѣстное дѣло мое о безчестіи и увѣчьѣ, по поводу данной мнѣ всенижайшему сильной пощечины отъ Его Высокоблагородія г. маіора Неспускалова. Помилуйте, государь и отецъ, не оставьте меня милостивою рекомендаціею къ здѣшнему начальству и испросите высокаго его покровительства въ скорѣйшемъ мнѣ полученіи опредѣленнаго по законамъ безчестія и увѣчья, какъ за сію, уже данную мнѣ пощечину, такъ генерально и за всѣ могущія впредь со мной воспослѣдовать, дабы не при всякой новой оплеухѣ утруждать Ваше Превосходительство вновь о милостивомъ заступленіи.

═

ОТВѢТЪ.

Мой государь, Артемонъ Власьевичъ.

Много благодарствую за пріятельское ваше писаніе, съ приложеніемъ извѣстной бумажки и реестра, по которому я учинилъ слѣдующее распоряженіе:

На 1. Шильниково дѣло я давно знаю. Еслибъ онъ попался къ другому, тобъ, конечно, обвиненъ былъ; но какъ я крѣпостныхъ документовъ никогда ни отъ кого не спрашивалъ, а рѣшу и заступаю по другимъ документамъ, каковыхъ соперникъ его не представляетъ мнѣ ни одного, а Шильниковъ пятьсотъ, то сей послѣдній можетъ быть увѣренъ, что всѣ законы возопіютъ противъ его соперника; но не забудь, мой пріятель, растолковать ему, что обѣщаемые пятьсотъ документовъ мнѣ не послужатъ нимало къ убѣжденію секретаря. Для него потребна по крайней мѣрѣ новая сотня документовъ. Онъ человѣкъ совѣсти весьма деликатной и за бездѣлицу души не покривитъ.

На 2. Воровъ мнѣ самому былъ пріятелемъ съ ребячества. Прилагаю объ немъ рекомендательное письмецо въ твердомъ упованіи, что онъ свой разсчетъ сдѣлалъ и обѣщаемое мнѣ вѣрно доставлять станетъ. А ты, мой пріятель, увѣрь его, чтобъ онъ никакихъ жалобъ не опасался; ибо пока я бояринъ, онъ

Воровъ и вся его родня будутъ вести житіе благоденственное.

На 3. О Бѣдняковой далъ я сегодня же приказъ моему канцеляристу, чтобъ онъ при въѣздѣ ея въ городъ, закричалъ на нее: *караулъ!* въ Ямской, подъ предлогомъ яко бы нѣкоего тяжебнаго дѣла; слѣдственно будетъ она проведена прямо въ государеву квартиру; а какъ по новости ея въ городѣ, она порукъ по себѣ не найдетъ, да и я не допущу, то можетъ она сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока согласится, не заѣзжая никуда, отправиться во-свояси. Будь увѣренъ, мой пріятель, что пока я бояринъ, до тѣхъ поръ для всѣхъ Бѣдняковыхъ Петербургъ будетъ тюрьма, а тюрьма Петербургъ.

На 4. Рекомендательное письмо къ N. N., объ употребленіи совѣтника Криводушина къ рекрутскимъ наборамъ охотно при семъ прилагаю; а притомъ прошу внушить ему яко бы отъ себя, чтобъ онъ не сильно налегалъ на помѣщичьихъ, а прижималъ бы плотнѣе тѣхъ, за которыхъ не кому вступиться. Сего послѣдняго правила держусь я и самъ въ знатномъ моемъ состояніи, кольми паче маленькій человѣкъ наблюдать оное долженъ.

На 5. Ассесоръ Простофилинъ самъ виноватъ, для чего потерялъ мѣсто. Я его за простоту любилъ, и какъ теперь помню, наканунѣ допроса, учиненнаго ему о казенной кражѣ, я призывалъ его къ себѣ и сколько

разъ, увѣщевая дружески, говорилъ ему: «Эй, отопрись, отопрись!» — Нѣтъ, сударь, таки признался, повинился; вотъ за то и топчи теперь площадь. Скажи ему однако, что я объ немъ постараюсь; но что если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь.

При семъ же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебѣ, пріятелю моему, пощечины. Будучи въ малыхъ чинахъ, я и самъ пользовался безумною горячностію челобитчиковъ и съ такимъ успѣхомъ, что поистинѣ цѣлый годовой окладъ мой выбиралъ иногда на однѣхъ оплеухахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался бояриномъ, сія вѣтвь моихъ доходовъ совершенно истребилась. Когда я, будучи въ маленькихъ чинахъ, обращался съ мелкимъ дворянствомъ, бывало за всякую бездѣлицу: выдеру ль листъ изъ дѣла, почищу ль да приправлю, того и смотрю что обиженный мною, безъ дальнихъ извиненій, шлепъ меня по рожѣ. Но въ настоящемъ положеніи, что ни творю, никто не дерзаетъ меня въ очи избранить, не только заушить. Истинно, мой достойный пріятель, жалко видѣть, какъ въ большомъ свѣтѣ души мелки и робки!

Учиня тебѣ, мой государь и нелицемѣрный пріятель, отвѣтъ на твое дружеское писаніе, прилагаю вкратцѣ тебѣ наставленіе, или краткую инструкцію, какія въ настоящемъ моемъ

положенiи потребны мнѣ твои прiятельскiя услуги:

1. Въ откровенности тебѣ скажу, моему государю, что здѣсь слово *откупъ* въ крайнемъ презрѣнiи и поношенiи, и называется *монополiя.* Мое мнѣнiе то, чтобъ сего слова никогда не употреблять, а все откупать, что возможно; ибо иногда одну вещь подъ разными именами не распознаютъ вовсе. Я положилъ откупъ называть *законтрактованiемъ*, и прошу тебя прiискать въ Москвѣ изъ старыхъ откупщиковъ къ новому законтрактованiю, какихъ вещей они сами пожелаютъ, лишь бы меня самого взяли въ половину, дабы я имѣлъ причину дать имъ надлежащую протекцiю и покровительство.

═

ПИСЬМО ОТЪ СТАРОДУМА.

Москва. Февраля 1788 года.

Мнѣ случилось на сихъ дняхъ быть въ здѣшнемъ обществѣ, довольно многочисленномъ, а особливо дамъ было великое множество. Въ одной комнатѣ былъ разведенъ каминъ, около котораго стояли человѣкъ пять, шесть молодыхъ людей. Они, не взирая на присутствiе сидѣвшихъ въ той же комнатѣ знатныхъ и состарѣвшихся въ дѣлахъ государственныхъ особъ, разговаривали между собою непристойно громко и со всею невѣжескою дерзостью.

Я поразвѣдалъ, кто они таковы. Мнѣ сказано было, что они молодые писатели. Я подошелъ къ нимъ поближе послушать ихъ бесѣды и нашелъ, что бесѣдовали они о литературѣ. Мнѣнія свои сказывали за рѣшенія, ни какому пересуду не подверженныя. Одинъ изъ нихъ весьма язвительно шпынялъ надъ твореніями первыхъ нашихъ писателей и изъяснялся; что онъ самъ упражняется въ стихотворствѣ, но во Французкомъ, а не въ Россійскомъ! «ибо,» сказалъ онъ съ насмѣшкою. «я боюсь войти въ соперничеетво съ великими людьми.» Молодой человѣкъ, съ нетерпѣніемъ насмѣшки его слушавшій, отвѣчалъ ему: «Вы напрасно боитесь войти въ соперничество съ нашими великими людьми; Французское ваше краснорѣчіе доказываетъ, какой бы вы писатель были и по-Русски. Россія имѣетъ ораторовъ, надъ которыми шутить не позволяется.» — «Я думаю,» отвѣчалъ Французскій стихотворецъ, «что Россія краснорѣчія вовсе не имѣетъ; ибо если собрать всѣ Русскія краснорѣчивыя творенія, то книга выйдетъ не весьма огромная.» Послѣ сихъ словъ разговоръ сталъ у нихъ гораздо горячѣе и показывалъ, что бесѣдующіе молодые писатели знаніе имѣли весьма малое, а воспитанія никакого.

Возвратясь домой, подумалъ я о сей бесѣдѣ, и какъ нельзя не признаться, что наши витійственныя сочиненія составили бы весьма маленькую книжку, то размышлялъ я, отъ чего

имѣемъ мы такъ мало ораторовъ? Никакъ нельзя положить, чтобъ сіе происходило отъ недостатка національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, ниже отъ недостатка Россійскаго Языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію. Истинная причина малаго числа ораторовъ есть недостатокъ въ случаяхъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться. Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами награждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ. Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ, суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленныя по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода и силы было бы Россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ.

Но между неисчетными благами, коими Россія облагодѣтельствована отъ Екатерины Вторыя, должно считать и установленіе Россійской Академіи. Сіе установленіе конечно много споспѣшествовать будетъ къ образованію и обогащенію Россійскаго Слова. Слышу я, что Академія упражняется въ составленіи Россійскаго Лексикона и Грамматики. Безъ сомнѣнія, сей трудъ будетъ весьма полезенъ; но кажется мнѣ, что между тѣмъ, какъ Академія симъ занимается, можетъ она, подъ покровительствомъ Предсѣдательствующей въ ней толь знаменитой просвѣщеннымъ своимъ разумомъ Особы, дать упражніе и тѣмъ Россійскимъ писателямъ, кои не суть члены Академіи. Она можетъ, по примѣру подобныхъ въ Европѣ установленій, задавать ежегодно матеріи къ витійственнымъ сочиненіямъ, награждая побѣдителя въ краснорѣчіи и возбуждая тѣмъ соревнованіе между писателями. Россія имѣла между Государями своими великихъ благодѣтелей, кои достойны благодарности. Имѣла она также и между сынами своими истинныхъ отечестволюбцевъ, которыхъ дѣла достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и матеріи нравоучительныя, словомъ: упражнять писателей во всѣхъ родахъ сочиненій и тѣмъ вовращать Россійскаго Слова богатство, красоту и силу. Я есмь и проч.

Стародумъ.

═

РАЗГОВОРЪ

у

КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ.

—

ПИСЬМО ОТЪ СТАРОДУМА.

Москва, Февраля 1788 года.

Сегодня былъ у меня одинъ изъ моихъ пріятелей, который сказывалъ мнѣ, что вчера онъ званъ былъ обѣдать къ княгинѣ Халдиной, но пріѣхалъ къ ней такъ рано, что она еще одѣвалась и его принять не могла; почемувведенъ былъ въ компату подлѣ уборной ея, такъ что могъ слышать ея разговоры. Она много шумѣла съ своею дѣвушкою о нарядахъ; потомъ взглянула въ окошко и, увидѣвъ, что подъѣхали къ крыльцу санки: «Это санки Сорванцова» сказала Княгиня съ веселымъ видомъ. «Пусти его сюда,» говорила она дѣвушкѣ своей. Чрезъ минуту пріятель мой увидѣлъ вошедшаго къ Княгинѣ мужчину въ намѣстническомъ мундирѣ. Княгиня, въ веселомъ духѣ привставъ: «А! Сорванцовъ голубчикъ! здравствуй,» сказала ему, «садись возлѣ меня. Откуда?»

Сорванцовъ. Изъ присутствія, Княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я тамъ такъ заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дѣло; всю эту пропасть мололи при мнѣ; а какъ закономъ не запрещено судьѣ спать, когда и гдѣ захочетъ, то я, сидя за судейскимъ столомъ, предпочелъ лучше во снѣ видѣть бредъ, нежели на яву слышать вздоръ.

Княгиня. Не понимаю, какъ ты могъ съ твоимъ любезнымъ характеромъ сдѣлаться судьею! Знаешь ли что? Пока я за туалетомъ, разскажи мнѣ всю свою исторію. Дѣвка! румяны!

Сорванцовъ. Она коротехонька. Я нарисую вамъ всю картину моей жизни прежде нежели вы полщеки разрисовать успѣете. Мнѣ уже за тридцать лѣтъ. Первыя восемнадцать, сидя дома, служилъ я отечеству гвардіи унтеръ-офицеромъ. Покойникъ батюшка и покойница матушка выхаживали мнѣ ежегодно паспортъ для продолженія наукъ, которыхъ я, слава Богу, никогда не начиналъ. Какъ теперь помню, что просительное письмо въ Петербургъ о паспортѣ посылали они обыкновенно по ямской почтѣ, потому что при письмѣ слѣдовала посылка съ кускомъ штофа, адресованнаго на имя не знаю какой-то тетки полковаго секретаря. Какъ бы то ни было, я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ очутился въ отставкѣ капитаномъ. Съ тѣхъ поръ жилъ я въ Москвѣ благополучно, потому что батюшка и матуш-

ка скончались и я остался одинъ господиномъ трехъ тысячъ душъ. Недѣли двѣ спустя послѣ ихъ кончины жестокое несчастіе лишило меня вдругъ тысячи душъ.

КНЯГИНЯ. Боже мой! Какое же это несчастіе?

СОРВАНЦОВЪ. Несчастіе, которому, я думаю, въ свѣтѣ примѣра не бывало и не будетъ. Полтораста картъ убили у меня въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ девяносто семь загнуты были *сетелева!*

КНЯГИНЯ. Ахъ, это слышать страшно!

СОРВАНЦОВЪ. Послѣ этого несчастія хватился я за разумъ: пересталъ ставить большіе куши и маленькими въ полгода переставилъ я еще пятьсотъ душъ въ Каширѣ.

КНЯГИНЯ. Какъ, ты проигралъ и Каширскую, гдѣ лежатъ твои родители?

СОРВАНЦОВЪ. Я имъ тутъ лежать не помѣшалъ, Княгиня! Сверхъ того, не изъ подлой корысти продалъ я деревню, гдѣ погребены мои родители. За то, что тѣла ихъ тутъ опочиваютъ, мнѣ ни полушки не прибавили.

КНЯГИНЯ. Такъ и подлинно, ты передъ ними чистъ въ своей совѣсти.

СОРВАНЦОВЪ. И такъ съ полутора тысячью душами принялся я за экономію: вошелъ въ коммерцію, сталъ продавать людей на службу отечеству, сталъ заводить въ подмосковной псовую охоту, сталъ покупать бѣгуновъ, чтобъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ нѣкоторую репутацію. Ямской цугъ былъ у меня по Москвѣ изъ

первыхъ; какъ вдругъ пораженъ я былъ лютѣйшимъ ударомъ, какой только въ жизни могъ приключиться моему честолюбію.

КНЯГИНЯ. Ахъ, Боже мой! какое это новое несчастіе?

СОРВАНЦОВЪ. Я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ изъ моего цуга выпрягли четверню и велѣли ѣздить на парѣ. Этотъ ударъ такъ меня сразилъ, что я тотчасъ ускакалъ въ деревню и жилъ тамъ долго какъ человѣкъ отчаянный. Наконецъ очнулся. Я дворянинъ, сказалъ я самъ себѣ, и не созданъ терпѣть униженія. Я рѣшился или умереть, или попрежнему ѣздить шестеркой.

КНЯГИНЯ. Молодые люди! молодые люди! вотъ какъ вамъ всѣмъ думать надобно!

СОРВАНЦОВЪ. Я кинулся въ Петербургъ, гдѣ черезъ шесть недѣль преобразили меня въ надворные совѣтники. Я странный человѣкъ! Чтобъ найти, чего ищу, ничего не пожалѣю. Слѣдствіемъ этого образа мыслей было то, что меньше нежели чрезъ годъ изъ надворныхъ совѣтниковъ перебросили меня въ коллежскіе. Теперь я наканунѣ быть статскимъ, а на завтра этого челобитную въ отставку, да и въ Москву, въ которой, первые визиты сдѣлавъ шестернею, докажу публикѣ, что я умѣлъ удовлетворить честолюбію.

КНЯГИНЯ. О, если бы всѣ дворяне мыслили такъ благородно и лошадямъ было бы гораздо легче! Ты сдѣлалъ полезное дѣло и себѣ

и ближнимъ. Твой поступокъ, мой милый Сорванцовъ, содержитъ въ себѣ чистое нравоученіе.

СОРВАНЦОВЪ. Я столько счастливъ, что нашелъ себѣ подражателей. Я моимъ примѣромъ открылъ ту истину, что чинъ заслуженный ни чѣмъ не лучше чина купленнаго.

КНЯГИНЯ. Не прогнѣвайся, голубчикъ. Сія истина не весьма новая; ибо не ты первый купилъ себѣ право впрягать шесть лошадей. Я сама имѣла жениха оберъ-офицера, но не позволила ему о бракѣ нашемъ и думать, пока не будетъ онъ имѣть право возить меня четвернею. Покойный мой князь принужденъ былъ согласиться на мое требованіе.

СОРВАНЦОВЪ. Я удивляюсь, Княгиня, какъ могла ты ограничить свое честолюбіе только четвернею! Ты бы могла предписать жениху снисканіе права на шесть лошадей.

КНЯГИНЯ. Но, Сорванцовъ, голубчикъ! твое честолюбіе выходило изъ мѣры. Ты хотѣлъ изъ капитановъ быть вдругъ бригадирскаго чина. Я недавно читала Римскую Исторію и нахожу, что твое честолюбіе есть Катилинское. Берегись, Сорванцовъ, чтобы и тебя не постигъ какой-нибудь бѣдственный конецъ.

СОРВАНЦОВЪ. Я откроюсь тебѣ, Княгиня, что каждую почту изъ Петербурга съ трепетомъ писемъ ожидаю. Судьи, мои товарищи, рѣшили одно дѣло, или, лучше сказать, смошенничали. Обиженный нашелъ въ Петербургѣ по-

кровительство и, сказываютъ, что всѣмъ намъ бѣда будетъ.

Княгиня. Да ты неужели за одно былъ съ безсовѣстными судьями?

Сорванцовъ. Нѣтъ, Княгиня. Я согласился съ ними для того, что не понималъ дѣла, и мнѣ пристойнѣе казалось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имѣешь разумъ, Сорванцовъ. Я не постигаю, какого бы дѣла ты понять не могъ.

Сорванцовъ. Оно писано было такимъ темнымъ слогомъ, что безъ проницанія чрезъ—естественнаго понять его никакъ невозможно.

Княгиня. A propos! (*къ своей дѣвушкѣ*) Ты мнѣ анонсировала г-на Здравомысла; гдѣ жъ онъ?

Дѣвка (*указывая на другую комнату*). Вотъ здѣсь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда. (*Здравомыслъ входитъ*).

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ. (*Къ дѣвкѣ*) Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться.

Дѣвка. Да вѣдь стыдно, ваше сіятельство.

Княгиня. Глупа, радость! Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомыслъ. Я, вошедъ сюда, помѣшалъ вашему разговору, который, сколько я примѣтилъ, былъ довольно серіозенъ.

Княгиня. Если позволите, мы разговоръ нашъ продолжать станемъ и просимъ васъ не скрывать отъ насъ вашихъ мыслей (*Сорванцову*). Продолжай.

Сорванцовъ. Повѣрьте мнѣ, Княгиня, что многія дѣла беззаконно рѣшаются сколько отъ безсовѣстности судей, столько и отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло.

Здравомыслъ. Не всегда судьи не понимаютъ дѣла для того, что оно предложено не ясно; весьма часто не понимаютъ для того, что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ; по сколько у насъ людей, которые порядочно учились и имѣютъ навыкъ понимать читаемое? Я не требую судей ученыхъ, но, мнѣ кажется, судья долженъ быть неотмѣнно просвѣщенъ и умѣть грамотѣ, то есть, знать по крайней мѣрѣ правописаніе, чему, я самъ видѣлъ, немногіе у насъ умѣютъ; хотя и то правда, что запятая, не въ своемъ мѣстѣ поставленная, иногда перемѣняетъ существо самаго дѣла и слѣдовательно заставляетъ судей рѣшить неправильно.

Сорванцовъ. Но развѣ всему этому пособить не можно? Развѣ нельзя завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе, и дарованіе понять дѣло?

Здравомыслъ. Мы видимъ, что у насъ объ этомъ и помышляютъ. Когда въ россійскихъ городахъ заводятъ университеты, то — стало

намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно *Политическая Наука.*

Сорванцовъ. Что̀ вы чрезъ сію науку разумѣете?

Здравомыслъ. Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія; науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ Политическая Наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространиться, дабы не наскучить симъ вамъ и тѣмъ, кои разговоръ нашъ читать будутъ.

Сорванцовъ. Я хотя и могу показаться вамъ головорѣзомъ, однако вѣрьте мнѣ, что я хотѣлъ бы сію минуту пойти ученикомъ въ тотъ университетъ, гдѣ могъ бы сдѣлаться годнымъ къ службѣ, и оттуда вышедъ, зналъ бы я, что получу мѣсто не то, гдѣ есть только вакансія, но то, для котораго я учился и къ которому способенъ.

Здравомыслъ. Если бы я зналъ, что моя идея о заведеніи въ университетахъ класса Политической Науки найдена была полезною и угодною, я охотно составилъ бы мое мнѣ-

ніе, какъ къ сему приступить удобнѣе. Находясь въ чужихъ краяхъ, я видѣлъ самъ таковой классъ; имѣю книжки, по коимъ Политическая Наука преподается, и говорилъ съ тѣми людьми, кои преподаютъ сію науку, но, признаюсь вамъ, что безъ особеннаго побужденія боюсь вмѣсто удовольствія нажить какихъ-нибудь непріятностей отъ тѣхъ людей, кои сами, пресмыкаясь въ невѣжествѣ, думаютъ, что для дѣлъ ничему учиться не надобно.

СОРВАНЦОВЪ. Я слыхалъ пословицу: не учась, въ попы не ставятъ.

ЗДРАВОМЫСЛЪ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали слѣдовать сей пословицѣ, попы наши очевидно стали лучше и просвѣщеннѣе и сія часть гражданъ отправляетъ свою должность гораздо порядочнѣе. Я совершенно увѣренъ, что еслибъ взято было за правило: *не учась, въ судьи не опредѣлять*, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже.

СОРВАНЦОВЪ. Я по себѣ чувствую, что безъ просвѣщенія человѣкъ есть сожалѣнія достойная тварь.

ЗДРАВОМЫСЛЪ. Но развѣ нельзя унять грабителей и завести добрыхъ адвокатовъ?

СОРВАНЦОВЪ. Сіе не невозможно, но трудно и требуетъ большаго времени.

ЗДРАВОМЫСЛЪ. По крайней мѣрѣ, неужели нѣтъ средства пресѣчь взятки?

СОРВАНЦОВЪ. Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила

всякаго судью взятколюбною душею, многіе изъ нихъ съ честными правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 рубл. Скажите мнѣ ради Бога: какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ *г-нъ Безкорыстъ*. Онъ взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду. Я скажу о себѣ; я имѣю достатокъ и если смошенничаю, то заслужу безъ всякой пощады висѣлицу, равно какъ и всѣ тѣ ее всеконечно заслужили, кои, награбя богатства, не остаютъ отъ своего промысла и продаютъ публично правосудіе.

КНЯГИНЯ. Но ты, любезный Сорванцовъ, имѣешь природный умъ. Ты ужасть какъ въ обществѣ ловокъ!

СОРВАНЦОВЪ. Къ несчастію, мнѣ не надо было воспитанія. Родители мои имѣли о семъ словѣ неправильное понятіе. Они внутренно были увѣрены, что давали мнѣ хорошее воспитаніе, когда кормили меня бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго; словомъ, чрезъ *воспитаніе*

разумѣли они одно *питаніе*. Учить меня ничему не помышляли и природный мой умъ не получалъ никакого просвѣщенія. По-французски выучился я случайно. *Г-жа Лицемѣра*, моя внучатная тетушка, вздумала дѣтей своихъ учить по-французски. Тогда пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга Французъ, жившій до того въ Америкѣ. Сей Французъ назывался, какъ теперь помню, *Шевалье Какаду*. Тетушка моя получила къ нему симпатію и приняла его въ свой домъ въ наставники своимъ дѣтямъ. Она взяла отъ родителей моихъ и меня учиться вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Я думаю, что не лишнее сдѣлаю, если опишу вамъ характеръ моей тетушки и ея фаворита, а нашего наставника.

Тетушка моя выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотримъ, такова ли она была въ самомъ дѣлѣ:

Въ учрежденіи комнатъ первое вниманіе обращаетъ она всегда на то, чтобъ дѣтская была гораздо далѣе отъ ея спальни; ибо крикъ малолѣтныхъ дѣтей ей нестерпимъ, хотя она нимало не скучаетъ лаяньемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя. Вотъ доказательства ея чадолюбія!

Никакой слабости женщинамъ не прощаетъ; но послѣдній сынъ ея какъ двѣ капли воды

походитъ на Шевалье Какаду. Вотъ ея супружеская вѣрность!

КНЯГИНЯ. Сорванцовъ! у тебя языкъ злорѣчивый. Я тебѣ скажу о себѣ. Никто изъ дѣтей моихъ на отца не походитъ, а походятъ на тѣхъ друзей, кои къ намъ вседневно ходили; по крайней мѣрѣ мнѣ отдадутъ ту справедливость, что друзья княгини Халдиной были не иные какъ друзья мужа ея.

СОРВАНЦОВЪ. На столъ тратитъ очень много, а ѣсть нечего. Дѣти ходятъ оборванныя и почти босыя. Добрая хозяйка!

Въ церкви никогда никто ее не видитъ, но ни одного клуба, ни спектакля не пропускаетъ. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, Французъ пустоголовый, изъ побродягъ самая негодница, училъ насъ по-французски, то есть далъ намъ выучить наизустъ нѣсколько вокабуловъ и началъ съ нами болтать по-французски. Грамматикѣ насъ не училъ, считая, что она педантство.

КНЯГИНЯ. Съ этой стороны онъ не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматикѣ не училась, а изъясняюсь по-французски изряднехонько. Скажи мнѣ, какія правила и чувства вселялъ въ васъ Шевалье?

СОРВАНЦОВЪ. Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему Русскому и любовь къ Французскому. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учите-

лей. Шевалье нашъ былъ надмененъ, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ, онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особливо въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера. Сіи тѣлесныя экзерциціи, которымъ и насъ онъ обучалъ, состояли въ томъ, что заставлялъ онъ насъ распускать золото.

КНЯГИНЯ. А въ чтеніи упражнялись ли вы когда?

СОРВАНЦОВЪ. Никогда; да я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ; ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ. Позволь, Княгиня, докончить характеръ бывшаго моего учителя. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ самой нищенской бѣдности. Тетка моя накупила ему бѣлья и взяла въ свой домъ, обезпеча его во всемъ нужномъ. Въ благодарность за то, когда у насъ бывали гости, не пропускалъ онъ случая дерзкимъ своимъ поведеніемъ показывать всѣмъ, въ какой связи находится онъ съ хозяйкою. Вотъ, Княгиня, какъ провелъ я первую мою молодость! Вошедъ въ свѣтъ, имѣлъ я несчастіе попасть на весьма худое общество, гдѣ меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я въ Москвѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который имѣлъ просвѣщеніе и хорошее поведеніе. Онъ пріучилъ меня къ чте-

нію книгъ и открылъ мнѣ, въ какомъ невѣжествѣ я пресмыкаюсь. Разсудокъ, который природа мнѣ даровала, родилъ во мнѣ охоту выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся. Я не скажу, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный. Недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются. По крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому, почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую.

Княгиня. И мое *воспитаніе* было одно *питаніе*. Лучшую мою молодость провела я въ Москвѣ и такая была пречудная, что многія матери запрещали дочерямъ своимъ имѣть со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чѣмъ поведеніе мое было нескромнѣе, тѣмъ была я славнѣе. Я не имѣла никого, кто бы меня остеречь могъ и чьи совѣты умѣрили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то, и другое сохраняю я до сего дня.

Здравомыслъ. То есть, съ вашимъ сіятельствомъ сбудется пословица: *Каковъ человѣкъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.*

Вотъ вамъ весь разговоръ, такъ какъ я имѣю его отъ пріятеля моего Здравомысла.

Вы можете помѣстить его въ ваше періодическое твореніе. Характеры Княгини и Сорванцова, кажется, списаны съ натуры, и идея Здравомысла о заведеніи класса Политической Науки достойна того, чтобъ не оставить ее безъ вниманія. Я есмь и проч.

Стародумъ.

НАСТАВЛЕНІЕ ДЯДИ

СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ.

—

Философы и нравоучители исписали многія стопы бумаги о наукѣ жить счастливо; но видно, что они прямаго пути къ счастію не знали, ибо сами жили почти въ бѣдности, то есть, несчастно. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ нажили великія богатства, но они въ жизни своей поступали совсѣмъ иначе, нежели писали. И кто знаетъ, не съ умыслу ли они преподавали людямъ ложныя правила къ счастію, дабы однимъ имъ пользоваться философскимъ камнемъ.

Я почитаю за долгъ дяди остеречь тебя, мой любезный племянникъ, отъ сихъ нравоучительныхъ вралей и преподать тебѣ тотъ способъ достичь до счастія, которымъ я самъ столь благополученъ. «Будь добросердеченъ, благотворителенъ и трудолюбивъ,» говорилъ мнѣ, умирая, мой покойный родитель. Я и былъ чистосердеченъ: говорилъ правду, обличалъ порокъ и невѣжество, хвалилъ угнетен-

ное достоинство, имѣлъ твердость говорить иногда истину и большимъ боярамъ. Былъ я также и благотворителенъ: малое имѣніе мое охотно раздѣлялъ съ неимущими; иногда за бѣдныхъ ручался, когда самъ помочь не могъ. А дабы послѣдніе пункты завѣщанія родительскаго исполнить, прилѣпился я къ ученію и пріобрѣлъ по возможности нѣкоторыя знанія, уповая, что они мнѣ въ свѣтѣ пригодятся. Но, къ крайнему сожалѣнію, скоро усмотрѣлъ я, что худо разумѣлъ моего родителя, или что онъ не зналъ большаго свѣта.

Чистосердечіе мое произвело на меня великія гоненія: имъ нажилъ я многихъ непріятелей. Благотвореніе повело меня въ долги, а знанія мои возбудили ко мнѣ зависть и ненависть одного знатнаго невѣжды, который просвѣщеніе считалъ вреднымъ для государства. Жестокая болѣзнь открыла мнѣ наконецъ глаза и я увидѣлъ неразуміе моей системы. Всѣ меня оставили. Неожиданная помощь одной человѣколюбивой особы извлекла меня, такъ сказать, изъ челюстей смерти. Непріятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатныя особы, кои увеселялись забавнымъ моимъ нравомъ, когда я былъ здоровъ, находили, можетъ быть, настоящее положеніе мое забавнымъ; ибо они оставили меня безъ всякой помощи. Какъ скоро стало мнѣ легче — «перемѣни свою систему,» сказалъ я самъ себѣ. И какъ всякій человѣкъ охотно

изъ одной крайности въ другую переходитъ, то рѣшился я дѣлать совсѣмъ противное тому, что̀ прежде дѣлалъ: что̀ бранилъ, то сталъ хвалить; всякій знатный человѣкъ находилъ во мнѣ защитника своему жестокосердію или глупости. Съ самаго утра бѣгалъ я по переднимъ знатныхъ господъ и не стыдился трусить даже и передъ ихъ камердинерами. Если кому дадутъ ленту, или знатный чинъ, то у меня черезъ полчаса поспѣвала ода, которую тѣмъ больше хвалили, чѣмъ меньше было въ ней смыслу. Дамы тѣмъ болѣе мною были довольны, чѣмъ безстыднѣе выхвалялъ я красоту ихъ и душевное достоинство. «C'est un bon diable,» говорили обо мнѣ знатные.—«Онъ отнюдь не такъ опасенъ, какъ мы его считали» говорили обо мнѣ тѣ, кои прежде пера моего боялись. «Il a beaucoup d'esprit» отзывались обо мнѣ дамы.

Какъ скоро слухъ о перемѣнѣ системы моей по городу распространился, то рѣшился я идти на поклонъ къ тому самому знатному невѣждѣ, который прежде былъ моимъ гонителемъ. Онъ предложилъ мнѣ въ отдаленной сторонѣ мѣсто, къ которому не имѣлъ я ни малѣйшей способности. Я ему признался въ томъ. «Привыкнешь, другъ мой,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «лишь будь скроменъ и не пиши стиховъ, которыхъ я терпѣть не могу. Станемъ жить дружно; старайся, чтобъ я былъ тобою доволенъ, а я о тебѣ буду имѣть попеченіе.»

Скоро я былъ опредѣленъ къ мѣсту моему и, не взирая на мое невѣжество, всѣ удивлялись моему знанію и способности, что и не чудно: ибо предмѣстникъ мой, по общему всѣхъ признанію, былъ во сто разъ меня глупѣе и неспособнѣе. Льстивыя похвалы мои, которыми безстыдно осыпалъ я моихъ начальниковъ, пріобрѣли мнѣ скоро ихъ довѣренность. Они избрали меня къ произведенію въ дѣйство нѣкотораго новаго проекта, *относительно до необходимой въ жизни потребности.*

Я взялъ въ свои совѣтователи нашего секретаря и съ помощію его нажилъ въ полгода около пяти тысячъ рублей, съ которыми пріѣхалъ въ столицу. На другой день, по прибытіи моемъ, поднесъ я двѣ тысячи рублей супругѣ новаго моего покровителя, а прежняго гонителя. Мои двѣ тысячи рублей произвели весьма полезное для меня дѣйствіе. Покровитель мой расхвалилъ мое въ дѣлахъ знаніе и обѣщалъ мнѣ свою милость

Въ сіе самое время одинъ любимецъ знатнаго господина хотѣлъ выдать замужъ свою любовницу, которая была на его содержаніи. Супруга прежняго мего гонителя, моя новая покровительница, въ благодарность за мои двѣ тысячи рублей, вздумала сватать меня на сей честной дѣвущкѣ и обѣщала мнѣ въ столицѣ весьма выгодное мѣсто. Наблюдая новую мою систему, я согласился на сіе предложеніе. Сватьба моя была великолѣпна. Благодѣтель

жены моей сыгралъ ее на своемъ иждивеніи. А какъ молодая моя супруга была набитая дура, но превеликая красавица, то прежній другъ ея не отмѣнилъ къ ней своей дружбы и у меня исподоволь народилось дѣтей великое множество. Весьма выгодно имѣть жену красавицу: ибо всѣ знатные друзья такъ горячо пеклись о моемъ счастіи, какъ надлежитъ добрымъ свойственникамъ. Всѣ мои непріятели исчезли; достатокъ мой умножался такъ, какъбудто бы было надъ домомъ моимъ благословеніе Божіе. Я сталъ жить гораздо шире, давать обѣды, балы и концерты; но звалъ только тѣхъ, отъ кого надѣялся быть награжденъ щедро, такъ что пиръ, который стоялъ пятьсотъ рублей, приносилъ мнѣ тысячи двѣ. Скоро купилъ я каменный домъ, а между тѣмъ все жаловался на долги; и хотя жаловано мнѣ было довольно награжденій, но я разглашалъ себя въ долгу неоплатномъ. Не довольно того, любезный племянникъ, что я оставилъ чистосердечіе, но отучилъ себя и отъ добросердечія.

Сначала стоило мнѣ труда слышать стонъ бѣдныхъ съ хладнокровіемъ; но повѣрь мнѣ, сердце богатаго человѣка скоро каменѣетъ. Теперь я думаю, что мягкосердечный человѣкъ весьма богатъ быть не можетъ.

Наконецъ я такъ привыкъ къ нечувствительности, что ниже помышлялъ о бѣдныхъ лю-

дяхъ. Съ книгами моими, составлявшими мое главное удовольствіе, я совсѣмъ разстался.

Я потерялъ пріятность въ обходеніи, вкусъ къ хорошимъ вещамъ и душа моя унизилась; но сіе униженіе души помогло къ моему возвышенію. Начальники мои, имѣвшіе подлыя душонки, рады были имѣть меня подчиненнымъ. Ты видишь, любезный племянникъ, что пути къ богатству, то есть, къ счастію, гораздо короче и глаже, нежели какъ болтаютъ о томъ нравоучащіе врали. Но буде ты въ ономъ сомнѣваешься, то разсмотри своихъ согражданъ и ты найдешь, что большая часть изъ нихъ одолжена за свое богатство и знатность своему лицемѣрію, жестокосердію, невѣжеству и женамъ.

Я сожалѣю (и каждый читатель, безъ сомнѣнія, со мною сожалѣть будетъ), что во всемъ сродническомъ наставленіи нѣтъ слѣда добраться, въ которой землѣ жилъ сей богатомыслящій дядя; надобно однакожъ думать, что не между нами: ибо гдѣ у насъ люди, кои бы наживались при исполненіи полезнаго установленія, *относительно до первыхъ потребностей въ жизни?* Богачей жестокосердыхъ и глупыхъ красавицъ у насъ также вовсе нѣтъ, какъ меня увѣряютъ. «Ты, мой любезный племянникъ,» продолжалъ дядя свое наставленіе, «долженъ видѣть, какъ я старость мою теперь доживаю и приближаюсь къ концу. Какъ скоро я обогатился и сталъ жить

порядочно домомъ, то началъ чувствовать гласъ совѣсти. Видя жену мою въ безпутствѣ, долженъ я, по системѣ моей, терпѣть всѣ ея безпорядки. Я не могъ самъ отъ себя скрыть, что всѣ добрые люди считаютъ меня бездѣльникомъ. Богатый мой домъ сталъ для меня адомъ и я, казалось, слышу стонъ бѣдныхъ, коихъ я разорилъ злодѣйски. Наконецъ, на прошлой недѣлѣ былъ я на зрѣлищѣ, которое вѣчно не выйдетъ изъ моей головы. Пріятель мой Воровъ, умирая, призвалъ меня къ себѣ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ мерзкая душа его выходила изъ скареднаго тѣла. Тутъ узналъ я справедливость сихъ словъ: *смерть грѣшниковъ люта.* Онъ въ постелѣ своей терзался душевно гораздо сильнѣе, нежели иной воръ страдаетъ на площади. По исходѣ души его, на всѣхъ лицахъ видно было удовольствіе, смѣшанное съ презрѣніемъ къ покойнику.

Чувствуя, что и мнѣ умирать будетъ должно такъ же мучительно, перемѣнилъ я опять свою систему и, слушая гласа совѣсти, сколько можно, удовлетворяю тѣхъ, кои отъ меня терпѣли; а тебя, любезный племянникъ, прошу, будь чистосердеченъ, но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителенъ, но не разстраивай своего состоянія. Будь трудолюбивъ и прилѣпляйся къ ученію, но не возмечтай о своей мудрости. Вотъ все то, чѣмъ я оканчиваю мое наставленіе!

ДРУГЪ

ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ,

или

СТАРОДУМЪ.

═

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТИНѢ.

═

Вотъ заглавіе, подъ которымъ издаваться будетъ на сей 1788 годъ новое періодическое сочиненіе подъ надзираніемъ сочинителя комедіи *Недоросль*. Напрасно было бы предварять публику, какого рода будетъ сіе сочиненіе: ибо образъ мыслей и объясненія Стародума довольно извѣстны. Цѣлый годъ состоять будетъ изъ двѣнадцати листовъ. Первые четыре получить будетъ можно въ началѣ Мая, вторые четыре въ началѣ Сентября, а послѣдніе четыре въ началѣ будущаго года.

Подписка на сіе сочиненіе отворена у книгопродавца Клостермана на слѣдующихъ кондиціяхъ:

Каждый экэемпляръ, то есть двѣнадцать листовъ, стоить будетъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Желающіе подписаться благоволятъ внести сіи деньги и взять билетъ, съ которымъ въ первыхъ дняхъ Мая можно будетъ получить первые четыре листа и билетъ на достальные восемь листовъ, кои раздаваться будутъ въ означенный срокъ непремѣнно.

Сіе сочиненіе хотя и готово, но прежде печатано не будетъ, какъ развѣ подпишутся на семьсотъ пятьдесятъ экземпляровъ до перваго Марта, послѣ котораго подписка продолжаться не будетъ. Но ежели до сего числа на помянутое количество экземпляровъ подписано не будетъ, то сіе сочиненіе вовсе напечано быть не можетъ.

Переводы изъ сего періодическаго творенія вовсе исключаются. Ни одно сочиненіе, гдѣ нибудь напечатанное, въ сей книгѣ мѣста имѣть не можетъ. Словомъ: всѣ сочиненія будутъ совсѣмъ новыя, а развѣ знакомыя потому, что нѣкоторыя изъ нихъ въ публикѣ ходятъ рукописныя.

Имена подписавшихся при началѣ книги напечатаны будутъ и всѣ старанія приложатся, чтобы удовольствовать почтенную публику и со стороны типографской части.

ЖИЗНЬ
ГРАФА НИКИТЫ ИВАНОВИЧА
ПАНИНА (*).

—

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, правившій иностранными дѣлами министръ, произошелъ отъ благородныхъ родителей, въ 1718 году Сентября 15. Предки его, уроженцы Лукской Республики, выѣхали въ Россію въ XV столѣтіи. Отецъ его служилъ Петру Великому и имѣлъ счастіе пользоваться Его благоволеніемъ. Достигши до чина генералъ-поручика, окончилъ онъ дни свои въ 1736 году отъ множества ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ. Онъ достоинъ былъ имѣть таковыхъ сыновъ, коихъ дѣянія въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ обращали на себя вниманіе цѣлой Европы. Одинъ управлялъ важнѣйшими

(*) Въ семъ сочиненіи, писанномъ рукою самого автора, недостаетъ одного листа, заключающаго въ себѣ начало. Издатели, для сохраненія оному полноты, рѣшились недостатокъ сей пополнить извлеченіемъ изъ книги: *Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина* (Спб , 1787, у Гека).

государственными дѣлами и воспитывалъ наслѣдника Россійскаго Простола, а другой явилъ опыты мужества и искусства своего во время прусской войны: правилъ всею завоеванною частію Пруссіи, предводительствовалъ потомъ арміею противъ Турокъ, взялъ приступомъ городъ Бендеры, споспѣшествовалъ независимости Крымскихъ Татаръ и наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ по увольненіи его отъ службы, прекратилъ великій мятежъ и чрезъ сію важную отечеству заслугу, учинился защитникомъ дворянства, противу котораго устремлена была злоба мятежниковъ.

Жизнь достойнаго ихъ родителя была сообразна съ званіемъ гражданина, коего душа столько же была благородна, какъ и его происхожденіе. Все его недвижимое имѣніе состояло въ четырехъ стахъ душахъ. Онъ столько старался о воспитаніи дѣтей своихъ, сколько позволяло ему посредственное его богатство и положеніе, въ коемъ тогда находилось его отечество. Слухъ о добромъ воспитаніи и добродѣтеляхъ его дочерей доставилъ имъ знатныя супружества. Одна выдана была за князя Куракина, сенатора и Россійскаго Двора оберъ-шталмейстера, а другая за господина Неплюева, сенатора же и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сыновья его записаны были въ гвардейскіе полки, въ коихъ отправляли дѣйствительную службу съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Благородное поведеніе и род-

ство съ княземъ Куракинымъ, который отъ Императрицы Анны Іоанновны былъ отличаемъ, доставили Графу Никитѣ Ивановичу случай бывать во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ. Императрица Елисавета Петровна, при восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ каммеръ-юнкеры. Отмѣнное сей Государыни къ нему благоволеніе вооружило противъ него зависть и ревность, — два свойственные царедворцамъ порока. Враги его, стараясь, чрезъ разные происки, отдалить его отъ Двора, но не находя въ поступкахъ его ничего такого, что бы могло послужить къ его обвиненію, принуждены были употребить въ пользу свою его достоинства. Они представили Императрицѣ способность его къ политическимъ дѣламъ, почему и былъ онъ отправленъ, въ 1747 году, къ Датскому Двору въ качествѣ полномочнаго министра. При отъѣздѣ его въ Копенгагенъ онъ имѣлъ повелѣніе заѣхать въ Дрезденъ, для принесенія отъ Ея Императорскаго Величества Августу III, Королю Польскому, поздравленія по случаю бракосочетанія Дофина съ дочерью его, Принцессою Маріею Іозефою. Въ томъ же году пожалованъ онъ былъ въ каммергеры.

Въ то время состояніе Швеціи, въ разсужденіи Россіи, было самое критическое, такъ что каждую минуту надлежало ожидать возгорѣнія войны между обѣими державами. Польза Россіи требовала того, чтобъ не допустить

Швецію до разрыва союза. Для исполненія толь нужнаго предпріятія потребенъ былъ такой министръ, который бы съ кротостію нрава соединялъ просвѣщенный и проницательный разумъ. Императрица, по представленію канцлера, судила быть способнымъ Графа Панина къ оказанію таковой отечеству услуги. Въ 1748 году перевели его изъ Копенгагена въ Стокгольмъ. Онъ совершенно оправдалъ избраніе своей Монархини, возложившей на него такое дѣло, которое требовало великихъ способностей и превосходныхъ качествъ. Онъ не только отвратилъ войну, но еще и пріобрѣлъ Россіи многихъ доброжелателей. Заслуги его стяжали ему отъ Двора многія награды. Въ лѣто прибытія его въ Стокгольмъ получилъ онъ орденъ Святыя Анны; въ 1751 году орденъ Святаго Александра Невскаго; а въ 1755 пожалованъ былъ въ генералъ-поручики. Пребываніе его въ Швеціи продолжалось около двѣнадцати лѣтъ. Онъ чрезъ добродѣтели свои пріобрѣлъ почтеніе отъ тамошняго Двора и всего народа; и одинъ Шведъ не произноситъ даже и поднесь имени его безъ нѣкоего къ нему благоговѣнія.

Въ 1759 году онъ отозванъ былъ въ свое отечество; а въ 29 день Іюня слѣдующаго года Императрица благоволила ввѣрить ему надзираніе надъ воспитаніемъ Великаго Князя Павла Петровича, — важную должность, которую онъ безпрерывно исправлялъ до самаго

бракосочетанія Августѣйшаго его Питомца. Императоръ Петръ III наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Святаго Апостола Андрея.

Въ 1763 году, во время отсутствія покойнаго канцлера Графа Воронцова, Императрица Екатерина Вторая, которой священное имя и великія дѣянія предадутся безсмертію, препоручила ему управленіе иностранными дѣлами (*), а въ 1767 году возведенъ былъ въ графское достоинство. Указъ, возвѣстившій о томъ публикѣ, былъ слѣдующаго содержанія: «Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ Никита «Панинъ многимъ попеченіемъ о воспитаніи «Нашего любезнѣйшаго Сына доказалъ Намъ «ревность и усердіе свое; а притомъ и порученныя сверхъ того многія государственныя «какъ внутреннія, такъ и иностранныя дѣла «исправлялъ со многимъ искусствомъ и успѣ«хомъ. Также и братъ его, генералъ Петръ «Панинъ, служилъ Намъ всегда вѣрно и усер«дно. Въ разсужденіи чего Всемилостивѣйше «жалуемъ ихъ и потомковъ ихъ Графами. По«велѣвая Сенату, заготовя имъ на графское «достоинство дипломы, поднести Намъ къ под«писанію.»

Въ 1769 году, при учрежденіи Совѣта, Графъ Никита Ивановичъ опредѣленъ членомъ онаго. Въ 1773 пожалованъ въ первый

(*) Съ сего мѣста начинается подлинная рукопись.

классъ, или въ чинъ фельдмаршала. Въ 1782 году получилъ ордена Святаго Владиміра при самомъ его установленіи.

Министерство его непрерывно цѣлыя двадцать лѣтъ продолжалось. Въ теченіе оныхъ и внутреннія важнѣйшія дѣла ему же поручаемы были. Словомъ: не было ни единаго дѣла, относящагося до цѣлости и безопасности Имперіи, которое миновало бы его производства, или совѣта.

Здѣсь предстоялъ бы случай изобразить душу и сердце сего почтеннѣйшаго мужа простымъ повѣствованіемъ всѣхъ подробностей толь долговременнаго его дѣлами управленія; здѣсь было бы мѣсто представить во всей истинѣ труды и подвиги великаго его служенія: какую твердость и неустрашимость являлъ онъ въ происшествіяхъ, возмущавшихъ спокойствіе души его; какъ въ теченіе двадцати лѣтъ боролся онъ непрестанно то съ невѣжествомъ, то съ надменностію людей невоспитанныхъ, захватившихъ всю ту силу и довѣренность, которыя слѣдуютъ однимъ истиннымъ достоинствамъ; какъ отвращалъ онъ устремленіе и ухищреніе сильныхъ, руководствуемыхъ пристрастными своими видами на разрушеніе основанной имъ внѣшней системы, пріобрѣтшей отечеству истинную славу; съ какимъ великодушіемъ терпѣлъ онъ всѣ и со всѣхъ сторонъ оскорбленія; съ какимъ презрѣніемъ сносилъ всѣ коварства мелкихъ душъ,

искавшихъ уязвлять его привязками, недостойными вѣка Екатерины II; но время жизни его такъ еще ново, что важныя причины не допускаютъ открыть подробности всего того, что безъ сомнѣнія чрезъ нѣкоторое время Исторія предать потомству не оставитъ. И такъ сему историческому извѣстію надлежитъ нынѣ ограничиться однимъ исчисленіемъ извѣстныхъ въ министерство его знаменитыхъ происшествій, въ предложеніи его правилъ при управленіи дѣлами и при воспитаніи его Августѣйшаго Питомца и наконецъ въ изображеніи душевныхъ его свойствъ, пріобрѣтшихъ ему всеобщее почтеніе.

Знаменитыя происшествія министерства его были: 1) возведеніе на Польскій престолъ Піаста; 2) славная съ Портою война; 3) пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи; 4) размѣнъ Герцогства Голштинскаго на Графства Ольденбургское и Дельменгортское въ пользу младшей линіи Шлезвигъ-Готторпскаго Дома; 5) славный съ Портою миръ; 6) медіація Россійская въ Тешенскомъ мирѣ; 7) вооруженный неутралитетъ. Всѣмъ онымъ происшествіямъ представленія его по большей части были первымъ основаніемъ, а труды его производили оныя въ дѣйствительное исполненіе. Всѣ рескрипты къ военачальникамъ и министрамъ, всѣ сообщенія и отзывы къ Дворамъ чужестраннымъ примышляемы были имъ самимъ. Исторія его негоціацій, сокровенная нынѣ по государ-

ственнымъ причинамъ, будетъ въ послѣдующія времена служить руководствомъ въ дѣлахъ политическихъ и представитъ свѣту великость души его и дарованій.

Правила его при управленіи политическими дѣлами состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ: 1) государство сохраняло свое истинное достоинство, безъ предосужденія другихъ. Слѣдствіемъ сего было признаніе Императорскаго титула Россійскихъ Государей и равенство между Ихъ и другихъ Дворовъ министрами. 2) Что великая Имперія, какова Россія, не имѣетъ нужды притворствовать и что одно чистосердечіе должно быть основаніемъ поведенія ея министерства. Въ твердомъ сохраненіи сего правила Графомъ Панинымъ всѣ чужестранные кабинеты были такъ увѣрены, что одно слово его равнялось со всѣми священнѣйшими обязательствами заключеннаго трактата. 3) Въ трактованіи дѣлъ любилъ онъ образъ кроткій и ласковый, весьма свойственный добродѣтельной душѣ его. Можно сказать, что всякій чужестранный министръ, входившій къ нему въ кабинетъ съ пасмурнымъ видомъ для трактованія какого-нибудь непріятнаго дѣла, выходилъ отъ него доволенъ и восхищенъ его бесѣдою. Таковы были правила публичнаго его поведенія по внѣшнимъ дѣламъ! Вся Европа почитала въ немъ великаго государственнаго мужа. Онъ пріобрѣлъ совершенную и неоцѣненную эстиму вѣрнаго Россіи союзника, Го-

сударя премудраго, цѣлый свѣтъ дѣлами своими удивившаго.

По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведенiемъ тѣхъ, кои, по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству, составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ нацiи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ то: количество доходовъ, причины налоговъ, и проч. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластiемъ частныя коммисiи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленiя. Съ содроганiемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: пойдетъ ли кто съ докладомъ къ Государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ Сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчiя въ сегодняшнемъ постановленiи противъ вчерашняго; услышитъ ли о безмолвномъ временщикамъ повиновенiи тѣхъ, которые, по званiю своему, обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ: всякiй подвигъ презрительной корысти и пристрастiя, всякiй обманъ, обольщающiй очи Государя или публики, всякое низкое дѣйствiе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастiемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу.

Прежде нежели вступилъ онъ въ званіе свое при воспитаніи Его Императорскаго Высочества, покойная Императрица Елисавета Петровна повелѣла представить себѣ планъ сего воспитанія. Для познанія правилъ его при толь великомъ служеніи, всего бы лучше было включить здѣсь то собственноручно имъ писанное мнѣніе, коимъ удовлетворилъ онъ тогда повелѣнію своей Государыни; но оно своимъ пространствомъ выходитъ изъ предѣловъ сего историческаго извѣстія и для того представляются здѣсь токмо нѣкоторыя изъ него почерпнутыя мысли.

«Приготовя сердце Великаго Князя ко вре-«мени созрѣнія разсудка, надлежитъ при пер-«вомъ онаго дѣйствіи вкоренить въ душу Его «правило, что добрый Государь не имѣетъ и «не можетъ имѣть ни истинной пользы, ни «истинной славы раздѣленными отъ пользы «и славы Его народа.

«Воспитатель долженъ съ крайнимъ приле-«жаніемъ, и такъ сказать равно съ попече-«ніемъ о сохраненіи здоровья Его Импера-«торскаго Высочества предостерегать и не «допускать ни дѣломъ, ни словами ничего «такого, что хотя мало бы могло развратить «тѣ душевныя способности къ добродѣтелямъ, «съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ, «а напротивъ того, приличными средствами «оныя такъ распространять, чтобъ еще въ «дѣтскихъ хотѣніяхъ у Его Высочества нечу-

«вствительно произрастала склонность и же-«ланіе къ добру и честности, претительность «же къ дѣламъ худымъ и честность повреж-«дающимъ.

«При воспитаніи Государя Великаго Князя «надлежитъ отдалить всякое излишество, ве-«ликолѣпіе и роскошь, искушающія молодость. «Дворъ его учредить такъ, чтобъ украшеніемъ «онаго были простая благопристойность и «добронравіе. Время ласкателямъ довольно «впереди остается; но нѣтъ ничего излишняго «въ лѣтахъ воспитанія для тѣхъ, кои вѣрою «и должностію обязаны пещись объ его до-«бродѣтеляхъ и о предостереженіи его отъ «пороковъ.»

И дѣйствительно сей мудрый воспитатель не оставилъ ничего къ практическому испол-ненію своихъ правилъ. Характеръ души и просвѣщенный умъ Его Императорскаго Вы-сочества доказываютъ, какое попеченіе при-нималъ его наставникъ украсить приличными знаніями природную остроту Его и вселить въ душу Его добродѣтель, — истинное основаніе народнаго блаженства. Остается желать вѣр-нымъ сынамъ отечества, чтобъ въ грядущія времена Питомецъ слѣдовалъ искреннимъ со-вѣтамъ своего воспитателя и помнилъ бы его наставленія, проистекавшія изъ глубины серд-ца, прилѣпленнаго къ нему усерднѣйшею го-рячностію: тогда счастіе Государя и народа было бы взаимное и непоколебимое.

По окончаніи воспитанія, то есть, по совершеніи брака Его Императорскаго Высочества, Графъ Никита Ивановичъ, при многихъ благодѣяніяхъ, полученныхъ имъ отъ Монаршія щедроты, удостоенъ былъ слѣдующимъ собственноручнымъ на Россійскомъ языкѣ письмомъ Ея Императорскаго Величества:

«Графъ Никита Ивановичъ! Совокупленные ваши труды въ воспитаніи Сына Моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго Иностраннаго Департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто въ теченіе оныхъ во внутренности сердца Моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ сихъ, силу человѣку данную, исчерпаемыхъ упражненій; но польза Имперіи Моей, по горячему Моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего, Мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію Моею вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго Сына Моего, и Мы, по двадцатомъ Его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака Его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію воспитаніе Великаго Князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить Мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами

труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ Его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не Мнѣ пригоже судить; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ; о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончивъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ Моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящемъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ Меня ввѣренной, и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый Мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ

«Екатерина».

Характеръ покойнаго Графа Никиты Ивановича достоинъ былъ искреннѣйшаго почтенія и любви. Онъ имѣлъ твердость, свойственную душѣ великой. Никакія прельщенія, никакія устрашенія не могли никогда ее поколебать. Не было на свѣтѣ власти, которая могла бы заставить его предложить Государю свое мнѣніе, или согласиться съ мнѣніемъ Го-

сударя, вопреки внутреннему своему убѣжденію. Сею самою твердостію колико благъ сдѣлалъ онъ для отечества и колико золъ до него не допустилъ! Почтенъ былъ душевно отъ своихъ друзей и непріятелей. Титло честнаго человѣка дано ему было гласомъ цѣлой націи. Умъ его былъ чистый и проницаніе глубокое. Онъ зналъ человѣка и зналъ людей. Искусство его привлекать къ себѣ сердца людскія было неизреченное. Оно главнѣйше состояло въ томъ, что, при первомъ свиданіи съ человѣкомъ, умѣлъ онъ узнавать тотчасъ мѣру его разума и всегда своимъ умомъ такъ съ нимъ поравняться, что всякій, послѣ своей съ нимъ бесѣды, ощущалъ къ нему привязанность и самъ собою былъ доволенъ совершенно. Въ дѣлахъ, требующихъ зрѣлаго разсмотрѣнія, не любилъ онъ поспѣшности. Сіе подавало поводъ обвинять его медленностію. И дѣйствительно, характеръ его весьма удаленъ былъ отъ всякой скоропостижности и пылкихъ движеній. Онъ охотно отлагалъ дѣла, могущія терпѣть время; но должно отдать ему и ту справедливость, что нельзя изъявлять ни большаго рвенія, ни большей неутомимости, какую показывалъ онъ въ дѣлахъ, требующихъ немедленнаго исполненія. Въ обществѣ былъ прелюбезенъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобъ въ дружеской бесѣдѣ кто нибудь сдѣлалъ для него то, чего въ отсутствіе его не захотѣлъ бы сдѣлать.

Разговоръ его былъ почти всегда веселъ; шутки пріятны, остры и безъ всякой желчи. Доброта сердца его была безпримѣрная; къ несчастнымъ сострадателенъ, гонимымъ заступникъ, къ требующимъ совѣта искрененъ. Словомъ, не было никого и изъ незнакомыхъ ему согражданъ, который бы не считалъ во всякой своей крайности послѣднимъ способомъ къ спасенію идти къ графу Панину и, открывъ ему душу свою, искать въ его добродѣтельной душѣ помощи или совѣта. Сердце его никогда мщенія не знало. Самые непріятели его всегда устыжаемы были кроткимъ и ласковымъ его взоромъ. Безкорыстіе было въ немъ соразмѣрно щедрости и обѣ сіи добродѣтели были въ такой степени совершенства, въ какой токмо могутъ обитать въ сердцѣ человѣка. Первое доказывается тѣмъ, что, по смерти его, все движимое имѣніе продано и онымъ заплачено долгу 173,000 рублей; а недвижимое, могущее приносить годоваго дохода съ небольшимъ двадцать тысячъ рублей, осталось обремененнымъ полутораста тысячами рублями долгу. Щедрости его не было примѣровъ прежде; да и послѣ едва ли когда могутъ найтись подражатели. Изъ девяти тысячъ душъ, ему пожалованныхъ, подарилъ онъ четыре тысячи троимъ изъ своихъ подчиненныхъ, сотрудникамъ своимъ въ отправленіи дѣлъ политическихъ. Одинъ изъ сихъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ умеръ при жи-

сии Графа Никиты Ивановича, имѣвшаго въ немъ человѣка, привязаннаго къ особѣ его истиннымъ усердіемъ и благодарностію. Другой былъ неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни и, сохраняя къ нему непоколебимую преданность и вѣрность, удостоенъ былъ всегда полной его во всемъ довѣренности. Третій заплатилъ ему за всѣ благодѣянія всею чернотою души, какая можетъ возмутить душу людей честныхъ. Снѣдаемъ будучи самолюбіемъ, алчущимъ возвышенія, вредилъ онъ положенію своего благотворителя столько, сколько находилъ то нужнымъ для выгоды своего положенія. Всеобщее душевное къ нему презрѣніе есть достойное возмездіе толь гнусной неблагодарности.

Кончина сего добродѣтельнѣйшаго мужа, приключившаяся 31 Марта 1783 года, поразила сродниковъ и друзей его внезапнымъ ударомъ. Здоровье его хотя было такъ слабо, что оно совокупно съ его положеніемъ отвлекло его совсѣмъ отъ дѣлъ въ послѣдній годъ; но за нѣсколько мѣсяцевъ предъ смертію приходилъ онъ въ состояніе, несравненно предъ прежнимъ лучшее. Наканунѣ горестнаго сего происшествія былъ онъ здоровѣе и веселѣе обыкновеннаго; но поутру въ четыре часа, ложась въ постелю, вдругъ лишился онъ языка и памяти пораженіемъ апоплексическимъ. Вся возможная помощь въ присутствіи Ихъ

Императорскихъ Высочествъ была тщетно подаваема. Чрезъ нѣсколько часовъ скончался онъ въ глазахъ возлюбленнаго Питомца своего, для котораго онъ жилъ и къ которому привязанность его была нѣжнѣйшая и безпредѣльная. Въ тотъ моментъ, когда душа его разлучилась отъ тѣла, Великій Князь бросился предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ руку его, орошая ее горчайшими слезами. Государыня Великая Княгиня внѣ себя исторгнута была почти силою изъ сего несчастнаго дома. Стенаніе и вопль сродниковъ, друзей и слугъ изображали неизреченное душевное ихъ страданіе. Домъ, въ которомъ за день видно было на всѣхъ лицахъ спокойное удовольствіе, превратился въ нѣсколько часовъ въ домъ лютѣйшаго отчаянія. Слухъ о кончинѣ его огорчилъ человѣколюбивое сердце Ея Императорскаго Высочества. Все, зависящее отъ Монаршей Ея власти къ утѣшенію оставшихся сродниковъ, Всемилостивѣйшая Государыня изъявила имъ образомъ самымъ лестнѣйшимъ для памяти покойнаго. Весь городъ былъ душевно огорченъ кончиною мудраго и добродѣтельнаго мужа. Казалось, что всякій со смертію его нѣчто потерялъ. Погребеніе его было 3 Апрѣля. Выносъ тѣла удостоенъ былъ присутствія Его Императорскаго Высочества. Прощаясь въ послѣдній разъ съ своимъ другомъ и воспитателемъ, поцаловалъ Онъ руку его съ такимъ рыданіемъ, что не было чело-

вѣка, котораго бы сердце не растерзалось жалостію и не наполнилось внутреннимъ убѣжденіемъ о добротѣ сердца Наслѣдника Россійскаго Престола. Всѣ знатныя особы, коимъ позволяло здоровье, провожали тѣло его пѣшкомъ въ Невскій Монастырь. Стеченіе народа было превеликое. При опущеніи сродниками тѣла рыданіе и стонъ раздавались по всей церкви. Всеобщее сожалѣніе сограждан̂ъ и чужестранныхъ ясно доказало, что кончина Графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для Россіи, но и для самаго человѣчества.

ПИСЬМО

КЪ

О. П. КОЗОДАВЛЕВУ

О

ПЛАНѢ РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ (*).

—

Москва, 1784 года.

Мучительная головная боль цѣлыя двѣ недѣли меня не покидала и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7-го сего мѣсяца. Позвольте васъ искренно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со всеобщею похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ, получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь лежатъ у меня передъ глазами примѣчанія Ивана Никитича Болтина на начертаніе нашего словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, потому что Академія представленія его

(*) Напечатано въ первый разъ въ № 19-мъ Вѣстника Европы на 1803-й годъ, изданномъ Н. М. Карамзинымъ, съ примѣчаніями издателя.

почти всѣ уже приняла (*), начертаніе перемѣнено и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшеніе Академіи; но чтобъ имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро. Боюсь только, чтобъ матерія моя не завела меня далеко и чтобъ письмо мое не сдѣлалось тетрадью. Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески его не дочитывать: я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ. А всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ сего письма никакого употребленія; въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Какъ *примѣчанія*, такъ и *резоны* (**), для которыхъ Академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія. Чтобъ меня удобнѣе понять, пожалуйте прочтите напередъ тѣ *примѣчанія* и письмо, при которомъ Г. секретарь Академіи препроводилъ оныя къ Ивану Ивановичу Мелиссино; а потомъ уже продолжайте, если вамъ угодно, читать то̀, что̀ теперь писать стану.

(*) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ и по неосновательному слуху заключилъ, что Академія положила принять сіи примѣчанія; но вмѣсто того она опредѣлила прочитать только ихъ въ публичномъ собраніи, не перемѣняя ни мало общаго плана. *Пр Изд. В. Е.*

(**) Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, если бы онъ писалъ для публики и для печати. ***Пр. Изд. В. Е.***

Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а уменьшительныя ихъ еще меньше и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ*; такая претензія прилична. Что жъ касается до увеличивательныхъ, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда-нибудь увеличительныя. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращенныя, наприм. *Іоаннъ Иванъ*; но не думаю, чтобъ какой-нибудь архіерей называлъ себя когда-нибудь *смиренный Іоаннище*. Буде имя *Іоаннъ* для того увеличивательное, что содержитъ больше слоговъ и буквъ, нежели *Иванъ*, то по сему правилу *Василиса* было бъ увеличительное *Вассы*. Я не стану говорить объ *Акулинѣ*, которая титло имени увеличительнаго никогда не согласится изъ доброй воли уступить *Акилинѣ*, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Еслибъ полагать, что уменьшительныя именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ прилагательныя; напр. отъ *Петра*, *Петровъ*, отъ *Никиты Никитинъ*; равнымъ образомъ и отчества, напр. *Кузьмичъ Матвѣичъ*, *Кузьминишна*, *Матвѣевна*. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ словарь изъ

собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ? Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ *Осипъ*, въ моемъ *Денисъ* весьма употребительны и, мнѣ кажется, что всякое имя нарекается Христіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобъ оно было употребительно.. Вѣрьте мнѣ, что, буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными*, *привѣтственными*, *уничижительными* и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ*, *Ванюшекъ*, *Анютокъ*, *Марѳутокъ* по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ.

Что нѣкоторыя собственныя имена употребляются въ пословицахъ, то не составляетъ причины къ помѣщенію ихъ въ словарь нашей Академіи. Всѣ такія пословицы, гдѣ есть *Сенюшки* и *Фили*, весьма низки и умомъ, и выраженіемъ; желательно, чтобъ онѣ всѣ были забыты. И въ самой лучшей пословицѣ, которая въ примѣчаніяхъ написана и которая начинается: *какъ у Сенюшки есть денежки*, сказано бѣдному Семену не меньше какъ (*)...

(*) Кто любопытенъ знать, что *бѣдному Семену* сказано, тотъ можетъ заглянуть въ Собраніе Русскихъ Пословицъ. *Пр. Изд. В. Е.*

Между резонами для принятія въ словарь именъ собственныхъ Академія уважила (*), что «въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производствахъ просители употребляли имена уменьшительныя.» Но, уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчащее ему правило: *внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя.* Неужели въ нашей древности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что *Гурій* и *Варсонофій* равное съ ними имѣли право; а по сему резону, если собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращеніе словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончаніе на безконечные вѣки.

Имена: *Филя*, *Ѳедора*, конечно, въ словарь нашъ внесены быть должны, но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобъ помѣщены были всѣ содержащія метафорическій смыслъ собственныя имена особъ, прославившихся въ Исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было истолковано, что имя *Неронъ* заключаетъ въ

(*) Авторъ все сіе говоритъ объ Академіи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ. *Пр. Изд. Е. В.*

себѣ идею лютаго тирана, *Титъ* — государя милосердаго, *Сарданапалъ* — тирана сладострастнаго; что *Зоиломъ* именуется злобный и презрительный критикъ; что имя *Катилина* сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ. Таковой судъ есть достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на счастіе нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда отдаленнѣйшіе потомки станутъ читать новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго словаря, уже найдутъ они въ немъ имя Екатерины въ разумѣ слова, знаменующаго премудрую Монархиню.

Г. сочинитель *примѣчаній* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, «что нынѣшній лексиконъ Французской Академіи признается отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ».

Я самъ того же мнѣнія и весьма согласенъ держаться всего, что̀ въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ словарѣ не было ничего лишняго; въ немъ не найдете вы Anne ни Annette, ни Pierre ни Pierrot.

Въ слѣдствіе примѣчаній Академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ Россійскихъ городовъ. Еслибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ, напримѣръ, Франція. Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: «Франція есть боль-

шое европейское государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою Землею, Средиземнымъ Моремъ, Пиренейскими Горами и Океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы, и между 42 и 51 градусами широты.» Пожалуйте, скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долготы и широты ея, составляетъ ли существо Славяно-Россійскаго Языка? Мнѣ кажется, что, нашедъ въ нашемъ словарѣ сію дефиницію, я также бы удивился, какъ еслибъ въ словарѣ географическомъ нашелъ, что «Франція есть имя собственное, числа единственнаго, рода женскаго». Г. сочинитель примѣчаній говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно. Безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ же признаетъ полезнымъ и знаніе Грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобъ въ Географію заѣхала Грамматика, а въ Грамматику Географія? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона Французской Академіи. Въ немъ не найдете вы ни France, ни Français. ни Anglais. Найдете Juif, но съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Juif, subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploie figurement en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête a usure, etc.

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ

Жиду мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него Іудеянина.

Въ разсужденіи техническихъ терминовъ, г. сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начертаніемъ. Онъ «воображаетъ себѣ Россіянина, который, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрація*, *перигей*, *эпакта*, *архитрава*; представляемъ себѣ досаду его, когда онъ, рывшись по всему, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на сочинителей, какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны!» Еслибъ сія несчастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *оберрацію*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: да за что̀ же ты бранишься? И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по начертанію, то каждое изъ сихъ словъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертаніи исключаются тѣ только названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ неастрономамъ извѣстны аберрація и перигей; многимъ не хронологамъ знакома эпакта (*), многіе неархитекторы знаютъ, что̀ архитрава, то въ силу начертанія, всѣ сіи слова должны

(*) Смыслъ *аберраціи* выражается Русскимъ словомъ *уклоненіе:* слѣдственно можно и не ставить Латинскаго слова; но Греческія *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнія войти въ лексиконъ, *Прим. изд. В. Е.*

непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій, на пр., каждой корабельной веревочки и, не нашедъ ихъ, изволитъ разсердиться—пусть его гнѣвается! Мы не виноваты, если кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно. Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, périgée, épacte, architrave; но совсѣмъ тѣмъ сочинители наблюдали строго правило: de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts, et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, ou l'on ne traite pas expressément des matières aux quelles ces termes appartiennent.

Далѣе въ примѣчаніяхъ нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: «Провинціяльныя слова, неизвѣстныя, или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря; ибо нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: «луда, тундра и проч.» Правда, что если бы въ начертаніи таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть, въ словарѣ нашемъ не было бъ ни луды, ни тундры. Воля Господня! и тутъ бѣда была бы не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что «должны имѣть въ словарѣ мѣсто всѣ тѣ провинціяльныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка»;

то буде луда и тундра очень хороши (*), найдутъ и онѣ мѣсто въ нашемъ словарѣ.

Академія нынѣ рѣшилась «ставить глаголы, *какъ то и должно было*, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе разное знаменованіе имѣющіе глаголы, одинаково пишутся въ неопредѣленномъ напр. *жну*, *жать* и *жму*, *жать*. Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну*, *жать* и *жму*, *жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напр., *лазить*, *лажу* и *ладить*, *лажу*; *пѣть*, *пою; поить*, *пою*. Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды, но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б. отправить въ

(*) Сибирское слово *тундра* должно быть въ Русскомъ лексиконѣ; ибо никакимъ другимъ мы не означимъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можетъ говорить поэтъ, географъ, путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго Моря, но въ *лудѣ*, кажется, нѣтъ большой нужды. Прим. Изд. В. Е.

литеру Е, *есмь*, *слать* изъ литеры С въ литеру Ш, *шлю*, и проч.

Г. сочинитель примѣчаній дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ дефиницію толковаго словаря и, вмѣщая въ него все то, что̀ только можетъ вмѣститься въ пространнѣйшую энциклопедію, выводитъ заключеніе: «что словарь нашъ наименованъ таковымъ, а въ начертаніи не видитъ онъ намѣренія, чтобъ таковымъ его «дѣлать». На сіе скажу, что Россійская Академія поручила Комитету сдѣлать начертаніе толковаго словаря не Наукъ и Художествъ, но Славяно-Россійскаго Языка; а чтобъ сіе наименованіе не произвело о немъ такого понятія, какое г-нъ сочинитель примѣчаній имѣетъ о существѣ толковаго словаря, то Комитетъ въ самомъ началѣ начертанія сдѣлалъ своему словарю точную дефиницію. Слѣдственно и остается судуть теперь единственно о томъ, содержитъ ли въ себѣ начертаніе все то, чего требуетъ сдѣланная Комитетомъ дефиниція. Монтескье говоритъ: quand un écrivain a défini un mot dans son ouvrage, quand il a donné, pour ainsi dire, son dictionnaire, il faut entendre ses paroles suivant la signification qu'il leur a donnée.

Въ примѣчаніяхъ раскритикованъ употребляемый мною терминъ *сослово* и преображенъ въ *сословъ*. Можетъ быть, я и виноватъ. Но мнѣ кажется, буде нашъ языкъ терпитъ такія составныя слова, какъ *сотоварищъ*, *со-*

участникъ, *соправитель*, для чего жъ бы не сказать и *сослово*? (*) Г. критикъ говоритъ, что «оно, будучи похоже на «*сословіе*, приводитъ мысль въ замѣшательство.» Сей резонъ не весьма убѣдителенъ. Поэтому надобно тѣмъ наипаче исключить изъ языка нашего слово *баба*, ибо оно можетъ приводить мысль въ замѣшательство больше *сослова*. Оно напоминаетъ *женщину*, *птицу* и ту *бабу*, которою сваи набиваютъ. Впрочемъ, если Академія отвергнетъ мой терминъ, я повиноваться буду ея рѣшенію. Не стану употреблять *сослово* и, покинувъ перо, пишущее *Сословникъ*, охотно скажу: «конецъ и Богу слава!»

Главнѣйшее примѣчаніе осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ нимало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная table des matières (оглавленіе) нашего толковаго словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая энциклопедія? Г. сочинитель примѣчаній говоритъ, что «въ этимологическомъ лексиконѣ, нашедъ *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по

(*) И *сословъ*, и *сослово* равно неудачны, и едва ли когда-нибудь войдутъ въ употребленіе. *Прим. Изд. В. Е.*

прочтенiи ея съ начала до конца.» Сiе *иногда* случается не рѣже и съ лексикономъ аналогическимъ; но и въ томъ, и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца, а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданiя лексикона Французской Академiи, который былъ этимологическiй, то конечно неудобности его были весьма велики; ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ я то знаю, что изъ словаря этимологическаго шестьдесятъ подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь аналогическiй, а изъ словаря аналогическаго шестьдесятъ членовъ Россiйской Академiи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря этимологическаго (*).

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снисхожденiя, съ какимъ искреннимъ почтенiемъ и преданностiю пребываю, вашъ и проч.

(*) Это отчасти справедливо; но всѣ ли догадаются, что надобно искать, напримѣръ, *облака* въ литерѣ В. Многiе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. *Прим. Изд. В. Е.*

ПИСЬМА

къ

ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Москва.

Семь недѣль остается мнѣ до сроку и я нарочно заранѣе принялъ смѣлость всенижайше просить Ваше Превосходительство объ отсрочкѣ мнѣ еще на полгода для слѣдующихъ причинъ: 1. Я время мое провожу здѣсь весьма полезно, въ разсужденіи извѣстнаго вамъ моего состоянія; перевелъ Іосифа, за который возьму 200 руб.; напечаталъ Сиднея; пишу стихи; дописалъ почти свою комедію, чему свидѣтель отъѣзжающій отсюда С. Г. Домашневъ, который все то читалъ, о чемъ я имѣю честь доносить Вашему Превосходительству. 2. Всѣ братья мои въ Петербургѣ и если вы не сдѣлаете со мною милости и мнѣ не отсрочите, то отецъ и мать мои, имѣвъ четырехъ сыновъ, не будутъ при старости своей имѣть того утѣшенія, чтобъ видѣть одного изъ нихъ. Сколь они желаютъ еще моей отсрочки, то Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь письма отъ отца мо-

его. 3. Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько-нибудь тѣ деньги, которыя я изъ Казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риѳмою другой? Ваше Превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резоновъ съ Г. Л. быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно? 4. Съ Веверомъ (*) дѣлаю я весьма прочный договоръ, который состояніе мое неотмѣнно поправитъ и который будетъ всесовершенно разрушенъ, если я получу повелѣніе ѣхать отсюда. Братъ мой будетъ имѣть честь вручить Вашему Превосходительству сіе письмо. Сдѣлайте со мною милость, прикажите ему отписать ко мнѣ Ваше соизволеніе, чтобъ могъ я заранѣе такъ расположить дѣла мои и чтобъ не вступилъ я здѣсь съ Веверомъ въ обязательство, если Ваше Превосходительство пріѣздъ мой на срокъ изволите считать необходимымъ для моей фортуны; ибо я твердо увѣренъ, что Вы не иначе прикажете мнѣ оставить здѣшнія дѣла мои и ѣхать къ Вамъ, какъ развѣ для того, чтобъ

(*) Книгопродавецъ.

какимъ нибудь другимъ и вѣрнымъ способомъ поправились обстоятельства мои въ разсужденіи чина и жалованья; безъ чего, какъ и Вашему Превосходительству извѣстно, долженъ я буду остаться на прежнемъ основаніи, на которомъ быть не могу никакимъ образомъ.

Сколь ни рѣдко пишу я къ Вашему Превосходительству, но боюсь, не часто ли и то безпокою я Васъ вздорными моими письмами, а паче моею философіею. Я знаю, что Вы, милостивый государь, упражняетесь въ дѣлахъ важныхъ, а я иногда беру смѣлость писать шутку; слѣдственно долженъ я всегда опасаться, чтобъ шутка моя не пришла не кстати. И кто можетъ меня въ томъ увѣрить, что я еще не забытъ Вами? Для человѣка, занятаго дѣлами, полгода довольно времени забыть и цѣлую сотню людей, не только одного человѣка; но для меня мало цѣлаго моего вѣка къ тому, чтобъ сердце мое перемѣнилось въ разсужденіи истинной къ Вамъ преданности. Она кончится съ жизнію моею.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Москва.

Приложенную при семъ оду поручилъ мнѣ авторъ оныя переслать къ Вашему Превосходительству. Я, съ моей стороны, въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня

24), пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ, въ діетѣ, отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ. Всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ долженъ апоплексіи опасаться. Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть,—вотъ чѣмъ піитъ отъ прочихъ тварей отличается!

Комедія моя, если Ваше Превосходительство прикажете мнѣ ѣхать, привезена будетъ со мною; а ежели милость ваша столь велика для меня будетъ, что я еще на полгода здѣсь останусь, то, переписавъ чисто, буду имѣть честь переслать оную къ Вашему Превосходительству. Я конечно увѣренъ, что если она Вамъ не понравится, то Вы не припишете сіе моему нераченію, а положите вину на слабость силъ моихъ. Нынѣ же, видно, не такъ легко избѣжать критики, какъ прежде. Я читалъ, не знаю, на какого-то Александра Васильевича преужасную сатиру. Комедія мнѣ неизвѣстна и я не знаю кто авторъ, но опасаюсь подверженъ быть его горестной участи; и для того, милостивый государь, не хочу видѣть мою комедію представленною прежде, нежели Вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, то есть, прикажете выключить то, чтò Вамъ не нравится, и прибавить то, чтò

вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима; да Вы же сами изволите видѣть, что нѣтъ во мнѣ спѣшной гордости тѣхъ, кои, сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или, на худой конецъ, съ Детушемъ.

Позвольте, милостивый государь, повторить мнѣ еще нижайшую просьбу объ отсрочкѣ моей, которая въ настоящемъ состояніи моемъ необходима, развѣ Ваше Превосходительство другимъ какимъ вѣрнымъ способомъ оное поправить изволите, продолжая ко мнѣ Ваше покровительство, которому навсегда себя препоручая, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

ПИСЬМА

КЪ

РОДИТЕЛЯМЪ.

═

Петергофъ, 26 Іюня 1766 года.

Я, слава Богу, здоровъ, и живу здѣсь съ Иваномъ Перфильевичемъ. Іюля 1-го Дворъ въ городъ возвратится для смотрѣнія каруселя, который будетъ 2-го числа, а потомъ всѣ пріѣдутъ опять въ Петергофъ, и, какъ слышно, пробудутъ долго; слѣдовательно и я въ Петербургѣ не останусь за тѣмъ, что Иванъ Перфильевичъ съ собою меня взять изволилъ, а товарища моего оставилъ. Если же иногда вы отъ меня писемъ получать не изволите, то сіе приписать должно тому, что я живу здѣсь, а отсюда иногда въ почтовые дни либо ѣздокъ не случится, либо и опоздать можетъ.

Состояніе мое теперь таково, что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится. Иванъ Перфильевичъ ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по крайней мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія,

которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа, и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали ниже меня и который, не смотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми многія твари одинакой съ нимъ породы. Все мое счастіе состоитъ въ томъ, что командиръ мой сколь ни много его любилъ, однако любовь его къ нему преодолѣли его разсужденіе и честь. Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и честный человѣкъ, раскаявается въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Л. и поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки во весь свой вѣкъ чиновъ не имѣли и родились служить, а не господствовать. Клянусь вамъ Богомъ, что невозможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ къ поврежденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ былъ оставить службу. Я всегда зналъ, что Иванъ Перфильевичъ честный человѣкъ; однако любовь его къ Л. приводила меня въ отчаяніе. Слава Богу, что теперь вышелъ онъ изъ заблужденія и узналъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника. Нельзя представить и того, въ какой фу-

ріи теперь онъ и на меня, и на самого Ивана Перфильевича, который дѣлалъ ему несказанныя милости и вывелъ его изъ ничего въ люди. Я тому и не дивлюсь: честный человѣкъ обыкновенно терпитъ отъ неблагодарныхъ, и можно сказать, что Иванъ Перфильевичь согрѣвалъ такую змѣю, которая рада бы теперь ужалить его смертельно, еслибъ только можно было.

Любовь моя къ Ивану Перфильевичу смѣшена съ истиннымъ почтеніемъ къ его достоинствамъ. Онъ имѣетъ разумъ, просвѣщенный знаніемъ; имѣетъ по природѣ доброе сердце и сдѣлалъ себѣ правила честнаго человѣка, которыя столь свято наблюдаетъ, что не только здѣсь въ городѣ отъ своихъ, но и отъ всѣхъ чужестранныхъ имя Елагина произносится съ идеею честнаго человѣка. Онъ очень много любитъ свою націю и умѣетъ дѣлать отмѣну достойнымъ чужестранцамъ. Извольте сами себѣ вообразить, не лестно ли молодому человѣку имѣть такого командира и быть отъ него любиму. Дай Богъ, чтобъ по какимъ-нибудь неожиданнымъ случаямъ не вкрался опять Л.; онъ только одинъ можетъ много вредить его репутаціи. Вы, можетъ быть, изволите подумать, что я, описывая вамъ такимъ командира своего, самъ себѣ противорѣчу, говоря притомъ, что Л. былъ его фаворитомъ, и опасаясь, чтобъ онъ опять не былъ тѣмъ же; однако то неправда и я себѣ не

противорѣчу: развѣ самый честнѣйшій и разумнѣйшій человѣкъ не можетъ быть управляемъ негодяемъ? Развѣ не можетъ онъ имѣть своихъ слабостей? Всю сію матерію заключаю тѣмъ, что я не отстану отъ Ивана Перфильевича, доколѣ Богъ велитъ, или чертъ Л-ну не поможетъ опять имъ овладѣть и вывести меня изъ настоящаго моего состоянія; однако и тогда, когда я принужденъ буду, избави Боже! оставить мѣсто, не престану любить и почитать Ивана Перфильевича.

Петергофская жизнь скучна теперь тѣмъ, что вѣтеръ чрезвычайно силенъ и почти въ садъ выйти нельзя. Я читаю здѣсь книги, которыя Иванъ Перфильевичъ съ собою взять изволилъ; дѣлаю то, что̀ онъ мнѣ приказываетъ; а достальное время хожу къ секретарямъ Никиты Ивановича Панина. Я доволенъ тѣмъ, что голова моя не такъ часто болитъ, какъ прежде, и могу сказать, что я здоровѣе прежняго; однако все слабъ по сложенію тѣла. Нетерпѣливо желаю того, чтобъ скорѣе сей годъ кончился и чтобъ я могъ уже жить съ вами вмѣстѣ, наслаждаясь истиннымъ удовольствіемъ. Не могу пожаловаться на то, чтобъ здѣшняя жизнь моя была мнѣ дурна. Нѣтъ, она довольно хороша, а огорчительна только тѣмъ, что я живу розно со всѣми своими, какъ-будто какой изгнанникъ, отлученный отъ своихъ родныхъ за какую-нибудь вину. Я не изъ числа тѣхъ молодыхъ людей,

которые любятъ вольность, не зная, что въ мои лѣта она очень опасна, и хотѣлъ бы охотно остаться въ Москвѣ, пользуясь вашими наставленіями въ любезной мнѣ неволѣ.

Недостатка я ни въ чемъ не терплю; въ деньгахъ иногда онъ бываетъ, однако я надѣюсь на Бога; во всемъ, можетъ быть, исправлюсь. Каретникъ мой взялъ съ меня за карету самыя чистыя деньги и обѣщался чинить ее цѣлый годъ; однако это такой негодяй, съ которымъ я насилу лажу и принуждаю его бранью и угрозами держать свое слово. Теперь мнѣ будетъ терпѣть убытокъ, который пришелъ очень не кстати, за тѣмъ, что въ деньгахъ у меня и безъ того изобилія нѣтъ. Мнѣ надобно сдѣлать себѣ шинель, а Ванькѣ, вѣрнѣйшему моему служителю, пару платья, о которой онъ сильно мнѣ докучаетъ, представляя въ резонъ многія заплаты на прежней ливреѣ, разность пуговицъ, изъ коихъ иныя золотыя, иныя серебряныя, а иныя гарусныя, украшаютъ настоящее его одѣяніе, и множество еще неудобствъ, которыя вынутъ изъ кошелька моего, по моему счету, рублей съ пятнадцать. Всѣмъ моимъ людямъ недавно приключилось несчастіе, за которое я же платить долженъ, а именно: лихіе люди, не убоясь Страшнаго Суда, украли у нихъ съ чердака всю ветчину. Сей урокъ сдѣлалъ-было въ нихъ великое омерзѣніе къ временной жизни, а особливо въ Сенькѣ, который, съ отчаянія,

попущеніемъ Божіимъ, началъ-было сокращать время свое, ходя по сосѣдству въ такой домъ, откуда рѣдко ихъ братья трезвые выходятъ. Я не для того пишу, чтобъ приносить на него жалобу; могу сказать, что я истинно доволенъ его честностію, скромностію, вѣрностію и другими многими добродѣтелями. Что жъ надлежитъ до Петрушки, то могу сказать, что онъ, сверхъ натурально-добраго сердца, имѣетъ еще многія дарованія; худо въ немъ только то, что онъ чему ни учился, ни чёму не выучился. Мнѣ кажется, что онъ будетъ такой же парикмахеръ, каковъ и грамотѣй. Недавно завилъ онъ меня во множество пуколь, изъ которыхъ каждую хотя онъ и много выхвалялъ, однако, можетъ быть за тѣмъ, что мы имѣемъ разные вкусы; мнѣ ни одна пукля не понравилась и я принялъ намѣреніе не давать ему надъ собою показывать свое искусство.

Нынѣшнее время и въ самомъ дѣлѣ досталось мнѣ гораздо больше истратить, нежели должно. Я принужденъ былъ купить себѣ черные и бѣлые чулки и прочее нужное и необходимое. Отъѣхавъ отъ васъ, взялъ я только 165 рублей своего жалованья, которыми до сего числа жилъ, то есть, *слишкомъ пять мѣсяцевъ*.

Въ четвергъ будетъ здѣсь огромный маскарадъ въ саду, какъ для знатныхъ, такъ и для простаго народа. Я думаю, что цѣлый городъ

сюда будетъ. Посылаю въ Петербургъ за розовою своею домино.

Н. И. Бутурлинъ, о которомъ я писалъ къ дядюшкѣ, поѣхалъ въ Москву, къ своему отцу для испрашиванія у него благословенія. Я думаю, что въ садахъ вы его изволите увидѣть. Дѣло почти уже сдѣлано и Государыня Сама о томъ извѣстна. Онъ очень будетъ счастливъ, получа въ жену такую достойную особу, какова меньшая дочь Ивана Перфильевича. Она умна, имѣетъ тысячи пріятностей и прекрасное сердце.

КЪ НИМЪ ЖЕ.

Петергофъ, 22 Іюня 1768.

На сей почтѣ получили мы два милостивыя письма ваши: одно къ намъ, а другое для показанія нашимъ командирамъ; за что приносимъ нижайшую нашу благодарность. Я съ своей стороны чрезмѣрно желаю васъ видѣть и надѣюсь, что скоро то исполнится. На мѣсто Ивана Перфильевича опредѣляется генералъ-маіоръ Стрекаловъ, и такъ мнѣ нужно видѣть теперь одно только то, чтобъ дѣла наши исправно сданы были. Вы изволите знать, что я ихъ дѣлалъ цѣлый годъ и слѣдственно обстоятельство сіе привлекаетъ меня ожидать того времени, въ которое бы я совершенно съ тѣми дѣлами развязался. Впро-

чемъ я долго и того ждать не буду, а при удобномъ случаѣ покажу ваши письма и непремѣнно возвращусь. Желаніе мое быть скорѣе въ Москвѣ неописанно. Мнѣ очень здѣсь скучно, хотя вы и думать прежде изволили, будто я провожаю здѣсь жизнь мою въ весельѣ. Дѣла наши снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ивана Перфильевича бываю; и сколь это безпокойно, то Самъ Богъ видитъ. Въ производствѣ же моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ; напоминаніе жъ мое было бы излишне. Онъ меня любитъ; да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ со мною отобѣдать и проводить время. О счастіи же моемъ не рачитъ онъ нимало, да и о своемъ немного помышляетъ, а держится одною удачею. Словомъ сказать, жизнь свою ведетъ точно какъ въ Москвѣ, чему вы сами свидѣтелемъ были. По должности своей главное прилежаніе и тщаніе устремляетъ онъ къ заведенію благонравія при придворныхъ Ея Императорскаго Величества театрахъ. Къ пользѣ человѣческаго рода каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической, или комической штукѣ. Льются слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на шутку, забытъ, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ въ свѣтѣ дѣла идутъ! Я истинно получилъ ужасное омерзѣ-

ніе ко всѣмъ вздорамъ, въ которыхъ нынѣшняго свѣта люди главное свое удовольствіе полагаютъ. Счастіе свое полагаю я въ одномъ спокойствіи, котораго, живучи безъ васъ, я конечно чувствовать не могу. Радъ бы жить вѣчно съ вами. Третьяго дня былъ я у Графа Р. Л. В. и письмо ваше ему отдалъ. Онъ принялъ меня очень хорошо, поручилъ мнѣ увѣрить васъ о своемъ къ вамъ почтеніи и о стараніи въ вашу пользу. Онъ сказалъ, что ваше дѣло будетъ сдѣлано. Въ четвергъ поѣду я къ нему обѣдать. Онъ меня очень приласкалъ, да и немудрено. Когда большіе бояре держатся въ черномъ тѣлѣ, тогда они всего любезнѣе на свѣтѣ; а какъ скоро изъ него выходятъ, то всѣхъ людей становятъ прахомъ предъ собою, и думаютъ, что царствію ихъ не будетъ конца. Въ пятницу было брачное сочетаніе его сіятельства генералъ-прокурора. Дай Богъ ему здоровья; онъ женился какъ и всѣ простолюдины; свадьба была въ Петергофѣ, и сказываютъ, что 10,000 рублей на свадьбу пожаловано. Больше вѣстей никакихъ нѣтъ. Въ кадетскомъ саду видаю я по воскресеньямъ братца А. М., а чтобъ лучше знать о ихъ содержаніи, то былъ уже я не одинъ разъ при столѣ ихъ: они изрядно содержатся. Строгости ни малой не употребляется при ихъ воспитаніи. Говорятъ, будто меньшіе кадеты не такъ хорошо содержатся и пріучаютъ ихъ къ нуждѣ. Здѣсь учреждены

съѣзды и назначены дни для Кадетскаго Корпуса, для Монастыря и для Академіи Художествъ. И такъ Петербургскіе жители раздѣляютъ цѣлую недѣлю на удовольствованіе своего любопытства и на свое веселье. Гульбища по садамъ занимаютъ также довольно времени; однако болѣе всего съѣзжаются на Каменный, Крестовскій и Петербургскій острова; дѣлаютъ тамъ на полѣ ужины и веселятся. На Петровскомъ острову былъ я въ субботу съ братьями. Насъ всѣхъ взялъ съ собою дядюшка; онъ со всею фамиліею туда ѣздить изволилъ. Обѣдали мы у Рѣзвова; катались на шлюпкѣ, качались, играли въ фортуну и время свое довольно весело проводили. Каждый день бываю я у дядюшки, да и нельзя иначе. Онъ насъ жалуетъ, да и близость мѣста не допускаетъ насъ долго быть розно. Мы живемъ почти другъ противъ друга.

Я пишу сіе въ домѣ Ивана Перфильевича и расположился-было написать цѣлый листъ кругомъ, да нельзя: Ив. Перф. изъ Сената пріѣхалъ и для того письмо мое прерываю, прося навсегда родительскаго вашего благословенія.

ОПЫТЪ

РОССІЙСКАГО СОСЛОВНИКА.

—

Старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый.

Старо то, что̀ давно было ново; *старинным* называется то, что̀ ведется издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи *ветхимъ* называется то, что отъ старости истлѣло, обвалилось. *Древне* то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. *Заматерѣло* то,, что временемъ сильно окоренѣло и огрубѣло.

Старый человѣкъ обыкновенно любитъ вспоминать *давнія* происшествія и разсказывать о *старинныхъ* обычаяхъ; а если онъ скупъ, то въ сундукахъ его найдешь много *ветхаго*; нерѣдко бываетъ онъ *заматерѣлъ* въ своихъ привычкахъ. Сихъ примѣровъ столько бывало и въ *древнія* времена.

Обманывать, проманивать, проводить.

Всѣ сіи слова значитъ ложь представлять истиною. *Обманываютъ* тѣ, кои умышленно

облекаютъ ложь всею наружностію правды. *Проманивать* есть не дѣлать обѣщаемаго, питая тщетною надеждою; *проводить* значитъ брать притворно участіе въ чью-нибудь пользу, дѣйствуя во вредъ.

Кто не любитъ истины, тотъ часто *обманутъ* бываетъ. *Проманивать* есть большихъ бояръ искусство. Стряпчіе обыкновенно *проводятъ* челобитчиковъ.

Чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе.

Чувства суть способности, коими животное пріемлетъ впечатлѣніе внѣшнихъ вещей; *чувствованіями* называются душевныя движенія и страсти; *чувственность* есть прилѣпленіе къ удовольствіямъ чувствъ своихъ; *чувствительность* есть качество, коимъ тѣло или душа стремительно проницаются; *ощущеніе* есть то самое впечатлѣніе, которое душа отъ внѣшнихъ предметовъ пріемлетъ.

Счастливъ, кто въ старости сохраняетъ всѣ свои *чувства*. Благороденъ, кто имѣетъ великодушныя *чувствованія*. Благоразумный всего своего удовольствія въ одной *чувственности* не полагаетъ; честный человѣкъ принимаетъ съ особливою *чувствительностію* все, что̀ честь его трогаетъ; дурная музыка и всякое дурное дѣйствіе производятъ въ насъ непріятное *ощущеніе*.

Робкій, трусливый.

Робкій бѣжитъ назадъ, *трусливый* нейдетъ впередъ; *робкій* не защищается, *трусливый* не падаетъ. Нельзя надѣяться ни на сопротивленіе *робкаго*, ни на помощь *трусливаго*.

Основать, учредить, установить, устроить.

Основать значитъ положить чему-нибудь прочное начало; *учредить* значитъ привести вещи въ такой порядокъ, чтобъ каждая была на своей чредѣ; *установить* есть не что̀ иное, какъ опредѣлить уставы или правила, по коимъ въ дѣлѣ слѣдовать; *устроить* разумѣется распорядить вещи такъ стройно, чтобъ развращеніе до нихъ не прикоснулось.

Въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный Судъ и *устроила* благочиніе.

Понятіе, мысль, мнѣніе.

Понятіе есть то познаніе, которое разумъ имѣетъ о какой-нибудь вещи или дѣлѣ. *Мысль* есть дѣйствіе существа разумнаго. *Мнѣніе* есть слѣдствіе размышленій.

Нельзя имѣть *понятія* о вещи, если не обратимъ къ ней *мыслей* своихъ; *понявъ* же ее яснымъ образомъ, нельзя ошибиться въ своемъ объ ней *мнѣніи*.

Сколько судей, которые, не имѣвъ о дѣлахъ яснаго *понятія*, подавали на своемъ роду

весьма много *мнѣній*, въ которыхъ весьма мало *мыслей*.

Обида, притѣсненіе.

Обида есть вредъ, приключаемый чести, или имуществу. *Притѣсненіе* есть недопущеніе пользоваться правомъ своимъ.

Не дѣйствуютъ законы тамъ, гдѣ *обиженный притѣсняется*.

Сумазбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ.

Сумазбродъ никогда не слѣдуетъ разсудку, съ котораго сбрелъ, а руководствуется во всѣхъ своихъ дѣлахъ однимъ воображеніемъ. *Шаль* притворяется обыкновенно глупѣе, нежели онъ есть, для того, что безъ сего притворства не стало бы природнаго ума его возбудить на себя вниманія. *Невѣжда* называется человѣкъ безъ просвѣщенія. *Глупецъ* тотъ, котораго умъ весьма ограниченъ. *Дуракъ*, который ума вовсе не имѣетъ.

Сумазбродъ весьма опасенъ, когда въ силѣ. *Шаль* часто дурачествомъ досаждаетъ. *Невѣжда* обыкновенно въ своихъ мнѣніяхъ упрямъ. *Глупцы* смѣшны въ знати. *Дураку* законъ не писанъ.

Несчастіе, напасть, бѣда, бѣдствіе.

Всѣ сіи слова возвѣщаютъ и знаменуютъ злоключенія; но *несчастіемъ* называется всякое злое происшествіе; *напасть* же есть заключеніе нечаянное. *Бѣда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютѣйшими слѣдствіями.

Бѣдствіе значитъ то же самое, но въ обширнѣйшемъ смыслѣ употребляется.

Потерять друга есть *несчастіе*; лишиться разбойниками всего имѣнія есть *напасть*; *бѣда* ручаться за мотовъ; голодъ и язва суть народное *бѣдствіе*.

Полно, довольно.

Оба сіи нарѣчія принадлежатъ до количества съ тою разностію, что *полно* имѣетъ бо̀льшее отношеніе къ тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денегъ ни давай, никогда не скажетъ *полно*. Для мота не *довольно* милліоновъ. Если наливаютъ въ рюмку черезъ край, то и пьяница скажетъ: *полно*, хотя ему и не довольно. Многіе, имѣя посредственный доходъ, говорятъ: для насъ его *довольно*, но рѣдкій скажетъ: *полно* желать больше.

Проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

Проступокъ есть меньшая степень погрѣшенія. *Виною* называется ненаблюденіе предписанныхъ должностію правилъ. Тяжкая *вина*, то есть важное нарушеніе закона, именуется *преступленіемъ*. *Злодѣянія* происходятъ отъ безмѣрнаго развращенія сердца. Злодѣй обыкновенно безчеловѣченъ, вѣроломенъ и врагъ общія безопасности. *Грѣхъ* есть дѣйствіе противу гласа совѣсти.

Проступокъ свойственъ слабости человѣче-

ской и легко бываетъ извиняемъ. Не всякая *вина* заслуживаетъ наказанія. Надлежитъ *преступленіе* изслѣдовать весьма осторожно прежде, нежели осудить преступника къ наказанію. *Злодѣяніе* достойно казни. *Грѣхамъ* судія Богъ.

Худо понять приказъ начальника есть *проступокъ*. Забвеніемъ не исполнить повелѣнія начальника — *вина*. Ослушаніе начальству — *преступленіе*. Умыселъ противу начальства—*злодѣяніе*. Предъ начальствомъ благодѣтельствующимъ *грѣхъ* быть неблагодарну.

Низкій, подлый.

Человѣкъ бываетъ *низокъ* состояніемъ, а *подлъ* душею. Въ *низкомъ* состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *подлый* человѣкъ. Слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а подлость къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльниковъ. Въ *низкое* состояніе приходитъ человѣкъ иногда по неволѣ, а *подлымъ* всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго *подлеца* къ добрымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчество.

Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь.

Въ нуждѣ *помогаютъ*; въ трудѣ *пособляютъ*; въ недостаткѣ *вспомоществуютъ*; для обороны *даютъ помощь*.

Сострадание велитъ *помогать* бѣднымъ; великодушие влечетъ *пособлять* безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ *вспомоществуетъ* другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ *подавать помощь* беззащитнымъ.

Безпорочность, добродѣтель, честь.

Часто безъ разбору говорится: онъ ведетъ жизнь *безпорочную, добродѣтельную, честную*; но чтобъ узнать, всѣ ли сіи выраженія единообразно употреблять можно, надлежитъ опредѣлить разумъ каждаго.

Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе и велитъ дѣлать то̀ другимъ, чего бы пожелалъ себѣ. *Безпорочность* обыкновенно меньше заслуживаетъ похвалы, нежели добродѣтель. Первая можетъ происходить и отъ страха наказанія; но послѣдняя есть великодушное стремленіе человѣка жертвовать другому своимъ благосостояніемъ. Чѣмъ таковая жертва важнѣе, тѣмъ славнѣе добродѣтель.

Состоянія людей такъ многообразны, что, при различеніи *добродѣтели* отъ *безпорочности*, необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель*. Богатый человѣкъ, не разстраивая нимало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ. Угнетенный нищетою возвратилъ отданную ему на сохраненіе вещь, о которой никто не зналъ, что она у него въ сохраненіи. Одинъ изъявилъ *добродѣтель* и *безпорочность*; но которая достойна бо̀льшаго почтенія? Можно сказать, что *безпорочность* бѣднаго есть уже *добродѣтель;* а *добродѣтель* богатаго есть только что *безпорочность*.

Сверхъ сихъ качествъ, долженствующихъ руководствовать нашими дѣлами, есть третіе, весьма достойное вниманія, — *честь*.

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ, кажется, самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Лѣнивый, праздный.

Лѣнивый бываетъ, кажется, таковымъ больше отъ расположенія тѣла, а *праздный* больше

отъ расположенія души. *Лѣнивый* боится при дѣлѣ труда, а *праздный* не терпитъ самаго дѣла. Трудолюбивый становится иногда *лѣнивымъ*, но не *празднымъ*; ибо *праздный* отъ роду не бывалъ трудолюбивымъ. *Лѣнивый*, побѣждая свой порокъ любочестіемъ, можетъ быть отечеству весьма полезенъ своею службою; *праздный* обыкновенно шатается или безъ дѣла у двора, или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ, и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца.

Запамятовать, забыть, предать забвенію.

Запамятовалъ тотъ, кто не можетъ вспомнить. *Забылъ*, кто совсѣмъ потерялъ память о какой-нибудь вещи, или дѣлѣ. *Предать забвенію* есть никогда не вспоминать.

Можно *запамятовать* имя судьи, который грабитъ; но трудно забыть, что онъ грабитель и само правосудіе обязано преступленіе его не *предавать забвенію*.

Власть можетъ повелѣть такое-то дѣло *предать забвенію*; но нѣтъ на свѣтѣ власти, которая могла бы повелѣть то же самое дѣло не только *забыть*, ниже *запамятовать*.

Совершить, окончить, прекратить.

Совершить есть додѣлать то, чего много уже сдѣлано; *оканчиваютъ* начатое, продолжая работу; *прекращаютъ* тѣ, кои недоконченное прерываютъ, или вовсе уничтожаютъ.

Чтобъ написанная купчая имѣла свое дѣй-

ствіе необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совѣстный Судъ преклоняетъ судимыхъ *прекращать* распри примиреніемъ.

Званіе, чинъ, санъ.

Званіе есть должность, въ службѣ отправляемая, или мѣсто, въ службѣ занимаемое. *Чины* суть степени чести, на которыя Государь достойныхъ людей возводитъ. *Санъ* есть верховное достоинство, сопряженное съ важнѣйшимъ государственнымъ служеніемъ. *Званіе*, напримѣръ, Засѣдателя, Предсѣдателя, Предводителя; *чинъ* Прапорщика , Маіора, Бригадира; *санъ* Намѣстника,, Военачальника, Градоначальника и проч.

Можно имѣть *званіе* безъ *чина*, но стыдно брать *чины* безъ *званія*. Кто въ большомъ *санѣ* не имѣетъ большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія.

Въ званіе опредѣляютъ, *чиномъ* жалуютъ, *саномъ* облекаютъ.

Нельзя сказать: онъ пожалованъ Засѣдателемъ; ибо въ одномъ мѣстѣ можетъ засѣдать и Поручикъ и Генералъ-Поручикъ. Нельзя сказать: онъ опредѣленъ Бригадиромъ; ибо, будучи пожалованъ въ сей *чинъ*, можетъ оставаться при томъ же *званіи*, въ которое опредѣленъ былъ въ прежнемъ своемъ *чинѣ*. *Саномъ* обыкновенно облекаются большихъ чиновъ особы; но не всякій большой *чинъ* есть

санъ: ибо не всякій большой *чинъ* налагаетъ важное государственное служеніе. Есть большіе *чины*, въ которыхъ нѣтъ ни какой нужды имѣть большія достоинства, а достигаютъ до нихъ иногда одною знатностію породы, которая есть самое мéньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ.

Правота, правосудіе.

Правота есть добродѣтель, влекущая насъ отдавать каждому справедливость. *Правосудіе*, кажется, опредѣлено награждать и наказывать сходственно съ закономъ. Судья не властенъ внимать *правотѣ* своей, а повиненъ слѣдовать *правосудію*, то есть закону. *Правосудіе* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродѣтель Государя; ибо онъ своею *правотою* властенъ умягчать излишнюю строгость *правосудія*.

Суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ.

Суевѣръ есть тотъ, котораго вѣра противна разсудку и здравымъ понятіямъ о Вышнемъ Существѣ. *Ханжа* считаетъ въ душѣ своей угодить Богу наблюденіемъ всѣхъ мелочей, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ. *Пустосвятъ* полагаетъ святость въ одной пустотѣ, то есть, въ дѣйствіяхъ, несоставляющихъ никакого истиннаго Богу угожденія. *Святоша* выдаетъ себя всенародно за человѣка, прилѣпленнаго

къ единой святости. Притворно набожный называется *лицемѣръ*.

Ханжа таскается вседневно по церквамъ, поетъ молебны не Святымъ, но образамъ; ибо къ одному образу Святаго имѣетъ всю теплую вѣру, а къ другому того же Святаго никакой. *Пустосвятъ* почти никогда къ обѣднѣ не поспѣваетъ. Онъ бѣжитъ въ церковь не за тѣмъ, чтобъ съ умиленіемъ сердечнымъ Богу помолиться, но чтобъ перецѣловать всѣ иконы, которыя губами достать можетъ. *Святоша* бродитъ босикомъ, въ волосяной рубашкѣ, иногда и въ веригахъ. *Суевѣръ* есть несчастнѣйшее созданіе. Онъ всеминутно боится Бога не какъ Судіи праведнаго, но какъ Судіи грознаго. Все кажется ему предвѣщаніемъ Божескаго гнѣва. Онъ трепещетъ днемъ отъ сновидѣній. Онъ считаетъ себя всегда предъ Богомъ безъ вины виноватымъ. Подкрѣплять и распространять суевѣріе есть ремесло *лицемѣровъ*.

Въ, во, на.

Нѣкоторые писатели почитаютъ *въ* писать предъ словомъ, начинающимся съ гласной буквы, напр. *въ* опасности, *въ* естествѣ, *въ* Очаковѣ; а *во* предъ словомъ, начинающимся съ согласной, наприм. *во* Франціи, *во* славѣ, *во* гнѣвѣ; но мнѣ кажется, что обычай и слухъ дѣлаютъ такое множество исключеній изъ сего правила, что онаго и правиломъ назвать нельзя.

Смѣшно было бы говорить и писать: *во* Москвѣ, *во* порокѣ, *во* глинѣ. Напротивъ того, въ самыхъ важныхъ сочиненіяхъ читаемъ: *во* услышаніе, *во* Апостолахъ, *во* Израили, и проч.

Обычай иногда позволяетъ *на* употреблять вмѣсто *въ* и *во*, напр. вмѣсто: живу *въ* Москвѣ, *въ* Кубани, *въ* Луговой, идемъ *въ* рынокъ, *въ* поле,—говорится: живу *на* Москвѣ, *на* Кубани, *на* Луговой, идемъ *на* рынокъ, *на* поле, и проч.

Умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ.

Всѣ сіи названія, изображающія качества души, не имѣютъ никакого опредѣленнаго знаменованія. Всякій произноситъ оныя, какъ самъ понимаетъ. Одинъ *умомъ* называетъ *дарованіе*; другой чрезъ *дарованіе* разумѣетъ *понятіе*; иной *смыслъ* мѣшаетъ съ *толкомъ*; иной *толкъ* именуетъ *разумѣніемъ*. Словомъ, надобно изъ содержанія всей рѣчи распознавать, въ какомъ значеніи употреблено таковое названіе. Сіе неудобство происходитъ не отъ недостатковъ нашего языка, но отъ человѣческаго о душѣ незнанія; ибо какъ можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для насъ непостижимо? Часто, какъ-будто въ доказательство превосходства Французскаго Языка предъ нашимъ спрашиваютъ: какъ перевести по-русски esprit?

Но прежде нежели сіе слово переводить, надлежитъ узнать, что̀ чрезъ оное сами Французы разумѣютъ. Гельвецій, прославившійся сочиненіемъ своимъ по сей матеріи, начинаетъ свою книгу точно сими словами: «On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeller esprit: chacun dit son mot; personne n'attache les mêmes idées à ce mot; et tout le monde parle sans s'entendre (*). Послѣ сего можно ли требовать, чтобъ сіе слово на какой-нибудь языкъ переведено быть могло?

Читая наши духовныя книги и лучшихъ писателей, старался я примѣтить, въ какомъ знаменованіи въ нихъ сіи названія приняты. Здѣсь сообщаю мои примѣчанія.

Изъ всѣхъ изображенныхъ качествъ души, *умъ* кажется славнѣйшимъ: ибо содержитъ въ себѣ все пространство понятія, всю силу воображенія и всю дѣйствительность души. Апостолъ Павелъ, говоря о Богѣ, вопрошаетъ: кто разумѣ *умъ* Господень? Небесные духи названы въ Священномъ Писаніи: небесные *умы*.

Разумъ, кажется, можно примѣнить къ зрѣнію. Онъ есть душевное наше око. Объ немъ судить надобно какъ о тѣлесномъ, то есть, по его ясности, быстротѣ, или объемлемому имъ пространству.

(*) Всеедневно о томъ спорятъ, что должно называть словомъ esprit. Всякій о немъ по своему толкуетъ; никто не присвояетъ одинакихъ къ нему понятій. Всѣ говорятъ о немъ, не разумѣя другъ друга.

Нѣкоторые думаютъ, что *разумъ* превосходнѣе *ума* для того, что частица *разъ* значитъ будто усугубленіе; но мнѣ кажется сіе мнѣніе несправедливымъ; ибо частица *разъ* иногда вмѣсто усугубленія значитъ уничтоженіе; напр. *разстроить* не значитъ больше строить, но напротивъ того, значитъ построенное разрушить. Впрочемъ производимые отъ ума и разума глаголы, кажется, могутъ рѣшить, которое изъ сихъ словъ важнѣе. Кто *умѣетъ*, тотъ всеконечно разумѣетъ, но не всякій тотъ *умѣетъ*, кто лишь только *разумѣетъ*.

Разумѣніемъ называется способность примѣчать безчисленныя отношенія во всеобщей стройности вещей. *Смыслъ* есть первая и самая меньшая степень познанія, или первое впечатлѣніе души, дѣйствіемъ чувствъ производимое. *Разсудокъ* есть та естественная способность, коею люди одарены отъ Бога для познанія истины. *Разсужденіемъ* называется дѣйствіе души, судящее о пристойности идей человѣческихъ. *Дарованіемъ* именуемъ отмѣнную къ чему-нибудь способность, естественную, или пріобрѣтенную. *Понятіе* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрезъ *воображеніе* разумѣемъ ту силу, которую всякое чувствительное существо имѣетъ представлять въ разумѣ своемъ вещи, чувствамъ подверженныя. *Толкъ* есть способность вникать.

Къ объясненію сихъ названій, можетъ быть,

послужитъ исторія извѣстнаго Глупона. Съ самаго младенчества онъ ничего не обѣщалъ. Будучи трехъ лѣтъ, едва имѣлъ онъ *смыслъ* годоваго младенца. Учился грамотѣ такъ плохо, что не оставалось никакого сомнѣнія о худомъ его *понятіи*. Начали-было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имѣетъ ни малѣйшаго *разумѣнія*; а какъ многіе Глупоны охотники писать стихи, то и нашъ напуталъ превеликую оду, въ которой не было ниже искры *воображенія*. Словомъ, во всю свою молодость за что̀ ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарованія*. Вышедъ изъ училища, сдѣлался онъ господиномъ своихъ поступковъ и повелъ себя такъ дурно, что ни одной своей страсти не хотѣлъ или, лучше сказать, не умѣлъ подчинить *разсудку*. Вошедъ въ службу, выпросилъ себѣ судейское мѣсто; но чрезъ нѣсколько дней всѣ приказные служители, даже до послѣдняго подъячаго, стали смѣяться *разсужденію* своего начальника. Въ обществахъ съ нимъ также странное случалось. Тѣ слова, кои въ устахъ людей острыхъ казались наполненными *разума*, тѣ же самыя слова въ устахъ Глупона казались величайшимъ дурачествомъ. Счастливъ бы онъ былъ, еслибъ остался въ посредственномъ состояніи. Никому не было бы нужды обращать на него вниманія; но слѣпой случай сдѣлалъ Глупона знатнымъ господиномъ и онъ впутался въ

дѣла. Тутъ уже вся публика скоро усмотрѣла и единогласно заключила, что въ немъ *толку* мало, а *ума* не бывало.

Всегда, непрестанно.

Всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ безъ остановки, безъ прерыванія. Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Писецъ, писатель, сочинитель, творецъ.

Писецъ называется тотъ, кто сочиняетъ свое, или чужое переписываетъ. *Писатель*, кто сочиняетъ прозою. *Сочинитель*, кто пишетъ стихами и прозою. *Творецъ*, кто написалъ знаменитое сочиненіе стихами или прозою.

Гоговорится: *писецъ* исправный, *писатель* древній, или новый, *сочинитель* знаменитый, *творецъ* славный.

У насъ въ древности *писцовъ* было мало; изъ нихъ отличился *Несторъ*, *писатель* Россійской Исторіи. Между *сочинителями* нынѣшняго вѣка славенъ Ломоносовъ, *творецъ* лучшихъ одъ на Россійскомъ Языкѣ.

Намѣреніе, предпріятіе, замыселъ, умыселъ.

Положенное на мѣрѣ достиженіе какого-нибудь вида, или цѣли, называется *намѣреніе*;

когда оно взято и расположено, бываетъ *предпріятіе*; когда оно хитро, именуется *замысломъ*; когда исполненіе онаго почитается преступленіемъ, есть *умыселъ*. *Намѣреніе* и *предпріятіе* такъ въ своемъ знаменованіи разнятся, что весьма правильно и нерѣдко употребляемъ выраженіе: я *предпринялъ намѣреніе*.

Честный человѣкъ никогда не предпріемлетъ безчестнаго *намѣренія*; ибо, для исполненія онаго, умъ его ни къ какимъ *замысламъ* не обратится и въ душѣ его всякій *умыселъ* ужасъ производитъ.

Письмо, грамота, посланіе.

Подъ сими именами разумѣется всякая переписка между людьми разныхъ состояній. Чрезъ *письма* сообщаютъ мысли свои люди всякаго званія: и Государь къ подданному, и подданный къ Государю посылаютъ *письма*; но *грамоты* пишутъ одни Государи. *Письма* древнихъ называются *посланіями*.

Вольтеровы *письма* наполнены остротою; *грамота* Филиппова къ Аристотелю вниманія достойна; *посланія* Святаго Апостола Павла боговдохновенны.

Стихотворныя сочиненія, подъ именемъ эпистолъ, недавно начали называть *посланіями*.

Влюбленный, любовникъ, любитель.

Тотъ *влюбленъ*, кто въ сердцѣ своемъ страсть любви ощущаетъ; но *любовникъ* толь-

ко тотъ, кто въ своей страсти изъяснился. Часто случается видѣть *влюбленныхъ*, которые не смѣютъ казаться *любовниками*; но нерѣдко видимъ *любовниковъ*, которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежитъ до любовной страсти. Также смѣшно было бы сказать: онъ ея *любитель*, какъ онъ *любовникъ* наукъ и художествъ.

Животное, скотъ.

Все то созданіе, которое имѣетъ душу живу, называется *животное*. Слѣдственно человѣкъ и *скотъ* подъ сіе названіе подходятъ. Но если человѣкъ называется въ добромъ смыслѣ *животнымъ*, то *скотомъ* иначе не именуется, какъ въ дурномъ смыслѣ, то есть, когда разсудокъ управляетъ имъ не больше какъ *скотомъ*.

Люди и *скоты*, составляющіе родъ *животныхъ*, имѣютъ между собою ту разницу, что *скотъ* никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится *скотомъ*. «Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ; приложися *скотомъ* несмысленнымъ, и уподобися имъ.»

Милый, любезный.

Милъ, кто любимъ; *любезенъ*, кто любви достоинъ. *Любезный* человѣкъ можетъ быть не *милъ*, и *милый* не *любезенъ*. Впрочемъ, слово *любезный* относится къ однимъ людямъ, а *милый* и къ вещамъ неодушевленнымъ. Гово-

рится: ему не *милы* ни чины, ни деньги; но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны*.

Ревность, ревнованіе.

Ревность есть душевное страданіе, происходящее отъ того, когда видимъ благо, желаемое для самихъ насъ, въ обладаніи у другаго. Сіе слово употребляется болѣе всего, когда рѣчь идетъ о любви. *Ревнованіе* есть родъ *ревности*, возбуждающее насъ съ кѣмъ-нибудь поравняться, или кого превзойти въ чемъ ни есть похвалы достойномъ. Человѣкъ, котораго сердце растерзано *ревностію*, не можетъ въ то жъ самое время удобенъ быть къ *ревнованію* въ дѣлахъ великихъ.

Домъ, дворъ.

Домъ есть зданіе для обитанія. *Дворъ* есть мѣсто, окруженное стѣнами или зданіями, составляющее часть дома. Нерѣдко случается, что у большаго *дома дворъ* весьма малый. *Дворъ* также значитъ придворныхъ господъ и служителей; а *домъ*—знаменитое поколѣніе. Въ Нѣмецкой Землѣ княжескіе *домы* свои *дворы* имѣютъ.

Миръ, тишина, покой.

Всѣ сіи слова знаменуютъ состояніе, никакому волненію не подверженное; но *миръ* означаетъ оное относительно ко внѣшнимъ непріятелямъ; *тишина* — къ будущему или

прошедшему приключенію; *покой* изображаетъ сіе состояніе безъ всякаго отношенія.

Худой *миръ* лучше доброй брани. Исцѣля себя отъ ложнаго любочестія, я пошелъ въ отставку и живу въ *покоѣ*. *Тишина* часто бурю предвѣщаетъ.

Въ церковныхъ книгахъ нерѣдко находимъ выраженія: *миръ* ти, Евангеліе *мира*, Князь *мира*, успе въ *мирѣ*; слѣдственно миръ берется за союзъ, согласіе, добрую совѣсть, блаженство. Давидъ, раздробляя понятія свои о добромъ правленіи, говоритъ, что въ немъ «милость и истина срѣтостася, правда и *миръ* облобызастася.»

ПРИМѢЧАНІЕ

НА КРИТИКУ,

напечатанную на 113-й и 114-й страницахъ 2-й части Собесѣдника, касающуюся до Опыта Российскаго Сословника.

Стран. 126. «*Ветхій* (vetus), *древній* и *старый*,» говоритъ критикъ, «одинакое имѣютъ «значеніе и въ одинакомъ берутся смыслѣ; «напр., ветхій, древній и старый завѣтъ. Но «только въ томъ разнятся, что ветхій относится къ тлѣнной матеріи, древній ко време«ни, а старый къ гніючему, или разрушающе«муся существу.»

Не понимаю, что значитъ сіе примѣчаніе и какую разность находитъ критикъ между тлѣнною матеріею и гніючимъ или разрушающимся веществомъ.

Стран. 127. «*Проманивать* по этимологиче«скому разбору то же, что и *проводить*. Но «къ значенію, какое дано первому, лучше под«ходитъ *обольщать*.»

Г-нъ критикъ не сказываетъ того только, по какому этимологическому разбору *проманивать* значитъ то же, что и *проводить*, и

почему къ значенію, которое дано первому, лучше подходитъ *обольщать*.

128. «*Учредить*, *установить*, *устроить*, въ одинакомъ принимаются смыслѣ; напр. можно сказать: учредить, установить, устроить порядокъ.»

Не спорю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіи глаголы можно употреблять безъ разбору; но гораздо больше случаевъ, а особливо въ важныхъ и разсужденіемъ наполненныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сіи глаголы одинъ вмѣсто другаго употреблены быть не могутъ. Г-ну критику думается, что буде надобно цвѣтъ зеленый, то всякій зеленый цвѣтъ хорошъ. Нѣтъ; часто бываетъ весьма нужно подобрать тѣни онаго, удовольствовать глаза пріятнымъ видомъ; но разумъ, душевное наше око, можетъ ли быть доволенъ, когда мысль изображена словами, невыражающими всей ея тонкости?

«Синонимы изобрѣтены на тотъ конецъ, чтобъ попеременно употреблять въ пространныхъ сочиненіяхъ одно и то же значущія слова, а не для превращенія оныхъ въ другой смыслъ.»

Сіе разсужденіе г-на критика жалко слышать. Уже давно рѣшено философами, что однихъ и то же значащихъ словъ нѣтъ на свѣтѣ; какъ же быть имъ изобрѣтенными на тотъ конецъ, чтобъ въ пространныхъ сочиненіяхъ употреблять ихъ попеременно? Если станемъ разсматривать, въ чемъ состоитъ сходство сино-

нимовъ, то найдемъ, что одно слово не объемлетъ никогда всего пространства и всей силы знаменованія другаго; сходство между ними состоитъ только въ главной идеѣ. Неужели многословіе составляетъ изобиліе языка? И какое было бы его дурацкое богатство, если бъ десять или больше словъ изображали въ немъ одну только идею? Тутъ память бы лишь тщетно обременялась; тутъ одинъ слухъ чувствовалъ бы разность въ звукѣ словъ, но разумъ не вкушалъ бы никакого удовольствія, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковыя могутъ имѣть человѣческія мысли. Судя по такой критикѣ, я думаю, что если бъ г-нъ критикъ былъ поваръ, то бы конечно въ большой обѣдъ поставилъ онъ съ однимъ кушаньемъ блюдъ тридцать.

130. «*Шаль* можетъ быть и весьма умный человѣкъ, но, по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью, выступаетъ изъ границъ благопристойности.»

Шаль конечно не дуракъ; но не могу безъ добрыхъ порукъ повѣрить критику, чтобъ шаль могъ быть *весьма* умный человѣкъ; напротивъ того, мнѣ кажется, что весьма умный человѣкъ никогда не унизитъ себя быть шалью. Я также думаю, что кто, по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью какъ напр. маленькими грамматическими ошибками, выступаетъ изъ границъ благопри-

стойности, критикуя то, чего не понимаетъ, тотъ отнюдь не можетъ назваться шалью: падлежитъ пріискать для него въ синонимахъ другое имя.

«*Глупецъ* тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями; а не тотъ, котораго умъ ограниченъ.»

Издатель Опыта Россійскаго Сословника никогда не сказывалъ, чтобъ *глупецъ* былъ тотъ, котораго умъ ограниченъ; онъ сказалъ, что глупецъ тотъ, котораго умъ *весьма* ограниченъ. Слово: *весьма*, критикъ или не прочиталъ, или съ намѣреніемъ пропустилъ. Въ первомъ случаѣ дурно критиковать, не выучась читать; въ другомъ же, умышленное пропущеніе такого слова, которое содержитъ въ себѣ всю важность и смыслъ періода, не доказывало бы доброй его совѣсти. Отъ пропущенія слова *весьма* вышло не только великое дурачество, но еще выведено критикомъ глупѣйшее заключеніе; «потому и всѣ мы,» говоритъ онъ, «должны называться глупцами, имѣя отъ природы ограниченные умы.»

Всего смѣшнѣе, что сіе нелѣпое заключеніе выходитъ необходимо изъ объясненія, которое самъ критикъ даетъ слову *глупецъ*. Онъ говоритъ, что глупецъ тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями, но какъ отъ сего точно несоображенія всѣ люди дѣлаютъ ошибки, то изъ мнѣнія г-на критика

выходитъ необходимо, что и всѣ люди должны назваться глупцами.

«Для изслѣдованія такихъ рѣченій нужно знать Философію.»

Сіе напоминаніе весьма забавно въ устахъ такого критика, который не умѣлъ и прочитать того, что критикуетъ.

Желательно, чтобъ изъ сихъ примѣчаній почерпнулъ критикъ внутреннее себѣ убѣжденіе, что для истинной критики не довольно поучиться въ гимназіи Логикѣ школьной, но надлежитъ имѣть природную, безъ которой первая не стоитъ ничего.

ВОПРОСЫ

ФОНЪ-ВИЗИНА

И

ОТВѢТЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й. (*)

—

1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не пра-

(*) Помѣщены въ Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова, при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ онаго: «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, подъ надзираніемъ почтенныя Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истинѣ; почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чистосердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдникъ и составлять неизсыхаемый источникъ размышленій, извлекающихъ со дна истину, толь возлюбленную Монархинѣ нашей.»

нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? — вится, или непонятно.

2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того что нашли выгоду быть въ отставкѣ.

3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

На 3. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина: отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?

На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни-на-есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?

На 5. Отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большей части

На 7. Одно легче другаго.

дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами.

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе засвидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно ничего не дѣлать?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить

пе есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. Н. В. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде

же бы имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ.

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками; и на оборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 16. Отъ того, что вкусы разные и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ или въ головѣ?

На 17. Тамъ же, гдѣ нерѣшимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ безтолково?

На 18. Отъ того, что тамъ, учась слогу, одинаково пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а не рѣдко и совсѣмъ забываются?

На 19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 20. Временемъ и знаніемъ.

21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 21. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

ПИСЬМО

КЪ

Г. СОЧИНИТЕЛЮ БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ

ОТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ ВОПРОСОВЪ (*).

—

По отвѣтамъ Вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе.

Въ разсужденіи вопроса о нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать Вамъ, государь мой, что разумъ онаго совсѣмъ другой, нежели въ какомъ, повидимому, Вы его принимаете. Если Вы мой согражданинъ, то кто бы Вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни Вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неисчетныхъ благъ,

(*) Подъ именемъ Сочинителя Былей и Небылицъ, Императрица Екатерина Вторая помѣщала въ Собесѣдникѣ статьи Своего сочиненія. *Изд.*

которыя въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, которую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества. Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ бо̀льшая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или, паче, занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ — и вотъ что растерзало мое сердце; вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ! Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ; но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея Благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю Васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: отъ чего тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній Правительства? Отвѣтъ Вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини! Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю: ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздается достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, еслибъ я имѣлъ талантъ Вашъ, Г. Сочинитель *Былей и Небылицъ!* съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего

мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни объявленными во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо Ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ, пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ, безсовѣстный судья блѣднѣетъ; какъ трясутся его руки; какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія! Вотъ, Г. Сочинитель *Былей и Небылицъ*, вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти Вашей!

Чрезъ вопросъ: отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? разумѣлъ я отъ чего праздным людямъ не стыдно быть праздными.

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня: для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю? На сіе буду Вамъ отвѣчать Вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя совсѣмъ другаго рода: «для того, что вездѣ, во всякой землѣ, и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.»

Признаюсь, что благоразумные Ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣши-

ло меня, заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи* (ибо у меня совѣсть спокойна), сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ *свободоязычію*, которое всею душею ненавижу.

Видя, что Вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что Вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ Вы, въ творенія свои пользу и забаву въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно; напротивъ же того, всякое Ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ни чѣмъ не заслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить оное, пріиму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

ЧЕЛОБИТНАЯ

РОССІЙСКОЙ МИНЕРВѢ

от ъ

Россійскихъ Писателей.

ПО ТИТУЛѢ.

Бьютъ челомъ Россійскіе Писатели; а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1) Подъ владѣніемъ Вашего божественнаго Величества находимся слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ никакихъ обидъ и притѣсненій отъ лица Вашего намъ именованнымъ не учинено; напротивъ же того, всякое ободреніе и покровительство отъ священныя Особы Вашея намъ изъявляемо было. 2) Но какъ Ваше божественное Величество правите Своею землею Своимъ умомъ, то и не удивительно, что часто предстоитъ Вамъ трудъ поправлять Своимъ просвѣщеніемъ людское невѣжество и Своею мудростію людскую глупость. Сею Высочайшею милостію пользовались, и нынѣ пользуются, всѣ тѣ вѣрноподданные Вашего божественнаго Величества, кои достигли до зна-

менитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты. 3) Сіи самые знаменитые невѣжды, заемля свѣтъ отъ лучей Вашего Величества, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, Вами руководствуемыхъ, происходитъ яко бы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаяся на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые; и что по штатнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди. 4) Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ реченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ; ибо *де* мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія. Мы, именованные, пріемля сіе ихъ признаніе за справедливое — понеже и въ силу закона собственное признаніе есть наилучшее всѣхъ доказательство — дерзаемъ представить Вашему божественному Величеству, что помянутые невѣжды, произносящіе съ крайнимъ безстыдствомъ и въ похвальбу себѣ таковое признаніе, употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не

иначе какъ уголовнымъ дѣломъ. Вслѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе, которое, въ противность Высочайшихъ учрежденій, намъ именованнымъ при открытыхъ дверяхъ не прочитали и безъ всякихъ обрядовъ къ дѣйствительному онаго исполненію нагло приступили. Сіе беззаконное опредѣленіе ихъ состоитъ, какъ мы стороною узнали, въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1) Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать. Почему и просимъ:

Дабы Вашего божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа Россійскимъ Музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества.

Великая богиня! просимъ Ваше божественное Величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Прошеніе писалъ Россійскихъ Музъ служитель *Иванъ Нельстецовъ*.

КАЛЛИСѲЕНЪ,

Греческая повѣсть.

—

Каллисѳенъ, Аѳинскій философъ, прогуливаясь нѣкогда въ Ликейскомъ Саду, встрѣтилъ наставника своего, Аристотеля, который съ веселымъ видомъ обнявъ его — «Прочти, любезный другъ,» сказалъ ему, «прочти письмо, которое я получилъ сейчасъ отъ Александра, возрадуйся о моемъ сердечномъ удовольствіи. Среди военнаго пламени, среди величества славы Александръ сохраняетъ добродѣтель.» Каллисѳенъ въ восхищеніи прочиталъ сіи строки, писанныя рукою Александра: «Возлюбленный учитель! будь увѣренъ, что я твердо «помню и точно исполняю всѣ твои наставленія; но я человѣкъ и окруженъ льстецами: «страшусь, чтобъ наконецъ ядъ лести не «проникъ въ душу мою и не отравилъ добрыхъ «моихъ склонностей. Нѣтъ минуты, въ которую бы не твердили мнѣ наединѣ и всенародно, словесно и письменно, что я превыше «смертныхъ, что всѣ мои дѣла божественны, «что я предопредѣленъ судьбою вселенной даровать блаженство и что наконецъ всякій,

«иначе обо мнѣ мыслящій, есть врагъ отече-«ства и извергъ человѣческаго рода. О, мой «другъ нелицемѣрный! не смѣю звать къ себѣ «самого тебя; знаю, что обременяющая ста-«рость не дозволитъ тебѣ слѣдовать за мною «въ военныхъ моихъ дѣйствіяхъ; но сдѣлай «мнѣ теперь новое благодѣяніе: пришли ко «мнѣ достойнѣйшаго изъ всѣхъ учениковъ «твоихъ, который бы имѣлъ духъ напоминать «мнѣ часто твои правила и укорять меня вся-«кій разъ, какъ я отступать отъ нихъ поку-«шуся.»

«Ты видишь,» говорилъ Аристотель, «ты видишь, чего отъ меня желаетъ Александръ. Тебя, Каллисѳенъ, посылаю на сіе важное служеніе человѣческому роду.»

«Меня? меня посылаешь ко Двору толь сильнаго монарха?» сказалъ Каллисѳенъ. «Но что̀ мнѣ тамъ дѣлать? Ты знаешь, могу ли я превозносить порочныя дѣянія государя, или его любимцевъ! Ты училъ меня почитать добродѣтель, исполнять ее дѣломъ и преклонять къ ней смертныхъ.» — «Точно того отъ тебя и требую,» говорилъ Аристотель; «точно для того и Александръ тебя отъ меня требуетъ; ты другъ Платоновъ, другъ мой; поди подъ защитою героя, моего питомца, возжечь любомудрія свѣщу во всѣхъ предѣлахъ свѣта и когда Александръ покоряетъ себѣ міръ оружіемъ, ты покоряй его законамъ мудрости.»

«Но при Дворѣ царя, коего самовластіе ни-

чѣмъ не ограничено,» говорилъ Каллисѳенъ: «можетъ ли истина свободно изъясняться?» — «Неужели гоненія страшишься?» вопросилъ Аристотель. «Боги!» возопилъ Каллисѳенъ: «Вы знаете, съ радостію ли исполняю долгъ моего служенія, и готовъ ли я вкусить смерть за истину!»

Аристотель, продолжая свою бесѣду, воспламенялъ болѣе въ душѣ ученика своего тотъ восторгъ, которымъ самъ былъ одушевленъ. Каллисѳенъ немедленно отправился къ Александру; онъ нашелъ его въ Персіи въ самый тотъ часъ, когда войско его одержало преславную надъ Даріемъ побѣду.

Невозможно изобразить, съ какими почестями принятъ былъ Каллисѳенъ отъ юнаго побѣдителя. Онъ обнялъ его какъ друга; заклиналъ его говорить правду безъ малѣйшаго опасенія; повелѣлъ ему быть съ собою безотлучно и въ тотъ же самый день Александръ, идучи въ совѣтъ, повелъ его съ собою и тамо далъ ему по себѣ первое мѣсто.

Въ совѣтѣ разсуждаемо было о томъ, какой судьбѣ подвергнуть мать, жену и дочь побѣжденнаго Дарія. Голоса собираемы были съ младшихъ. Арбасъ, юный полководецъ, который гораздо лучше зналъ хитрости придворныя, нежели военныя, чаялъ при семъ случаѣ выслужиться предъ государемъ презрительною лестію, оскорбляя человѣчество. Онъ почиталъ за полезнѣйшее умертвить на пло-

щади плѣнницъ, показать свѣту, что быть непріятелемъ Александру есть уже преступленіе, достойное смертной казни. Надменный пышностію и ложнымъ славолюбіемъ, Клитоменъ совѣтовалъ: при торжествѣ побѣды приковать ихъ къ колесницѣ побѣдителя. Аргіонъ, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имѣвшій звѣрское сердце и скотскій разумъ, примыслилъ, что самое меньшее осужденіе плѣненному царскому роду было вѣчное рабство. Дошло до Каллисѳена. «Государь!» говоритъ онъ: «когда сихъ несчастныхъ, но невинныхъ, привезутъ къ твоему царскому стану, выйди имъ на срѣтеніе, обрати къ нимъ человѣческое око, пролей въ души ихъ отраду кроткою и утѣшительною бесѣдою — и удиви свѣтъ своимъ великодушіемъ.» Александръ, выслушавъ совѣтъ Каллисѳена, вскочилъ съ своего мѣста и бросился обнимать его. «О, достойный мой наставникъ!» говорилъ ему Александръ въ восхищеніи: «побѣда возвышаетъ мое имя, а ты возвышаешь мою душу.» Исторія свидѣтельствуетъ, съ какимъ человѣколюбіемъ принялъ Александръ Даріевъ родъ.

На другой день былъ держанъ еще военный совѣтъ въ присутствіи государя и философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую Область, которая управлялась своими владѣльцами и издревле предана была Персіи. Въ совѣтѣ разсуждаемо было: что̀ дѣлать съ

Козрозецами, кои всегда могутъ Грекамъ наводить подозрѣніе своею преданностію къ Персіянамъ? Полководцы Александровы, пріобыкши къ воинскимъ лютостямъ, положили единогласно, чтобъ на всякій случай, изъ предосторожности, побить до смерти всѣхъ жителей завоеванной области; «понеже де» прибавилъ въ своемъ мнѣніи одинъ изъ ученыхъ совѣтодателей, «по истребленіи сего народа никакого уже вреда мы опасаться отъ него не можемъ.» Сіе мнѣніе предложено было въ совѣтѣ къ подписанію Каллисѳену. «Боги!» возопилъ сей философъ: «истребите самого меня, если рука моя сей варварскій приговоръ подпишетъ!» Столь внезапное восклицаніе произвело въ собраніи глубокое молчаніе. Александръ, взявъ приговоръ къ руки, задумался и, углубясь въ размышленіе, нечувствительно раздиралъ бумагу, содержащую лютую судьбу нѣсколькихъ тысячъ людей невинныхъ; глаза его наполнились слезами; наконецъ трепещущимъ голосомъ, прерываемымъ воздыханіями нѣжнаго человѣколюбія, прекратилъ онъ общее молчаніе и едва могъ сіи слова промолвить Каллисѳену. «Ты другъ человѣческаго рода, ты охранитель моей славы!»

Въ то время Леонадъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ любимцемъ Александра; въ самое короткое время умѣлъ онъ овладѣть совершенно душею монарха. Имъ самимъ владѣли страсти—высокомѣріе и алчность къ обогащенію.

Онъ не любилъ никого и никѣмъ любимъ не былъ; ибо тотъ, кто любитъ одного себя, не достоинъ быть любимымъ отъ другихъ. Добра дѣлалъ мало для того, что не любилъ видѣть людей въ удовольствіи; если же добро дѣлать ему и случалось, то обыкновенно такимъ образомъ, что получившій его благодѣяніе былъ бы гораздо больше радъ не быть никогда имъ обязаннымъ. При Дворѣ былъ онъ очень силенъ; слѣдственно не было ему и нужды дѣлать подысковъ; однако жъ вредилъ онъ другимъ охотно, потому что въ огорченіи другихъ сердце его находило удовольствіе. Но горе тому, коего погубленіе могло пособлять его возвышенію, или, по мнѣнію его, нужно было къ сохраненію его силы въ государѣ! Сей любимецъ занемогъ за нѣсколько часовъ до прибытія Каллисѳена. Наушники, его окружавшіе, тотчасъ возвѣстили ему, съ какимъ почтеніемъ и повиновеніемъ внимаетъ Александръ совѣтамъ философа. Леонадъ такъ скоро выздоровѣлъ, что на третій день прибытія Каллисѳена въ состояніи уже былъ предстать поутру предъ лице монарха. «Позвольте,» говорилъ онъ ему: «поздравить Ваше Величество съ пріобрѣтеніемъ въ друзья ваши философа; я слышалъ, что вы, по его совѣту, явили примѣръ великодушія.»—«О, мой истинный другъ!» отвѣчалъ ему Александръ, «буде хочешь мнѣ доказать дружбу, то будь самъ другомъ Каллисѳену.»- «Если могу, государь!»

отвѣчалъ Леонадъ: «но сомнѣваюсь. Пріятно мнѣ, когда подаютъ Вашему Величеству благіе совѣты; но не могу терпѣть, чтобъ отъ премудрѣйшаго въ свѣтѣ государя отъемлема была слава его премудрости.» — «Что̀ значатъ слова твои?» вопросилъ Александръ. — «Значитъ, государь,» сказалъ Леонадъ: «что сколь я доволенъ совѣтами Каллисѳена, столь гнушаюсь поведеніемъ его при семъ случаѣ. Вообразите, Ваше Величество, что вчера при двадцати свидѣтеляхъ, которыхъ я сейчасъ могу представить, отзывался онъ о васъ какъ о слабомъ юношѣ, котораго можетъ онъ заставить дѣлать все, что̀ ему угодно; но мнѣ извѣстно, государь, ваше собственное проницаніе. Вы знаете свойство человѣка. Каллисѳенъ можетъ быть не скроменъ, но вамъ совѣтами полезенъ; пусть свѣтъ ему и вѣритъ, что безъ него не умѣли бы вы сами быть великодушны; но» — ... «Дивлюсь,» прервалъ Александръ въ смятеніи рѣчь его: «какъ, при толикой мудрости, Каллисѳенъ можетъ столь ослѣпленъ быть самолюбіемъ, чтобъ считать меня ребенкомъ.» — «Ваше Величество!» говоритъ любимецъ, улыбаясь льстивымъ образомъ: «вселенная чувствуетъ, что вы изъ ребятъ уже вышли.» — «Съ чего же Каллисѳенъ думаетъ?»..—«Не смѣю сказать, съ чего,» прервалъ онъ. — «Скажи, скажи, мой другъ!» просилъ усильно Александръ. — «Съ того,» отвѣчалъ Леонадъ, опустя голову и за-

пинаясь язвительно: «съ того.... что.. я думаю, онъ... ученый дуракъ.»

Леонадъ зналъ Александра совершенно; онъ точно вѣдалъ, въ которую минуту удобнѣе чернить у него клеветою и въ которую удачнѣе вредить ругательною насмѣшкою. Умѣлъ онъ различать тѣхъ людей, для очерненія которыхъ вдругъ, и клевета и насмѣшка потребны ему были. Каллисѳенъ казался ему толь мудрымъ и толь для него опаснымъ, что почелъ онъ за нужное употребить противъ него оба сіи орудія, недостойныя честнаго человѣка. Александръ такъ уязвленъ былъ вымышленнымъ отзывомъ Каллисѳена о его слабодушіи, что самую брань: ученый дуракъ почелъ онъ внезапно исторгнутою изъ души Леонада силою самой истины.

«Непонятно,» говорилъ Александръ своему любимцу: «какъ мало ученіе прибавляетъ ума человѣку. Со всѣми знаніями Каллисѳена я ласкаюсь, что онъ больше ошибся во мнѣ, нежели ты въ немъ.»—Государь, отвѣчалъ Леонадъ: «мой судъ о немъ не можетъ быть пристрастенъ: онъ не былъ никогда моимъ учителемъ, а я всего менѣе желаю быть его ученикомъ. Но Каллисѳенъ считаетъ себя вашимъ наставникомъ и думаетъ, что чѣмъ менѣе отдаетъ онъ справедливости вашимъ дарованіямъ, тѣмъ болѣе всякое ваше похвальное дѣяніе приписано будетъ его достоинству.»

Между тѣмъ Александръ велѣлъ всѣхъ пус-

кать къ себѣ въ шатеръ. Вошелъ и Каллисѳенъ. Государь взглянулъ на него съ нѣкоторымъ робкимъ смущеніемъ. Сколь ни глубоко выраженіе «ученый дуракъ,» проникло въ душу Александра, но онъ не могъ вдругъ забыть, что ученый дуракъ вчера и третьяго дня былъ умнѣе цѣлаго совѣта и что онъ самъ ученаго дурака обнималъ съ нѣжными слезами какъ мужа, плѣнившаго его сердце мудростію и человѣколюбіемъ. «Государь!» спросилъ его Каллисѳенъ: «какое смятеніе объяло твою душу? Твой взоръ являетъ неудовольствіе, досаду и недоумѣніе!»—«Ты правду сказалъ,» отвѣчалъ ему Александръ: «я дѣйствительно въ досадѣ; мнѣ случилось ошибиться въ одномъ изъ окружающихъ меня. Я считалъ въ немъ много мудрости; а теперь вижу, что я въ его умѣ самъ глупо обманулся.» — «Сія ошибка не весьма важна для монарха,» отвѣчалъ философъ: «отъ глупаго человѣка можно взять дѣло и поручить его разумному; но гибельна ошибка бываетъ для государя тогда, когда клеветника считаетъ онъ праводушнымъ; когда любитъ онъ того, кого всѣ ненавидятъ; когда ввѣряется тому, кто наглымъ и безстыднымъ образомъ государскую довѣренность во зло употребляетъ; когда считаетъ другомъ того, кто вѣроломно завладѣлъ его душею.»

Каллисѳенъ не зналъ отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернилъ его у Але-

ксандра. Онъ почелъ за долгъ высказать все сіе нравоученіе тому, кто просилъ его усильно говорить правду безъ опасенія. Александръ приведенъ былъ рѣчью Каллисѳена въ пущее смятеніе. Онъ имѣлъ разумъ и тотчасъ почувствовалъ, что ни ученый, ни неученый дуракъ никогда такъ не говоритъ, какъ изъяснялся Каллисѳенъ. Леонадъ, примѣтивъ сіе, вмѣшался въ рѣчь. «Изъ какой-бишь Аристотелевой книги читаете вы проповѣдь?» спросилъ съ насмѣшкою у Каллисѳена. — «Изъ той,» отвѣчалъ ему философъ съ твердостію и съ нѣкоторымъ родомъ презирающей жалости: «изъ той, которая, какъ видно, вамъ не очень нравится.»

Сей разговоръ пресѣкъ вошедшій въ шатеръ къ Александру вѣстникъ, который посланъ былъ съ рѣки Арбела отъ повелѣвающаго тамъ частію войска начальника, съ увѣдомленіемъ, что Персіяне, всѣ свои остальныя силы собравъ, идутъ противъ Грековъ. Тотчасъ Александръ пошелъ самъ на встрѣчу непріятелю. Совершенная надъ нимъ побѣда низложила Персидскую Монархію; но Дарій лишился жизни не въ сраженіи: онъ умерщвленъ былъ вѣроломно собственными своими подданными.

Славу побѣды отравлялъ разнесшійся скоро слухъ, что Дарій убитъ измѣннически повелѣніемъ самого Александра, который такъ возгнушался симъ недостойнымъ подозрѣніемъ,

что велѣлъ сыскать убійцу и, казнивъ его смертію, симъ оправдался предъ свѣтомъ совершенно. Каллисѳенъ похвалилъ его поведеніе. «Что̀ слышу я?» сказалъ ему Александръ съ холодною улыбкою. «Уже и Каллисѳенъ льстить мнѣ начинаетъ; помнится, для наставленія, а не для похвалъ прислалъ тебя Аристотель.—«Государь!» отвѣчалъ Каллисѳенъ: «между хвалою и лестію есть великая разность. Я тебя хвалю, но не льщу тебѣ; долгъ Философіи обязываетъ меня хвалить добрыя дѣла и осуждать злыя. О, боги! если когда-нибудь унизишь ты себя къ послѣднимъ, вѣрь мнѣ, найдутся люди и тогда тебя превозносить; но сіи люди не будутъ философы.»

Леонадъ все сіе слышалъ, распаляясь внутренно злобою на Каллисѳена; онъ нѣсколько разъ покушался было обратить въ смѣхъ его правоученія, но умѣлъ воздержаться. Не взирая на то, что острота ума его была безмѣрная, чувствовалъ онъ, что истина, умнымъ человѣкомъ твердо произнесенная, можетъ въ одинъ мигъ сдѣлать смѣшнымъ самого насмѣшника. И такъ рѣшился онъ губить Каллисѳена скрытою клеветою, и скоро довелъ государя до того, что одинъ видъ философа сталъ уже ему въ тягость.

Въ сіе время Александръ предпріялъ путешествіе въ Ливію ко храму Юпитера Аммона. За день передъ отъѣздомъ вышло росписаніе, кому ѣхать при лицѣ государя. Онъ взялъ съ

собою весь свой совѣтъ; но надъ именемъ Каллисѳена написано было рукою Александра: *позади въ обозѣ.*

Философъ ни малѣйше не тронутъ былъ симъ знакомъ холодности государя, для того, что онъ ничѣмъ ея не заслужилъ; всего же менѣе оскорбленъ онъ былъ явнымъ къ себѣ презрѣніемъ придворной черни, которая, прочитавъ выраженіе: *позади въ обозѣ*, старалась оскорблять всячески Каллисѳена, ласкаясь, что такое поведеніе противъ впадшаго въ немилость всевысочайше причтено быть можетъ за всенижайшее и вѣрнорабское усердіе къ произволенію государя.

Между тѣмъ Александръ, въ самый день своего отъѣзда увидѣвъ Каллисѳена, совѣстился долго подойти къ нему; наконецъ доброе сердце его превозмогло и онъ, воображая, что философъ огорчился его холодностію, хотѣлъ его успокоить. «Я боюсь,» говорилъ ему государь: «отягчить тебя скорымъ путешествіемъ съ собою. Мы въ войнѣ обыкли къ трудамъ, кои могли бы тебя обременить. Слѣдуй за мною такъ тихо, какъ тебѣ угодно.»—«Государь!» отвѣчалъ ему Каллисѳенъ: «повинуюсь твоей волѣ; но будь увѣренъ, что для меня совершенно равно, ѣхать съ тобою, или позади, если мое присутствіе не болѣе тебѣ полезно, какъ мое отсутствіе.»

Сіи слова произнесъ Каллисѳенъ съ такою кротостію, съ такимъ простосердечіемъ, что

самъ Александръ и всѣ предстоящіе никакъ не могли ихъ приписать негодованію философа, но видѣли въ нихъ одно искреннее его усердіе быть полезнымъ государю. Леонадъ примѣтилъ, что Александръ вдругъ сильно возмутился и для того нужно ему было разсѣять тотчасъ сіе смущеніе и не допустить сердце государя обратиться на добродѣтельное чувство. Онъ подалъ знакъ остающимся военачальникамъ испрашивать отъ Александра повелѣнія; а между тѣмъ подвезли колесницу, въ которую Леонадъ нечувствительно посадилъ государя и увезъ его гораздо скорѣе нежели онъ уѣхать думалъ.

Каллисѳенъ, какъ ненужный государю человѣкъ, отправился, по его повелѣнію, въ обозѣ съ ненужными вещами. Скотазъ, начальникъ обоза, былъ изъ тѣхъ придворныхъ тварей, коихъ поведеніе предъ знатными весьма подло, но предъ тѣми, коихъ онъ не боялся, или въ комъ не искалъ, весьма грубо; словомъ человѣкъ былъ низкій и глупъ до невѣроятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевныхъ его чувствъ. Говоря объ нихъ, вдругъ приходилъ онъ въ пресмѣшной восторгъ; но ни о чемъ уже другомъ слова молвить не умѣлъ. Съ Каллисѳеномъ обошелся такъ невѣжливо, какъ отъ Скотаза ожидать токмо можно. «Зачѣмъ, старикъ, тащишься съ нами?» говорилъ онъ съ презрѣніемъ философу: «здѣсь и безъ тебя грузно. Я слышалъ,

что ты философъ; дай-ка посмотрѣть на себя. Мы ихъ при конюшнѣ не видывали; я чаю, полно если и при Дворѣ.»—«Я никого не видалъ!» отвѣчалъ Каллисѳенъ. «Видно, что Дворъ не ихъ жилище.»—«У Двора,» говорилъ Скотазъ важнымъ голосомъ: «надобенъ умъ, да и умъ не твоему чета. Мы тутъ сами около тридцати лѣтъ шатаемся, но того и смотришь, что въ бѣду попадешь.»—«Я не въ бѣдѣ,» говорилъ Каллисѳенъ.—«Да что жъ ты не при лицѣ?» спросилъ его Скотазъ: «ты хочешь меня увѣрить, что царскихъ любимцевъ въ обозъ отсылаютъ; нѣтъ, старикъ, коль ты отданъ на мои руки, такъ, видно, мода съ тебя спала. Ты, я чаю, болтаньемъ своимъ досадилъ многимъ господамъ. Я и самъ,» примолвилъ Скотазъ, вздыхая: «я и самъ за царскихъ ословъ страдалъ не однажды.» Въ дорогѣ начиналъ онъ съ философомъ говорить о лошадяхъ и верблюдахъ; но увидя, что философъ въ томъ дѣлѣ ничего не разумѣетъ, возъимѣлъ онъ къ нему глубочайшее презрѣніе, а потомъ и учредилъ съ нимъ свое поведеніе. Изъ колесницы, въ которую сперва посаженъ былъ Каллисѳенъ, высадилъ онъ его въ телѣгу. Не было пригорка, на который бы не заставилъ онъ всходить пѣшкомъ Каллисѳена. «Если бы случилось тебѣ везти на гору Леонада,» говорилъ ему философъ, «ты поступилъ бы съ нимъ иначе, нежели со мною,»—«Вотъ на!» отвѣчалъ Ско-

тазъ: «да для Его Высокопревосходительства я самъ бы радъ припречься.»

Наконецъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи Александровомъ ко храму Юпитера, доѣхалъ туда и философъ. Жрецы предуспѣли уже подлою лестію помрачить разсудокъ государя. Каллисөенъ, услышавъ, что сей Аристотелевъ ученикъ почитаетъ себя богомъ, называетъ себя Юпитеровымъ сыномъ и проповѣдуетъ странныя басни о своемъ происхожденіи, вошелъ въ чертогъ царскій и увидѣлъ Александра, окруженнаго воинами, не имѣющими о божествѣ понятія, и придворными, вѣрующими во все тò, во чтò государь приказываетъ вѣрить. Всѣ они дерзнули утверждать, что Александръ есть богъ дѣйствительно. «Государь!» вопросилъ его философъ: «правда ли, что ты богъ?» — «Правда!» — отвѣчалъ Александръ, покраснѣвъ и запинаясь. - «Государь!» говорилъ ему Каллисөенъ: «велико твое требованіе, но не бойся, чтобъ Философія обременила тебя такимъ порицаніемъ: она таковымъ мнѣніямъ только лишь смѣется; но, ставъ богомъ, государь, если имъ стать тебѣ угодно, помышляй, къ чему обяжетъ тебя сіе великое титло. Боги отъ единыхъ благотвореній познаются; за усердіе къ себѣ платятъ они милостями, за обожаніе покровительствомъ. Иногда мещутъ они громъ, но не мещутъ противъ воли; паче всего любятъ они творить блаженство смертныхъ.»

Каллисѳенъ уклонился отъ приношенія жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись, что въ Ликеѣ не привыкли они находить боговъ такъ съ собою близко. Отъ новаго бога ожидалъ онъ новаго какого-нибудь преступленія, дабы употребить противъ него всю строгость, каковою Философія на исправленіе смертныхъ ополчается; къ несчастію, ожиданіе его не долго продолжалось. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнимый сынъ Юпитеровъ впалъ во всѣ гнусные пороки; земной богъ спился съ кругу; пронзилъ въ безуміи копьемъ сердце друга своего, Клита, и однажды послѣ ужина, въ угодность безумной женщинѣ, превратилъ онъ въ пепелъ великолѣпный городъ.

Слухъ о сихъ мерзостныхъ злодѣяніяхъ воспалилъ рвеніе Каллисѳена. Онъ вбѣжалъ въ чертоги монарха, не ужасаясь величества его, ни множества окружающихъ его полководцевъ и сатраповъ. «Александръ!» возопилъ онъ: «симъ ли образомъ чаешь достоинъ быть алтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинныхъ своихъ поддапныхъ предаешь пламени— чудовище! ты имени человѣка не достоинъ!» Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи внѣ себя отъ гнѣва, поручилъ Леонаду изобрѣсти достойную казнь неслыханному при Дворѣ дерзновенію Каллисѳена.

Леонадъ имѣлъ безчеловѣчіе немилосердо мучить сего почтеннаго мужа и кинуть потомъ

въ ужасную тюрьму. Между тѣмъ какъ изыскивали для него родъ лютѣйшей казни, болѣзненное страданіе, соединясь съ тяжестію оковъ, извлекло изъ бреннаго тѣла его великую душу.

По кончинѣ самого Аристотеля найдено въ бумагахъ его слѣдующее письмо Каллисѳеново, писанное за нѣсколько часовъ предъ его смертію. Здѣсь предлагается оно съ отмѣткою его друга.

Письмо Каллисѳена.

«Умираю въ темницѣ; благодарю боговъ, что «сподобили меня пострадать за истину. Але-«ксандръ слушалъ моихъ совѣтовъ два дни, въ «которые спасъ я жизнь Даріева рода и из-«бавилъ жителей цѣлой области отъ конечна-«го истребленія. Прости!»

Отмѣтка рукою Аристотеля.

«При государѣ, котораго склонности не во-«все развращены, вотъ что̀ честный человѣкъ «въ два дни сдѣлать можетъ!»

РАЗМЫШЛЕНІЕ
О
СУЕТНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

(*На случай смерти К. П. Т.*)

—

Внезапная кончина вельможи, восшедшаго на самый верхъ могущества и славы, привела мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній Царя Давида. И дѣйствительно, я никого не знаю, кто бы такъ живо изобразилъ бренность суетной жизни человѣческой, какъ сей боговдохновенный мужъ. Поучительныя его мысли собралъ я здѣсь съ присовокупленіемъ моихъ разсужденій не для чего иного, какъ въ собственное мнѣ душевное наставленіе, дабы, прочитывая сіе, напоминалъ себѣ чаще часъ смертный и къ нему всегда пріуготовлялся. Какъ скоро до слуха моего дошло извѣстіе о сей кончинѣ, то въ ту жъ минуту я вспомнилъ сіе мѣсто изъ Давида: *Видѣхъ человѣка яко кедры Ливанскія; мимо ихъ — и се не бѣ!* Преходя мысленно, какъ стремился онъ къ пріобрѣтенію славы міра сего и къ стяжанію земныхъ сокровищъ, ощутилъ я всю истину другаго псалма Давидова, въ коемъ сказалъ онъ: *Внегда умрети ему, не возметъ вся; ниже снидетъ съ нимъ слава его.* И дѣйствительно,

какъ можно было себѣ представить, чтобъ всѣ подъятые труды, всѣ предпріемлемыя мѣры къ исполненію дальновидныхъ распоряженій, на кои почти весь Свѣтъ обращалъ свое вниманіе, пресѣклись и исчезли мгновенно? Но ощутительна ли истина, Давидомъ произнесенная: *Суета суть помышленія человѣческая.*» Тщетно предпринимаемъ, Богъ располагаетъ! По волѣ Его, смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертныхъ внезапнымъ ударомъ; она не дастъ имъ времени ни совершить благодѣяній своихъ тѣмъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить тѣхъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными. О, вы, обманувшіеся въ надеждѣ будущаго своего счастія пресѣченіемъ жизни преставльшагося вельможи! вы негодуете теперь на то, для чего не успѣлъ онъ совершить истиннаго вашего счастія; но ужели забыли вы, что преселившійся нынѣ въ вѣчную жизнь благодѣтель вашъ не имѣлъ силы ни на одно мгновеніе ока отдалить конца своего? Не сами ль вы виноваты, не внемля остерегавшаго Пророка, глаголавшаго сіе: *Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія: изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою; въ той день погибнутъ вся помышленія его.* Смерть сія есть великое поученіе сильнымъ міра сего. Она являетъ, что слава міра есть суетна: *И да не приложитъ къ тому ве-*

личатися человѣкъ на земли. Я обращу теперь разсужденіе на самого себя. Всѣмъ, знающимъ меня, извѣстно, что я стражду самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе какъ въ теченіе года поразили меня четыре таковыхъ удара; но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти. Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде.* Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія: ибо воспоминая, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость, тогда Всевѣдецъ, зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: *Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!*

СЛОВО

НА

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

въ 1771 году.

—

Насталъ конецъ страданію нашему, о, Россіяне! Исчезъ страхъ и восхищается духъ веселіемъ. Се Павелъ, Отечества надежда, драгоцѣнный и единый залогъ нашего спокойства является очамъ нашимъ, исшедши изъ опасности жизни своея, ко оживленію нашему. Боже Сердцевѣдецъ! зри слезы, извлеченныя благодарностію за Твое къ намъ милосердіе; а Ты,

Великій Князь, зри слезы радости, изъ очей нашихъ ліющіяся. Любезные сограждане! кого мы паки зримъ!... Какая грозная туча отвлечена отъ насъ Десницею Всевышняго! Единое о ней воображеніе вселяетъ въ сердца ужасъ, ни съ чѣмъ несравненный, — развѣ съ радостію, коею нынѣ объемлется духъ нашъ!

Среди веселыхъ восклицаній Твоихъ, Дражайшее Отечество, дерзаю и я возвысить слабый гласъ мой. Изображу Тебя съ Павломъ оживотворенное и колико будетъ силъ, прославлю Его добродѣтели и Твое блаженство. Если нѣтъ витійства въ моемъ словѣ, не жалѣю о томъ. Истина простымъ повѣствованіемъ довольна бываетъ и я по крайней мѣрѣ исполню долгъ гражданина и удовлетворю желанію моего собственнаго сердца.

Ты не будешь отлучена отъ слова сего, о, Великая Монархиня, матерь чадолюбивая, источникъ славы и блаженства нашего! Ты купно страдала съ Павломъ и Россіею и вкушаешь съ Ними днесь общее веселіе. Съ начертаніемъ Ихъ состоянія изображу чувствіе и Твоей добродѣтельной души; а изъявя оное, подамъ свѣту примѣръ великій.

Когда вселенная обратила съ удивленіемъ на Россію свои очи, когда слава побѣдъ нашихъ гремѣла во всѣхъ предѣлахъ Свѣта, когда потомки Чингисхановы, сихъ древнихъ утѣснителей Россіи и побѣдителей Свѣта, подъемля къ Екатеринѣ длани своя, отвращали

очи и сердца отъ гордаго врага Ея: тогда внезапное смущеніе вселилось въ восхищенныя радостію сердца наши. Слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара, изъ единаго дома въ другой пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе. Еще большая опасность была непредвидима, еще въ цвѣтущей Павла юности, крѣпость тѣла Его сопротивлялась бодрственно первому стремленію болѣзни; но, не взирая на сіе, невольный трепетъ объялъ всѣхъ сердца и души. Толь сильно есть усердіе добрыхъ гражданъ къ Государямъ своимъ! Тогда Екатерина, великая и въ самой печали своей, возмутилась нетерпѣніемъ зрѣти Сына своего. Спѣшитъ Она оставить то пріятное уединеніе, куда нѣкогда Петръ, созидая градъ свой и Россію, приходилъ отъ трудовъ принимать успокоеніе. Сражаясь съ скорбію своею, Павелъ узрѣлъ идущую къ себѣ Государыню и мать, и нѣкую новую крѣпость ощутила душа Его. Самая болѣзнь укротила въ тотъ часъ свое стремленіе, какъ будто бы, терзая сына, хотѣла пощадити матернее сердце; но судьбы Превѣчнаго восхотѣли на нѣкіе часы поставить Россію при самой бѣдъ пучинѣ. Страна, удивляющая землю и дающая ей нынѣ зрѣлище великое и славное! Самъ Господь отвлекъ тебя отъ края сей пучины! Велико счастіе твое, но и напасть ужасная

грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутимъ, колико Небеса Россію защищаютъ.

Возможно ли безъ трепета воспомянуть тѣ лютые часы, въ кои едва не пресѣклась жизнь толико драгоцѣнная, жизнь толь многимъ народамъ нужная? И какъ, не ужасаясь привести себѣ на мысль тѣ самыя минуты, въ кои носящія громъ тучи разверзалися надъ Россами. Уже лютость болѣзни побѣждала и крѣпость Павлову, и старанія мужей, просвѣщенныхъ наукою и усердіемъ. Вострепетала Россія, неизреченный ужасъ объялъ души, и жестокая печаль пронзила всѣхъ сердца! Самый народъ, вѣчно лести не знающій и всегда носящій на лицахъ сердецъ своихъ зерцало, — самый сей народъ стеналъ и проливалъ слезы. Колико тяжкихъ воздыханій восходило къ небесамъ! Коликимъ моленіямъ внималъ Всевышній! Никогда искреннѣе оныхъ не могутъ люди приносить Творцу своему. Иной, обремененный лѣтами, воздѣвъ на небо слабыя руки, «Боже праведный!» вопіетъ горестно, «то ли Твой предѣлъ, чтобъ глубокая старость огорчалась, видя увядающую юность и чтобъ мнѣ суждено было терзаться о томъ, чѣмъ позднѣйшіе потомки должны быть оскорблены. Не моя, но Павлова жизнь потребна къ счастію дѣтей моихъ!» Иной, въ первыхъ младенчества лѣтахъ въ сей прекрасной веснѣ человѣческаго вѣка, не зная зла и доселѣ не ощущая горести,

зритъ матерь свою въ слезахъ, извлекаемыхъ опасностію Павла, обращаетъ на Нее невинные взоры, утѣшаетъ Ее младенческою лаской; но видя горесть Ея непрерываему, самъ унываетъ, плачетъ и будто чувствуетъ, что въ тѣ часы угрожаетъ ему собственная напасть его. Иной, въ крѣпости лѣтъ своихъ, истинный сынъ Отечества и усердный сердемъ къ Павлу, познавъ опасность предстоящую и возмутясь духомъ, устремляется къ другу своему. «Трепещи,» вопіетъ ему, «гибнетъ Отечество наше: Павлова жизнь едва ли не въ отчаяніи, и что̀ съ нами будетъ, когда Его лишимся!» Не хотя вѣрити толь грозной вѣсти, другъ его хочетъ и себя, и его утѣшити:—«Можетъ быть, Богъ къ намъ милосерднѣе,» отвѣчаетъ ему, «можетъ быть, страхъ больше.« — «Не сумнись и ужасайся,» прерываетъ тотъ рѣчь его: «ударъ конечно близокъ. Я видѣлъ Павлова наставника, сего почтеннаго мужа, умѣющаго толь много владѣть движеніями сердца своего, я видѣлъ его стеняща и сокрывающа слезы своя. Когда Панинъ рыдаетъ о Павловой опасности, Россія должна пролить источники слезные.»

Въ толь лютые часы для истинныхъ Россіянъ какое нѣжное и великое зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Терзаемая скорбнымъ чувствіемъ сердца своего, пронзенная нѣжнѣйшею любовію къ сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступаетъ въ тѣ

чертоги, гдѣ Павелъ начиналъ уже упадать подъ бременемъ болѣзни своея. Приближается къ Нему, зритъ измѣненныя черты Его лица, блѣднѣя простираетъ къ Нему трепещущую руку. Тогда Павелъ, возведъ утомленныя очи и видя предъ собою страждущую матерь, забылъ свою болѣзнь, и въ ту минуту страданіе Ея стало единою Его скорбію. Собравъ оставшіяся силы, приноситъ Онъ къ устамъ своимъ руку возлюбленныя матери, лобызаетъ ее нѣжно. Екатерина хощетъ утѣшити сына своего нѣкими словами, но рыданіе прерываетъ слова Ея. Уже не въ силахъ Она удерживать болѣе скорби своей во внутренности сердца: едва не предается всей своей горести; но, воззрѣвъ на предстоящихъ своихъ подданныхъ, пораженныхъ симъ зрѣлищемъ, хощетъ Она, изъ любви и жалости къ нимъ, одолѣти самое природы чувство: мгновенно отвращаетъ отъ нихъ слезящія очи, остановляетъ рыданіе и старается сокрыть отъ нихъ и лютое свое страданіе, и опасность жизни Павловой. Се свойство великія души! Се примѣръ земнымъ владыкамъ! Блаженна та страна, гдѣ царь владѣетъ и сердцами народа, и своимъ собственнымъ.

Но пришедъ отъ страждущаго сына въ тѣ свои чертоги, кои часто зрятъ Тебя, Великая Монархиня, размышляющею наединѣ о благѣ народа Твоего, когда уже ни чей видъ не принуждалъ Тебя скрывать скорби внутри

сердца Твоего, когда уже могла Ты воздать природѣ горестную дань и когда ничто не воспрещало Тебѣ рыдать и размышлять, какимъ лютѣйшимъ чувствіямъ предалась тогда душа Твоя! Какія рѣки слезъ полилися изъ очей Твоихъ! Матерь Павла и народа своего, Ты зрѣла перваго при концѣ жизни, а другаго при концѣ блаженства, дарованнаго ему премудростію Твоею... Ужасное воображеніе, извлекающее навсегда слезы изъ чувствительныхъ сердецъ!

Отвращая ударъ толико грозный, Павелъ противоборствовалъ болѣзни крѣпостію духа. Ослабѣли Его тѣлесныя силы, но душевныя тѣмъ паче вознеслися. Онъ зналъ, что съ сохраненіемъ жизни Его сопряжено истинное благо народа, Имъ любимаго и Ему усерднаго. Онъ зналъ, что сіе едино, кромѣ человѣческой любви къ жизни своей, налагало на Него особливый долгъ одолѣвать болѣзненное чувство величествомъ души. Съ какою твердостію, съ какимъ мужествомъ исторгалъ Онъ себя изъ челюстей смерти, вознесшей на Него острую косу! Спокоенъ въ мученіи, никогда нетерпѣніемъ не раздражалъ Онъ болѣзни, и въ тѣ часы, когда душа Его едва не оставляла терзаемаго тѣла, въ тѣ лютѣйшіе часы являлъ Онъ тѣ же самыя добродѣтели, которыя обыкъ творити въ крѣпости силъ своихъ. Благочестіе, Богу толь любезное и возвышающее къ Нему души смертныхъ, обитало въ Его

сердцѣ, возбуждало въ Немъ надежду, ободряло Его силы и преклоняло Небеса на помощь Его. Кротость нрава ни на единый мигъ не прерывалась лютостію болѣзни. Каждый знакъ воли Его, каждое слово изъявляло доброту Его сердца. Да не исходятъ вѣчно изъ памяти Россіянъ сіи Его слова, исшедшія изъ сердца и прерываемыя скорбію. *Мнѣ то мучительно*, говорилъ Онъ, *что народъ безпокоится моею болѣзнію*. Таковое къ народу Его чувство есть неложное предзнаменованіе блаженства Россіянъ и въ позднѣйшія времена...

Но ты, который благимъ воспитаніемъ вселилъ въ Него сіе драгоцѣнное намъ чувство, мужъ истиннаго разума и честности, превыше нравовъ сего вѣка! твои отечеству заслуги не могутъ быть забвенны. Ты вкоренилъ въ душу Его тѣ добродѣтели, кои составляютъ счастіе народа и должность Государя. Ты далъ сердцу Его ощутить тѣ священныя узы, кои соединяютъ Его съ судьбою милліоновъ людей и кои милліоны людей съ Нимъ соединяютъ. Коликими ранами сердце твое было уязвлено во время Павловой опасности! Любя Его нѣжно, насадя въ душѣ Его добродѣтель, просвѣтя познаніями разумъ Его, явя въ Немъ человѣка, и уготовавъ Государя, сносно ль было видѣти тебѣ приближающуюся минуту, въ которую ты могъ разстаться съ Нимъ навѣки! Воспомни тѣ часы, когда обращены

были взоры твои на страждущаго Павла, когда, терзаясь самъ душевно, орошалъ Его слезами, держалъ Его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ трепещущей груди своей, и ожидалъ послѣдняго конца жизни драгоцѣнной; не сами ль Небеса тогда подкрѣпили тебя для Павла и Отечества?

Наконецъ, о радость неизрѣченная! о счастіе, избавившее Россіянъ отъ погибели! наконецъ прошла безвредно страшная туча, гремѣвшая надъ нами. Превѣчный съ высоты престола Своего, взирая на слезы и моленія Екатерины, на добродѣтели болящаго, на вопль и стенанія многочисленнаго народа, подвигся о людяхъ своихъ на милосердіе. Велѣніемъ Его, Ангелъ смерти, летящій къ Наслѣднику Престола Россійскаго, остановилъ страшное свое теченіе. Здравіе—сей дражайшій людямъ даръ небесный, возвращено стало Павлу. Возсіялъ прекрасный день по часахъ толико мрачныхъ! Тяжкія стенанія премѣняются во гласы радости. Оживотворенная Россія возноситъ къ небесамъ благодарныя моленія и сіе чистое приношеніе веселящихся сердемъ, проницая предѣлы неизвѣстные, достигаетъ до Самого Творца вселенныя и пріемлется отъ Него съ тою благостію, съ которою внималъ Онъ воздыханіямъ Россіянъ.

А Ты, торжествующая нынѣ возвращеніе къ жизни возлюбленнаго сына, матерь нѣж-

ная, Монархиня Великая! Ты, которой добродѣтели и моленія были предстательми предъ Творцемъ за созданіе Его, Тобою правимое! Ты, благодаря десницу, возстановившую Павла, возрадуйся днесь всѣмъ сердцемъ своимъ. Се Онъ, се Твой достойный сынъ, о коемъ Ты страдала, въ комъ душа твоя обитаетъ, котораго любовь къ Тебѣ ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненна! Пріими Его въ свои объятія, пролей радостныя слезы! Онъ живъ и будетъ вѣчно Твоимъ утѣшеніемъ, и будетъ славою народа, къ обѣимъ Вамъ усерднаго!

Къ Тебѣ, Великій Князь, возвращенный отъ Небесъ Россіянамъ! къ Тебѣ, виновникъ общія радости! обращаю мое слово. Торжествуй и восхищайся веселіемъ сердечнымъ! Возсылай благодареніе къ Вышнему всѣхъ благъ Источнику, Который, отторгнувъ Тебя отъ вратъ смерти, явилъ чрезъ то вселенной, что Ты Имъ на свѣтъ произведенъ для счастія и самыхъ будущихъ вѣковъ; но чѣмъ лучше возможешь изъявить свое признаніе Оживотворившему Тебя, какъ исполненіемъ закона Его, который есть вся сила и безопасность законовъ человѣческихъ? Сохраняй вѣчно въ своемъ сердцѣ сей новый опытъ нѣжнѣйшія любви, который Матерь Твоя и Государыня изъявила Тебѣ, страдая съ Тобою купно. Да будетъ премудрость Ея вождемъ Твоимъ; дѣла Ея правиломъ, кроткая душа Ея великимъ Тебѣ примѣромъ! Люби Россіянъ, Ты не

можешь сомнѣваться, Государь, о ихъ къ Тебѣ усердіи, измѣряя оное по тѣмъ горестнымъ чувствамъ, которыя терзали насъ во время опасности жизни Твоея. Сіи страшныя минуты, въ кои лесть умолкаетъ, и Царь и рабъ равно судимы бываютъ, сіи минуты открыли Тебѣ сердца и души каждаго гражданина. Люби ихъ столько, сколько Самъ Ты имъ любезенъ. Позволь, о Государь! вѣщать Тебѣ гласомъ всѣхъ моихъ согражданъ. Сей гласъ произнесетъ Тебѣ нѣкія истины, достойныя Твоего вниманія. Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей,— и вѣчно въ ихъ сердцахъ Ты будешь обитати. Не ищи, Великій Князь, другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава Государей. Буди властелиномъ надъ страстями своими и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими съ славою, кто собой владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ. Почитай достоинства прямыя и награждай заслуги. Словомъ, имѣй сердце отверзто для всѣхъ добродѣтелей — и будешь славенъ на землѣ и угоденъ Небесамъ.

О, Россіяне! еслибъ Павлова судьба зависѣла отъ нашего къ Нему усердія, то бы не оставалося на свѣтѣ ни для Него чего желать, ни намъ чего страшиться. Безпредѣльно сіе усердіе наше, равно какъ и небесныя къ намъ благодѣянія. Не Само ли Божество возвратило

нынѣ жизнь Тому, Кто для нашихъ жизней толико нуженъ! Безъ сомнѣнія Оно даровало намъ Его залогомъ нашего блаженства, Екатериною устрояемаго. Велико сіе блаженство наше! Цѣлый Свѣтъ на Него съ удивленіемъ взираетъ, или паче Екатерина обращаетъ на насъ очи цѣлаго Свѣта. Премудрость Ею руководствуетъ, успѣхи слѣдуютъ дѣламъ Ея, побѣды увѣнчиваютъ Ея лаврами и славою Ея славится Россія! Въ Ней имѣемъ мы настоящее благо наше, а въ Павлѣ надежду будущихъ блаженствъ. Потщимся, любезные сограждане, потщимся навсегда быти Ихъ достойными! Не пощадимъ ничего для Нихъ и для Отечества. Въ томъ состоитъ истинный долгъ нашъ. О, коль любезенъ намъ сей долгъ, съ коимъ и польза, и слава наша вѣчно сопряжены!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ УМУ МОЕМУ.

—

Къ тебѣ, о, разумъ мой! я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя
люблю,
Но склонностей своихъ я больше не терплю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Но льзя ль успѣху быть въ намѣреньи такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ.
Скажи, какія ты къ тому имѣешь правы,
Чтобъ прочихъ исправлять и разумы, и нравы?
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ не правъ.
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идетъ
И прибыли казнѣ ни малой не даетъ.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила.

Сколь много тысячей сбиралося бы въ годъ!
Таможенный бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ!
Но видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ Французамъ отправляемъ.
Казалось бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ; у насъ о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насъ другія собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ каковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ!

. . . .
. . . .

═

ПОСЛАНІЕ

КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ:

ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ И ПЕТРУШКѢ.

—

Скажи, Шумиловъ, мнѣ, на что̀ сей созданъ
свѣтъ?
И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ со-
вѣтъ.
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что̀ мы созданы?
На что̀ сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что̀ сотворены и Ванька, и Петрушка?
На что̀ ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ,
мнѣ?
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ
крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумиловъ, ты сѣдой своей главою;
«Не знаю,» говоришь, «не знаю я того,
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.

Язнаюто, что намъ быть должно вѣкъ слугами
И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
На что̀ сей созданъ свѣтъ, изволь спросить
у Ваньки.»
Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница (*),
И стало наконецъ угодно Небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопросъ премудрый дать отвѣтъ,
Вѣщай, великій мужъ, на что̀ сей созданъ
свѣтъ?
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смуща-
ютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя, и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ. «На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,

(*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ каретою и лошадьми.

Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ,
И палачьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ;
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте жъ, каковъ мнѣ кажется сей
свѣтъ:
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
Что̀ могъ увидѣть я, того не простерегъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генера-
ловъ;
А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за
вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извощикъ, лошади, карета, хомуты
И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ;
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ.
Другъ друга господа, а знатные бояра

Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подъячіе, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ.
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно:
За деньги Самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ.
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
Довольно я моколъ, пора и помолчать:
Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣчать.»
— «Я мысль мою скажу,» вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
«Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!

На что̀ молиться намъ, чтобъ далъ Богъ ви-
дѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній бу-
детъ;
Щечи его казну, — твоя казна прибудетъ.
А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай все что̀ ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Что ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ
въ шутку.
Не часто ль отъ того родится всѣмъ бѣда,
Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, Себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, пла-
чутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ
такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ ее.» Симъ рѣчь окончилъ онъ,
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону;
И трое всѣ они, возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: «Не скрывай ты таинства отъ насъ:

Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!

═

ЛИСИЦА-КОЗНОДѢЙ.

БАСНЯ.

—

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-Козводѣй, при мрачномъ семъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ:
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ,
«О, рокъ, лютѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,

Пучину благости, величія щедротъ?
Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ немъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и Наукъ былъ другъ и покро-
витель.»
—«О, лесть подлѣйшая!» шепнулъ Собакѣ
Кротъ;
«Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій
скотъ,
И золъ, и безтолковъ, и силой высшей власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ — изъ костей растерзанныхъ
звѣрей!
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ
кожи;
И словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смога, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь со-
крылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился,
И Пиѳикъ слабоумъ, списатель звѣрскихъ
лицъ,
Служившій у двора честнѣе всѣхъ Лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи;
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ

Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ;
Да сверхъ того еще, по новому манеру,
Альфреско расписалъ монаршую пещеру:
За то, что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду третьяго дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми:
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми».

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ФОНЪ-ВИЗИНА.

—

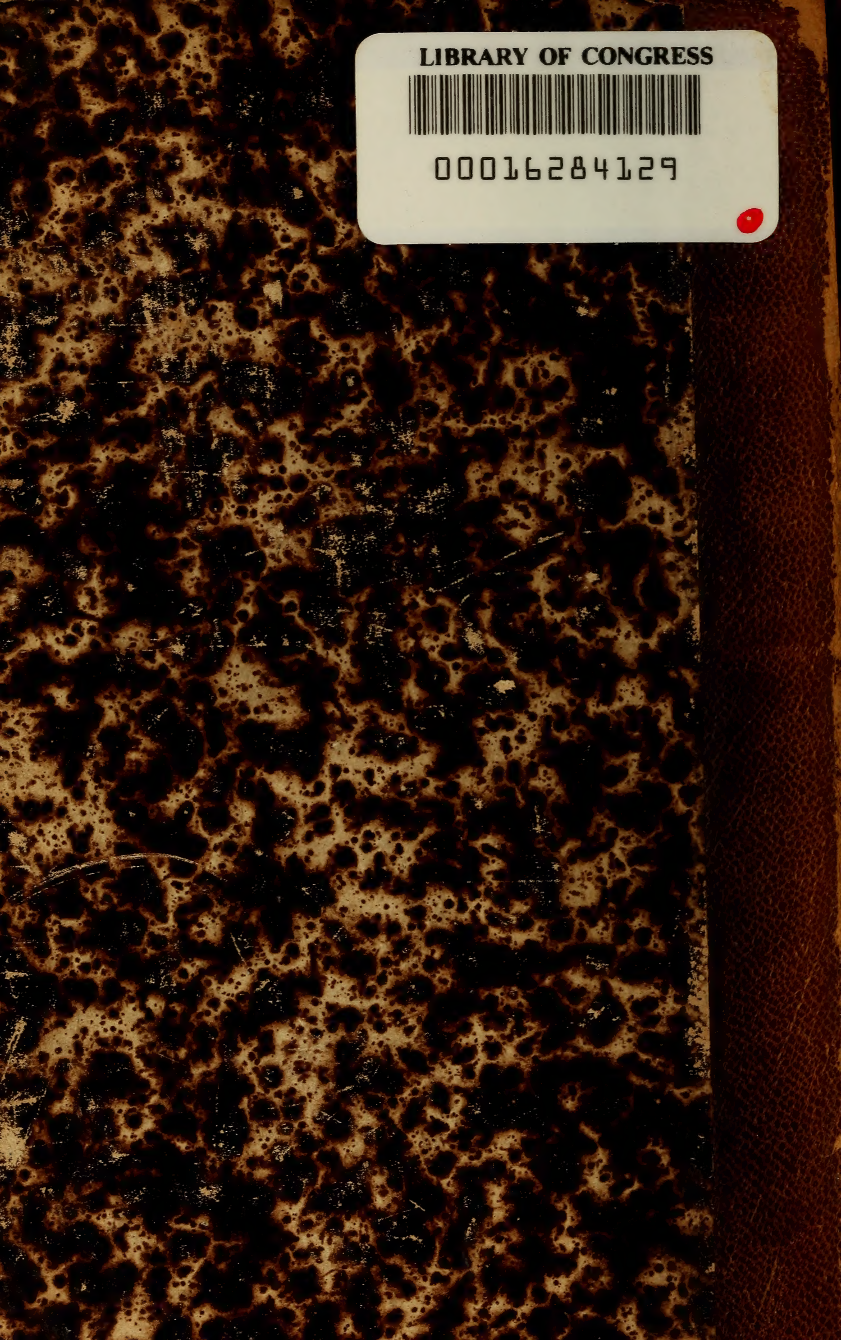
Стр

Бригадиръ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. . . 1
Недоросль, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. . . . 83
Выборъ Гувернера, комедія въ 3 дѣйствіяхъ. 191
Коріонъ, комедія въ 3 дѣйствіяхъ. . . . 215
Письма изъ Франціи и Рима къ графу Петру Ивановичу Панину въ Москву. . . . 267
Письма изъ путешествія къ сестрѣ Ѳ. И. А. 329
Письма къ сестрѣ изъ втораго путешествія. 394
Письма къ Я. И. Булгакову. 478
Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ. 488
Поученіе, говоренное въ Духовъ День іереемъ Василіемъ, въ селѣ П. 528
Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну. 534
Другъ честныхъ людей, или Стародумъ. Періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ. 543
Всеобщая Придворная Грамматика. . . . 558
Переписка Взяткина и Стародума:
1) Письмо, найденное по блаженной кончинѣ Надворнаго Совѣтника Взяткина, къ покойному Его Превосходительству. . 564
2) Отвѣтъ на оное. 570
Письмо отъ Стародума. 573
Разговоръ у княгини Халдиной. 577

стр.
Наставленіе дяди своему племяннику . . . 592
Объявленіе о изданіи журнала Другъ Честныхъ Людей 599
Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина . . 601
Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ Россійскаго Словаря 619
Письма къ Ивану Перфильевичу Елагину . . 632
Письма къ родителямъ 637
Опытъ Россійскаго Сословника 647
Примѣчаніе на критику, касающуюся до опыта Россійскаго Сословника 668
Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты Императрицы Екатерины II 673
Письмо къ Сочинителю Былей и Небылицъ отъ Сочинителя вопросовъ 679
Челобитная Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей 684
Каллисѳенъ, Греческая повѣсть 687
Размышленіе о суетной жизни человѣческой 704
Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича въ 1771 году 707

Стихотворенія.

Къ уму моему 721
Посланіе къ слугамъ моимъ : Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ 723
Лисица-Кознодѣй. Басня 729


LIBRARY OF CONGRESS
00016284129